

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
2024

*К 100-летию со дня рождения
Ф.П. Сороколетова*

Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2024

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
2024**

(К 100-летию со дня рождения Ф.П. Сороколетова)

Санкт-Петербург

2024

УДК 81'28
ББК 81.2Рус-67
Д44

Диалектная лексика–2024 (К 100-летию со дня рождения Ф.П. Сороколетова) / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2024. – 258 с.

Данный сборник продолжает серию «Диалектная лексика», которая создавалась в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (ныне ИЛИ РАН), которые выходили с начала 70-х годов XX века. «Диалектная лексика 1969» (вышла в свет в 1971 г.), «Диалектная лексика 1973» (в 1974), ДЛ 1974 (1976), ДЛ 1975 (1978), ДЛ 1977 (1979), ДЛ 1979 (1982), ДЛ 1982 (1985), ДЛ 1987 (1991). Возобновлена в ИЛИ РАН в 2009 г.: ДЛ 2009 (2009), ДЛ 2013 (2013) ДЛ 2016 (2016).

Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Федора Павловича Сороколетова, замечательного русского ученого, лексикографа, историка языка, диалектолога, редактора «Словаря русских народных говоров».

Сборник предназначен для лингвистов, специалистов по диалектологии, исследователей русского языка, а также для всех любителей русского народного слова.

Рецензенты:

канд. филол. наук Р.В. Ширшаков (ПГУ, Пенза)
канд. филол. наук М.Д. Королькова (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-6051894-5-9
DOI 10.30842/9785605189459

© Коллектив авторов, 2024
© ИЛИ РАН, 2024

ISBN 978-5-6051894-5-9

Федор Павлович Сороколетов

08.03.1924 – 20.12.2008

СОДЕРЖАНИЕ

Крылова О.Н., Мызников С.А. К 100-летию Федора Павловича Сороколетова.....	6
Боброва М.В. Дифференциальные признаки верхней крестьянской одежды <i>шабур(а)</i> как предмет лексикографического описания.....	10
Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: лингвогеографический аспект.....	18
Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Региональный словарь: дидактические возможности в преподавании диалектологических дисциплин в высшей школе.....	25
Васильев В.Л. К истории севернорусских и новгородских ландшафтных терминов (<i>орга, орогъ, ворог, рогач, ольга</i>).....	35
Васильева О.В. Лексема <i>поршни</i> и ее дериваты в псковских говорах.....	43
Вашичкова Д.А. Полисеманты и омонимы со значением «часть тела животного» в карпаторусинских говорах.....	52
Ганцовская Н.С. «Я воспитан деревнею у ее родников»: словарные особенности костромской речи в стихах А.В. Громова.....	64
Генералова Е.В. «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»: опыт включения материалов регионально-исторических словарей.....	72
Дьяченко Ю.А. Об устойчивых сочетаниях в «Словаре курских говоров».....	81
Зверева Ю.В., Русинова И.И., Черных А.В. Проблема отбора единиц для «Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в русских говорах Пермского края».....	89
Кондратенко М.М. Принципы номинации прошлого в лексике славянских говоров.....	99
Кругликова Л.Е. Системность языка и ее реализация (на материале лексических синонимов).....	109
Лебедева Т.Е. Структурно-семантические особенности пространственной лексики с приставкой <i>за-</i> в русских говорах.....	122
Леванцэвіч Л.В. Безэквівалентная лексіка гаворак Брэсцка-Пінскага Палесся (да пытання класіфікацыі).....	130
Левичкин А.Н. Об одном источнике «Толкования неудобь познаваемым речем».....	146
Лесняк Д.С. Лексико-семантические поля «бог» и «человек» и их взаимоотношения в посланиях протопопа Сильвестра и Артемия Троицкого.....	154
Лешбер К., Бенгтсон Д.Д. Этимологии в семантическом поле «сельскохозяйственные животные».....	165

Лунькова Е.С. Русско-белорусские лексико-словообразовательные параллели (на материале смоленских говоров).....	175
Мызников С.А. Названия народных музыкальных инструментов на страницах «Словаря русских народных говоров».....	186
Раткович Д. Зоонимические пейоративная номинация ребенка в пиротской речи.....	198
Стародубцева Н.А., Тупикова Н.А. Ф.П. Сороколетов об основных подходах к описанию лексики говоров и «реальные дефиниции» слов в речи диалектоносителей (по материалам полевых экспедиций в Волгоградской области).....	213
Теуш О.А. Наименования грибов в диалектах Прикамья в ономаσιологическом и этимологическом аспектах.....	225
Флягина М.В. Донская диалектная лексика в динамике ее лексикографического представления.....	232
Ховрина Т.К. Лексикографическая фиксация диалектного слова.....	240
Шаповал В.В. О военной лексике в севернорусском диалекте цыганского языка.....	250

К 100-ЛЕТИЮ ФЕДОРА ПАВЛОВИЧА СОРОКОЛЕТОВА

8 марта 2024 года исполнилось 100 лет со дня рождения Федора Павловича Сороколетова – известного ученого, историка языка, диалектолога, лексиколога и лексикографа.

Федор Павлович родился в деревне Выворотково Бесединского района Курской области. В 1940 году окончил Бесединскую среднюю школу и в том же году был принят на первый курс Курского педагогического института. Начало второго года обучения сменилось участием в Великой Отечественной войне на Центральном, Белорусском и 1-м Белорусском фронтах. Военная судьба Федора Павловича Сороколетова была связана с танковыми войсками. В составе знаменитого 9-го танкового корпуса он принимал участие в крупнейшем танковом сражении на Курской дуге, с боями прошел Белоруссию и Польшу, штурмовал Берлин и рейхстаг. В составе сводного полка 1-го Белорусского фронта Федор Павлович участвовал в Параде Победы на Красной площади 1945 г. За ратный труд он был награжден четырьмя орденами и многими медалями.

В октябре 1945 года Ф.П. Сороколетов был демобилизован и продолжил обучение в Курском педагогическом институте, который окончил с отличием в 1948 г. по специальности «преподаватель русского языка и литературы в средней школе». В октябре этого же года Ф.П. Сороколетов был зачислен в аспирантуру Института русского языка АН СССР. В августе 1950 г. переведен в аспирантуру Института языкознания Академии наук СССР. 14 октября 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию «Производственно-терминологическая лексика в прозе после Великой Отечественной войны. (По произведениям “Далеко от Москвы” В. Ажаева, “Сталь и шлак” В. Попова, “Земля кузнецкая” А. Волошина и “Шахтеры” В. Игишева)». В дальнейшем основной круг его научных интересов включает диалектную, историческую и современную лексикологию, теорию и историю русской лексикографии, вопросы культуры речи.

Федор Павлович Сороколетов является автором более 200 научных трудов, посвященных лексикографии, исследованию диалектной лексики как системы в ее отношении к современному русскому литературному языку, вопросам терминологии¹.

Многолетняя исследовательская работа Ф.П. Сороколетова над источниками русского языка древнерусского периода завершилась созданием монографии, изданной в 1970 г.: «История военной лексики в русском языке XI–XVII вв.» (Л., 1970. 373 с.). Эта работа и в настоящее

¹ Список работ см. Сороколетова Е.Ф. Хронологический список научных работ Федора Павловича Сороколетова // Диалектная лексика – 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 11-43.

время сохраняет свое научное значение и является наиболее полным лингвистическим обзором древнерусской и старорусской военной терминологии XI–XVII вв. Исследование большого пласта древнерусской лексики на материале значительного количества древнерусских текстов поставило автора перед необходимостью рассматривать эту лексику не только во временном пространстве (на протяжении XI–XVII вв.), но также и в изменяющемся территориальном пространстве (смена диалектных основ литературного языка, приход диалектных слов в военную терминологию). История военной лексики с XI по XVII в. автором рассматривается как единый процесс развития лексической системы одного языка, что дает возможность выявить устойчивые элементы этой терминологической системы, определить переменные черты и особенности, проследить пути и закономерности языковых изменений. В 1971 г. Ф.П. Сороколетов защитил докторскую диссертацию по этой теме.

Ф.П. Сороколетов – один из активных создателей академических Большого (Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 9 и 13 – составитель, т. 7 и 13 – редактор, автор одной из глав Инструкции для составителей) и Малого словарей (Словарь русского языка, т. 3 – составитель). На протяжении многих лет (с 1969–1989 гг.) Ф.П. Сороколетов успешно руководил Словарным отделом Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, с 2001–2004 гг. являлся заведующим Словарным отделом ИЛИ РАН.

Главным делом жизни Ф.П. Сороколетова являлся «Словарь русских народных говоров», практическое руководство над которым он осуществлял с 1966 года до конца жизни: со 2-го по 23 выпуски – редактор; с 1988 по 2008 гг. (24–42 вып.) – главный редактор.

Энтузиазму и настоящей подвижнической деятельности Федора Павловича мы обязаны созданием двух трудов по истории русской лексикографии: «Очерки по русской диалектной лексикографии» (в соавторстве с О.Д. Кузнецовой. Л., 1987) и «История русской лексикографии» (СПб., 1998, СПб., 2001, ответственный редактор и автор нескольких разделов). В этих фундаментальных трудах были подведены определенные итоги почти тысячелетней лексикографической работы в России над общелитературными словарями и двухсотлетней – диалектными.

В «Истории русской лексикографии» освещаются все этапы исторического развития русской лексикографии, подробно рассмотрены наиболее значительные словари. В книге показывается, как расширяется и углубляется проблематика словарной работы, формируются отдельные направления лексикографии, появляются новые типы и жанры словарей.

«Очерки по русской диалектной лексикографии» – это итог почти сорокалетней работы над «Словарем русских народных говоров»,

благодарная память всем авторам диалектных словарей и многочисленным собирателям русского слова. Очерки обобщают большой опыт составления диалектных словарей, накопленный русским языкознанием, а также теоретические разработки вопросов диалектной лексикографии. В книге представлены основные этапы диалектной лексикографии, обсуждаются важные проблемы, связанные с созданием современных диалектных словарей русского языка.

Немало времени и сил Федор Павлович отдавал педагогической деятельности: под его руководством закончило аспирантуру более 30 человек, четверо защитили докторские диссертации. Он был членом международного Комитета стандартов (терминология), работал в редколлегии журнала «Научно-техническая терминология».

Федор Павлович принимал активное участие в работе редколлегии журнала «Русская речь», будучи ее членом, а также в работе Международной комиссии по славянской лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов.

В двухсотый юбилей великого русского лексикографа и писателя В.И. Даля (2001 г.) Российская государственная библиотека наградила Ф.П. Сороколетова Далева медалью «За вклад в русскую культуру».

Вся жизнь Федора Павловича Сороколетова была посвящена служению родной стране, русскому народу, русскому языку.

Данный сборник продолжает традиции, которые были заложены Ф.П. Сороколетовым и Ф.П. Филином, именно они стали организаторами издания, посвященного в основном анализу лексики русских народных говоров. Ф.П. Сороколетов стал редактором этого серийного сборника «Диалектная лексика», который выходил с начала 1970-х годов (первая книга этой серии, посвященная Ф.П. Филину, под названием «Слово в русских народных говорах (редактор Ф.П. Сороколетов), была опубликована в 1968 году). Вышли в свет следующие выпуски: «Диалектная лексика 1973» (в 1974), «Диалектная лексика 1974» (1976), «Диалектная лексика 1975» (1978), «Диалектная лексика 1977» (1979), «Диалектная лексика 1979» (1982), «Диалектная лексика 1982» (1985), «Диалектная лексика 1987» (1991). В 1972 году сборник серии был издан под названием «Вопросы изучения русских народных говоров. Диалектная лексика 1971».

Группой «Словаря русских народных говоров» было возобновлено издание сборника «Диалектная лексика», вышли в свет следующие выпуски: «Диалектная лексика 2009» (2009), «Диалектная лексика 2013» (2013), «Диалектная лексика 2016» (2016). В сборнике продолжается традиция,

осуществляемая в предшествующих выпусках: все затрагиваемые проблемы объединены общим отношением к диалектной лексике как к материалу и источнику исследований. Статьи сборника, различные в частных вопросах и постановке конкретных тем, содержат проблематику изучения говоров как относительно особой, своеобразной лексической системы.

В настоящий сборник вошли материалы прошедшей в апреле 2024 г. в Институте лингвистических исследований РАН международной научной конференции, посвященной светлой памяти Федора Павловича Сороколетова.

О.Н. Крылова, С.А. Мызников

Боброва Мария Владимировна

Институт лингвистических исследований РАН

Санкт-Петербург

bomaripgu@yandex.ru

Дифференциальные признаки верхней крестьянской одежды *шабур(а)* как предмет лексикографического описания

На примере одного из слов тематической группы «Одежда» рассмотрен вопрос об выявлении дифференциальных признаков реалий, определяющих семантическую структуру словарных статей. Для наименования одного из видов верхней крестьянской одежды *ша́бу́р(а)* обнаружены актуальные признаки: «функциональный слой одежды», «сезон ношения», «пол обладателя», «сохранность», «прагматические условия использования», «качество материала», «качество нитей в материале»; не актуальны признаки «возраст обладателя», «половозрастные признаки обладателя». С учетом фактора частотности это позволяет выделить основные лексико-семантические варианты 'один предмет (любой) одежды', 'повседневная верхняя одежда', 'верхняя одежда из грубого домотканого материала, кафтан', 'легкая верхняя одежда из домотканого холста', 'верхняя одежда из грубого домотканого материала с добавлением шерсти', 'верхняя одежда типа плаща, из грубого домотканого материала, надеваемая на пальто, шубу и т. п. для защиты от осадков, ветра, холода', 'рабочая верхняя одежда из грубого домотканого материала', 'шуба', в которых обнаруживаются оттенки с компонентами 'одежда демисезонная', 'мужская / женская верхняя одежда', 'поношенная, рваная верхняя одежда', 'поношенная повседневная верхняя одежда, используемая как рабочая', др. Крайняя вариативность фасона изделий, называемых *ша́бу́р(а)*, характеризуется ареальностью и позволяет рассматривать особенности силуэта, длины, способов застегивания, особенностей воротника, подкладки в качестве дополнительных признаков, реализуемых в вариациях и оттенках лексико-семантических вариантов. Базовые признаки служат появлению метонимических и метафорических значений. Перспективно обобщение таких наблюдений над словами разных тематических групп для выработки единых подходов к описанию лексики в диалектных словарях.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, верхняя крестьянская одежда, *шабур(а)*, семантическая структура слова, дифференциальные признаки.

Несмотря на продолжительность истории и глубину разработок в области теории лексикографии, необходимо признать, что по-прежнему сохраняют актуальность вопросы совершенствования принципов описания лексики в словарях. Один из существенных аспектов изысканий – выявление дифференциальных признаков реалий, определяющих семантическую структуру соответствующих словарных статей для лексем, имеющих типологические характеристики, т. е. реализующих частные семантические модели, характерные для отдельных тематических групп. Вопрос об этом ставился еще В.В. Виноградовым в классической работе «Типы лексических значений»: «Одним из путей подхода к решению сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов, является выяснение разных типов или видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова. Общеизвестно, что слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значения, а иногда и целой системы значений... Обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание “кусочка действительности” и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков... Между рядами предметов, действий, качеств, обозначаемых словами, существуют разнообразные взаимодействия и соотношения. Предмет, названный словом, может оказаться звеном разных функциональных рядов, разных сторон действительности, включенных в общую широкую картину жизни. Слово помогает осмыслить и обобщить эти отношения. Все это находит отражение в развитии значений слова в языке того или иного исторического периода» [Виноградов 1977: 163–164].

Представление о значимых особенностях реалий и соответствующих дифференциальных семах дают, например, тематические и идеографические словари, служащие подспорьем для лексикографов, которые работают над толковыми словарями. При описании диалектных наименований одежды, сложности которого подтолкнули автора к написанию настоящей статьи, интересны прежде всего этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области «Традиционная культура Урала» [Востриков 2000], «Опыт идеографического словаря русских говоров Свердловской области» [Липина 2004], «Тематический словарь говоров Тверской области» [Кириллова и др. 2004], «Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура)» [Пискунова, Махрачева 2001], «Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды» [Зверева, Русинова, Черных 2019], тематические словари одежды,

сопровождающие монографические работы на материале камчатских [Ильинская 2012] и воронежских [Панова 2018] говоров. Большой интерес представляют этнолингвистические разработки, среди последних исследований этого направления – семантико-мотивационные исследования А.В. Тихомировой, которые позволяют обнаружить культурно значимые признаки одежды, послужившие ассоциативно-деривационным процессам в группе наименований таких реалий [Тихомирова 2013]. Косвенно о дифференциальных признаках одежды можно судить по принципам описания одежды в толковых словарях литературного языка и народных говоров.

При этом в предлагаемых идеографических сетках и в словарных описаниях разных авторов-составителей не наблюдается единообразия, даже в одном словаре толкования могут отличаться разной степенью полноты. Ср., например: *сáрженник* ‘верхняя домотканая одежда’, *тепломáт* ‘женское и мужское меховое пальто, широкое в талии, сзади с фалдами’ [Кириллова и др. III: 15].

В продолжение начатого в [Боброва 2024] исследования обратимся к особенностям одной из разновидностей верхней одежды крестьян, называемой *ша́бу́р(á)*. По имеющимся данным, такая одежда и ее наименование заимствованы русскими у тюркских народов, известны также финно-уграм [Фасмер, 4: 392; Аникин 2000: 682], но с высокой долей вероятности можно утверждать, что финно-угорские заимствования были опосредованы русскими. В русском языке лексема употребляется как слово мужского либо женского рода в вариантах *ша́бу́р* / *ша́бу́ра́* / *шабу́рт* / *шебу́р* / *шибу́р* / *шобу́р* / *шубу́р* / *шабо́р* / *шабо́л* / *шабо́ла́*. Для упрощения формулировок далее использовано написанием «шабур». В качестве источника материала мы обращались к картотеке «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ), которая хранится в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), а также к указанным выше тематическим словарям.

Лексема широко представлена в русских народных говорах, но преимущественно в северно-русских либо имеющих северно-русскую основу: в говорах Русского Севера, Урала и Сибири. Вероятно, исходным значением слова было ‘грубая верхняя одежда’, однако имеющиеся данные говорят о больших расхождениях не только в названиях этого одеяния, но и в особенностях его изготовления и применения. Полагаем, это свидетельствует о давности заимствования реалии и ее названия. При этом масса накопившихся расхождений настолько велика, что действительности противоречит толкование слова *шабу́р*, которое было предложено в «Словаре русского литературного языка» и, вероятно, должно было быть

обобщенным: 'верхняя крестьянская одежда в виде легкого кафтана из домотканой материи' [БАС 17: 1228; БТС: 1488].

Исторически сложились разные традиции пошива и ношения шабура. Информантами подчеркивались разные его особенности, отличающие от многочисленных аналогичных разновидностей верхней одежды (ср. в говорах: *азям, армяк, балахон, бекешка, зипун, кабат, капотка, кафтан, козляк, летник, однорядка, пониток, сарженник, сермяга, сибирка, чепан, шинель, шоданик, яргач* и др.). Обнаруживается, что актуальными оказывались такие его признаки, как:

1) функциональный слой одежды: это может быть верхняя или вообще любая одежда; легкая (такая, которая носилась в теплое время года – весной и летом) либо защитная, спасающая от холода, осадков, грязи;

2) сезон ношения: в каких-то регионах шабур носился только летом, в каких-то летом и зимой (в качестве добавляющей тепла поддевки под основную верхнюю одежду), в каких-то преимущественно весной и осенью (как демисезонная);

3) пол обладателя: в каких-то случаях информанты подчеркивали, что шабур – одежда мужская либо женская, иногда уточняли, что при общности названия такая одежда для мужчин и женщин различалась деталями, однако в большинстве регионов этот признак оказывался непринципиальным;

4) сохранность: шабуром могли называть одежду в хорошем состоянии либо поношенную (иногда – значительно);

5) прагматические условия использования: по некоторым данным шабур был повседневной одеждой, по иным – рабочей, крайне редко – праздничной;

6) качество материала: в абсолютном большинстве случаев для изготовления шабуров использовались тканые материалы, чаще самодельные, редко – любые (самодельные либо покупные); в отдельных районах Урала и Сибири это были меховые изделия (шубы);

7) качество нитей в материале: на изготовление шабуров обычно шла холщовая ткань либо ткань с льняной основой, которая переплеталась шерстяным утком; реже ткань была чисто шерстяной (суконной).

Не востребованы признаки «возраст» (не различаются шабуры для взрослых и детей), «половозрастные характеристики обладателя» (шабуры носили вне зависимости от того, был ли мужчина холостым или женатым, а женщина незамужней или замужней, имел ли детей или был бездетным и т. п.).

В местных традициях актуальные признаки выступали в разнообразных их сочетаниях, при этом они были в разной степени востребованы (почти всегда это верхняя одежда, очень редко – любая либо надевавшаяся под другую; часто – демисезонная или зимняя одежда,

значительно реже – легкая; преимущественно она изготовлялась из домотканого материала, очень редко – из любого и т. д.). Вследствие таких различий произошло расширение либо детализация исходной семантики слова. Фактически стабильность сохраняют только признаки «покрываемая часть тела» (одежда для тела) и «способ ношения» (плечевая одежда).

На основе указанных признаков и с учетом частотности фиксаций вычленяются такие лексико-семантические варианты (ЛСВ) диалектизма *шабур*, как: ‘один предмет (любой) одежды’, ‘повседневная верхняя одежда’, ‘верхняя одежда из грубого домотканого материала, кафтан’, ‘легкая верхняя одежда из домотканого холста’, ‘верхняя одежда из грубого домотканого материала с добавлением шерсти’, ‘верхняя одежда типа плаща, из грубого домотканого материала, надеваемая на пальто, шубу и т. п. для защиты от осадков, ветра, холода’, ‘рабочая верхняя одежда из грубого домотканого материала’, ‘шуба’, в которых обнаруживаются оттенки с компонентами ‘одежда демисезонная’, ‘мужская / женская верхняя одежда’, ‘поношенная, рваная верхняя одежда’, ‘поношенная повседневная верхняя одежда, используемая как рабочая’, иные.

Значимо, что в разных традициях крайне вариативен фасон изделия. Шабур различаются:

1) силуэтом: шабуры шились либо прямыми, либо расклешенными; в каких-то случаях свободными либо приталенными, со сборками либо без сборок, причем сборки могли быть заложены вокруг всей талии либо только со спины;

2) длиной: шабур мог быть длинным (главным образом защитная одежда типа плаща), до колен (типа пальто) либо коротким (типа пиджака или куртки);

3) способом застегивания: в одних традициях это была запашная одежда, которая подвязывалась поясом и напоминала халат, в других – застегивающейся; шабур был однобортным либо двубортным;

4) воротником: воротник мог отсутствовать, иметься в варианте стойки либо быть отложным; при наличии воротник мог быть узким либо широким;

5) подклад: шабур (обычно легкий, летний) был однослойным либо имел подкладку до талии.

Очень редко встречаются указания на цвет ткани: «синий», «темный», «черный», в единичных случаях – на то, что шабур (шуба) покрывался тканью, др.

Различные сочетания таких признаков реализуются в вариациях ЛСВ (в «Словаре русских народных говоров» они подаются за черным ромбом) и их оттенков, ср.: ‘короткая холщовая мужская одежда, типа пиджака, куртки, со сборками сзади’, ‘легкая верхняя одежда из домотканого холста синего цвета’, ‘женская холщовая одежда типа халата со сборками сзади’, ‘мужская

верхняя суконная одежда типа удлиненного пальто, прилегающего в талии, со сборками сзади' и под.

Дифференциальные признаки реалий, а вслед за ними ЛСВ, оттенки и вариации семантики данной лексемы имеют ареальный характер. Так, на Урале шабуром называли преимущественно холщовую одежду, в Сибири – одежду из смесовой ткани, в которой холщовые (льняные) нити основы переплетались шерстяным утком. Только в Красноярском крае шабур представлял собой стеганую (хотя и короткую) одежду, причем либо холщовую, либо суконную.

Значимые (дифференциальные) признаки послужили развитию у названия одежды метонимических значений: 'тканый из шерсти половики', 'грубый домотканый материал', 'полушерстяные нитки домашнего изготовления'. Ассоциативные связи привели к развитию метафорических значений: 'тонко раскатанный круг пресного теста для пельменей', 'жировое отложение округлой формы на брюхе животного', 'невысокая трава', 'колючая трава' – и некоторых устойчивых сочетаний (ср. в новосибирских и тюменских говорах (*варить, сварить*) в *шабурах* ('готовить, приготовить картофель) неочищенным'). Метафорически актуализируются вторичные семы 'наружный', 'грубый, жесткий', 'плохо защищающий от холода', 'очень бедный'. Далее лексема *ша́бу́р(а)* нашла отражение в многочисленных производных лексемах (ср., например, *шабу́рить* 'буйствовать, скандалить в нетрезвом состоянии, дебоширить', 'состоять во внебрачных интимных отношениях', *шабу́рник* 'верхняя одежда из грубого домотканого материала', 'плохо одетый человек // бедняк, оборванец // нищий', 'неопрятный человек', 'партизан периода Гражданской войны', 'закоснелый человек, придерживающийся устаревших взглядов, представлений' и др.), в загадках, в именах собственных.

Производная лексика, полагаем, косвенно свидетельствует о необходимости отразить в семантической структуре слова тех признаков, которые приобрели культурную маркированность: «верхняя одежда», «из легкой / из плотной (но недостаточно теплой) ткани», «из грубого домотканого материала».

Итак, дифференциальные особенности верхней крестьянской одежды, обозначаемой лексемами *ша́бу́р(а)* и под., а также производными от них словами, многочисленны, отражают особенности ее покроя, фасона, функциональное назначение. Эти признаки, отличающие шабур от аналогичных видов одежды, необходимо учитывать в структуре словарной статьи, принимая, однако, во внимание частотность отдельных таких признаков.

В заявленном аспекте перспективно обобщение наблюдений над словами одной тематической группы с целью последующего составления

реестра дифференциальных признаков реалий одной денотативной сферы и отбора средств их вербализации (шаблонных формулировок, синонимических рядов, корректной швейной терминологии и т. п.). Такая работа должна способствовать выработке единых подходов к лексикографическому описанию лексики.

Литература

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Боброва М.В. Семь шабуров, а одна одёжа: верхняя крестьянская одежда *шабур(а)* // Русская речь. 2024. № 4. С. 20–33.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. А.С. Кузнецова. СПб.; М.: Норинт, 2000. 1536 с. – БТС.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М.: Наука, 1977. 312 с.

Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000. 202 с.

Зверева Ю.В., Русинова И.И., Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Тематический словарь лексики одежды. СПб.: Маматов, 2019. 432 с.

Ильинская Н.Г. Словарь названий одежды и обуви в камчатских говорах // *Ильинская Н.Г., Полищук Л.А.* Лексика камчатских говоров: названия одежды и обуви. М.: Макс Пресс; Петропавловск-Камч.: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С. 280–331.

Кириллова Т.В., Новикова Л.Н., Габлина Т.В., Николаева Е.В., Щербакова М.Е., Николаева (Чернышева) М.В. Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 3. Тверь: ТвГУ, 2004. 228 с.

Липина В.В. Опыт идеографического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. VI. Быт. Ч. 1. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2004. 336 с. (Традиционная культура Урала).

Панова М.В. Наименования одежды в русских говорах Воронежской области (этнолингвистический и ареальный аспекты). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 329 с.

Пискунова С.В., Махрачева Т.В., Губарева В.В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 278 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 17. М.-Л.: Наука, 1965. – БАС.

Тихомирова А.В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Изд. 2-е, стер. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Bobrova Maria V.

Differential features of peasant outerwear *shabur(a)* as a subject of lexicographic description

Using one of the words in the thematic group «Clothing» as an example, the issue of identifying differential features of realities that determine the semantic structure of dictionary entries is considered. For the name of one of the types of outer peasant clothing *shabur(a)*, relevant features were identified: «functional layer of clothing», «season of wearing», «gender of the owner», «preservation», «pragmatic conditions of use», «quality of material», «quality of threads in the material»; the signs «age of the owner» and «gender and age characteristics of the owner» are irrelevant. Taking into account the frequency factor, this allows us to identify the main lexical-semantic variants ‘one piece of (any) clothing’, ‘casual outerwear’, ‘outerwear made of coarse homespun material, caftan’, ‘light outerwear made of homespun canvas’, ‘outerwear made of coarse homespun material with the addition of wool’, ‘outerwear of the cloak type, made of coarse homespun material, worn over a coat, fur coat, etc. for protection from precipitation, wind, cold’, ‘working outerwear made of coarse homespun material’, ‘fur coat’, in which shades with the components ‘demi-season clothing’, ‘men’s / women’s outerwear’, ‘worn, torn outerwear’, ‘worn everyday outerwear used as work’, etc. are found. Extreme variability in the style of products called *shabur(a)*, is characterized by areality and allows us to consider the features of the silhouette, length, fastening methods, features of the collar, lining as additional features, realized in variations and shades of lexical-semantic options. Basic features serve to create metonymic and metaphorical meanings. It is promising to generalize such observations on words of different thematic groups to develop unified approaches to the description of vocabulary in dialect dictionaries.

Keywords: Russian dialect vocabulary, upper peasant clothing, *shabur(a)*, semantic structure of word, differential signs.

Бобунова Мария Александровна

Курский государственный университет

Курск

bobunova61@mail.ru

Фольклорная лексикография: лингвогеографический аспект

В статье говорится о работе курских лингвофольклористов над созданием словарей языка фольклора. Отмечается, что одним из принципов лексикографического описания является опора на жанровую и территориально-временную однородность анализируемого материала. Описываются лексикографические комплексы, которые способствуют всестороннему изучению языковых особенностей народной лирики конкретных регионов. На примере комплекса «Тамбов» показана роль каждой составляющей комплекса: фольклорного мегатекста, алфавитно-частотного словника, частотного словаря и конкорданса. Особое внимание уделено диалектным и специфически фольклорным лексемам. С опорой на диалектные словари выявляются территориально маркированные слова и конструкции. Отмечено, что серия комплексов способствует проведению сопоставительных исследований в лингвогеографическом аспекте для выявления примеров территориальной специфики языка русского фольклора. С помощью конкретных примеров определены возможности комплексов при сравнении отдельных групп слов и их лексикографических портретов.

Ключевые слова: язык фольклора, лексикография, лексикографический комплекс, словарь, лингвогеографический аспект.

Курские лингвофольклористы, много лет работающие над созданием словарей языка фольклора, апробируют разные словарные формы (см., например: [Бобунова 2003, 2014; Праведников 2002, 2022]). Одним из принципов лексикографического описания является опора на жанровую и территориально-временную однородность анализируемого материала.

В настоящее время готовится серия лексикографических комплексов, включающих фольклорный мегатекст, алфавитно-частотный словник, частотный словарь и конкорданс [Бобунова 2019; Праведников 2020]. Базой первой серии комплексов стали необрядовые лирические песни, записанные в XIX в. и представленные в своде «Великорусские народные песни» [Соб.]. Выбор был обусловлен авторитетностью издания, в котором систематизированные по темам (семейные, любовные, солдатские и др.) тексты сопровождаются территориальными пометами.

Нами уже подготовлено несколько электронных комплексов, называемых по месту записи песен («Курск», «Воронеж», «Архангельск»,

«Пермь», «Вятка», «Саратов», «Казань», «Самара» и др.). В настоящее время работа продолжается. Созданные по одной методике одним и тем же авторским коллективом, комплексы, как оказалось, имеют несомненную исследовательскую ценность [Бобунова 2023]. Прежде всего они способствуют всестороннему изучению языковых особенностей необрядовой лирики конкретного региона.

Покажем это на примере комплекса «Тамбов». Фольклорный мегатекст, включающий 44 песенных текста, не только дает возможность познакомиться с их содержанием, но и является основой для подготовки полного словника, который создается с помощью специально разработанной компьютерной программы NewSlov.

В данном словнике 1048 лексем. В качестве заголовочных единиц выступают слова всех частей речи, как знаменательные, так и служебные. Наряду с нарицательной лексикой фиксируются имена собственные с учетом всех встретившихся вариантов: антропонимы (*Ваня, Ванюша, Ванюшка; Дуня, Дуняша* и др.) и топонимы (*Астрахань, Москва, Ростов; Дон, Дунай* и др.).

В качестве самостоятельных словарных единиц выступают слова с суффиксами субъективной оценки. В большинстве случаев в текстах тамбовских песен встречаются двучленные ряды (*беседа – беседушка, верев – веревушка, дверь – дверочка, дождь – дождичек, земля – земелька, свет – светик, сокол – соколочек*), хотя есть и многочленные (*лист – листик – листочек – листушек*). В отдельных случаях фиксируются только диминутивы (*бережок, дубочек, стаканчик, рюмочка, скамеечка, топорочек*). Обратим внимание на то, что подобные слова нередко являются диалектными или специфически фольклорными, что подтверждают материалы диалектных словарей, например: *листушек* 'Листочек' [СРНГ 17: 69], *соколочек* 'Фольк. Ласк. Обращение к родному, любимому человеку' [СРНГ 39: 245], *стеклушко* 'Ласк. Стекло' [СРНГ 41: 122], *топорочек* 'Фольк. Ласк. Топорик' [СРНГ 44: 254].

Его матушка Арина

Сыну говорила:

«Уж ты, сын, ты, мой сыночек,

Ясный соколочек! <3,260>.

Я возьму-то себе в руки топорочек <3,526>.

Характерной особенностью русских фольклорных текстов является использование синкретичных конструкций. Они представляют собой синонимические сближения (*грусть-тоска, кинуть-бросить, путь-дорожка, шуметь-греметь*), репрезентативные пары (*мать-отец, отец-мать, хлеб-соль*), повторы (*гуд-гудочек, жена-жененка, куст-кусточек, прут-пруточек*). Полагаем, что такие конструкции претендуют на статус

самостоятельных словарных единиц, отличающихся целостностью значения и функциональной значимостью.

*Нападала роса на темны леса;
Нападала **грусть-тоска** на мила дружка,
Что на милаго дружка, все на Ванюшку... <3,426>.
Вы прощайте, **мать-отец** родные,
Простите сына своего! <6,108>.
Если вздумаю жениться,
Прошу милости на свадьбу
Хлеба-соли моей кушать,
Пива-вина моего пити! <5,626>.
– Уж я была-была в лесочке.
Под ракиновым **кустом-кусточком**,
Под лазоревым **листом-листочком** <3,182>.*

Полный алфавитный словник, включающий всю использованную в песнях лексику, является отправной точкой любого исследования, поскольку дает представление о лексическом составе песенных текстов конкретного региона, а также позволяет обратить внимание на отдельные слова или группы слов, начинающихся на одну и ту же букву (с указанием частотности). Например, на буквы «А» и «Я» в словнике по шесть лексем: *а* 22, *алый* 1, *Арина* 1, *Астрахань* 1, *атласный* 1, *ах* 14; *я* 150, *яблоко* 1, *яблонька* 1, *ягода* 1, *яровой* 1, *ясный* 3. А на букву «Ф» нет ни одного слова.

На базе алфавитного словника создается частотный словарь, в верхней части которого, наряду со структурными единицами (союзами, предлогами, частицами, местоимениями и др.), содержатся опорные слова песенного текста, имеющие высокий ранг (*молодец, девица, друг, конь; милый, молодой, белый, красный, зеленый; любить, пойти, стоять, жить* и др.).

Кроме того, в частотном словаре сгруппированы единичные лексемы, на долю которых приходится более половины словника. Именно в этой части много диалектных слов разных частей речи: *ворочать* 'Возвращать кого-либо куда-либо, к чему-либо; заставлять, просить кого-либо вернуться' [СРНГ 5: 126], *горковать* 'Ворковать' [СРНГ 7: 38], *журливый* 'Бранчливый, ворчливый' [СРНГ 9: 231], *кропотливый* 'Ворчливый, сварливый' [СРНГ 15: 281], *назола* 'Тоска, печаль' [СРНГ 19: 287], *снащивать* 'Оснащать (судно, корабль)' [СРНГ 39: 94], *скориться* 'Подчиняться чьей-л. воле, желанию; покоряться, смиряться' [СРНГ 38: 110], *спотухать* 'Потухать, гаснуть (о заре, солнце)' [СРНГ 40: 246].

*Как первое горе – свекор мой **журливый**;
А другое горе – свекровь **кропотлива** <2,568>.
В лесу пользы мало, листочки шумят,
Шумят-гремят листушки, **назолу** дают <5,84>.*

Интерес представляют диалектные слова, отмеченные исключительно в Тамбовской губернии, о чем свидетельствуют территориальные пометы диалектного словаря. Так, только в тамбовских песнях встретились глаголы *вывершивать* в значении 'Делать крышу, верхнюю часть постройки' [СРНГ 5: 254], *замереться* 'Замирать (о сердце)' [СРНГ 10: 248] и существительное *конопка* 'конопля, конопелька' [СРНГ 14: 265].

Эх, да не достроимши палаты,

*Эх, да стал **вывершивать** он палаты <3,345>.*

*Ах, да ты **замришь, замришь**, мое сердечко, по милом дружечке!*

<5,255>

*Уродись, моя **конопка**,*

Тонкая, высокая <3,448>.

Территориально маркированным может быть одно из значений диалектного слова. Например, глагол *прогуркивать* 'Рассказать, воркуя' отмечен только в Тамбовской губернии, а в Олонецкой это слово встречается в значении 'Ворковать (о голубях)' [СРНГ 32: 118].

Взвейся, взвейся, голубь сизый,

Взвейся выше, полети,

На том месте опустился,

Где любезный друг живет,

***Прогуркуй** ему жалчее,*

Что про участь про мою! <5,63>

Особую значимость для исследователя имеет конкорданс, в котором приводятся все контексты каждого включенного в него слова с обязательной паспортизацией (номер тома и номер песни). Хотя в конкордансе отсутствуют толкования лексем, пользователь с опорой на контекст может самостоятельно определить значение слова, а для уточнения семантики обратиться к толковым или диалектным словарям.

Так, многозначный глагол *загореться* в тамбовской лирике используется только в переносном значении 'Покрыться румянцем; зардеться' [МАС I: 510], глагол *курить* – в устаревшем 'Устар. Добывать посредством перегонки' [МАС II: 152], а единичное существительное *стрела* – в значении наречия 'Очень быстро' [МАС IV: 285].

***Загорелось** ея белое лицо <5,730>.*

А матушка моя за рекою,

***Курит вино-вино** зеленое <3,182>.*

Да Бог знает, когда возвращуся,

*Назад **стрелою** прилечу <6,108>.*

В одной тамбовской песне встретилось существительное *рохля* в следующем контексте: *Перевешу я рохлю На мою сторонку <3,174>*. В словарях литературного языка это слово приводится со стилистической и

эмоционально-экспрессивной пометой: *‘Разг. пренебр. Вялый, неэнергичный, нерасторопный человек; размазня, шляпа’* [МАС III: 734]. В «Словаре русских народных говоров» представлены омонимы, причем одно из слов используется для характеристики человека (*‘1. Разиня, тупица, неряха. 2. Ленивая и толстая женщина. 3. Слабоумный человек’* [СРНГ 35: 208]), а другое – для наименования предмета. Благодаря контексту мы понимаем значение слова в песне – *‘Коромысло из колодца’* [СРНГ 35: 208], а пометы диалектного словаря говорят о том, что такое значение проявилось исключительно в Тамбовской губернии.

Глагол *склониться* в конструкции «склониться кому-л.» тоже реализует в песнях особую семантику: *‘Фольк. Подчиняться, покоряться кому-л.’* [СРНГ 38: 31]: *Девка парню не **склони**лася, Сердечушком не **скори**лася <2,250>*. Подобное можно сказать и о слове *за шуметь*: *За шумел он всем лакеям, кучерам: «Вы подайте мою тройку вороных! <5,730>*. В данном контексте у глагола проявляется диалектное значение *‘Поднять крик, закричать’* [СРНГ 11: 194].

Как видим, все компоненты лексикографического комплекса в совокупности могут быть полезны для решения целого ряда задач. Кроме того, серия комплексов способствует проведению сопоставительных исследований в лингвогеографическом аспекте для выявления примеров территориальной специфики языка русского фольклора.

Сравнивать можно словники в целом или отдельные группы слов. Продемонстрируем это на материале комплексов близлежащих губерний. Например, в словнике тамбовских песен на букву «Щ» есть только одно слово (*щука*), в воронежских песнях – три (*щеплять, щи, щука*), а в курских – тринадцать (*ще, щеголек, щеголиха, щеголье, щеча, щекотать, щемить, щечка, щигровский, щипать, щипать-ломать, щипетко, щучка*).

Перспективным является сравнение лексикографических портретов слов. Так, прилагательное *тонкий* в песнях, записанных в разных губерниях, используется для характеристики одежды, однако перечень существительных, определяемых данным словом, может различаться. Ср.: Тамбов и Воронеж – *рубашечка*; Курск – *чулочки, сорочечка, рубашка*. В тамбовских и курских песнях тонкими видятся растения (Тамбов – *конопка* и *черемушка*, Курск – *береза* и *леночек*), в воронежских и курских – *доски, досточки*. Кроме того, выявляются специфические для каждой губернии синтагматические связи: Тамбов – *парус*; Воронеж – *полотно*; Курск – *вихорь, голосок, жердочки*.

*Как на матушке на Неве реке,
На Васильевском славном острове,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати **тонких парусах** <5,727>*.

*Пусть накроют мое тело
Тонким белым полотном <5,527>.
Ой ты, ветер, ветер
Тонкой буйный вихорь! <3,215>.*

Каменными в разных губерниях представляются палаты, в тамбовских песнях – еще острог, а в курских – гора, стена и Москва.

*Капитал свой промотал,
Во неволю жить попал,
Во такую во неволю –
В белый каменный острог <6,527>.
Из-под гор, с горы-горы каменной,
Протекал ручей бел серебряный <4,106>.*

Прилагательное *нежный*, ни разу не встретившееся в воронежских песнях, в тамбовской лирике зафиксировано в сочетании с существительным *кровь*, а в курской – со словами *руки, тело* и поговорка ‘Речь, манера говорить’ [СРНГ 27: 296]. Ср.:

*Эх, да серпом руку Ванюшка обрезал-перерезал,
Эх, пролил нежну кровь <6,588>.
Они шьют платье цветное
На мое тело белое,
На мое тело нежное <3,2>.
У соседушки девушка
Свела с ума, с разума
Тихою походкою,
Нежной поговоркою <3,274>.*

Таким образом, лексикографические комплексы, содержащие объективный фактический материал, способствуют выявлению примеров пространственной дифференциации языка фольклора и оказываются надежным источником изучения языка фольклора в лингвогеографическом аспекте.

Литература

- Бобунова М.А.* Онежские былины: Частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 90 с.
Бобунова М.А. Печь нам мать родная: опыт конкорданса одного слова. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2014. 80 с.
Бобунова М.А. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 286 с.

Бобунова М.А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65.

Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 1–7. (В ломаных скобках указан номер тома и номер песни). – Соб.

Праведников С.П. Былины Печоры: словник и частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. 72 с.

Праведников С.П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2020. 349 с.

Праведников С.П. Алфавитно-частотный словарь былин А.Е. Чукова // Лингвофольклористика. 2022. № 36. С. 60–74.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ. (издание продолжается)

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4. – МАС.

Bobunova Maria A.

Folklore lexicography: linguogeographic aspect

The article describes the work of Kursk linguafolklorists on creating dictionaries of the folklore language. It is noted that one of the principles of lexicographical description is reliance on the genre and territorial-temporal homogeneity of the analyzed material. Lexicographical complexes are described that contribute to a comprehensive study of the linguistic features of folk lyrics of specific regions. Using the example of the Tambov complex, the role of each component of the complex is shown: folklore megatext, alphabetical-frequency dictionary, frequency dictionary and concordance. Particular attention is paid to dialectal and specifically folklore lexemes. Based on dialect dictionaries, territorially marked words and constructions are identified. It is noted that a series of complexes contributes to comparative studies in the linguogeographic aspect to identify examples of the territorial specificity of the Russian folklore language. Using specific examples, the capabilities of complexes are determined when comparing individual groups of words and their lexicographic portraits.

Keywords: language of folklore, lexicography, lexicographic complex, dictionary, linguogeographic aspect.

Борисова Ольга Геннадиевна
Костина Людмила Юрьевна
Кубанский государственный университет
Краснодар
ogborisova@mail.ru
patrior30@mail.ru

**Региональный словарь: дидактические возможности в преподавании
диалектологических дисциплин в высшей школе¹**

В статье на примере словарей кубанских говоров рассматривается реализация дидактического потенциала региональных лексикографических источников на практических занятиях по дисциплинам диалектологической направленности со студентами филологических факультетов. Показывается, что все структурные части словарной статьи (заголовочное слово, транскрипция, грамматические и стилистические пометы, толкование, иллюстративный материал, география лексической единицы) могут быть использованы для составления разноплановых заданий, способствующих закреплению знаний, полученных в лекционном курсе, и формированию навыков анализа диалектных явлений. Приводятся фрагменты апробированных на семинарских занятиях заданий, предполагающих характеристику диалектного лексико-фразеологического материала по различным параметрам. Делается акцент на важности привлечения оправдательных примеров, способствующих отработке у студентов навыков поиска и квалификации отдельных языковых фактов. Обосновывается необходимость отбора для заданий иллюстраций, представляющих собой высказывания информантов, содержащие сведения об аксиологических ценностях, принятых в диалектном сообществе. С целью обучения приемам и принципам лексикографической обработки диалектного материала вводятся задания по составлению на основе регионального толкового словаря фрагментов словарей других типов.

Ключевые слова: региональный словарь, дидактика, диалектология, региональная лингвистика, словник регионального словаря, иллюстративная зона регионального словаря.

Круг дисциплин диалектологической направленности, помимо классической дисциплины «Русская диалектология», на филологическом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

факультете Кубанского государственного университета включает такие курсы, как «Региональная лингвистика», «Кубанские говоры во времени и пространстве», «Языковая картина мира жителей Кубани». На практических занятиях по перечисленным дисциплинам активно используются региональные словари. По объекту лексикографирования большинство из них – это моносистемные словари (включают диалектизмы, функционирующие в кубанских говорах (далее – КГ), имеющих одну языковую основу). К ним относятся «Русский говор Кубани» [Русский говор Кубани 1992], словари О.Г. Борисовой «Кубанские говоры: Материалы к словарю» [Борисова 2005] и «Опыт словаря кубанских говоров» [Борисова 2018], словари армавирских диалектологов [Словарь кубанских... 2009; Лексика и фразеология говоров... 2019], словарь С.Д. Мастепанова [Мастепанов 2013], авторский словарь П. Ткаченко [Ткаченко 2008], а также фразеологические словари [Андрющенко, Иванова, Иванова 1994; Андрющенко, Иванова, Иванова, Пелих 2006]. Полисистемными являются словари О.Г. Борисовой [Борисова 2005; Борисова 2018], содержащие лексические единицы, функционирующие на всей территории бытования кубанского диалекта. По принципу отбора языкового материала все словари КГ, за исключением словаря С.Д. Мастепанова и авторского словаря П. Ткаченко, представляют собой словари дифференциального типа.

«Синхронный аспект областных словарей позволяет исследовать <...> языковые явления в лексике говоров» [Сороколетов 2011: 320], что делает диалектный словарь надежной учебно-методической базой для изучения народных говоров. В заданиях, составленных на основе толково-переводных словарей КГ, используются все структурные части словарной статьи.

Так, с опорой на словник разработаны упражнения, в основе которых лежит отбор диалектного лексико-фразеологического материала по заданным параметрам (например, типологическая характеристика диалектизмов; их структурное варьирование; компонентный состав фразеологизмов; их структурные типы; разряды по соотнесенности с определенной частью речи; типы по классификации В.В. Виноградова и др.). Приведем некоторые фрагменты заданий, которые предлагаются студентам:

Задание. Опираясь на типологическую характеристику диалектной лексики, охарактеризуйте тип заголовочных слов. Подберите, пользуясь региональными словарями, 3–5 своих примеров на каждый тип диалектизма.

Боле'зня... душа'... зо'ла... камыша'ный... кро'вать... кубга'н... ле'нда... попорва'ть... потоло'к... сва'йба... цика'вый... шкандыба'ть...

Задание. Распределите диалектные фонематические варианты по следующим группам:

1) лексические единицы, в которых согласные фонемы различаются по месту образования: (губная – переднеязычная; губная – заднеязычная; переднеязычная – заднеязычная);

2) лексические единицы, в которых согласные фонемы различаются по способу образования (щелевая – смычная; смычная – аффриката; аффриката – щелевая);

3) модификации лексических единиц с взаимозаменой других согласных.

Дайте характеристику вариативных фонем.

Балбе'рка – барбе'лка 'поплавок рыболовной сети', *бальца'нка – бальса'нка* 'сосуд цилиндрической формы (для масла, керосина и т. п.)', *бахша' – бакша'* 'бахча', *блестю'чий – блеску'чий* 'блестящий', *болто'к – бовто'к* 'испорченное яйцо, из которого не выведется птенец; яйцо без зародыша', *бу'харь – бу'карь* 'устар. плуг «Буккер»', *гамба'лить – ганба'лить* 'много и тяжело работать', *гамце'[э]л – гамсе'[э]л* 'кличка иногородних, не казаков', *гаца'ть – гаса'ть* 'бегать', *граба'рка – граба'лка* 'совковая лопата', *до'лгий – до'вгий* '1. Длинный. 2. Высокий', *захе'таться – захе'каться* 'устать, выбиться из сил', *квохта'ть – квокта'ть* 'кудахтать', *кебе'та – кебе'ка* 'ум, голова', *коло'дец – коло'дезь* '1. Дымоход. 2. обычно мн. У коровы – ямки под ребрами (по ним определяют молочную корову). 3. Водоворот', *колтёба – ковтёба* 'жидкая грязь'...

Задание. Распределите кубанские фразеологизмы на следующие группы: 1) фразеологизмы, полностью состоящие из территориально ограниченных слов; 2) фразеологизмы, состоящие из диалектных и общенародных слов; 3) фразеологизмы, полностью состоящие из общенародных слов, но не входящие в состав русского литературного языка; 4) структурные варианты литературных и просторечных фразеологизмов. Дополните каждую подгруппу 3–5 примерами из региональных словарей.

Чёртова люшня' 'о неуклюжем человеке', *стремена' выбива'ть* 'создавать шаткое, неуверенное положение у кого-л.', *га'рыть зу'бы* 'смеяться, хохотать, насмехаться', *гудува'ть жда'ныкамы* 'обнадёживать напрасными обещаниями', *жить свои'м стры'бом* 'поступать по-своему, ни с кем не советуясь', *закида'ть ря'жками* 'выразить кому-то неодобрение, презрение', *закуды'кивать доро'гу* 'приносить неудачу, спрашивая куда идёшь? вместо (г)де идёшь?', *заме'рзнуть як цыга'н пид ве[э]нте[э]ры'ной* 'очень сильно замёрзнуть', *чужи'ми пирога'ми роди'телей помина'ть* 'пользоваться плодами чужого труда'...

Задание. Кубанские фразеологизмы представляют собой определенное структурное целое составного характера, складываясь из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях. Различают три структурных типа

фразеологических единиц (далее – ФЕ): ФЕ-словоформы, ФЕ-словосочетания, ФЕ-предложения. Распределите фразеологизмы на три группы с учётом их структурного типа. Дополните каждую подгруппу 3–5 примерами из региональных словарей.

Аж в нутре' всё оборва'лось 'кто-л. сильно испугался', *возвраща'ться к ста'рым коню'шням* 'возвращаться к прежней жизни', *зу'бы слипа'ются* 'о чём-то очень сладком', *пуста'(я) кубы'шка* 'о глупом человеке', *наде'ть ро'ги* 'заупрямиться, заартачиться', *сиде'ть в поро'гах* 'проявлять излишнюю скромность', *но'ги отва'ливаются* 'кто-л. сильно устал, утомился', *с-пид ножа'* 'по принуждению, без желания', *семна'дцатая весна' / вода' всё смо'ет* 'о некрасивом подростке, который со временем должен похорошеть', *обду'тый кусо'чек* 'самый вкусный, лакомый кусочек'...

Отбор диалектного языкового материала может осуществляться и на основе грамматических и стилистических помет, например, при выявлении грамматических диалектизмов; историзмов, архаизмов, советизмов и неологизмов; эмоционально и экспрессивно маркированных единиц. См. некоторые фрагменты заданий:

Задание. Выпишите из региональных словарей стилистически маркированные диалектизмы. Сопоставьте стилистические пометы, использованные в разных словарях КГ.

Задание. Выпишите из региональных словарей лексические единицы с пометой *устар.* Определите, к каким тематическим группам они относятся.

Часть заданий опирается на учет семантической структуры слова, представленной в толковании. Студентам предлагается, например, сравнить толкования с целью разграничения типов синонимов; отобрать и распределить полисеманты в соответствии с типами переноса (метафорического / метонимического) и указать его модели; отобрать и охарактеризовать диалектные многозначные слова с родо-видовой семантической структурой и др. См. фрагменты заданий:

Задание. Сравните словарные толкования слов и объясните, почему эти слова являются идеографическими или стилистическим синонимами. Какие слова имеют и семантические, и стилистические отличия? На что вы опирались при выявлении этих отличий?

Бирю'к, вовк 'волк' – *ове'[э]ло*, *волча'ра* 'крупный, матерый волк'. *Богате'[э]нькый, замо'жный* 'богатый' – *грошевы'тый* 'богатый, имеющий много денег'. *Ветрого'н, ветрю'га, ветрюга'н, ветруга'н, ветрюга'ч, ветря'к* 'сильный, пронизывающий ветер' – *бе'[э]ле[э]бе[э]нь* 'сильный, морозный, пронизывающий ветер, дующий на открытом возвышенном месте'...

Задание. Разделите приведенные и многозначные диалектизмы на две группы, соответствующие двум традиционно выделяемым типам полисемии по характеру языковой мотивированности значений.

Бато'г '1. Кнут в виде длинного ремня на деревянной палке. 2. *чаще мн.* Побег на огурцах, арбузах', *буре'лый* '1. Недозревший, начинающий краснеть помидор. 2. О молодом, неопытном человеке', *ва'лух* '1. Кастрированный баран или козел. 2. О неповоротливом, нерасторопном человеке', *варены'(и')ця(а)* '1. Тесто, раскатанное для вареника. 2. Вареник, сваренный без начинки'...

Широкими дидактическими возможностями обладает иллюстративная зона словаря, поэтому в основном задания строятся с привлечением оправдательных примеров, которые анализируются студентами в соответствии с темой занятия. Особо следует отметить иллюстративную зону «Опыта словаря кубанских говоров» [Борисова 2018], поскольку при формировании оправдательных примеров автором отдавалось предпочтение лексорассказам – особому лексикографическому жанру, представляющему собой «выделенный лексикографом из рассказа информанта микротекст, содержание которого направлено на семантизацию, лингвистическую и экстралингвистическую презентацию входящей в него лексикографируемой языковой единицы, а также на создание общего этнокультурного фона словарной статьи» [Борисова 2019: 13]. Упражнения с привлечением оправдательных примеров из региональных словарей направлены на отработку навыка поиска и квалификации отдельных языковых явлений. См. фрагменты заданий:

Задание. Раскройте содержание понятия *семантический диалектизм*. Из приведенных высказываний носителей КГ выпишите семантические диалектизмы и сформулируйте на основе контекстов их толкования.

1. *У миня' каро'вы усе' бы'ли сми'рнийи, никаго' ни тро'гали. А есь таки'йи, што ко'люцца* (хут. Андрюки Мостовского района). 2. – *Сёдни на'до цыбу'лю лома'ть. – Я вжэ полома'ла, вжэ нэди'лю наза'т* (ст-ца Ахтанизовская Темрюкского района). 3. *Ра'ньшы було' мно'га ста'рцив. Воны' хады'лы кусо'чками пабира'лысь* (ст-ца Батуринская Брюховецкого района). 4. *Прыхо'дю я: викно' вы'рвато там, у за'ли. А мэ'нэ ж ото' хва'ляцца: ота'к, ота'к, ну во'ры до на'с ли'злы* (хут. Братский Усть-Лабинского района). 5. *Топы'лы кырпычём, кураём. За'раз у на'с газы'* (ст-ца Камышеватская Ейского района). 6. *Пато'м у и'х близницы' нашли'сь, або'и таки'и курно'сыи, харо'шыи бы'ли* (хут. Марьинский Тбилисского района)...

Задание. Прочитайте высказывания носителей КГ, сгруппируйте их по следующим семантическим блокам в зависимости от значения лексемы *куре'(и')нь*:

I. Значение 'часть войска, военный стан'.

II. Значение 'поселение'.

III. Значение 'помещение', 'сооружение, служащее укрытием от солнца и непогоды'.

IV. Значение 'люди'.

1. *Када'сь козаки' воюва'лы, у ни'х булы' курини'* (с. Большой Бейсуг Брюховецкого района). 2. *Кури'нь – цэ у казаки'в-запоро'жцив одди'льна часть во'йска* (ст-ца Динская Динского района). 3. *Кури'нь выпровожа'в казака' на слу'жбу* (ст-ца Крыловская Крыловского района). 4. *Ну станы'ци и, оны' булы' ны станы'ци, а курини', вполе'цтви и пырымминова'лы в станы'ци* (ст-ца Крыловская Крыловского района). 5. *Пато'м дит купы'в ха'ту напро'тыв ПЭТЭУ. Ха'тка така'я – курэ'нь. Аблажы'ли ёго кырпычём* (ст-ца Кушевская Кушевского района). 6. *Кури'нь на баишта'ни як шала'и* (ст-ца Новопластуновская Павловского района). 7. – *В мэ'нэ стро'йка, ни'колы сыди'ть. – А что вы строите? – А он, ба'чиш: кури'нь – гара'ш сы'ну* (ст-ца Новопластуновская Павловского района). 8. *Мы жы'лы по стипя'х, там и ди'ты... В курэня'х жы'лы. Цэ ха'та, накры'тая соло'мой, ви'кна манэ'сэнькы, ото'мы там и жы'лы, а зимо'й – до'ма* (ст-ца Новотитаровская Динского района)...

Задание. В приведенных высказываниях информантов найдите неактуальные семантические неологизмы и восстановите семантическую структуру слова, опираясь на региональные словари и словари литературного языка.

1. *Си'лы мы з ку'мом в ба'йду (цэ ло'тка мото'рна) и пои'халы ситкы' трусы'ть* (ст-ца Гривенская Калининского района). 2. *Я с ха'ты у ли'тню ку'хню дрит протя'х и пидключи'в машы'нку* (ст-ца Гривенская Калининского района). 3. *Ходы'лы в плац-пала'тках. Цэ ю'пка. Воны' шылыстя'т. Я кажу': «На'дя, хто за на'мы го'ныцца?» Вона' ка'жэ: «На'шы юпкы'»* (ст-ца Копанская Ейского района). 4. *На'ша ба'бушка стри'нги называ'ит «матуски'»* (ст-ца Старомышастовская Динского района)...

Задание. Найдите в приведенных ниже высказываниях носителей КГ диалектные фразеологизмы, сформулируйте их значения, опираясь на контексты. Распределите фразеологизмы по следующим разрядам: 1) именные (субстантивные); 2) глагольные; 3) адъективные; 4) адвербиальные.

1. *Па-хахла'чки мы ни уме'ли. У казако'в чи'стый язы'к* (ст-ца Бесстрашная Отрадненского района). 2. *До грэця' ни'мцив у на'с було'* (ст-ца Бородинская Приморско-Ахтарского района). 3. *Ны будыш учи'цца – будыш быка'м хвосты' круты'ть* (ст-ца Елизаветинская г. Краснодар). 4. *Гуля'ть мы тоди' ду'жэ нэ гуля'лы, як щас гуля'ють, ба'йдакы бьють. Двина'цать лит – ужэ' роботы'лы в колхо'зи* (ст-ца Калининская Калининского района). 5. *Сын рышы'л жыны'цца. Прыижжа'ит,*

прыво'зит мне наказа'ть. А ано' маладо'е ищѣ, де'сять кла'сав ако'нчила. Я гаварю': «Сы'на, та ана' диты'на ищѣ, бурья'н зилѣный ищѣ (пос. Кучугуры Темрюкского района). 6. Дет у на'с будь здаро'в: дрючко'м ни дабьѣш (ст-ца Малотенгинская Отрадненского района)...

Задание. В приведенных высказываниях носителей КГ найдите диалектные устойчивые выражения и сформулируйте их первичное (обрядовое) и переносные значения. Определите на основе контекстов стилистическую окраску производных значений.

1. *Розри'зала хлибы'ну. Цѣ вона' согла'сна. Цѣ вона' одри'зана ски'ба (ст-ца Бриньковская Приморско-Ахтарского района). Сын уйи'хав з до'му в два'цать шэсть. Вин вжэ одри'зана ски'ба (ст-ца Бриньковская Приморско-Ахтарского района). 2. Адгуля'ли сва'дѣбу – журавля' во'дють. Ря'жыныи наряжа'юцца: па'рня наряжа'ют ниве'стай, де'фку наряжа'ют жынихо'м, ф цыга'н наряжа'юцца. Я фсигда' наряжа'лась цыга'нкаю, кагда' журавля' вили' (ст-ца Темиргоевская Курганинского района). Ня'нька с кумо'й горо'д посады'ли, тепе'р журавля' во'дють вовсю' ка'ждый день (хут. Пятихатский Усть-Лабинского района). 3. Е'сли в семье' жыни'вся пасле'дний рибѣнок, то у са'мый пасле'дний дѣнь сва'йбы промэ'ж кали'тки в зэ'млю забыва'вся дэрывя'нный кол. Цѣ зна'чило, шо в цѣм двори' би'льшэ нэ бу'дэ сва'йбы. Ка'жный из госте'й до'вжэн був уда'рыть молотко'м по ко'лу. Для сми'ху кол и зэ'млю ря'дом полыва'лы водо'й... И ка'жный раз, колы' прома'зувалы, бры'зги з муля'кой лыти'лы на госте'й. Хтось и спица'льно быв нэ по ко'лу, а мы'мо (хут. Красная Нива Брюховецкого района). Сиво'дня убира'йим пасле'дную кле'тку (о винограде) и забыва'йим кол (г. Новокубанск)...*

Оправдательные примеры-лексорассказы используются в заданиях на комплексный анализ диалектного текста. См., например:

Задание. Прочитайте расшифрованный способом малограмотного письма фрагмент речи носителя КГ. Охарактеризуйте фонетические, грамматические и лексические особенности речи носителя КГ. Выпишите из текста территориально ограниченные слова, сформулируйте их значения и определите тип диалектизма. Установите количественное соотношение между диалектными словами и общенародными. На основе проведенного анализа сделайте вывод о языковой основе говора.

Боле'зня була' «со'яшныци». То'чно ны зна'ю, как назва'ть. Но я сама' в де'цтви, в двина'цать – трына'цать лет пиринисла' иѣ. Но, наве'рное, за'ворот ки'шэк. Ду'жэ здо'рово боли'в жыви'т: спырва' круго'м пуна', а тоди' възь жыви'т. Так боли'в, шо я по вси'й доли'вки в ха'ти ла'зыла и крыча'ла од бо'ли. Тоди' нагука'лы жэ'нищину. Вона' мэ'нэ на'чала личи'ть. Я лягла' на спы'ну, вона' на пу'зо (жыви'т) поста'вылв мы'ску з водо'ю (воды' тро'шкы), в во'ду поста'выла глы'няный кушы'н, в ёго положы'ла

па'клю с пря'дива и запалы'ла. А як загори'лась па'кля, пырывырну'ла кушы'н ввэрх дном и потро'шкы, потро'шкы ста'ло мини' лэ'киэ, и я засну'ла – и пырыста'ло боли'ть (ст-ца Азовская Северского района).

С целью знакомства обучающихся с особенностями мировидения носителей КГ составляются задания, направленные на поиск студентами высказываний информантов, в которых содержатся сведения об аксиологических ценностях, принятых в диалектном сообществе. Так, например, в заданиях предлагается отобрать из региональных словарей словарные статьи, где представлены иллюстрации, раскрывающие отношение информантов к казачьему укладу прошлого, лени, богатству / бедности, семье и т.п.

Отметим также прикладное значение иллюстративной зоны «Опыта словаря кубанских говоров» [Борисова 2018]: приведенные в ней оправдательные примеры выступают в роли образца для оформления студентами материалов диалектологической практики.

Важный компонент словарной статьи – география, с учетом которой может быть предложено следующее задание:

Задание. Опираясь на географическую зону регионального словаря, выявите 1) локализмы, 2) диалектизмы, функционирующие в КГ с южнорусской основой, 3) диалектизмы, функционирующие в КГ с украинской основой, 4) диалектизмы, входящие в общекубанский лексический пласт.

Как известно, толковые диалектные словари могут служить базой для составления словарного комплекса. «Тенденция “от общего толкового словаря – к системному описанию диалекта в словарных комплексах” реализована в уникальной серии инициированных О.И. Блиновой словарей сибирского (Вершининского) говора» [Иванцова 2018: 9]. Предварительная работа по созданию серии словарей на материале толкового словаря КГ ведется на семинарах, на которых студенты составляют (на выбор) фрагменты словарей следующих типов: синонимов, антонимов, профессиональной лексики, устойчивых сравнений, фразеологический, мотивационный, тематический, идеографический. Подобная деятельность формирует навыки лексикографической обработки диалектного материала.

Используемые в образовательном процессе многообразные типы упражнений демонстрируют широкий учебный потенциал диалектных словарей. Безусловно, он не исчерпывается дидактическими возможностями лексикографических источников, поскольку разработка словарного состава народных говоров, как справедливо отмечал Ф.П. Сороколетов, способствует «расширению и углублению проблематики диалектно-лексикологических исследований» [Сороколетов 2011: 315].

Литература

Андрющенко В.И., Иванова Р.Я., Иванова Т.Г. Словарь фразеологизмов говоров Кубани. Армавир: АГПУ, 1994. 172 с.

Андрющенко В.И., Иванова Р.Я., Иванова Т.Г., Пелих В.М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир: АГПУ, 2006. 299 с.

Борисова О.Г. Кубанские говоры: Материалы к словарю. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. 253 с.

Борисова О.Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и ее реализация: дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2019.

Борисова О.Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.

Иванцова Е.В. Тенденции развития русской диалектной лексикографии в зеркале локальной системы словарей // Известия РАН. Серия литературы и языка, Т. 77 (№ 2), 2018. С. 5–14.

Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику / сост. И.В. Кириченко, В.М. Пелих. Армавир: РИЦ АГПУ, 2019. 224 с.

Мастепанов С.Д. Словарь говора казачьего населения станицы Отградской Краснодарского края. Армавир–Отградная: издатель Шурыгин В.Е., 2013. 192 с.

Русский говор Кубани. Словарь / под ред. Е.П. Шейниной и Е.Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. 414 с. // Деп. в ИНИОН РАН. № 47266.

Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион / сост. В.И. Андрющенко, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова, В.М. Пелих; отв. ред. В.М. Пелих. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. 264 с.

Сороколетов Ф.П. Диалектный словарь в системе словарей национального языка // *Сороколетов Ф.П.* Избранные труды. СПб.: Наука, 2011. С. 315–335.

Ткаченко П. Кубанский говор: Опыт авторского словаря. Краснодар: Традиция, 2008. 288 с.

*Borisova Olga G.
Kostina Lyudmila Y.*

Regional dictionary: didactic opportunities in teaching dialectological disciplines in high-school

The article uses the examples of the Kuban-region sub-dialect dictionaries to demonstrate the exploitation of the didactic potential of the regional lexico-

graphical sources during practical sessions on disciplines with dialectological focus for students of philological faculties. It demonstrates that all the structural parts of a dictionary entry (entry word, transcription, grammar and usage labels, interpretation, illustrative material, lexical unit's geography) may be used to compose diversified assignments to reinforce knowledge, gained during the lecture course, and form skills for the dialect phenomena analysis. It provides examples of assignments, tried out during seminar classes, aimed to characterize the dialect lexico-phraseological material by various parameters. It highlights the importance of use of substantiative examples which facilitate training of students' skills to search and qualify specific linguistic facts. It justifies the necessity to select assignment illustrations which represent informant statements containing data on axiological values adopted by the sub-dialect community. For the purpose of teaching methods and principles of lexicographical processing of the dialect material, it introduces assignments on the use of the regional definition dictionary as the basis for comprising fragments of dictionaries of other kind.

Keywords: regional dictionary, didactics, dialectology, regional linguistics, dictionary of the regional dictionary, illustrative zone of the regional dictionary.

Васильев Валерий Леонидович
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва
vihnn@mail.ru

**К истории севернорусских и новгородских ландшафтных терминов
(*орга, орогъ, ворог, рогач, ольга*)**

В статье исследуются несколько русских ландшафтных терминов, заимствованных из прибалтийско-финских языков. Одни из изучаемых слов распространены в говорах Русского Севера (Карелия, Вологодская и Архангельская области), другие отмечены только в лексике и топонимии Новгородско-Псковского региона. Уточнены хронология и территория усвоения древнерусским населением рассматриваемой ландшафтной лексики прибалтийско-финского происхождения, конкретизированы ее языковые источники. Для каждого из исследуемых ландшафтных терминов кратко обрисованы ареал и семантическая структура. Много места в статье уделено термину *орогъ*, который впервые квалифицируется как особое, самостоятельное древнее новгородско-псковское заимствование, отличное от широко известного севернорусского *орга*. Привлечены топонимические данные, раскрывающие отдельные моменты исторического развития исследуемой ландшафтной терминологии.

Ключевые слова: ландшафтный термин, заимствование, ареал, прибалтийско-финский, севернорусский, Новгородско-Псковский регион.

Севернорусская и новгородская (в меньшей степени псковская) диалектная лексика включает множество пересечений, тождественных и сходных лексем, что в общих чертах объяснимо средневековыми культурно-историческими связями Русского Севера главным образом с Приильменем и Поволховьем, актуальными преимущественно для древнерусской эпохи. Действительно, славянское заселение Русского Севера, в особенности районов Карелии, Мурманской области, северных районов Вологодской и Архангельской областей, в наибольшей степени проистекало из окрестностей Ильменя, включая смежные с Ильменем системы рек Мсты, Ловати, Шелони и прилегающие к ним течения Луги, Плюссы, Сяси, Мологи. На первом этапе происходила восточнославянская колонизация племенами кривичей и словен ильменских обрисованной Приильменско-Поволховской зоны. Этот этап длился с эпохи раннеславянских миграций VI–VII в. в этот регион и до 2-й половины X в., когда в Новгороде сформировалась городская структура, а Приильменско-Поволховская зона начала охватываться системой новгородских погостов, см. [Янин 2004: 129].

Регион племенной колонизации археологически очерчивается ареалами погребальных памятников культур псковско-боровичских длинных курганов и новгородских сопок. Наличие крупных судоходных речных артерий, связанных озером Ильмень в единый узел, ускорило племенную колонизацию столь обширного региона. На втором этапе начиная с XI в. осуществлялась уже собственно новгородская колонизация: внутренняя (заселение ранее не славянизированных участков Прильменско-Поволховской зоны) и внешняя, нацеленная на освоение прилегающих пространств территорий Русского Севера, развернувшаяся особенно интенсивно с XII–XIII вв., но прерванная в конце XV в. включением Новгородской земли в состав Московского государства. На обоих колонизационных этапах древненовгородское население контактировало с прибалтийскими финнами и заимствовало немало прибалтийско-финских лексем. В настоящей статье изложены отдельные наблюдения, относящиеся к истории нескольких русских ландшафтных терминов прибалтийско-финского происхождения и топонимов, отражающих эти термины.

Орга

Севернорусск. *орга*, обозначающее ‘густой дремучий, высокий еловый лес’, ‘непроходимый густой лес, чаща’, ‘топкое место, поросшее дурным лесом’, ‘овраг или топкое место, поросшее лесом’, ‘овраг, низина’, ‘лужа’, ‘покрытое плесенью озерцо’ и т.п., имеет довольно выразительный ареал в районах Южной Карелии, запада Архангельской обл. и северо-запада Вологодской обл., судя по данным [СРНГ 23: 330–331, 349; СРГК 4: 234; РДЭС: 558–559]. Этот заимствованный термин давно и надежно связывают с прибалтийско-финской лексикой, а именно с собственно карельск. *orko, orgo* ‘болото, поросшее лесом’, ‘сырая долина, поросшая еловым лесом, низменность’, ‘влажная низина с растущим на ней ельником’, ‘ложбина, низина, овраг’, ‘заливной луг’, ливвиковск. *orgo* ‘овраг; низина с водой’, согласно [Погодин 1904: 47; Kalima 1919: 177; Фасмер III: 149; SSA 2: 271; Мамонтова, Муллонен 1991: 68–69; РДЭС: 559; Кузьмин: 143].

Орогъ

К перечисленным севернорусским лексическим фактам необходимо добавить важный новгородский материал. Речь прежде всего идет о древненовгородск. *орогъ* из берестяной грамоты № 805 последней трети XII в.: «...орють орогъ», т.е. ‘пашут лощину, овраг’ [Зализняк 2004: 389–390]. Местность, о которой говорится в этой грамоте, не локализована. А.А. Зализняк [Там же] приравнивает *орогъ* к севернорусск. *орга* ‘болотистое топкое место’, ‘лощина, овраг’, возводя форму *орогъ* к более

раннему облику *орьгъ* со вставным редуцированным гласным¹, который устранил сочетание *рг*, нарушавшее закон открытого слога. В отличие от севернорусск. *орга*, восходящего к изосемантическому карельск. *orgo, orko*, древненовгородск. *орогъ* является заимствованием прибалтийско-финск. *org* – термина, отличного от *orgo, orko* отсутствием финального гласного: таковы вепск. *org* ‘овраг, низина’ [СВЯ: 382], людиковск. ‘овраг, узкая долина’ и эстонск. *org* ‘долина, лощина’ [SSA 2: 271].

Мы наблюдаем пусть и похожие, но все же не зависимые друг от друга самостоятельные лексические заимствования – севернорусское и древненовгородское, восходящие к родственным лексемам разных прибалтийско-финских языков, полученные в разное время и на разных территориях. Севернорусск. *орга*, судя по ареальным свидетельствам, было усвоено русскими на втором, новгородском этапе колонизации, а именно на территории Карелии, вероятно, в северных окрестностях Онежского озера. Термин вошел в русские говоры из карельских диалектов скорее всего после XIII–XIV вв., поскольку, по общепризнанному мнению, широкая, связанная с боярским и монастырским землевладением, колонизация указанной территории средневековым новгородским населением развернулась не ранее этого времени. Древненовгородск. *орогъ*, донесенное берестяной грамотой № 805, могло проникнуть в древненовгородский диалект как с запада – из эстонского ареала, так и с востока – из исторического вепского ареала. Судя по ранней фиксации термина (XII в.), его усвоение, вероятно, могло произойти еще на первом, восточнославянском этапе колонизации – где-то в центральных районах исторических Новгородско-Псковских земель, следовательно, на рано славянизированных территориях к югу от Финского залива и Ладожского озера и к западу от бассейнов Мологи, Чагоды и Паши.

Ворог

Историю древненовгородск. *орогъ* ‘овраг, низина’ можно подкрепить некоторыми дополнительными фактами. На мой взгляд, древненовгородский ландшафтный термин остаточно сохранился в виде тверск. *осташковск. вóрог* ‘овраг’ [СРНГ 5: 108], ранее о возможной связи *орогъ* и *вóрог* писал А.А. Зализняк [Зализняк 2004: 390]. Согласный звук *в* анлаута позволительно считать поздней протезой, но более вероятным выглядит его появление в результате контаминации *орогъ* (> *орог*) с термином *враг* ‘овраг’, отмеченным во многих среднерусских, в том числе тверских, говорах [СРНГ 5: 182–183]. Иное решение предложено в русском этимологическом словаре

¹ Исследователь [Зализняк 2004: 389–390] предлагает две версии появления гласного *о* в *орогъ*: либо в результате прояснения сильного *ь*, либо путем уподобления сочетания *орь* полногласному *оро*.

А.Е. Аникина [РЭС 8: 245], где осташковский термин возведен к архангельск., вологодск. *вóрга* ‘овраг, лог, ложбина’, архангельск. ‘заливаемое место на берегу реки, на острове’, ‘низкое топкое труднопроходимое место’, ‘топь на болоте’ и др., см. [СГРС 2: 172–173], сходные значения дают [Даль 1: 242; СРНГ 5: 98]. Однако сближению с севернорусск. *вóрга* препятствует значительное ареальное расхождение: термин *вóрга* имеет отчетливый севернорусский и отчасти сибирский ареал, не распространяясь западнее Вологодской обл. и Карелии (см. сводные ареальные данные в [ЭСРДС: 158; РДЭС: 142–143]), и на его фоне осташковск. *вóрог* ‘овраг’ выглядит ареально изолированным лексическим фактом. В свою очередь С.А. Мызников в своем диалектно-этимологическом словаре [РДЭС: 143] трактует осташковск. *вóрог* на исконной почве, рассматривая вместе с пермск. *ворóга* ‘обрыв’. Этой трактовке мешают фонетические нестыковки: требуется допущение гиперкорректного полногласного переложения термина *враг* ‘овраг’, что не находит никакого фактического подкрепления и в целом менее приемлемо, чем допущение контаминации *орог* + *враг*. В свою очередь пермск. *ворóга* ‘обрыв’ целесообразно обособить от осташковского слова и рассмотреть в гнезде севернорусск. *вóрга*; к возможности появления второго гласного *о* ср. архангельск. *вóрога* и *вóрга*, обозначающие ‘полоса, потёк’ [АОС 5: 86] и ‘след зверя’ [СГРС 2: 174, 179].

Говоры Приселигерья, включая окрестности Осташкова, в своем развитии были тесно связаны с говорами Псковской земли. На диалектологической карте 1964 г. они показаны вблизи восточной периферии Псковской диалектной группы [ДАРЯ I, карта IV]. Следовательно, если тверск. осташковск. *вóрог* и древненовгородск. *орогъ* исторически одно и то же слово, то источником этого раннего новгородского заимствования предпочтительнее считать эстонск. *org* ‘овраг’ (а не вепское и, тем более, не людиковск. *org*¹), поскольку только с эстонским этноисторическим ареалом находилось в межъязыковом контакте средневековое население Псковской земли.

Древненовгородск. *орогъ*, распространившееся на восток из районов псковского-эстонского межъязыкового обмена, по-видимому, оставило и топонимические следы неподалеку от восточного побережья Ильменя. Один из следов представлен названием *Рогомля* / *Рагомля* левого притока Холовы в нижнем течении Мсты, при речке стояла д. *В Рогумле* Холовского погоста 1495/96 г. [НПК II: стлб. 430]. Не очень далеко, опять же в Помостье, обнаруживается ойконимная параллель – д. *Рогомля* Островского погоста

¹ Людиковское наречие карельского языка, как известно, сложилось много позже XII в., поэтому людиковск. *org* ‘овраг’ в качестве источника древненовгородск. *орогъ* исключается.

1495/96 г. [НПК II: стлб. 103, 104, 113], локализованная при впадении р. Лягушки в р. Олешню. Ойконим *Рогомля*, судя по его строению и расположению именуемой деревни, является первоначальным гидронимом, названием реки¹. Пара гидронимов *Рогомля* могут объясняться как весьма старые производные с древневосточнославянской суффиксацией *-омля* от древненовгородск. *орогъ* (< *орьгъ*). В таком случае *Рогомля* идет из первичной формы **Орьгомля*, которая после утраты редуцированных пережила метатезу гласного и плавного.

Рогач

Изменение *орг-* > *рог-*, аналогичное изменению **Оргомля* > *Рогомля*, иллюстрирует западновологодск. *рѡгач* ‘низкое болотистое место, заросшее кустами и кривыми деревьями’ Шексн. [СРГК 5: 539]. В словаре [РДЭС: 678] оправданно отрицается сближение его с вепск. *rogo* ‘камыш’. Судя по значению, *рѡгач* безусловно получено из формы **ѡргач*, благодаря метатезе согласных. Первичная форма **оргач*, образованная при помощи суффикса *-ач*, отсылает, конечно, не к древненовгородск. *орогъ* (< **орьгъ*), а к севернорусск. *ѡрга* ‘топкое место, поросшее лесом’, широко распространенному в западных районах Вологодской обл. Единичная запись производного *рѡгач* позволяет считать, что мы имеем дело все же не с самостоятельным географическим термином, а с топонимом *Рѡгач*.

Ольга

Севернорусск. олонек. *ѡльга* ‘болото; топкое болото’ [Куликовский; Даль 2: 672] рассматривалось как заимствование финск. *alho* ‘низменное место, болото’ [Kalima 1919: 175]. Позднее к мнению Калимы присоединились авторы словарей [Фасмер III: 137; SSA 1: 69; Мамонтова, Муллонен 1991: 21]. В последнем из перечисленных изданий олонек. *ѡльга* соотнесено с собственно карельскими и ливвиковскими данными, такими как *alho* ‘болотистое место, пригодное для покоса; отдаленный покос; луг, ложбина’, фин. ‘ложбина, лощина’, диал. ‘омут (в реке, озере); яма’, и дан ряд соответствующих топонимов: *Alho, Alhot, Alhonkaivo, Alhonsuo* и др. С.А. Мызников, подробно верифицировавший фиксации этого термина, пришел к выводу, что В.И. Даль и Г. Куликовский взяли его из материалов П.Н. Рыбникова, причем фиксация Рыбникова является и первичной, и единственной. Это позволило высказать мысль о том, что уникальное севернорусск. *ѡльга* ‘болото’ не что иное, как

¹ Этой средневековой речкой **Рогомля* следует скорее всего признать современную р. Лягушка среди притоков Волмы, одного из левых притоков Мсты [Васильев 2017: 316].

случайный произносительный вариант рассмотренной выше лексемы *órga* ‘густой лес’, ‘низменное болотное место, поросшее лесом’, частотной и устойчивой в говорах Обонежья [Мызников 2004: 69–71; РДЭС: 555].

Мнение о том, что единичное олонецк. *óльга* – не что иное, как вариант *órga* можно поддержать ссылкой на севернорусскую топонимию, отражающую взаимозаменяемость *p* // *л*, например *Рем* / *ольга* (< **Räm* / *org*) и *Сюльга* (< *sürg* ‘гора’) в Подпорожском р-не, *Лин* / *серьга* (< **Lep* / *selga*) в Тихвинском р-не и др. (см. [Муллонен 2002: 65–66]). Преобразование *órga* в *óльга* скорее всего было опосредовано «мягким» промежуточным вариантом, таким как олонецк. *óрьга* ‘большой широкий овраг’ [СРНГ 23: 349]. С данным олонецк. *óльга* ‘болото’, очевидно, не имеют этимологической связи названия р. *Ольга*, правого притока Шексны бассейна Суды, и д. *Ольга* в Каргопольском р-не Архангельской области, в которых следует видеть закрепление карельск. *alho* ‘болотистое место’.

Литература

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–17. М.; Новосибирск; СПб., 2007–2023. – РЭС. (издание продолжается)

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с. – ЭСРДС.

Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецевой. Вып. 1–23. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–2022. – АОС. (издание продолжается)

Васильев В.Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 344 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1998.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика / под ред. С.В. Бромлей, Т.Ю. Строгановой. М.: Наука, 1986. – ДАРЯ.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Кузьмин Д.В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020. 272 с.

Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Отд-ние рус. языка и словесности Имп. Акад. наук, 1898. 150 с.

Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1991. 162 с.

Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Петрозаводский госуниверситет, 2002. 354 с.

Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 1064 с. – РДЭС.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.

Новгородские писцовые книги: в 6-ти т. СПб.: Имп. Археогр. комиссия, 1859–1910. – НПК.

Погодин А.Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. Т. 4. С. 1–72.

Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 747 с. – СВЯ.

Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2018. Вып. 1–7. – СГРС. (издание продолжается)

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2004. – СРГК.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ. (издание продолжается)

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.

Янин В.Л. Княгиня Ольга и проблема становления Новгорода // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. С. 127–129.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV. Helsinki, 1919.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1992–2000. – SSA.

Vasiliev Valery L.

On the history of Northern Russian and Novgorod landscape terms (*orga, orogъ, vorog, rogach, ol'ga*)

The article examines several Russian landscape terms borrowed from the Baltic-Finnish languages. Some of the studied words are common in the dialects of the Russian North (Karelia, Vologda and Arkhangelsk regions), others are noted only in the vocabulary and toponymy of the Novgorod-Pskov region. The

chronology and territory of assimilation of the landscape vocabulary of Baltic-Finnish origin by the Old Russian population have been clarified, and its linguistic sources have been specified. For each of the studied landscape terms, the area and semantic structure are briefly outlined. Much space in the article is devoted to the term *orogъ*, which for the first time is qualified as a special, independent ancient Novgorod-Pskov borrowing, different from the well-known Northern Russian *orga*. Toponymic data are used that reveal individual moments of the historical development of the landscape terminology under study.

Keywords: landscape term, borrowing, area, Baltic-Finnish, Northern Russian, Novgorod-Pskov region.

Васильева Ольга Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург
barcarola@list.ru

Лексема *поршни* и ее дериваты в псковских говорах

В статье представлен весь материал, собранный на слово *поршни*, в диалектологических экспедициях, проводившихся в Псковской области по теме «Псковский областной словарь с историческими данными» с 1945 года по настоящее время (более 700 фиксаций). Описаны разные виды поршней, которые изготавливались в Псковской области, материал, из которого шилась данная обувь, ее назначение. Указываются акцентологические и грамматические варианты лексемы, особенности ее употребления, приводятся составные номинации, в состав которых она входит, анализируются сравнения разных реалий с данным объектом, дериваты лексемы *поршни*, представленные в материалах Псковского областного словаря. Даются сведения о лексеме *поршни*, приводимые в этимологическом и историческом словарях, а также в «Словаре русских народных говоров», позволяющие сделать вывод об употреблении данного слова в русском языке разных периодов и разных территорий.

Ключевые слова: Псковский областной словарь, диалектная лексикография, лексема поршни, этнографизм.

В 2024 году готовится к публикации 29-й выпуск «Псковского областного словаря с историческими данными» (пойти – поляшить) [ПОС], тогда как словарные статьи разработаны уже для трех следующих выпусков. Только в 31-й выпуск войдет слово *пóршни́*, представленное в картотеках ПОС огромным количеством материала, чем и обусловлено желание показать лексикографический портрет этого слова уже сейчас.

Статистика по лексеме следующая. Слово было зафиксировано более 700 раз, начиная с самой первой экспедиции (1945 г.) по настоящее время, в 34 районах Псковской области (часть из которых была в разные годы упразднена) – то есть практически повсеместно. Это закономерно, поскольку поршни, наряду с лаптями, были преобладающим видом обуви псковского крестьянства (и не только псковского) в период полевых работ, а иногда и не только в указанный период, так как кожа, безусловно, прочнее лыка, из которого плелись лапти, а изготавливались поршни, как и лапти, самими крестьянами, в отличие от дорогостоящих сапог, сшитых мастерами. *Другой обуви ня знали, акрамя пóршниф*. Печ.

Слово *поршни* относится к исконной лексике – в этом согласны все этимологи, однако версии происхождения слова расходятся: Макс Фасмер, приведя вслед за В.И. Далем астраханское *пóрушень*, а вслед за А.А. Шахматовым полногласное *пóрошень*, ссылается на мнение А.И. Соболевского, согласно которому **порчни* происходят от **пъртъ* ‘лоскут’, считает менее вероятным родство лексемы со словом *поросенок*, а также приводит гипотезу И.С. Вахроса, который сближал слово *поршни* с диалектным русским именем прилагательным *пóрхлый* ‘рыхлый, мягкий’ [Фасмер III: 337].

Обратившись к историческим словарям, видим, что эта лексема, сейчас мало кому знакомая, употреблялась в древнерусских текстах с XI века: первая фиксация в «Словаре русского языка XI–XVII веков» относится к 1074 году, последняя к 1671 году, причем это тексты, созданные в разных регионах Руси – и в Москве, и в Архангельске, что указывает на распространенность данной номинации в древнерусском языке [СлРЯ XI–XVII вв. XVII: 145]. И хотя значение слова в этом словаре сформулировано как ‘башмак, гнутый из одного куска кожи’ [Там же], считаем, что это абсолютно то же самое значение, что и в ПОС, где оно сформулировано как ‘самодельная кожаная обувь разного покроя, которую носили, как правило, летом, работая в поле или на покосе’. (Отметим, что все формулировки значений и употреблений, приводимые здесь для слова *поршни* и его дериватов в псковских говорах, являются авторскими и в дальнейшем, при редактировании выпуска ПОС, в который войдет данное гнездо, могут быть уточнены или видоизменены.) Таким образом, мы видим, что слово *поршни* употреблялось уже в Древней Руси, было известно как в центральных, так и в северных землях, причем в том же значении, которое сохранилось и в псковских, и во многих других говорах вплоть до XX века. В «Словаре русского языка XVIII века» лексема *поршни* сопровождается пометой «областное» и толкуется как ‘род легкой кожаной обуви’ [СлРЯ XVIII в. XXII: 129]. Логическое продолжение находим в «Словаре русских народных говоров», который включает материалы, записанные на протяжении двух последних столетий в самых разных регионах России. По данным этого словаря [СРНГ 30: 116–118], имя существительное *пóришни* (ед. *пóришень*, м.) многозначно, первым значением выводится то же, что является основным и в псковских говорах – ‘короткая легкая обувь, изготовленная из одного, иногда нескольких кусков кожи, стянутых вокруг ступни шнуром’ – со ссылкой на академические словари 1822, 1840 и 1847 годов, приводится этнографически полное описание реалии, отмеченной В.И. Далем в Ставрополье и Терском крае: «Поршни вообще не шьются, а гнутся из одного лоскута сырой кожи или шкуры (с шерстью), на вздержке, очкуре, ременной оборе, обычно поршни из конины, лучшие из свиной шкуры, есть и тюленьи и пр., их более носят летом, налегке или на покосе, где

трава резуча» [СРНГ 30: 116]. Таким образом, мы видим, что основное значение слова *поршни* в псковских говорах XX века тождественно единственному значению этой лексемы в русском языке XI–XVIII веков и основному же значению XIX–XX веков в самых разных русских народных говорах. Помимо этого основного значения в СРНГ у лексемы *поршни* зафиксированы значения ‘головки сапог, опорки, старая изношенная обувь без голенищ’ (новгородские, тверские, ярославские, саратовские, архангельские, олонечские говоры), и ‘лапти из бересты или из лыка’ (костромские, ярославские, тверские, калининские, новгородские, псковские, смоленские говоры) [СРНГ 30: 117–118].

На этом широком диалектном фоне обратимся теперь к данным псковских говоров.

Из цитат узнаем, из чего и как изготавливали поршни. *Поршни шьли с любой кажурины*. Пск. 2002. Это основной материал, имевшийся в каждом не самом бедном хозяйстве. *Паршни – как лапти, только с кожи делались с абнакавённой: с тьяльчяй, с свинёвьей, с конской*. Себ. 1961.

При этом кожа могла быть как выделанной, так и с шерстью. С одной стороны: *Поршни – кусок адйн, вьряжа сырамятнай кожи, патом вот так сашьют, а здесь делают дырачки*. Печ. 1972. *Поршни шьли. Жёлтай кожи, юхта, грубее как стилька*. Сл. 1957. И, с другой стороны: *Поршни делали дажы из невядяланой кожи. Большиэ латышы делали такие поршни кверх шёрстью*. Беж. 2003. *Я делала рябяттам поршни с тьяленка, внис шёрстью – долшы носица*. Печ. 1995.

Однако даже кожа не всем и не всегда была доступна, поэтому поршни могли шить из других материалов, например, из голенищ сношенных сапог: *Васька, дай мне твай галянишии – поршни сладить*. Пск. 1961. *На пожню поршни лядю са старых сапагоф*. Эст. 1960. *Хадили ф паршнях: стареа галянишии астаница – сашьёи талстой ниткай, как пятёлачки прабьёи, да затяниши вярёфкай*. Пск. 1966,

или вовсе из резины: *Паршни с рязины сашьёи, как лапти*. Вл. 1973. *Поршни сами шьют из резины. А вот сначала имат, патом пришиваца галофка, патом ушики делают*. Тор. 1963. *Бярёца рязина, галофку пришиваеи, заверниши вярёфкай – и поршни*. Пуст. 1962,

а иногда и из других подручных материалов: *Поршни ис чиво-нибуть делали*. Печ. 1960. *Поршни – кто с кожи, кто с чаво – на синакос насили*. Пушк. 1958. *Раньша насили поршни или дуплянки. Шьюца с кожи или с чиво-нибуть. На наге свёрху вярёфкай абалтываим*. Ляд. 1959. *Мать, бывала, найдёт астатки кожи или бризента. Накрутит туды партянки. И вярёфкай завяжыт и закрутит. Вот и паршни*. Себ. 2006.

В цитате 1976 года поршнями называется плетеная обувь, как из кожи, так и из бересты: *3 бирёсты поршни пляли, с кожи*. Порх. 1976.

А в цитате 1960 года – вязаная: *Ду́ня мне шырстяны́и вяза́нки связа́ла. Башмаки́, та́пачки, ато́пки – а то по́ршни вяза́ныи.* Остр. 1960.

В одной цитате данной лексемой называются обрезанные сапоги: *А то бы́ли в нас по́ршни там – абре́заныи сапаги́.* Дн. 1995. Очевидно, что в последних трех примерах слово употребляется заместительно, поскольку способ изготовления обуви во всех этих случаях совершенно иной.

Обращает на себя внимание тот факт, что в приведенных выше материалах СРНГ, записанных в разных регионах России, такое расширительное употребление слова *поршни* также неоднократно зафиксировано, что говорит о популярности данной номинации в говорах.

Поршни в Псковской области изготавливались разными способами. Они могли быть самыми простыми, без пятки: *А по́ршни де́лают врóди та́пак. Он выкра́иваица, патóм саедина́ют, шишва́ют. Пя́тка го́лая.* Пск. 1999. *По́ршни с ко́жы, как санда́ль, с вушнюка́м. Абóрам привязыва́лся. Три вушника́: за́ди вушник и па бака́м.* Оп. 1958,

и даже без головки: *По́ршни цы́лико́м выкра́иваи́лись. Праруба́ли ды́рки, и туды́ абóрки вдива́ли. Ани́ бы́ли биз гало́вак.* Пл. 1958.

Однако во многих цитатах речь идет все же о полноценной обуви, имеющей пяточную часть: *По́ршни – кусо́к ади́н, вы́ряжа сырамя́тнай ко́жы, патóм вот так сашьóт, а здесь зде́лают ды́рачки, здесь пя́тку стя́нут ётым, што́бы на пя́тки бы́ли. Праде́нуть вярёва́чку. Пя́тка асо́бинна бы́ла затя́нута, укура́тна, што́п наги́ ни скало́ть.* Печ. 1972.

В других случаях словом *поршни* называлась еще более сложная в изготовлении обувь: *По́ршни шы́ли ара́ть да барнава́ть, на па́лец высаты́. На гвазда́х, крёпкие. Париня́ бес кало́тки ни сашьёи.* Сл. 1957. И даже – поршни с каблуком: *По́ршни вот как де́лали: к падо́шве гало́фку прибыва́ли деревя́нным гваздо́м и пя́тку. Фсе́ ко́жано. И каблуцо́к был.* Оп. 1971. Очевидно, что описываемая здесь реалья уже ближе к башмаку, чем к традиционному поршню.

Чаще всего поршни нужны были для работы в поле и на покосе: *По́ршни – и барани́ли и паха́ли в них, да́жы каси́ли, што́ ани́ лёккие.* Остр. 1997. *Тепе́рь и в дере́вне поршо́н нет. В них на робо́ту то́лько ходи́ли, ф пра́зник не одева́ли.* Гд. 1959. *Ф по́ршнях паха́ли и дру́гую робо́ту де́лали.* Беж. 2003.

Однако кое-где их носили постоянно, не только на работу: *По́ршни с ко́жы таки́е шы́ли, как ла́пти. Абóркам привязыва́ли. В йих и в бала́та хади́ли, и на гуля́нку.* Кр. 1983.

Что касается бытования в псковских говорах номинации *поршни*, то она может быть с разным ударением (*по́ршни* и *поршнѝ*), встречается с иной флексией множественного числа (*поршня́*), с разными формами родительного падежа (*по́ршнѝй, по́ршнев, поршнѝв, поршо́н*), а в

единственном числе может быть как лексемой мужского рода (*пóршёнъ*), так и женского (*пóршнѣ*). Среди форм в единственном числе чаще бывает мужской род, но есть и женский: *Ф сапагу́-та яму́* [гаду, змее] *ня пракусить, а паршню́ пракуси*. Сер. 1956. *К Митро́хи на́дась схадить, штоп поршни зделал: поршня прадрáлась*. Остр. 1957.

В целом ряде примеров наблюдается употребление этого слова в единственном числе в значении множественного: *Я ня знал ни сапага́, ни паршнѣ*. Печ. 1976. *А лётам поршынь. З галóфкай, закряста́и абóркам нагу́, к поршню́ ушки пришью́т и вдéнут абóрачку, и вот абувáиш*. Пск. 1946. *На наги лапато́к, поршынь*. Пск. 1998. *Поршынь даду́ть, аише́ што́*. Дед. 1965. *Поршынь, гужо́вик, ва́линец – фся абу́ф*. Остр. 1964. *Ф каво́ поршынь есь – бага́тый шыта́лся*. Остр. 1978. *Зи́мная [обувь] – ла́пать, лётам – аста́ш и поршынь*. Пушк. 1958. *Тряпа́лам вы́чистят [лён] – да и пряди́. А то́ ф поршэнь-та не го́жа*. Печ. 1966.

Лексема выступает в составе трех составных номинаций, обозначающих конкретные разновидности данной обуви: > **Чухо́нские поршни**. *А ешиё́ поршни чухо́нскии насѣли: имат пастáвлина – и ён ка́кта заварати́мишы*. Оп. 1964. > **Хохла́тые поршни**. ‘Такая обувь из шкуры мехом внутрь’. *Заре́жут тьялёначка, вы́вернут шку́ру – э́та хахла́тые поршни*. Палк. 1981. *Шы́ли хахла́тые поршни с каня́, тилёнка*. Гд. 1990. > **Поршни-сы́рницы**. ‘Такая обувь из сыромятной кожи’. *А лётам паха́ри шы́ли поршни-сы́рницы. Он прóста так вы́ризан, а тут так засубо́рют. Патом абóринай то́же вакру́к наги́ апкру́тют и с партя́нками но́сют*. Остр. 1970. Имена прилагательные, входящие в состав этих номинаций, характеризуют, в первом случае, то, что способ изготовления определенного вида поршней на Псковщине был заимствован у соседей-эстонцев, а в двух других – собственно особенности изготовления поршней – уже отмеченные выше широко распространенные вариации на тему материала (шкура или кожа, и если шкура, то с какой стороны, внутри или снаружи, будет мех).

Примечательны примеры, в которых лексема используется в качестве сравнения: *Картóшка мя́ккая как поршынь*. Пск. 1980. *Агу́рцы́ как поршни ста́ли: сляжа́ца, вы́макнут – и адна́я ко́жа аста́неца*. Гд. 1981. *На бала́нду-та сел – так спал: ко́жа как паршэ́нь абйё́хала*. Гд. 1965. И если мягкость кожи для обуви – положительное качество материала, то во всех приведенных цитатах мы видим, что предметы, которые сравниваются с поршнями, утратили свое первоначальное свойство (плотность, упругость, твердость) и сравнение имеет пейоративную окраску.

Буквально единичные цитаты (из более, чем 700) для слова *поршни* выведены за пределы первого значения. Так, в единственной цитате на дериват **порша́нишки** представлено, с одной стороны, прямое толкование

значения этого слова самим диалектоносителем, а с другой стороны – информант говорит о полной синонимии производного и производящего: *Паршанышки – сапошки с ко́жы, поршни йих яшио́ называ́ют*. Дн. 1969. На основании этой цитаты можно сделать вывод, что лексема *поршни* изредка в псковских говорах употребляется и для номинации сапог. Подтверждение этому факту находим и в СРНГ, где для цитаты, записанной на Псковщине и не содержащей никаких свидетельств того, что это какой-то иной вид обуви, отличный по способу изготовления от самого распространенного (*Поршни носили со своей телячьей шкуры, самы́ делали, вверх шерстью*), формулируется значение ‘башмаки из невыделанной телячьей кожи, шерстью наружу’ [СРНГ 30: 117], почему вслед за этим авторитетным источником и в ПОС приведенная цитата приводится вслед за данной формулировкой. Напомним и уже приводившуюся выше цитату, в которой говорилось о сложной структуре реалии, называемой в псковском диалекте *поршнями*: *Поршни вот как делали: к подошве гало́фку прибива́ли деревя́нным гваздо́м и пя́тку. Фсе́ ко́жано. И каблуцо́к был*. Оп. 1971. Таким образом, можно сделать вывод, что иногда словом *поршни* в псковских говорах именуется обувь типа башмаков, что не вписывается в общую формулировку основного значения, подтверждаемого подавляющим большинством псковских цитат (‘короткая легкая обувь, изготовленная из одного, иногда нескольких кусков кожи, стянутых вокруг ступни шнуром’).

И еще одна цитата, записанная нами в Псковской области, однозначно свидетельствует о том, что в ней речь идет не об обуви, а о своего рода кожаных носках или следках: *А пад ла́пти по́ршни адива́ли. Их шы́ли ис то́нкой ко́жы*. Дед. 2005. Данный пример, с одной стороны, весьма интересен своей исключительностью, а с другой стороны, как представляется, еще раз подтверждает, что слово *поршни* настолько было привычно в псковских говорах, что в очередной раз расширяет свое значение – в данном случае не по семе ‘обувь’ (начиная соотноситься с плетеными, вязаными и сколоченными видами обуви), а по семе ‘материал’, соотносясь с кожаными изделиями, надеваемыми на ноги под обувь.

Все 12 дериватов лексемы *поршни*, отмеченные в псковских говорах, (*порша́нышки, порша́нкі, порша́ночки, поршені́шки, по́ршенкі, по́ршенькі, поршнёнкі, поршині́шки, поршня́к, поршо́нки, поршо́ночки, по́ршны́е ла́пти*), как видим, являются именами существительными (включая одно именное сочетание), содержат оценочные суффиксы (преимущественно ласкательные), и в подавляющем большинстве случаев соотносятся с теми же денотатами, что и само слово *поршни*. Закономерно, что чаще всего производные коррелируют по семантике с лексемой *поршни* в ее основном значении.

Мелиоративной окрашенностью обладают следующие дериваты:

поршанкі: Паршанкі с кóжы. Скати́ну зарéжут, да са́ми вѣдилают. И прадивáлася тисья́ ф паршанкі, штоп дяржáла, и хаді́ли так лѣтам. Гд. 1994. И атѣц с кóжы здѣлает паршанкі. Гд. 1994.

поршанóчки: С кóжы паршыно́чки дѣлают. Печ. 1977.

пóршенкі и **пóршенькі:** Вясно́й паха́ть – адéнит кафта́н, абúют паршынькі – и ф по́ле. Пск. 1992. Мужыкі́ насі́ли пóршынькі с абóрам. Оп. 1964. Абúют паршанкі с кóжы. Бýла паха́ли-та фсѣ́ ф паршанка́х. Пск. 1973. Пóршанкі саи́хѣи. Пыт. 1979.

поршóнки: Ф старину́, бывáла, ф паршóнках паха́ли. Порх. 1967. Такіе паршóнки атѣц здѣлает ис кóжы. Шэ́рсть-та вѣганя́т. Тясьму́ прадява́ли, на нагі́ замата́ют. Гд. 1994. Паршóнки абúют – лѣгинька и харашо́. Ф по́ле идúт. Н-Рж. 1978. Ушóчки збóку у паршóнак бýли, в них убóрки пришьó. Гд. 1959. На рабóту насі́ли паршóнки, а типéрь их ни нóсят. Бывáла, и мушы́ны ф паршóнках хаді́ли. Жать, касі́ть. Нага́ ф паршóнку, убóрачкам сабярём и завязываем. Шшы́ва́ли дра́твай, забалáнывали абóрачки. Гд. Лядины, 1959. Ф старину́, бывáла, и пóршни насі́ли, ф паршóнках паха́ли. Порх. Слобода, 1967.

поршóначки: Паршóначки с кóжы. Жать, касі́ть – фсѣ́ ф паршóначках. Вєсь паршóначик кажанóй. Гд. 1959.

Некоторые дериваты обладают, наоборот, пейоративной окраской:

поршнѣ́нкі: Насі́ли таи́нѣшанькі, как паршнѣ́нкі. Ё́их насі́ли завѣрнутые, и на я́рманкі адивáли. Остр. 1960.

А также собирательная номинация **поршнѣ́к:** Сапо́к нѣту – паршнѣ́к. А то дрѣ́вые, мо́крые. Замѣ́ршы – нóги кра́сные. Остр. 2007.

Применительно к отдельным лексемам установить тип коннотации бывает затруднительно:

поршнѣ́шкі: Па́шым, два рас па́шым. Абúиши паршнѣ́шкі. Дн. 1969. Паршнѣ́шкі адéну и па картóшкі хажу́. Остр. 1961. Пóршни с кóжы дѣлали. Ку́пиши на паршнѣ́шкі. Сапаго́ф-та ни насі́ли. Печ. 1960. Абúтки в нас са́мые што ни єсь хадавы́е бýли – ла́пти, круцо́вики, цу́ни да паршнѣ́шкі. Н-Рж. 1968. Паршнѣ́шкі чѣ́рис плицó – и абудѣ́нкам вѣ́рст шыисѣ́ят атмаха́иши. Н-Рж. 1967.

Двусоставная номинация **пóршные лапти** лишена какой-либо коннотативности: Пóршные ла́пти – те с кóжы. Палк. 1961.

Весь приведенный корпус цитат на дериваты лексемы *поршни* в псковских говорах коррелирует с основным лексическим значением производящего, суффиксы в их составе отвечают за вариативность коннотации, которая может отсутствовать, быть положительной или отрицательной. Вместе с тем среди производных встречаются и другие случаи употребления, как совпадающие, так и не совпадающие с семантической вариативностью производящего слова. Как пример

совпадения отметим, что дериватом **поршенішки** заместительно обозначается обувь, изготовленная не из кожи или шкуры, а из резины: *Паршыніішки с каміры здéланы*. Печ. 1959. А у двух номинаций, **пóршен(ь)кі** и **поршóнки**, имеется особое значение – ‘тряпичные тапочки’: *Паршанькі саішўт с сукна́. Ф кавó што есь. То баішмачкі*. Н-Рж. 1957. *Кавó ш! На́да пакóйнаму паршынькі с сукна́ шшыть*. Сл. 1957. *Тóжы с тóчи шшы́ли паршанькі – и фсё*. Дед. 1972. и *Ф паршнѣх ня клáли* [в гроб]. *Саішыóть туфельки, паршóнки*. Н-Рж. 1957. В первой приведенной цитате ничего не сказано, для кого шьется такая обувь, зато во всех остальных есть важная деталь: это специальная ритуальная обувь как элемент траурного обряда.

Самый частотный дериват, имя существительное **пóршен(ь)кі**, попало и в частушку: *Ничивó, што ты красіва, И галóшы на нагáх. Я парнішычка смазлівы́й, И ва рвáных паршанкáх*. Полн. 1957.

Про особую семантику деривата **порші́нишки** (соотнесенность с другим денотатом) писалось выше, в связи с семантической вариативностью производящей лексемы. Наконец, еще один дериват, имя существительное **поршóнники**, обозначает не обувь, а людей, которые ее носили. Это ‘коллективное прозвище жителей части Печорского района, живших у озера и носивших поршни (в основном значении)’: *Мы бы́ли паршóнники, мы бы́ли абазэ́рье, а ані ла́патники*. Печ. 1972.

Большая часть дериватов от имени существительного *поршни* представлены в ПОС где одной, где двумя-тремя, максимум пятью цитатами. Чуть чаще употреблялось слово *поршóнки* (записано более 10 примеров). Но самый частотный дериват – ласкательное существительное **пóршен(ь)кі** – записано более чем в 30 деревнях Псковщины в 50-е – 90-е годы XX века. И оказалось, что компонентом единственного образного фразеологизма стало именно слово *поршенёк*, а не производящее слово *пóршень*: **А Откі нуть поршенёк** ‘прилечь отдохнуть, поспать’. *Другóй рас хóдиш-хóдиш: «Ой, дяфчáта, пайдў, аткі́ну паршанёк!» – сон-та слáиши мёду*. Печ. 1970. И то, что здесь в состав фразеологизма вошла ласковая номинация *поршенёк*, не случайно, поскольку по модели *откинуть что-либо* образуется единица не с семантикой ‘умереть’, а со значением ‘уснуть’. По всей вероятности, и использование слова не во множественном, а в единственном числе также служит созданию переносного, положительного значения.

Таким образом, можно сделать вывод, что имя существительное *поршни*, как и его дериваты, представленные в древнерусском языке почти с самого начала существования письменности на Руси и зафиксированные в разных регионах России в разные века, обозначали вплоть до XX столетия весьма востребованную и широко распространенную реалию, чем и объясняется высокая частотность данной номинации, в частности, в

рассматриваемых псковских говорах, на фоне невысокой семантической вариативности описанной лексемы и ее производных.

Литература

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская, С.М. Глушкина, Л.А. Ивашко, А.И. Корнев, И.С. Лутовинова и др. Л.-СПб.: изд-во ЛГУ, изд-во СПбГУ, 1967–2020. – ПОС. (издание продолжается)

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ. (издание продолжается)

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев, Г.А. Богатова, В.Б. Крысько. Вып. 1–32. Л.; М.: Наука; ИРЯ РАН, 1984–2023. – СлРЯ XI–XVII вв. (издание продолжается)

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. М.; СПб.: Наука, 1975–2019. – СлРЯ XVIII в. (издание продолжается)

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.

Vasilyeva Olga V.

The lexeme *porshni* and its derivatives in Pskov dialects

The article presents all the material collected on the word pistons during dialectological expeditions conducted in the Pskov region on the topic «Pskov regional dictionary with historical data» from 1945 to the present (more than 700 fixations). The different types of pistons that were manufactured in the Pskov region, the material from which these shoes were made, and their purpose are described. Accentological and grammatical variants of the lexeme, features of its use are indicated, the component nominations in which it is included are given, comparisons of different realities with this object are analyzed, derivatives of the lexeme pistons, presented in the materials of the Pskov regional dictionary. Information is given about the lexeme pistons, given in the etymological and historical dictionaries, as well as in the Dictionary of Russian Folk Dialects, allowing one to draw a conclusion about the use of this word in the Russian language of different periods and different territories.

Keywords: Pskov regional dictionary, dialect lexicography, pistons, etnografizm.

Вашичкова Дарья Александровна

Карлов университет

Прага

darja-vasicek@seznam.cz

**Полисеманты и омонимы со значением «часть тела животного»
в карпаторусинских говорах**

Статья посвящена изучению той части лексики русинских говоров карпатского региона, которая принадлежит к семантическому полю «часть тела животного». Объектом описания стали многозначные диалектизмы и диалектные омонимы, вошедшие в данное семантическое поле. Рассматриваются как названия частей тела животных, распространенные также в доминирующих литературных языках региона – *хвост*, *ікрá*, так и сугубо локальные диалектизмы *пáсемок*, *пáпiрки*. В основу исследования положены современные принципы классификации и описания диалектных полисемантов славянских языков. В статье рассмотрены методы построения семантических структур многозначных слов, их вариативность на карпатском диалектном материале и частотность тех или иных видов структур для семантического поля «части тела животных». Значительная часть статьи посвящена методам лексикографии карпаторусинского диалектного материала последних десятилетий.

Ключевые слова: карпаторусинские диалекты, диалектная лексикография, полисемия, омонимия, структура многозначных слов, семантические структуры.

В настоящее время во многих научных институтах происходят оцифровка и анализ материалов, накопленных в результате предыдущих десятилетий научной деятельности. Так, в Славянском институте Академии наук Чешской Республики завершена цифровая обработка Лексической базы данных южнокарпатских говоров по материалам И.А. Панкевича (далее – ЛБП). Это лексическая база диалектных материалов, собранных в Словакии и Закарпатье с 1920-х годов во время работы ученого в Славянском институте. Объектами внимания Панкевича были карпаторусинские говоры и материальная культура Подкарпатской Руси, входившей тогда в состав Первой Чехословацкой Республики. Лингвист собирал материалы для словаря южнокарпатских говоров в течение почти сорока лет, активно привлекая к этой работе местное учительство. Дело продолжили его ученики и последователи; перерыв в сборе материалов для словаря подчас исчислялся десятилетиями. Помимо материалов, собранных в процессе полевых исследований и переписки с учителями, Лексическая база данных

южнокарпатских говоров также включает в себя материалы «Русинско-венгерского словаря» Ласло Чопея, сборники этнографических материалов В. Гнатюка и других собирателей, а также материалы газет, издававшихся в Подкарпатской Руси. В целом она насчитывает более 118 000 карточек.

В результате работы с материалами базы было обнаружено, что значительное количество слов записаны с разными значениями в разных говорах. Учитывая тот факт, что в будущем на основе ЛБП планируется создание словаря южнокарпатских говоров, перед ее обработчиками стоит проблема разделения этих слов на омонимы и многозначные слова, что особенно немаловажно для материалов говоров, бытующих на пограничьях. Уникальность карпатского языкового ландшафта привлекает к себе внимания лингвистов уже не одно столетие, а сложность организации диалектных систем, находящихся в ситуации постоянной языковой интерференции, требует от исследователя кропотливой работы буквально с каждым словом, не позволяя широко объединять лексемы в одном этимологическом предположении. При этом один из главных исследователей карпатского языкового ареала С.Б. Бернштейн предостерегает от того, чтобы в вопросе о языковом субстрате и языковой интерференции склоняться на сторону только одной теории: «теория интерференции – это современный этап развития теории субстрата» [Бернштейн 2000: 180].

В работе по установлению ареала бытования лексемы в том или ином значении мы следуем за создателями ОКДА, чей метод создания семантических карт для отдельных диалектизмов позволил зафиксировать мельчайшие оттенки значений того или иного слова, проиллюстрировав географию его возможного возникновения и развития. Однако в работе над ЛБП мы столкнулись с тем, что иногда проследить развитие возможных полисеманта или омонима становится невозможно в силу особенностей бытования карпатского языкового союза. С.Б. Бернштейн писал, что «по ряду признаков диалекты различных славянских языков карпатской зоны связаны между собой теснее, нежели карпатские и некарпатские диалекты каждого славянского языка в отдельности» [Бернштейн 2000: 179]. Для понимания развития многозначного слова и возможности его различения с омонимом лингвисту необходимо фиксировать диалектные различия плана содержания, и семантическая карта оказывается прекрасным способом это сделать. О.Н. Мораховская пишет, что «большинство диалектных различий лексико-семантического уровня, как лексических, так и семантических, будучи многочисленными и многоплановыми, состоят из членов, соотносительных на основе тождеств и различий большого количества признаков» [Мораховская 1995: 218].

В случае картографирования данных карпаторусинских говоров возникает проблема неоднородного сбора материала как в семантическом

плане (те или иные семантические группы привлекали большее внимание ученых и тщательнее фиксировались), так и во временном (имели место разрывы в записи материалов сроком в несколько десятилетий). Например, в случае картографирования лексем, одним из значения которых является 'часть тела животного', исходя из сегодняшнего состояния материала и его доступности для сбора, мы вряд ли можем уверенно изобразить и наполнить диалектные изоглоссы семантических различий для того или иного слова. Однако объединив материалы, собираемые без малого столетие – Лексическую базу данных по материалам И.А. Панкевича, данные словарей и атласов, мы можем проследить некоторую динамику значений отдельных диалектизмов и сделать предположения относительно их происхождения.

Карпатский диалектный материал имеет свои особенности, которые обнаруживаются при лексикографическом анализе. После сопоставления толкования некоторых слов, отнесенных нами к полисемантам, может возникнуть ощущение, что речь идет о незначительных оттенках значения одного слова, а не о разных лексических значениях. Однако следует отменить, что мы имеем дело с зоонимами, зафиксированными в речи жителей традиционно животноводческого региона, для которых важны малейшие оттенки семантики. Важнейшей задачей лексикографа является их подробная фиксация. Как отмечал С.Б. Бернштейн, «традиционная карпатская лексика характеризуется не только семантическим тождеством, но и существенными семантическими различиями, которые очень часто противопоставляют не языки, а лишь диалекты <...> Семантические изоглоссы многих карпатизмов идут не по границам между языками, а внутри языковой территории» [Бернштейн 2000: 217].

Глубокая укорененность в карпатском ареале животноводства, зависимость образа жизни его жителей, в частности, русинов от особенностей горного пастушества породило множество связанных с ним народных терминов. Разница как между этими терминами, так и между обозначенными ими реалиями может быть неочевидна для лексикографа. Без знакомства с реалией или подробного расспроса информанта легко записать те или иные лексемы в синонимический ряд, тогда как для носителя говора между ними будет значительная онтологическая разница. Как справедливо замечает А. Вежбицкая, «тот факт, что ни наука о мозге, ни информатика не могут ничего сказать нам о связях между тем, как мы говорим, и тем, как мы мыслим, и о различиях в образе мышления, связанных с различиями языков и культур, едва ли доказывает, что таких связей вовсе нет» [Вежбицкая 2001: 21].

Между тем важно отметить неоднородную природу связей между отдельными значениями. По наблюдению Т.Е. Лебедевой, «в одних случаях смысловые отношения между значениями являются «когнитивным аналогом» (термин М.В. Никитина) связей предметов и явлений, в других –

возникают вследствие различных практических и мыслительных операций с объектами окружающего мира» [Лебедева 2002: 149].

Описывая диалектные полисеманты, мы обратимся к понятию семантической структуры или семантической парадигмы слова. Остановимся подробнее на толковании этих терминов. Г.И. Кустова предлагает двоякий подход к термину «семантическая парадигма», выделяя при этом парадигму как результат семантической деривации корневой лексемы и парадигму как исторически сложившуюся совокупность значений слова (см. [Кустова 2004: 31]. Главной задачей при описании парадигмы значений она ставит «выяснить, как говорящим удалось реализовать семантический потенциал слова» [Там же].

При описании многозначных диалектизмов нами была использована классификация, предложенная Т.Е. Лебедевой в диссертации «Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных)». В соответствии с ней были выделены полисеманты со следующими семантическими структурами: с доминантным структурообразующим признаком, с несколькими интегральными признаками, формирующиеся из нескольких групп значений, цепочечные и смешанного типа [Лебедева 2002]. Учитывая тот факт, что мы работаем со всем объемом значений, записанным для того или иного южнокарпатским диалектизма на сегодняшний день, то нам удастся представить структуру «результата семантического развития полисеманта» [Лебедева 2002: 38]. Лебедева называет схемы концептуальных связей значений полисеманта «способами концептуальной организации общественно-исторического опыта языковой общности» [Лебедева 2002: 40].

Обратимся далее к некоторым случаям полисемии и омонимии, когда одним из лексических значений слова является название части тела животного.

Слово **зук** было записано в ходе разных полевых экспедиций как на словацком, так и на украинском ареалах распространения карпаторусинских говоров. В ЛБП оно приводится в трех значениях: 1. ‘шум’, ‘гомон’ (Варадка, Дара, Чертижне); 2. ‘водопад’ (Косовская Поляна, Межгорье); 3. ‘свиное рыло’ (Верхнее Водяное, Шаришке Ястрабье). В АУГСС В.П. Латта отмечает слово **зук** в значении ‘водопад’ в селе Кружлов. Из десяти русинских сел, вошедших в сетку ОЛА, слово **зук** было записано в двух (Дубовое, Богдан) в значении ‘свиное рыло’. Таким образом, известные нам фиксации значения ‘шум’, ‘гомон’ для этого диалектизма были сделаны только на словацкой территории карпаторусинских говоров, значения ‘свиное рыло’ и ‘водопад’ фиксируются по обе стороны границы. Для уточнения распространения значений обратимся к дополнительным источникам. Если мы обратимся к данным соседствующих на севере Карпат

с русинскими говорами бойковских говоров, то обнаружим для субстантива *зук* значения 1. ‘бас’; 2. ‘тревожный слух’; 3. ‘радость, забава’ [СБГ 1: 198]. Если сопоставить все значения, в котором был записан этот субстантив, то обнаружится, что их связывает общий качественный признак неразборчивого шума в низком диапазоне, характерный для водопада, гудения насекомых (см. запись из села Чертижне в ЛБП: «*Пусть сто мух, та ті зроблять зук*»), а также для хрюканья свиньи. Скорее всего, все три значения можно соотнести с праславянским **gukati* – глаголом звукоподражательного происхождения [ЭССЯ 7: 169]. Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что перед нами полисемант, в семантической структуре которого присутствует доминирующий структурообразующий качественный признак, а все значения связаны между собой семьей ‘неразборчивый шум’.

Схожими лексическими значениями обладает субстантив *зучок*, однако имеет одно собственное и иную географию их распространения. Это слово было записано в значениях 1. ‘свиное рыло’ (Буштыно, Воловец, Торунь, Долгое); 2. ‘водопад’ (Олшинков, Рокитовце, Колбовце, Бжаны, Гунковце, Цернина, Ганиговце, Руска Воля, Малый Липник, Малый Сулин); 3. ‘колодец’ (Матисова); 4. ‘отверстия для муки в ручной мельнице’ (Легнава). Значения 1, 2 и 3 объединены качественным признаком «неразборчивый шум» (см. пояснение для *зук*), значения 1 и 4 – синестетическим признаком «выглядящий как свиное рыло». Перед нами диалектный полисемант с несколькими интегральными признаками.

Следующим диалектизмом, одним из значений которого является часть тела животного, является *дойка* с фонетическими вариантами *дуйка*, *дыйка*, *дийка*, *дйика*, *дййика*, *дбйика*. Этот субстантив обладает следующими значениями в южнокарпатских говорах: 1. ‘дойное домашнее парнокопытное животное’ (ср. в ЛБП: «*Котра ся вівця, коза, корова добрі доїть, то добра дйика*», Збудска Бела); значение было записано в русинских говорах Словакии в селах Збудска Бела, Кремна, Светлице, Варадка, Бехеров, Легнава, Красный Брод); 2. ‘дойная овца’ (Угря); 3. ‘дойная корова’ (Рокитов при Гуменном, Кремна, Светлице, Калийне, Варадка, Бехеров, Пихне, Стакчин, Медзилаборце, Камюнка); 4. ‘сильный ветер, вихрь’ в фонетическом варианте *дуйка* (Тварожец); 5. ‘кларнет’ (Неделя); 6. ‘подойник’ (Бедевля); 7. ‘кормилица’ (Люта, Ужгород, Тур., Великий Бычков); 8. ‘няня младенца’ (может быть и мужского пола) (Гуцульщина); 9. ‘коровье вымя’ (Свалява, Копаня, Квасы); 10. ‘сосок вымени’ (Горинчово). Сразу отметим, что значения 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10 восходят к прасл. **dojiti* (se) [ЭССЯ 5: 53] со значением ‘кормить грудью’, а значения 4 и 5 – к прасл. **doṭi* ‘дуть, надувать’ [ЭССЯ 5: 99]. Таким образом, перед нами многозначные омонимы *дойка*¹ и *дойка*². *Дойка*² представляет собой многозначный субстантив с семантической структурой, объединенной

доминирующим структурообразующим акциональным признаком «дуть» [см. Лебедева 2002]. *Дойка*¹ представляет собой полисемант со смешанной структурой, в которой присутствуют два интегральных признака и несколько групп значений. Одним интегральным признаком является, вероятно, «акт доения», другим – «акт кормления грудью». В свою очередь признак «акт доения» с помощью функциональной характеристики «то, что предназначено для доения» образует связи между значениями ‘дойное домашнее парнокопытное животное’, ‘дойная овца’, ‘дойная корова’, ‘подойник’, ‘коровье вымя’ и ‘сосок вымени’. Признак «акт кормления грудью» с помощью функциональной характеристики «кормить грудью» связан со значением ‘кормилица’, которое с помощью функционального признака «заботиться о грудном младенце» связано со значением ‘няня’.

Следующий диалектный субстантив *ікра* с возможностью ударения на любой слог встречается в записях ЛБП, а также был подробно картографирован В. Латтой в ЛАУГВС. У Панкевича он записан в двух значениях: 1. ‘вымя коровы, овцы’ (Брусница, Куров, Габура, Бодружал); 2. ‘икра рыбы’ (Луг, Габура, Бодружал). Латта фиксирует диалектное *ікра* со значением ‘коровье вымя’ повсеместно на Спише и на Шарише. Может показаться, что значение ‘рыбья икра’ случайно попало в материалы АУГСС, но скорее всего, оно не указывалось информантами по двум причинам. Первой причиной является отсутствие задачи составления семантических карт при работе Латты и затем Зузаны Ганудель над атласом; во-вторых, *ікры* означает ‘рыбья икра’ в доминирующем словацком языке, из которого значение, вероятно, распространилось и на русинские говоры Спиша и Шариша. Таким образом, ‘рыбья икра’ является одним из лексических значений этого слова по умолчанию. В изученных нами источниках этот субстантив не отмечается в значении ‘мышца ноги на задней поверхности голени’. Скорее всего, диалектное *ікра* со значениями ‘икра рыб’ и ‘вымя’ является полисемантом с доминирующим пространственным признаком «мышца внутри тела» либо «мышечная полость внутри тела». К этим выводам нас подводят также исследования авторов ЭССЯ: «В этимологии слова *jьkга особенно важен семантический аспект. Значения рыбья икра, икра ноги, глыба (льда и т.п.), а в индоевропейском плане и печень (см. ниже) генетически едины. На древнюю концепцию икра как часть внутренностей, печени указал еще Потебня сто лет назад. Метонимич. природа вторичного употребления икра ноги, глыба (льда и т.д.) тоже давно обратила на себя внимание» [ЭССЯ 8: 218].

Обратим внимание на многозначный диалектизм *копыто*. В источниках мы встречаем его в значениях 1. ‘лошадиное копыто’ (Торунь, Верхние Ворота, Завадка, Дусино, Варадка); 2. ‘коровье копыто’ (Чабаловце, Затисовка); 3. ‘сапожная колодка’ (Воловец, Межгорье, Варадка). В селе

Варадка на территории Словакии была записана идиома «фшытко на једно копыто роблене» в значении «всё одинаковое» (ЛБП). Можно заключить, что в южнокарпатских говорах полисемант **копыто** имеет семантическую структуру с доминирующим синестетическим признаком «нечто, имеющее внешнее сходство с копытом».

Интересен субстантив **кóтик**, записанный исключительно на украинской территории распространения южнокарпатских говоров. На картах ЛАУНГ он записан на всем Закарпатье в значении «название для одного из двух небольших копыт на ноге сзади внизу у парнокопытных», то есть «рудиментарный палец». В ЛБП обнаруживаются три толкования данного слова: 1. «выростки на ноге у коровы выше копыт» (Мокрая, Перечин); 2. «часть ноги у коня около копыта» (Торун, Перечин, Ясиня); 3. «котенок» (Великий Бычков); 4. «пасхальная игра молодежи»: «*Котик - се мішана забава. Дві групи легінів і дівок стають проти себе. Один стає посередині і каже: «Котики пуцайтеся».* (Нижний Быстрый). Логичным представляется предположить связь между южнокарпатскими значениями «рудиментарный палец коровы», «лодыжка коня», и буковинским **кóтик** в значении «сустав» (цит. по: ЭССЯ 11: 204). В таком случае **кóтик** в значениях 1 и 2 будет восходить к праславянскому *kоть IV «что-либо круглое, выпуклое» [ЭССЯ 11: 212]. **Кóтик** в значениях 3 и 4 связан с праславянским *kоть I, то есть кот. Таким образом, перед нами многозначные омонимы **кóтик**¹ и **кóтик**². Лексические значения первого омонима объединены общим акциональным признаком «действовать, бегать как кот». Семантическая структура субстантива **кóтик**² содержит пространственный доминантный структурообразующий признак «задняя поверхность задней ноги копытного; путо или плюсна».

Интересный случай представляет собой субстантив **лопáтка**, бытующий на всем ареале южнокарпатских говоров. Он зафиксирован в ЛБП в десяти значениях; помимо этого он описан в АУГСС, ЛАУНГ, ЛАУГСС, ОЛА, а также в «Словаре карпатоукраинского торуньского говора» С.Л. Николаева и М.Н. Толстой. В целом этот диалектизм был записан в 14 значениях. Приведем их ниже. **Лопáтка** 1. «лопата, сельскохозяйственный инструмент» (Верхние Ворота, Вышний Орлик); 2. «совок для подметания мусора» (Орябина); 3. «кулинарная лопатка» (Чирч, Кийов, Нижняя Яблонка, Пихне, Звала, Русское, Русский Поток, Збой); 4. «снаряд для лапты, бита» (Збойне); 5. «разделочная доска» (Кленова); 6. «часть самопрялки, рогулька» (Канора); 7. «веретено вороба для наматывания нитей» (область Закарпатье на запад от р. Латорица, кроме бассейна р. Уж); 8. «поперечная доска бороны» (Голубиное, Свалява, Стройное, Нелепино (параллельно с формой **иглиця**)); 9. «лопасть водной мельницы» (Терново); 10. «название игры при покойнике» (Верхние Ворота, Пчолинне, Нехвалова Полянка, Дубрава); 11.

‘лопатка, кость пояса верхних конечностей’ (Брусница, Вышний Орлик, Ломне, Невицкое, Лозянский, Стриговце, Торунь); 12. ‘синец, рыба семейства карповых’ (Ломне, Чабины); 13. ‘стручок’ (Чинадийово, Веряця, Баранинцы, Затисовка, Буштыно); 14. ‘незрелый стручок фасоли’ (Чинадиево, Межгорье, Буштыно, Верхний Студеный). Перед нами полисемант со смешанной семантической структурой, сформированной из нескольких групп значений, некоторые из которых развивают цепочечные структуры [см. Лебедева 2002: 68]. Первая группа лексических значений объединена акциональным признаком «то, чем действуют, как лопатой», «то, во что собирают или чем перемешивают некое вещество». Этот признак объединяет значения 1, 2, 3. При этом между значениями 1 и 10 есть общий причинно-следственный признак «то, что сделано лопатой». Судя по описанию игры, в которую когда-то играла молодежь в присутствии покойника, в ней присутствовала выструганная специально для нее лопатка, которой водящий ударял по ногам участников. Вторая группа лексических значений объединена качественным признаком «плоский как лопата». Если мы учтем этимологию этого слова, по утверждению авторов ЭССЯ, происходящего от *lor- лист и бывшего «первоначально метафорой, служившей для обозначения орудия труда, похожего по внешнему виду на лист растения вместе со стеблем, соединяющим лист с веткой (стеблю уподоблялся черенок лопаты)» [ЭССЯ 16: 39], [ЭССЯ 16: 43], то именно качественный признак «имеющий плоскую как лопату и расширяющуюся в середине форму», объединяет значения 11, 12, 13. Значения 13 и 14 в свою очередь формируют импликационную связь, отражающую связь обозначаемых ими объектов в реальности. Третья группа значений объединена одновременно функциональной и качественной характеристикой материала и формы «деревянный плоский предмет, инструмент». В эту группу входят значения 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Диалектизм *папірки* был записан только на закарпатской территории карпаторусинских говоров в двух значениях: 1. ‘копыта коровы’ (в большинстве говоров – копыта или ратиці). Ср. в ЛБП: «Уже стара має быти корова, бо докус папірки сходила» (Мокра). (Свалява, Лалово, Комяты); 2. ‘кусочки папиросной бумаги’ Ср. в ЛБД «цигарки вють до малих купованих папірців» (Невицкое); 3. оба значения (Мокра, Перечин, Люта, Веряця). Этимология названия коровьих копыт неясна; авторы ЕСУМ предполагают, что оно было заимствовано из словацких говоров, но предыдущая его история неизвестна [ЕСУМ 4: 283]. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с омонимией.

Субстантив *па́семок* был также записан только на украинской территории южнокарпатских говоров. В селе Сокирница он зафиксирован в значении ‘боковой побег культурных растений’ [Сабадош 2008: 218].

Интересно, что во многих говорах он представлен сразу в двух значениях: 'побег растения, выросший за этот год' и 'боковой отросток оленьего рога' (Свалява, Хуст, Люта, Луково, Новое Давыдково, Веряця). В закарпатских селах Новоселица и Буковец слово было записано только в значении 'побег растения, выросший за этот год'. Значение 'боковой побег растения, дичок' восходит к *пасинок* – 'неродной сын' – и возникло в результате контаминации *пасемко* и *пасинок*. Скорее всего, сходным образом возникло и значение 'боковой отросток оленьего рога' [см. ЕСУМ 4: 304]. Между собой значения объединены пространственным признаком «боковой, второстепенный» и входят в семантическую структуру полисеманта с доминирующим структурообразующим признаком.

Субстантив *хвост* в фонетических вариантах *хвост*, *хвыст*, *хвџст*, *хвіст* был записан в следующих значениях: 1. 'хвост животного' (повсеместно); 2. 'корова' (Веряця, Чинадиево, Межгорье); 3. 'женская прическа' (Теребля); 4. 'заостренный конец доски дверного косяка' (Верхний Студеный); 5. 'большая сковорода' (Сокирница). Основным значением является 'хвост животного'; на словацкой территории распространения южнокарпатских говоров фиксируется только оно. Значение 2 образовалось с помощью метонимического переноса с части на целое, определяющим при этом стал признак «наличие хвоста». Между значениями 1 и 3 возник синестетический признак «выглядящий как хвост» из-за схожести прически с конским хвостом. Семантические связи между значениями 1 и 4 и 1 и 5 образованы пространственной характеристикой «находящийся в конце объекта; суженный конец какого-либо объекта». Перед нами полисемант с семантической структурой, сформированной доминирующим признаком.

Несмотря на то, что сетка и время сбора материалов для этой статьи достаточно неоднородны, на основании их анализа мы можем сделать некоторые выводы. Тесное многовековое соседство в Карпатах носителей диалектов, принадлежащих в том числе к разным языковым группам (славянской, финно-угорской, германской) неизбежно приводило к языковой интерференции, что дало богатую почву для возникновения в этих диалектах как полисемантов, так и омонимов. Многие полисеманты, вероятно, развивались под воздействием схожести традиционных занятий карпатских народов, в частности, животноводства, что привело к развитию и детализации наименования связанных с животноводством явлений и процессов. Следует отметить, что лингвогеографический метод стал для нас одним из основных методов в разграничении полисемии и омонимии, особенно в условиях недостатка этимологических данных. Однако неравномерные данные записи тех или иных реалий не позволяют нам создать полноценные семантические карты для того или иного слова.

Как уже отмечалось выше, карпатский регион обладает давней историей животноводства, и многообразие реалий, связанных с животными (их разнообразие, особенности выпаса, повадки и пр.) неизбежно отразилось в языке его жителей. Г.П. Клепикова пишет, что «при изучении терминов, связанных с той или иной областью народной культуры, невозможно элиминировать этнографический аспект: занимаясь «словами», мы все время должны иметь в виду «вещи» [Клепикова 1974: 7]. Дополнительные сложности для лексикографии создает также тот факт, что часто мы имеем дело с отрывочными описаниями тех или иных реалий, недостаточными для включения их в рассматриваемые лексические значения. Слово, приведенное информантом и вбирающее в себя по умолчанию весь комплекс оттенков значений, понятный носителям того же говора, часто остается без должного описания и раскрытия смыслов для собирателя. Кроме того, часто номинация тех или иных феноменов носит выборочный характер. На это обращала внимание Г.П. Клепикова: «различия между народной и научной терминологией заключаются не столько в степени строгости, точности, однозначности составляющих терминов, сколько в том, что в научной терминологии отражается осознанное и последовательно проводимое стремление к соответствию «одна реалема» – «одна лексема» и вместе с тем – к исчерпывающей номинации всех объектов реального плана» [Клепикова 1974: 32]. Так, в карпаторусинских говорах имеется огромный пласт лексики для обозначения частей тела домашнего скота, что объясняется богатой животноводческой традицией. Тем временем в силу не настолько развитого промысла лексика для частей тела диких животных представлена далеко не так широко. Это отражает дальнейший тезис Клепиковой о том, что в говорах «номинация имеет избирательный характер, степень ее детализации зависит в значительной мере от важности тех или иных элементов реальной действительности для носителей данного диалекта или группы диалектов» [там же]. Именно детализация номинации подчас приводит к разветвленной и сложной структуре диалектных полисемантов, что хорошо демонстрируется, в частности, на примере семантических карт ОКДА.

Наиболее частые структуры, которые были выявлены в ходе анализа полисемантов, одним из лексических значений которых является «часть тела животного», – это семантические структуры с доминирующим структурообразующим признаком. Это представляется вполне логичным, учитывая тот факт, что самыми частыми семантическими признаками были пространственный (4) и качественный (4). При передаче информации о характеристиках частей тела как в научной, так и в народной классификации, важно сообщить об их расположении в пространстве, форме, величине, цвете и т. п. Языковое сознание носителей диалектов опознает эти характеристики

также у других объектов окружающей действительности и поименовывает их общим словом.

Представляется, что подобный анализ многозначных слов в говорах и разграничение их с диалектными омонимами может быть полезно не только лексикографам. Несомненно, что при составлении словаря первостепенной задачей является разграничение омонима и полисеманта, но и составление семантических структур для каждого многозначного слова может послужить для организации словарной статьи. Кроме того, подобные построения могут также принести пользу этнолингвистам в описании языковой картины мира того или иного коллектива.

Литература

Бернштейн С.Б. Интерференция языков карпатского ареала // *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Сборник статей. М.: Индрик, 2000. С. 179–188.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Ганудель З. Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини. Т. 1–4. Пряшів: Vydavateľstvo Echa 5.r.o., 1981–2001. – ЛАУГСС.

Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова Думка, 1982–2012. – ЕСУМ. (издание продолжается)

Дзедзевский И.А. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. В 3-х т. Ужгород: Ужгородський державний університет, 1958–1993. – ЛАУНГ.

Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М.: Наука, 1974. 256 с.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Латта В.П. Атлас українських говорів Східної Словаччини. Пряшів, 1991. – АУГСС.

Лебедева Т.Е. Полисемия в русских народных говорах (на материале имен существительных): дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2002.

Мораховская О.А. Значение лексико-семантических карт для исследования структуры диалектного языка // Исследования по славянской диалектологии 4. *Dialectologia Slavica*. Сборник к 85-летию С.Б. Бернштейна. М.: Индрик, 1995. С. 217–224.

Николаев С.Л., Толстая М.Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: Институт славяноведения РАН, 2001.

- Общечарпатский диалектологический атлас. М.: Наука, 1981. – ОКДА.
 Общеславянский лингвистический атлас. Вып. 1–18. 1988–2020. – ОЛА. (издание продолжается)
 Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок (у 2-ох частинах). Київ: Наукова думка, 1984. – СБГ.
 Сабодош І.В. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Поліграфцентр Ліра, 2008.
 Шишкова Р., Вашичек М. и колл. Лексическая база данных южнокарпатских говоров по материалам И. Панкевича. Прага: Славянский институт АН ЧР, 2023. – ЛБП.
 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–39. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 1974–2014. – ЭССЯ. (издание продолжается)
 Slovník slovenských nářečí. I–III. Bratislava: Veda, 1994–2021. – SSN. (издание продолжается)

Vashichkova Darja A.

Polysemous words and homonyms with the meaning of «body part of an animal» in the Carpatho-Rusyn dialects

The article is devoted to the study of that part of the vocabulary of the Rusyn dialects of the Carpathian region, which belongs to the semantic field «body part of an animal». The object of the our interest is polysemous dialectisms and dialectal homonyms included in this semantic field «body parts of an animal», which are also common in the dominant literary languages of the region – *хвост*, *ікрá*, and purely local dialectisms of *насемок*, *нанірки* are considered in the article as well. The study is based on the modern principles of classification and description of dialectal polysemous words in the Slavonic languages. The article discusses the methods of constructing semantic structures of polysemous words, their variability in the Carpathian dialectal material and the frequency of certain types of structures for the semantic field of «animal body parts». A significant part of the article is devoted to the methods of lexicography of the Carpatho-Rusyn dialect data of the latest decades.

Keywords: Carpatho-Rusyn dialects, dialect lexicography, polysemy, homonymy, structure of polysemous words, semantic structures.

Ганцовская Нина Семеновна

Костромской государственный университет

Кострома

gantsovsky_n@mail.ru

**«Я воспитан деревнею у ее родников»: словарные особенности
костромской речи в стихах А.В. Громова**

В биографии Ф.П. Сороколетова и А.В. Громова, как и в их деятельности, много схожих моментов. В статье анализируются поунженские диалектизмы в стихах известного деятеля культуры и образования Костромского края А.В. Громова, более знакомого научной общественности как лексиколога и лексикографа, создателя областных словарей разного жанра. Приводятся сведения известных лингвистов З.В. Рубцовой и И.А. Добродомова о ценности его творчества, делается вывод о значимости его работ в общерусском масштабе.

Ключевые слова: поунженские говоры, местные онимы, словарные диалектизмы, жгонская лексика.

А.В. Громов (род. в 1922 г.) и Ф.П. Сороколетов (род. в 1924 г.) принадлежат к одному поколению, у них во многом сходная судьба: прошли войну, стали филологами и народную речь знали не понаслышке. Как кажется, труды А.В. Громова по своему содержанию удачно дополняют те масштабные проекты по изучению русского народного слова, которыми занимался Ф.П. Сороколетов.

В Предисловии и Введении к первому и второму изданию «Словаря русских народных говоров», который, как известно, в основном является детищем Ф.П. Сороколетова, многолетним редактором которого он являлся, говорится, что «Словарь русских народных говоров» предназначается для языковедов, а также историков, фольклористов, этнографов, ученых других дисциплин, для писателей и журналистов, для всех лиц, которые любят и ценят народное слово» [СРНГ 1: 4] и о том, что в Словарь наряду с другими источниками «привлекаются свидетельства писателей, имеющие в тексте художественных произведений явно этнографический характер» [СРНГ 1: 14]. Таковыми, бесспорно, являются диалектные вкрапления в ткань стихотворных произведений известного деятеля культуры и образования Костромского края Александра Вячеславовича Громова.

А.В. Громова знают в лингвистических кругах в основном как автора региональных словарей Поунжья: «Льняного словаря» (по тематике выращивания льна, льнопрядения и ткачества), Краткого словаря мантуровских говоров, словаря арго шерстобитов «Жгонский язык», многих

статей по вопросам областной диалектологии и ономастики, т.е. как лексикографа, менее как лексиколога и ономатолога. Однако он был большим любителем русской поэзии и выразительного чтения, и сам, сочиняя стихи, нередко использовал в них местные диалектизмы и онимы, видя в них свежее толкование народных понятий о красоте, добре и многообразии форм человеческого существования. Они содержатся во многих стихотворениях его поэтического сборника «У РОДНИКА. Стихи разных лет» [Громов 2002]: перечень областных слов и этнографизмов в нем может составить длинный список. Например: это такие слова и выражения, как *лывы, Унжа-река, холщовая сумка, лапти, песты** (*пестами питались*), *сграбаться, Усолье, ботавки*, вороват*, Санко, плешина, лощина, Усольская поляна, имань*, Курья, Репища, Осередок, Косая гора, Шейки, Жучково, Туьнбы, Заозерица, Великуша, угор, желанной, подокошко, топерешной, угорский, очестливый, гулять в беседках, по ягоды, (перед Пасхой) кресты собирать* и др. Некоторые из них он помечал звездочкой и снабжал толкованием в примечании внизу стихотворения, другие каким-то образом разъяснял в тексте. Почти все они печатались в районных и областной костромских газетах и были доступны широкой публике; часть из них соотносится с данными «Словаря русских народных говоров», привнося в него новую информацию определенного рода.

А.В. Громов всю жизнь был сельским учителем в своих родных поунженских краях, с которыми никогда не прерывал связи и прославил их не только своими краеведческими научными трудами, но и воспел в стихах. Это был чрезвычайно начитанный человек, с детства боготворивший поэзию, любитель и дипломированный мастер выразительного чтения, приобщавший в течение многих десятилетий к этому своему увлечению учеников и многочисленных слушателей. Об этой его страсти можно прочитать почти на каждой странице его рукописного дневника, который он вел с 1947 года почти по день своей смерти в начале 2012 г. Это обожание поэтического слова заставило его по-новому взглянуть и на народное, диалектное слово его деревенских земляков: в привычном, обыденном увидеть необычное, свежее, точное обозначение существенных для жизни явлений действительности в отличие от далёких от подлинной витальности штампов официальной речи.

Его дневник, кроме кратких замечаний о личной жизни, по большей части представляет собой собрание, нередко протяженных, тех стихотворных, реже прозаических строк и изречений писателей и поэтов всех времен и народов, в том числе особенно любимых им поэтов серебряного века, что становится понятным – это служит для него путеводителем в жизни. Их сотни и сотни. Вот немногие из них:

... поэзия и в малых родах есть искусство трудное, требующее всей жизни и всех усилий душевных. Батюшков

Поэзия есть чистая исповедь души, а не порождение искусства или хотенья человеческого; поэзия – есть правда души. Гоголь

Слово звучит лишь в отзыв. Ища слова, поэт ищет смысла.
М. Цветаева

Поэты – это душа отчизны. Аполлинер

Стихи – всегда исповедь. В. Брюсов

Он любил в стихах слово в истинном значении. Д.С. Лихачев об Асееве

Поэт – это, вообще говоря, человек, для которого стремление выразить себя есть единственное условие его существования. Поэт – это инструмент, посредством которого человечество осознает себя. Б. Сарнов

В его чтецком репертуаре постоянно звучали стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева, И.А. Бунина, А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, А. Твардовского, И. Бехера, Б. Пастернака, В. Шефнера и мн. других авторов (из записок Громова 2000 г.). В этом списке приоритетным было имя А.С. Пушкина. В мантуровской газете «Авангард» 7.6.94 г. появилась его статья «Пушкин ближе с годами», как бы эпиграф ко всему его дальнейшему творчеству, в заключении которой было стихотворение «С Пушкиным», впервые написанное им 6.6.81 г. и правленное в 1989 и 1994 гг. Вот его начало:

Детство сельское, бедное,

Речка, поле и лес.

И поэзия Пушкина

С обещаньем чудес.

С ним милей и дороже мне

Стал родной уголок,

С ним и долг, мне положенный,

Я предчувствовать смог.

Мне хотелось по-пушкински

Жизнь, свободу любить,

Для народа, для Родины

Сил своих не щадить...

А в 2002 г. в Мантурове был издан сборник его стихов «У родника». Многие из них были посвящены народному слову в целом, в них также можно было встретить диалектизмы, понятные его землякам и небезынтересные широкому кругу читателей. По мнению редактора мантуровской газеты «Авангард» Р. Алаева, издание сборника стихов А.В. Громова, более известного читателям газеты как «как исследователь местного говора» – «это еще одна замечательная страница в истории культуры нашего города и района».

А.В. Громов родился в 18 км от Мантурова, районного центра Костромской области, в небольшой деревне Макарово вблизи села Усолье и поместья Карьково с оригинальной церковью, с которыми никогда не порывал связи и где сейчас покоится рядом со своими родителями. Небольшим стихотворным зачином про родные места начинает поэт свою книгу «У родника»:

*Я воспитан деревнею
У ее родников.
Нет прекрасней, душевнее
Слова наших отцов.
С этим словом и памятью
И в ненастье светлей.
В бурю падает дерево
Без глубоких корней.*

В стихотворении «Деревенское детство» повторяются те же мотивы, перемежаясь кое-где диалектными словечками:

*Я сельское детство порой вспоминаю,
Года те начальные нежно листаю.
.....
Река в половодье, стихийная сила,
Нам что-то безбрежное в жизни сулила.
Но вот опять она меж берегами,
Оставив в лугах озера зеркалами;
В те светлые **лывы** за **Унжей-рекою**
Смотрелся я в детстве весенней порою.
Нас рано поля призывали трудиться.
В деревне я словом залюбовался
И с этой любовью уже не расстался.*

Слово **лыва** частотно в севернорусских говорах и до сих пор успешно конкурирует со стандартным *лужа*, вбирая в себя множество смысловых оттенков. Для номинации водяных ям, впадин, оставшихся после половодья за Унжей-рекой, которые он уподобил **озерцов зеркалам**, он выбрал слово **лывы** обычное для этой местности с эпитетом *светлые*, стилистически более высокое, чем слово *лужа*, к которому данный эпитет совершенно не подходит. Кстати, в СРНГ среди двух десятков значений слова *лыва* есть 12 сходное значение 'озерко' с пометой *Костром.* [СРНГ 17: 216].

В стихотворении «Школьные годы» есть слово *песты* в следующем контексте «*С **холицовыми** сумками в школу ходили / И **лапти** носили / в **тканье** одевались. В голодные годы **пестами** питались*». В СРНГ 1. **Пест** в 8 значении толкуется так же, как подано у А.В. Громова: растение, семейство

хвошовых, имеет пометы Калинин., Шарьин. Костром., Твер., Яросл., Костром., Вят., Киров., Москов., Калинин. [СРНГ 26: 308].

Вот его стихотворение «Начало», где он опоэтизировал повседневную диалектную лексику далекого детства: *Я начинался, как поэт / Со щавеля, с пестов**, / *Вот с этих в детстве и других / Мною пережитых слов. / Воспоминанья ранних лет мне сберегла родня. / Вот хвалим с бабушкою мы / Ботавки*** у меня / *И деда комплимент храню: / Наши Санко вороват!**** Мне эти старые слова, Как драгоценный клад / *Ведь в них, завещанных, родных, история живёт.* Внизу страницы даётся разъяснение этих слов: *Песты, мн. – головки полевого хвоща; ** Ботавки, мн. (от ботать) – ноги; *** Вороват, кр. прилаг. – шутил. плутоват, хитер.

В самом стихотворении «Приглашение в Сениху» разъясняется, что такое эта Сениха: *Уж годы у нас, друг, осенние, / И время настало грустить. / Пойдем-ка в осеннюю Сениху, / Она нам подскажет, как жить. Та имань** отцов сенокосная / *Она мне мила с давних пор, Усольская наша заречная / Поляна в подкове озер.* Среди обширного гнезда слов в СРНГ с вершиной *имать* нет этого слова. Но, как кажется, 8 значение его «Имать. Снимать (урожай). *Имать репу.* Печор. Арх., 1927...» [СРНГ 12: 180] ближе всего к мантуровскому толкованию этого слова. Поэт по-своему в духе народной этимологии семантизирует топоним Сениха – осенняя Сениха – как бы расширяя значение этого слова и сопоставляя с настроением автора, а оттопонимическим онимом *Усольская* (Усолье – село), и географической лексикой *наша заречная, поляна в подкове озер*, сужая пространство бытования этого народного названия.

Стихотворение «У родника». А.В. Громов начинает его так: *«Деревенька моя (речь идет о его родной деревне Макарово вблизи Усожья. – Н.Г.) Загляделась домами с угора крутого в воды Унжи-реки / Говорливые там под горой родники, / Там не молкнет родник самобытного слова. / Я теперь городской, но деревню люблю. / Сказки детства навеки остались со мною. Там я жизнь постигаю на самом корню / И учусь не ругаться судьбою своею. / Как, бывало, в уют этот сельский приду, / Бабка старая ласково скажет: «Желанной, ты мой гость дорогой, в подокошко прошу». / И усадит за стол, крытый скатертью браной... (1982 г.).* Здесь с помощью местных слов убедительно воспроизведена стилистика народного этикета. Центральное место в этой симфонии народного быта занимает слово *подокошко*. В СРНГ это слово во 2-м значении имеет помету Костром. и то же значение, что и у Громова: «**Подокошко**, ср. 2. Чистая половина крестьянской избы; комната в доме. *Да ты проходи в подокошко, что у двери-то стала.* Костром.) [СРНГ 28: 115].

В конце краткого обзора диалектной лексики в стихах А.В. Громова, хочется остановиться на разборе стихов А.В. Громова «У родника» в письме

Зои Васильевы Рубцовой в ответ на присылку автором ей его сборника. (З.В. Рубцова – известный русский ономаст, отв. секретарь Всероссийского научного и просветительского общества «Энциклопедия русских деревень», друг и помощник А.В. Громова). По ее инициативе он неоднократно участвовал с докладами во Всероссийских конференциях этого общества, также по ее настоянию (и, как оказалось, за ее счет) издали в Москве его известный словарь «Жгонский язык» [Громов 2000].

Вот что она пишет: «5.09.02 г. Дорогой Александр Вячеславович! Сердечно поздравляю Вас с выходом книги стихов, благодарю от своего имени и от Димочки (Д.М. Савинова, отв. редактора, как и З.В. Рубцова, книги «Жгонский язык», науч. сотрудника ИРЯ РАН). – Н.Г.). ...за этот неожиданный подарок нам обоим... Я, естественно, начала со стихотворения, посвященного мне... Пожалела, что нет ударений над родными названиями, в результате чего сбивается строй стиха; *Велікуша? Великуша?* Лишь перечитав вновь, поняла, что *Велікуша, Рѣтища, Жўчково, Тўньбы...* Непонятно, как читать вслух – *Осерѣдок* или *Осерѣдок?* *Заозѣрица* или *Заозѣрица?* Для Рубцовой всё это существенно, это и ее Родина, хотя я и родилась в Москве... Случайно... Очень понравилось «Рыдает ручей». <...> Я открою Вам, Александр Вячеславович (кстати, почему на сборнике – Вячеславо (!)вич? Это же не по-русски...), маленькую тайну: «Жгонский язык» издан на мои деньги (я в ЦНИИГА и Ке премию получила), а «ЭРД» – это для солидности. В итоге Председатель общества Петриков выразил мне свое неудовольствие. Я же ему ответила своим неудовольствием: книга валялась 10 лет, пока я на нее не вышла. Так мы и разошлись, недовольные друг другом. Не любят они меня с Мачульским. Я прошу Вас, Александр Вячеславович, подготовить второй вариант книги, и я ее опять опубликую под видом «ЭРД». Я могу и без вида, как хотите... З.В.».

Среди его стихотворного наследия надо особо выделить стихотворение «Я тоже шоповал», целиком написанное им на тайном языке поунженских каталей (жгонов-шаповалов) и помещенное в качестве эпиграфа в начале словаря А.В. Громова «Жгонский язык». Оно вызвало восхищение научного консультанта этого труда И.А. Добродомова, который отметил, что А.В. Громов владеет записанным им материалом «настолько хорошо, что смог написать целое жгонское стихотворение при посылке рукописи в издательство [Громов 2000: 11]. Приводим стихотворение с подстрочным переводом.

А.В. Громов. Я тоже шоповал

*Седма'ю за кресто'виком Вете'рское еса'ю, Как у'паки саёвье,
Пермижницу я саю. Как жгоны те, с филонов я Скайнут'ся рисковал,
Когда на них ути'ренный Малашью я лежма'л Учи'нжат ли издатели,
Московские пижи'. Мою тиро'ску у'льную, Веление души? Учинжат ли*

издатели Ту зетку земляков? Они по-жгонски зе'тили Не только «тонь мижок!» Что пуксить мне, не пе'трю я. Я тоже шопова'л. И этот многолетний труд Отцу я, жгону, посвящал.

(Подстрочный перевод Н.С. Ганцовской: Сижу за столом, Пишу письмо. Как валенки хорошие, Послание творю. Как жгоны те, с полатей я Свалиться рисковал, Когда на них, измученный, Ночами я лежал. Воспримут ли начальники, Московские, вдали, Мой труд большой, Веление души? Поймут иль нет издатели Тот говор земляков? Они по-жгонски баяли Не только «тонь мижок!» (воруй шерсть). Чего же ждать, не знаю я? Я тоже шоповал. И этот многолетний труд Отцу я, жгону, посвящал).

И.А. Добродомов также отметил, что «стихотворение А.В. Громова органически вошло в скудный список жгонских текстов, который едва ли когда-нибудь будет пополнен новыми словами» [Громов 2000: 12]. Мы полагаем также, что эти стихи, как и весь словарь «Жгонский язык», можно считать представителем местных не только социальных, но одновременно и территориальных говоров, поскольку это лексика коренных, оседлых поунженских жителей.

Таким образом, можно отметить, что и стихотворное наследие А.В. Громова оказалось небесполезным при изучении поунженских говоров.

Наш очерк – это in memoriam в честь замечательных лингвистов и великодушных людей – Ф.П. Сороколетова, А.В. Громова, З.В. Рубцовой, И.А. Добродомова.

Литература

Громов А.В. Жгонский язык. Словарь языка пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. 126 с.

Громов А.В. У родника. Стихи разных лет. Мантурово: ОГУП Мантуровская типография № 6 по делам телерадиовещания, печати и массовой коммуникации, 2002. 48 с.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1. М.-Л.: Наука, 1965; Вып. 12. Л.: Наука, 1977; Вып. 17. Л.: Наука, 1981; Вып. 26. Л.: Наука, 1991; Вып. 28. СПб.: Наука, 1994.

Gantsovskaya Nina S.

**«I was raised by a village at its springs»: vocabulary features
of Kostroma parole in verses by A.V. Gromov**

There are many similarities in the biographies of F.P. Sorokoletov and A.V. Gromov. The article analyzes Pounzhen dialectisms in the poems by a famous representative of culture and education of the Kostroma region A.V. Gromov, who is more familiar to the scientific community as a lexicologist and lexicographer, the creator of various regional dictionaries. The paper includes the information about the value of his work provided by famous linguists Z.V. Rubtsova and I.A. Dobrodomov. The significance of his works on a nationwide scale is stressed in conclusion.

Keywords: Pounzhen dialects, local onyms, dictionary dialectisms, Zhgon vocabulary.

Генералова Елена Владимировна

Институт лингвистических исследований РАН

Санкт-Петербург

elena-generalova@yandex.ru

**«Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»:
опыт включения материалов регионально-исторических словарей**

В статье на материале работы над десятью выпусками «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», использующего в качестве источников региональные исторические словари, обсуждается конкретная лингвистическая информативность и общая значимость этих словарей как источников по исследованию словарного состава периода начального формирования национального русского языка. Данные исторических региональных словарей при сопоставлении с общерусским материалом XVI–XVII вв. позволяют подтвердить распространенные значения частотных слов и, напротив, выявить лексические и фразеологические единицы, не зафиксированные в других памятниках, фиксируют редкие значения и семантические оттенки, необычные грамматические формы и варианты слов, т.е. объективно представить стихию старорусского языка в его территориальном разнообразии, показать системность и степень распространенности различных лексических единиц. Кроме того, интересны отдельные лексикографические решения региональных словарей.

Ключевые слова: историческая лексикография, региональные исторические словари, общерусская лексика, регионализмы, семантика.

Проблематика настоящей статьи находится на пересечении исторической лексикологии, лексикографии и диалектологии и связана с использованием данных региональных памятников в историческом словаре толкового типа. В определенной степени в статье отражены итоги более, чем двадцати лет работы над десятью выпусками «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [СОРЯ], использующего в качестве источников региональные исторические словари.

СОРЯ «явился дальнейшим развитием идеи Древнерусского словаря (ДРС), над которым Б.А. Ларин работал вместе с созданным им коллективом в 1934–1949 гг.» [Инструкция 2011: 5]. После выхода в свет проекта, а затем пробного выпуска СОРЯ в 2004 г. в рамках 34-й Международной филологической конференции, потом в 2005 г. на Академической школе-семинаре по лексикографии в ИЛИ РАН, а также в ряде опубликованных рецензий состоялось широкое обсуждение концепции СОРЯ как

лексикографического проекта (см. подробнее [Материалы 2002; Мжельская, Зиновьева, Генералова 2006]). В результате СОРЯ был одобрен как перспективный проект по описанию лексики русского средневековья, и двадцать лет работы, последовавшие за этим обсуждением, в течение которых словарь создавался, издавался, и, сохраняя Ларинские традиции, активно развивался с учетом достижений современной лексикографии, вполне подтвердили правоту этой положительной оценки. Сейчас рецензенты оценивают «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» как «уникальное явление в отечественной лексикографической практике XXI века, позволяющее собрать в единую систему разные речевые средства обиходного языка и представить его в широкой культурной панораме явлений и событий Московской Руси ... раритетное по артефактам и современное по концепции лексикографическое издание» [Никитин 2018: 184].

Но на обсуждении поднималось и много вопросов. Один из таких вопросов касался включения в СОРЯ материалов региональных исторических словарей. Главный редактор СОРЯ О.С. Мжельская на обсуждении выступала против включения уже опубликованных материалов других словарей. Но большинство рецензентов и коллег, высказавшихся на конференции, убедили авторов словаря в научной целесообразности использования материалов региональных словарей как источников СОРЯ для полноты представления общей картины старорусского языка. Необходимость включения региональных материалов аргументировалась, например, тем, что «в обиходном словаре выбранные из всех памятников обиходные слова будут собраны воедино, при усиленном системно-парадигматическом и системно-синтагматическом представлении. Тогда и может быть более четко определена значимость периода XVI–XVII вв., непосредственно предшествующего созданию русского национального литературного языка» [Костючук 2000: 36]. В СОРЯ данные из региональных словарей используются как иллюстративные материалы, при этом с учетом картотеки СОРЯ могут уточняться толкование, грамматическая и стилистическая информация; ссылка в СОРЯ дается не на источник, приводимый в региональном словаре, а на сам словарь. Впоследствии лингвисты в качестве положительного момента отмечали использование в СОРЯ не только центральных, московских, но и региональных источников, которые показывают распространенность того или иного слова на всей русскоговорящей территории, в результате чего СОРЯ выступает как «кладезь ценнейших сведений по истории живого русского языка общенародного, а не узко территориального характера» [Благова 2005: 202], «предоставляет ценную лингвогеографическую

информацию, позволяющую идентифицировать региональный / общеупотребительный статус исторического слова» [Майоров 2021: 29].

В настоящей статье обсуждается конкретная лингвистическая информативность и общая значимость региональных исторических словарей как источников по исследованию словарного состава периода начального формирования национального русского языка.

Количество региональных исторических словарей к настоящему моменту приближается к двум десяткам и продолжает увеличиваться. Самые первые словари такого рода – это «Псковский областной словарь с историческими данными» [ПОС], начало работы над которым относится к 1960-м гг., и «Словарь языка мангазейских памятников XVII–первой половины XVIII в.» [Сл. Мангаз.] (1971 г.); самый новый региональный исторический словарь – «Словарь народно-разговорной речи XVI–XVIII вв. Рязанского края» [Сл. Ряз.] (2023 г.). Будучи приблизительно объединены хронологией описываемого периода (XVI – начало XVIII вв.) и методикой сбора материала, исторические региональные словари различаются по типу: полные (как [ПОС]) и дифференциальные (как основная масса остальных), словари толкового типа и конкордансы (как словари серии «Казанский край», созданные под руководством К.Р. Галлиулина), а также по принципам составления и лексикографической технике.

Опыт включения материалов регионально-исторических словарей в СОРЯ демонстрирует очень высокую лингвистическую информативность этих данных и позволяет представить сопоставительно-интеграционное рассмотрение региональной и общерусской лексики одного синхронного среза.

Во-первых, материалы местных памятников письменности, наряду с другими контекстами, подтверждают распространенные значения частотных слов, позволяют полнее воссоздать словник и установить региональный или общеупотребительный статус конкретного слова (выражения). Данные региональных словарей используются в СОРЯ как цитатный материал (при этом возможно уточнение и изменение толкования), но чаще при большом количестве иллюстраций включаются в справочный отдел за знаком «+» (с учетом того, что это уже опубликованные цитаты), что демонстрирует конкретную географию слова и значения. См., например,

ЖИВЬЁМ, нареч. (4) *В живом состоянии, живым.* А что люди имъ [ратным людям] сперва попало и тѣхъ всѣхъ прирубил а иных живемъ побрала. *В-К I, 154, 1631 г.* И одного человека поймав живьем и ногами вверх привезли на дерево и распорол у него грудь и ругались всячески. *Сл. Том., 68, 1700 г. + XVII в.: В-К II, Сл. Каз. 2-3.* [СОРЯ VI: 244].

Во-вторых, важная функция региональных материалов – демонстрация лексики, не зафиксированной в других источниках словаря: среди них как

слова с единственной фиксацией в определенном словаре, так и лексика, характеризующаяся определенным ареалом распространения. См., например, единичные регионализмы: смоленское *второкъ* при общерусском *вторник*, воронежские *игренец* ‘конь игренивой масти (рыжий со светлыми гривой и хвостом)’, *держалень* ‘ручка (цепы)’, *держальник* ‘кто держит мешок при насыпании в него соли’, севернорусские *калега* ‘сеть для ловли рыбы на мелководье’, *кованец* ‘большой рыболовный кованый крючок’, пермское *дикошерстный* ‘серой масти’, рязанское *кобчик* ‘металлический сосуд на ножках, имеющий крышку’, смоленское *добойный* ‘не имеющий шляпок (о гвоздях)’ и т.д. Случаи единичной фиксации лексемы всегда требуют особого внимания и дополнительной проверки, но нельзя не признать ценность таких подтвержденных регионализмов, и именно на общерусском материале, фиксируемом СОРЯ в целом, они могут быть доказательно выявлены. Большинство этих слов вступают в деривационные парадигматические связи с другими лексемами словаря, пополняя таким образом представления о лексико-семантической системе старорусского языка и ее словообразовательных возможностях: например, собирательное существительное *ивняго* [Сл. Сибир.: 52] входит в деривационное гнездо с корнем *ив-* и вступает в синонимические связи с общерусским синонимом *ивник*, известным в памятниках того же периода. С другой стороны, большой интерес представляют региональные лексемы из гнезд, находящихся подтверждение только в диалектном материале: например, смоленское *клиба* ‘тонкий прут, веревка из скрученных березовых или еловых прутьев, употреблявшиеся для связывания бревен, жердей’ [Сл. Смол.: 52]. Цитаты из нескольких региональных словарей, иногда вкуче с другими материалами СОРЯ местного характера, могут подтверждать ареал распространения какой-либо лексемы: например, лексема *калым* зафиксирована только в «Словаре русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» [Сл. Сибир.: 58], «Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в.» [Сл. Том.: 90], «Словаре лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» [Сл. Перм. I: 243], прилагательное *калымный* – в «Словаре лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» [Сл. Перм. I: 243] и конкордансе «Казанский край: Словарь языка памятников 2-й четверти XVII в.» [Сл. Каз.: 2-4]. В целом, группа слов с единственной фиксацией в памятниках местного употребления – важный источник изучения историко-диалектологических процессов и явлений в языке Московской Руси.

На фоне общерусского материала СОРЯ ярко видны не только лексические, но и семантические регионализмы: например, *дешевый* в значении ‘доступный’ (пермское *дешевые деньги*), *иверень* ‘метка, вырезанная на ухе лошади, клеймо, тавро’ (воронежское), *дикий* в значении

‘глухой, непроходимый’ в сибирских и пермских документах, *держанный* ‘бывший в употреблении, подержанный’ в нерчинских текстах и др. Региональное слово – иногда единственный пример, демонстрирующий реализацию словом особого значения или семантического оттенка, и в этом отношении данные региональных словарей обогащают представление как о семантической структуре отдельных слов, так и о лексико-семантической системе обиходного языка в общем.

В-третьих, слова, зафиксированные в региональных словарях, нередко дополняют словообразовательные гнезда, доказывают распространенность и частотность определенных корней, способствуя уяснению их семантики. Например, лексемы *ез* ‘заграждение на реке для ловли рыбы’ и *езовой* фиксируются во многих памятниках [СОРЯ VI: 125–127; 133–134], а многочисленные производные – только в различных региональных словарях: *езишко* [Сл. Сибир.: 40; Сл. Перм. I: 170], *езище* [Сл. Промысл. I: 187], *езовище* [Сл. Перм. I: 170; Сл. Промысл. I: 187], *езовник* [Сл. Промысл. I: 187], *езовое* [Сл. Промысл. I: 187], *езовье* [Сл. Сибир.: 40], *езок* [Сл. Промысл. I: 188]. Иногда именно в местных памятниках обнаруживаются производные, потенциально возможные в языковой системе, но неизвестные по другим текстам. Особенно часто это образования с суффиксами субъективной оценки и относительные прилагательные: например, относительное прилагательное *ковровый* (с вариантом *ковравый*) зафиксировано только в воронежских памятниках [Сл. Ворон. II: 242], относительное прилагательное *калитный* ‘(о воротах) имеющий одну створку’ – только в казанских текстах [Сл. Каз: 2-2, 97], см. также *жнитвенный* ‘относящийся к жатве’ [Сл. Том.: 69], *детеньшик* [Сл. Сибир.: 35], *деревяничник* ‘мастер по дереву, столяр’ [Сл. Смол.: 73], *добавливать* ‘дополнять, прибавлять, восполняя недостающее’ [Сл. Сибир.: 35].

В-четвертых, за счет включения местных материалов в СОРЯ выявляются омонимы к словам, зафиксированным в других памятниках, что позволяет исследовать явления полиномии и омонимии в старорусском языке. См., например, *дельный*¹ (от *дело*) ‘изготовленный, подвергнутый обработке’ и *дельный*² (от *раздел, делить*) ‘полученный в результате раздела’ (только в Сл. Перм.), *денный*¹ ‘прил. к *день*’ и *денный*² (от *дно*) ‘предназначенный для изготовления дна, низа чего-л. (судна, пола и т.д.)’ (только в Сл. Перм. и Сл. Сибир.); *днище*¹ (от *день*) ‘расстояние, которое можно проехать или пройти за один день’ и *днище*² (от *дно*) ‘разновидность плоскодонного судна типа плота’ (только в Сл. Мангаз.), и др.

В-пятых, материалы региональных словарей иногда фиксируют необычные грамматические формы слов или варианты: например, вариант *калаберда* (Сл. Сибир.; Сл. Том.) к слову *алебарда*.

Кроме того, региональный фонд – ценнейший источник устойчивых сочетаний: см. смоленское *мливные денги* ‘деньги, полученные за помол’, псковское *литки пить* ‘угощением, выпивкой отмечать удачную сделку’, воронежское *в скорых днях* ‘скоро, в ближайшее время’ сибирское *держать в бережи* и др. Особенно много среди устойчивых сочетаний составных наименований, демонстрирующих сложение различных терминологических систем: см. *векиша зелень* ‘шкурка белки, сохранившая летнюю окраску’ [Сл. Промысл. I: 73], *игла конопатная* ‘инструмент для конопачения судов’ [Сл. Мангаз.: 163] и др.

Таким образом, предлагаемый региональными историческими словарями лексический материал очень информативен в сопоставительном рассмотрении, т.к. существенно обогащает представление о деловом и народно-разговорной языке старорусского периода и делает системным представление об общерусской и региональной лексике этой эпохи. А.П. Майоров, работы которого посвящены региональной исторической лексикологии и лексикографии, подробно характеризует принципы составления диалектного исторического словаря, методику вычленения регионального материала в диахронии и подчеркивает, что такой исторический словарь должен основываться на историко-дифференциальном принципе [Майоров 2021]. Безусловно, самоценен собственно диалектный материал каждого регионального исторического словаря, но представляется, что информативным мог бы быть и общий дифференциальный диалектный словарь этого периода (своего рода «исторический “Словарь русских народных говоров”»). А СОРЯ фактически включает в себя этот условный «исторический “Словарь русских народных говоров”» и таким образом на общерусском фоне представляет системное описание словарного состава текстов разных территорий России эпохи начального сложения национального языка.

Отдельно следует сказать, что региональные исторические словари значимы не только как источники уникального материала. Существенный интерес вызывают и конкретные лексикографические решения, предлагаемые в разных проектах.

В качестве примера приведем описание имен собственных в диахронии. При очевидной ценности ономастических данных для изучения истории языка вопрос включения имен собственных сложен и содержательно, и технически, и в настоящий момент историки языка находятся в поиске оптимального лексикографического решения.

Некоторые словари (например, «Псковский областной словарь с историческими данными») включают онимы, только совпадающих с нарицательными. Авторы «Регионального исторического словаря второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)»

пошли по пути максимального включения антропонимов, причем предлагают и их этимологию. Почти идеальным в плане представления ономастического материала кажется дополнение исторического словаря специальными ономастическими справочниками: так, «Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVII вв.» Поляковой Е.Н. дополняют «Словарь пермских фамилий» [Полякова 2005] и «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVII вв.» [Полякова 2007], в Воронеже опубликован «Словарь географической терминологии Воронежского края (с историческим комментарием)» В.И. Дьяковой и В.И. Хитровой [Дьякова, Хитрова, 2009].

Ценность региональных исторических словарей в уникальности местного языкового материала, во многом функционирующего в виде ономастики.

Таким образом, данные региональных исторических словарей позволяют подтвердить распространенные значения частотных слов и выявить единицы, не зафиксированные в других источниках, фиксируют редкие значения, необычные грамматические формы слов, дополняют представление о лексике старорусского периода. Опыт «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», включающего на правах источников данные региональных исторических словарей, позволяет объективно представить стихию старорусского языка в его территориальном разнообразии, показав системность и степень распространенности различных лексических единиц. Кроме того, интересны отдельные лексикографические решения региональных словарей, которые могут быть взяты на вооружение.

Литература

Благова Н.Г. Рецензия на 1-й выпуск СОЛЯ // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» 34-й Межд. филолог. конф. СПб., 2005. С. 200–206.

Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край: Словарь языка памятников 2-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2010. 320 с. – Сл. Каз. 2-2.

Галиуллин К.Р., Дмитриева Р.Т. Казанский край: Словарь языка памятников 4-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2019. 348 с. – Сл. Каз. 2-4.

Галиуллин К.Р., Шакирова Р.Р. Казанский край: Словарь языка памятников 3-й четверти XVII в. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2009. 276 с. – Сл. Каз. 2-3.

Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической терминологии Воронежского края (с историческим комментарием). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2009. 344 с.

Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 4. СПб.: Наука, 2011. С. 5–43.

Исторический словарь народно-разговорной речи XVI–XVIII веков Рязанского края / сост. Е.Н. Борисова. М.: Флинта, 2023. 464 с. – Сл. Ряз.

Костючук Л.Я. Место псковских памятников письменности в исторических словарях (к обсуждению Проекта Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2000) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 15. Псков, 2001. С. 34–37.

Майоров А.П. Историко-дифференциальный принцип регионального словаря XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. № 3. С. 29–37.

Материалы обсуждения проекта СОРЯ. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 38 с.

Мжельская О.С., Зиновьева Е.И., Генералова Е.В. Историческая лексикография: вопросы и ответы (некоторые итоги обсуждения первого выпуска «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. № 4. С. 52–56.

Никитин О.В. Рецензия на научное издание «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 2 (59). С. 182–185.

Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVII вв. Пермь: Издат. дом Бывальцева, 2007. 463 с.

Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Пермь: ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010. – Сл. Перм.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь: Кн. мир, 2005. 462 с.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская, С.М. Глускина, Л.А. Ивашко, А.И. Корнев, И.С. Лутовинова и др. Л.-СПб.: изд-во ЛГУ, изд-во СПбГУ, 1967–2020. – ПОС. (издание продолжается).

Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в.: По памятникам письменности Смоленского края / Отв. ред. Е.Н. Борисова. Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 2000. 260 с. – Сл. Смол.

Хитрова В.И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв.: в 5 т. М: Прометей, 2022–2023. – Сл. Ворон.

Цомакион Н.А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. Красноярск, 1971. 581 с. – Сл. Мангаз.

Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. / под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 334 с. – Сл. Том.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.: вып. 1–9. СПб.: Наука, 2004–2020. – СОРЯ. (издание продолжается)

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.: в 3 т. / Ред. Ю.И. Чайкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003–2015. – Сл. Промысл.

Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин. Новосибирск: Наука, Сибир. отд., 1991. 179 с. – Сл. Сибир.

Generalova Elena V.

«Dictionary of the Everyday Russian language of Moscow Russia of the 16th–17th centuries»: experience of including regional historical dictionaries materials

The article deals with the specific linguistic informativeness and the general importance of historical regional dictionaries as sources for the study of the vocabulary of the period of initial formation of the national Russian language, and is based on the material of work on ten issues of the «Dictionary of the Everyday Russian language of Moscow Russia of the XVI–XVII centuries». The data of historical regional dictionaries, when compared with the all-Russian material of the XVI–XVII centuries, give an opportunity to confirm the common meanings of frequent words and, on the contrary, to identify lexical and phraseological units not recorded in other texts, to fix rare meanings and semantic shades, unusual grammatical forms and variants of words, t.i. to represent objectively Old Russian language in its territorial diversity, to show consistency and the degree of prevalence of various lexical units. In addition, there are interesting individual lexicographic solutions in regional dictionaries.

Keywords: historical lexicography, regional historical dictionaries, general-Russian lexics, regionalisms, semantics.

Дьяченко Юлия Александровна
Курский государственный университет
Курск
julytsch@yandex.ru

Об устойчивых сочетаниях в «Словаре курских говоров»

В статье представлено исследование устойчивых сочетаний, выборка которых производилась из «Словаря курских говоров». В работе произведено условное разделение фразеологического состава словаря на обрядовые и необрядовые устойчивые сочетания. К первой группе были отнесены устойчивые конструкции, номинирующие различные ритуалы (календарные, свадебные, родильные, похоронные). Ко второй – устойчивые сочетания, связанные с народным бытом. В конце статьи делается вывод о том, что устойчивые сочетания демонстрируют уникальную способность простого сельского жителя по-своему воспринимать окружающий мир.

Ключевые слова: обрядовый, необрядовый, словарь курских народных говоров, устойчивое сочетание.

Язык является одним из самых ценных и, на наш взгляд, достоверных источников сведений об истории, культуре, традициях народа. Особый языковой пласт составляют устойчивые сочетания, которые аналогичны «словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных значимых единиц» [Шанский 1996: 4], а язык народа богат «тщательно отработанной, отшлифованной фразеологией, которая создавалась, накапливалась в течение веков» [Мельниченко 2007: 33].

Диалектные словари можно с уверенностью назвать сокровищницей духовной и материальной культуры народа. Их главной целью является представление народной речи во всем ее многообразии: наименование предметов народного быта, реалий окружающей природы, норм поведения и многого другого.

«Словарь курских говоров» [СКГ], работа над которым ведется на базе лаборатории «Региональная лексикография и этнолингвистика» Курского государственного университета, содержит лексику, распространенную на территории Курской области и отражающую историю, быт и традиции южных славянских поселений.

«Словарь курских говоров» является дифференциальным толковым изданием, включающим не только отдельные диалектные слова, но и устойчивые сочетания, которые заслуживают особого внимания. В состав словаря входят собственно фразеологизмы, терминологические устойчивые сочетания, сочетания предложно-падежных форм существительных,

обладающих образностью определения предмета, признака, процесса, например: *на погляд* – ‘для виду’ [СКГ VIII: 93], *не под версту* – ‘не под стать’ [СКГ VIII: 97], *одеть глухую шапку* – ‘ничего не слышать, оглохнуть’ [СКГ VII: 59], *оказать руку* – ‘показать свои способности в рукоделии’ [СКГ VII: 68] и др.

Фразеологизмы включаются в словарь при условии: а) если его компонентами являются слова литературного языка, но само устойчивое сочетание отсутствует в литературном языке – *оставаться на корню* ‘жить дома, на родине’ [СКГ VII: 109], *пешком летать* – ‘быстро, но неуклюже ходить’ [СКГ VIII: 54]; б) если диалектное слово, входящее в состав фразеологического сочетания, неизвестно в свободном употреблении – *быть в окороте* – ‘быть ограниченным в своих действиях’ [СКГ VII: 75], *отбить пámороки* ‘лишиться памяти, способности соображать’ [СКГ VIII: 9] и др.

Словарная статья, содержащая толкование устойчивого сочетания, имеет типовое построение и продолжает традиции региональных словарей, включая заголовочную форму, стилистические пометы (если такие имеются), толкование значения устойчивой конструкции, иллюстрации, которые представляют собой цитаты из записей живой речи сельских жителей, а также указание места записи иллюстрации (район и деревня / село / хутор).

Весь фразеологический состав словаря условно можно разделить на обрядовую и необрядовую фразеологию. К первой группе относятся устойчивые сочетания, связанные с различными ритуалами (календарными, свадебными, родильными, похоронными), что имеет соответствующую помету в словарной статье. Например, *Арина-рассадица* – ‘в календ. обр.: день пятого мая, благоприятный для рассады’ [СКГ I: 45], *братъ в отвóды* – ‘в св. обр.: первое посещение молодыми родителей невесты после свадьбы’ [СКГ I: 99], *бабий пирог* – ‘в род. обр.: пирог в конце крестильного обряда’ [СКГ I: 50], *землю нюхать* – ‘в похорон. обр.: умирать’ [СКГ IV: 103].

Ко второй группе, необрядовой лексике, можно отнести все остальные устойчивые сочетания, связанные с народным бытом (ведением хозяйства, родом деятельности и т.д.): *водить скотину* – ‘заниматься выращиванием домашних животных в своем хозяйстве’ [СКГ II: 95], *ведёрочный мастер* – ‘человек, изготавливающий изделия из жести; жестянщик’ [СКГ II: 22], *иголочкой не подденешь* – ‘о добросовестно выполненной работе’ [СКГ IV: 109]; с внешностью человека и его характером: *возрастом не выйти* – ‘быть небольшого роста’ [СКГ II: 101], *идти кандибóбером* – ‘держаться высокомерно, зазнаваться’ [СКГ IV: 110], взаимоотношениями людей, например, *взять во двор* – ‘принять на жительство мужа в дом жены’ [СКГ II: 76] и др.

Рассмотрим подробнее каждую из представленных групп.

Обрядовая фразеология, как уже отмечалось нами, репрезентирует понятия, связанные с деятельностью человека и основными этапами его жизни. На основе этого можно выделить календарную фразеологию, свадебную, родильную и похоронную.

Календарная фразеология имеет тесную связь с началом и окончанием полевых работ, различными праздниками и действиями, связанными с ними.

Жизнь курян, как жителей лесостепной зоны России, во многом зависела от качества урожая. Неудивительно, что, веками наблюдая за природой (солнцем, луной, ветром, поведением животных и т.д.), люди составляли определенные приметы, выражая их в устойчивых сочетаниях. Так, многие фразеологизмы репрезентируют праздники, благоприятные / неблагоприятные для сезонных работ дни или время различных изменений в природе:

1) **Агафья Рухманы**. 'В календ. обр.: день восьмое апреля, природа начинает оживать'. *Усё у природя на Агахью Рухманы рухнець, пайдётъ у рост*. Об. **Быканово** [СКГ I: 40].

2) **Василий Капельник**. 'В календ. обр.: 23 февраля, когда начинает капать с крыш. *Ужо к канцу хвирала на Василя капильникъ типлеить, капель нъщинаиць, кадъ с крыш капъить*'. Об. **Рудавец** [СКГ II: 15].

3) **Великий праздник**. 'Престольный праздник'. *Када будить виликый празник, престол у нашый диремни, усе нърижаюць, ходють у гости, угацають друх друга*. Корен. **Обуховка** + Окт. **Черницыно** [СКГ II: 28].

4) **Воробьиная ночь**. 1. 'В календ. обр.: грозовая ночь с непрерывными вспышками молний'. *На върабъиную ночь гром гудел, молния блискаль, дош и ветир*. Бел. **Белица** + Лыг. **Льгов** + Рыл. **Романово**. 2. 'В календ. обр.: самая короткая летняя ночь'. *Летъм буваить върабъиниы ночи – самыи кароткии, када цвितётъ рибинъ*. Рыл. **Малогнеушево** + Сов. **Кишень** [СКГ II: 115].

5) **Зажинный день**. 'В календ. обр.: день начала жатвы'. *Даждалися зажынъвъ дня, пагодъ харошъя – дастъ хлебушык сабрать*. Солнц. **Шумаково** [СКГ IV: 76].

В календарной фразеологии отражены и различные атрибуты церковных праздников. Например, еда:

1) **Благовещенские просвирки**. 'В календ. обр.: маленькие постные булочки, выпекаемые на Благовещение'. *Блъгавешинскъи прасвирки у поль вясню брали, у бъряду крышыли*. Бел. **Камышиное** [СКГ I: 88];

2) **Божьи онучи**. 'В календ. обр.: блины, выпекаемые на Масленицу, символический дар Богу'. *Мамъ дюжь любилъ божьи анучи печь*. Об. **Бушмено** [СКГ I: 96];

3) **Вербная каша**. 'В календ. обр.: каша, в которую добавляют вербные сережки и едят в вербное воскресенье'. *Варили вербную кашу с кътышецкъми ат вербы и ели*. Зол. **Луганка** [СКГ II: 32];

ритуальные фитонимические символы:

1) **Верба-хлѣст**. 'В календ. обр.: прут из вербы, которым символически били в вербное воскресенье'. *Мы брали прутик с вербы – вербахлест етъ был, и били друх друшку, пригаваривъя: «Верба ксти, скарей расти, вербахлѣст бѣть да слѣс»*. Б.-Солд. **Большесолдатское** + Коньш. **Панкеево** + Тим. **Соколье** + Фат. **Макаровка** [СКГ II: 32];

2) **Егѳръевская святость**. 'В календ. обр.: пучок из колосьев, которым окропляли растения'. *Брали, буваль, йигоривскую святъсь – такая крапильцъ с калосъив – и брызгъли зилиня, штоп хърашо расли*. Б.-Солд. **Большесолдатское** [СКГ IV: 3];

3) **Борода Ильи (Ильи борода)**. 'В календ. обр.: колосья злаков, оставленные на поле после жатвы'. *Была Ильи бѣрада иль дедѣвъ бѣрада, такой пучок саломы, иво на полю аставляли*. Бел. **Коммунар, Суходол** + Курч. **Кожля** [СКГ IV: 117];

ритуальные действия:

1) **Венки вить (завивать)**. 'В календ. обр.: на Троицу связывали ветви березы, плели венки из полевых цветов, гадали о будущем'. *Ох, бываль, на Троицу деуки у лясу закрущивъли ветки бирѣзы кольцыми, щириз эти винки цылавались. Етъ называли винки вить, а патом ветки рѣспускали и гадали*. Каст. **Верхняя Грайворонка** + Кур. **Поповка** + Фат. **Гаево** [СКГ II: 31];

2) **Жечь перѳны**. 'В календ. обр.: жечь солому на Рождество'. *Зимою на Ражыство салому жыгали, такой агонь пълыхал, брасають туды усякавъ, штобы гарель сильнея. Етъ жечь пирины, а шио и грели ношки пакойным*. Бел. **Щеголек** [СКГ IV: 28];

3) **Делать мокрѳду**. 'В календ. обр.: обливание водой с целью вызвать дождь во время засухи'. *Летаъм, у июню, ни помню числа, делъли макрѳду: усех абливали вадою, смеху былъ, а старьи гъварили, штобы засухи не былъ*. Бел. **Щеголек** [СКГ VI: 49].

Обрядовая фразеология номинирует самые важные в жизни каждого человека этапы: рождение, свадьбу и смерть.

Так, родильный обряд репрезентируют такие устойчивые сочетания, как:

1) **Баба в тягости (тягостях)**. 'В род. обр.: беременная женщина'. *Бабъ была у тягѣсти, скоръ далжна апрастацъ*. Горш. **Удобное** + Тим. **Рождественка** + Щигр. **Охочевка** [СКГ I: 51].

2) **Бабий (бабкин) пирог (зуб)**. 'В род. обр.: пирог в конце крестильного обряда'. *На крѣзьбины у канце давали бабий пирох, а адин кусок давали снащаль бапки пѣвивальнѳй*. Медв. **Весѳлый** + Рыл. **Большенизовцево** + Щигр. **Знаменка** [СКГ I: 53].

3) **Блюда разменные.** 'В род. обр.: обед на крестинах'. *Апасля церкви, када пакрестють, приглашають радители на блюдь размены, на абет.* Курч. *Кожля* [СКГ I: 92].

В свадебной фразеологии можно выделить досвадебный, свадебный и послесвадебный периоды (об этом мы писали в статье, посвященной устойчивым сочетаниям, описывающим курский свадебный обряд [Дьяченко 2024]):

1) **С поглядками приехать, прийти.** 'Приехать, прийти на смотрины'. *Раньше с поглядками приижжжали. Нивесту сматреть.* Мант. *Ильчевский* [СКГ VIII: 97].

2) **Жениховы посиделки.** 'В св. обр.: вечер у жениха накануне свадьбы'. *У нивесты дившиник, а у жыниха – жыниховы пьсиделки.* Об. *Бегичево* [СКГ IV: 25].

3) **Гнёзда играть.** 'В свад. обр.: играть сразу несколько свадеб'. *Как пряходить осинь, так нацинають гнёзда играть, нескълъки свадибък у адно уремя.* Бел. *Белинка, Щеголѣк* + Зол. *Боево.* + Курч. *Дичня* [СКГ III: 29].

4) **Отморазживать стакан.** 'Во время свадебного гулянья сказать тост, завершив его криком «Горько!»'. Солнц. *Мальнево* [СКГ VII: 125].

5) **Искать ярку.** 'В св. обр.: искать молодую на 2-й день свадьбы'. *Посли свадьбы были усякии забавы: хадили на калодиц, абливалися вадюю, искали ярку, мьладуя так звали ...* Тим. *Рождественка* [СКГ IV: 119].

6) **Калину ломать.** 'В св. обр.: действие, совершаемое на второй день свадьбы, когда открывают штоф водки, заткнутый пучком калины'. *Друшкь иль хто ишо ламали калину апасля свадьбы: бутылку с водкью и калиню аткрывали и пили за мьладых, за чесньсть нивесты.* Рыл. *Мазеповка* [СКГ V: 14].

Особенности похоронного обряда отражены в таких устойчивых сочетания, как:

1) **Восвояси уйти.** 'В похорон. обр.: перестать жить; умереть'. *Старья мая свикроукъ былъ, хадиль да наследнивъ, а тут у адначасия васваяси ушла, пьмирла.* Медв. *Медвенка* + Поньр. *Нижнее Смородино* [СКГ II: 120].

2) **Горячий обед.** 'В похор. обр.: стол со съестным, накрываемый в день погребения покойника'. *У день пьхарон горячий абет гатовили, паминали пакойникъ.* Дмитр. *Дмитриев* [СКГ III: 37].

3) **Мёртвая вода.** 'В похорон. обр.: вода, которой обмывали покойника'. *Ваду мёртвую с пакойникъ куды зря ни выливали.* Рыл. *Локоть* [СКГ VI: 44].

Вторая группа фразеологизмов, необрядовая, является самой многочисленной. Она репрезентирует:

внешность человека

1) **Анчутка анчуткой**. 'О неряшливом человеке'. *Прииол первый рас да мине, ну анчуткъ анчуткью: штаны мятыи, батинки грязныи; некъму за им слидить былъ*. Б.-Солд. **Нижнее Гридино** + Коньш. **Жигаево** + Прист. **Средняя Ольшанка** [СКГ I: 47];

2) **Возгря кобылья, презрит**. 'Неаккуратный, неопрятный человек'. *Вот и ходя, вазгря кабылья, зимою и летъм у вадной кухвайки зъмусолинъй, грязный, ничёсаный*. Мант. **Останино** [СКГ II: 100];

4) **Все капли подобрать (собрать)**. 'Быть похожим на кого-либо'. *Глижу на Лиску, копия бапкъ Матрёнъ, прям усе капли пьдабраль*. Курч. **Дичня** + Мант. **Куськино** + Щигр. **Мелехино** [СКГ II: 130];

его характер, поведение

1) **Бесева объестся (наестся)**. 'Стать дурным, обезуметь'. *Он как рьскричищъ, бутъ бесивъ абьелси*. Жел. **Михайловка** + Курч. **Пены** [СКГ I: 81];

2) **С бусарью**. 1. 'О глупом, бестолковом человеке'. *Мужычонкъ папалси с бусарью*. Б.-Солд. **Саморядово** + Глуш. **Нижний Мордок, Тёткино** + Корен. **Комаровка** + Льг. **Кромские Быки** + Прист. **Бобрышево** + Судж. **Дарьино** [СКГ I: 124];

род деятельности

1) **Байдикки бить**. 'Ничего не делать, пребывать в бездельи'. *Ну-къ принимайся за работу, нечивъ байдикки бить*. Кур. **Цветово** [СКГ I: 59];

2) **Вести дом**. 'Работать по дому, вести хозяйство'. *Када брали мьладайку, спирва усигдъ сматрели, как вана видётъ дом, умелая али нет*. Дмитр. **Осоцкое** + Кур. **Виниково** + Рыл. **Макеево** + Солнц. **Алексеевка** [СКГ II: 47];

состояние

1) **Вольные хлеба**. 'Обретение самостоятельности, независимости'. *Как с шыснацыти лет паиол на вольныи хлеба, атарвалси ат корня радитильскъвъ, так и жывётъ адельнъ, сам*. Каст. **Олым** + Щигр. **Толубевка** [СКГ II: 113];

2) **В пень оставленная**. Находящаяся в расстроенном психическом состоянии; невменяемая. *Как пьхъранилъ мужъ и сынъ, так и сталъ как в пень аставлинъя, бизумнъя*. Бел. **Петровы Буды** [СКГ II: 123];

эмоции

1) **Антонов огонь**. *бран*. 'Выражение недовольства, негодования по отношению к кому-либо'. *Антонъв агонъ тибе вазьми*. Бел. **Щеголек** + Жел. **Старый Бузец** + Судж. **Замостье** [СКГ I: 46].

2) **Виски дыбом (дыбором)**. 'Состояние испуга, ужаса'. *Дужъ я спугалься, аж виски дыбъм стали, руки, ноги зьхъладели*. Коньш. **Колесово** + Корен. **Обуховка, Скрылевка, Троицкое** + Окт. **Журавлинка, Покровское** + Солнц. **Чермошное** + Фат. **Кретовка** + [СКГ II: 84].

Структура диалектных устойчивых сочетаний разнообразна. Чаще всего встречаются модели «сущ. в И.п. + прил. в И.п.» или «прил. в И.п. + сущ. в И.п.» (*возгря кобыля, божьи онучи* и др.). На втором месте сочетания, образованные по моделям «сущ. в В.п. + глаг.» или «глаг. + сущ. в В.п.» (*байдики бить, вести дом* и др.). Реже встречаются модели «сущ. в И.п. + сущ. в косв.п.» (*баба в тягости; борода Ильи*), «нареч. + глаг.» (*восвояси уйти*), «сущ. в И.п. + нареч.» (*виски дыбом*), тавтологические сочетания (*анчутка анчуткой*) и др.

Из представленного материала видно, что одним из организующих элементов устойчивой конструкции является ее образность. Как отмечал В.И. Зимин, «без образа, то есть без внутренней формы, нет значения фразеологизма, как нет и самого фразеологизма» [Зимин 2016: 49]. Исследование диалектной фразеологии демонстрирует неповторимую образность народного языка, его яркую оценочность, оригинальность народной мысли, уникальную способность простого сельского жителя по-своему понимать и принимать окружающий мир. Устойчивые сочетания воплощают, на наш взгляд, культурно-историческую память народа, основы его миропонимания. В диалектных устойчивых сочетаниях ярко проявляется национально-культурная специфика языка, что еще раз подтверждает его тесную связь с историей и культурой народа.

Литература

Дьяченко Ю.А. Об устойчивых сочетаниях, описывающих курский свадебный обряд // Лингвофольклористика. Вып. 39. Ч. 2. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024. С. 21–26.

Зимин В.И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации. М.: Новый проект, 2016. С. 32–51.

Мельниченко Г.Г. О принципах составления областных словарей // Региональная лексикология и лексикография. Избранные работы. Ярославль: ЯПГУ, 2007. С. 5–151.

Словарь курских говоров. Вып. 1–8. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 1999–2024. – СКГ.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература». 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Специальная литература, 1996. 192 с.

Dyachenko Julia A.

About phraseological combinations in the dictionary of Kursk dialects

The article presents a study of stable combinations, the selection of which was made from the Dictionary of Kursk vernacular. The paper conditionally divides the phraseological composition of the dictionary into ceremonial and non-ceremonial stable combinations. The first group included stable structures nominating various rituals (calendar, wedding, maternity, funeral). The second one includes stable combinations associated with folk life. At the end of the article, it is concluded that stable combinations demonstrate the unique ability of a simple villager to perceive the world in his own way.

Keywords: ceremonial, non-ceremonial, dictionary of Kursk vernacular, phraseological combinations.

Зверева Юлия Владимировна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
zv.ul@mail.ru

Русинова Ирина Ивановна

Пермский государственный национальный исследовательский университет
irusinova@mail.ru

Черных Александр Васильевич

Институт гуманитарных исследований УрО РАН
Пермь
atschernych@yandex.ru

Проблема отбора единиц для «Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в русских говорах Пермского края»

В статье рассматривается проблема отбора лексики для тематического словаря обработки льна и конопли, прядения и ткачества на материале русских говоров Пермского края. Авторы отмечают, что существует проблема квалификации слов и выражений, которые в русских говорах могут быть отнесены к профессиональной сфере языка. Повторяемость и стандартизированность трудовых процессов, включавших значительное число операций, применение специальных навыков и инструментов привели к появлению специальной лексики, обслуживающей такие ремесла, как прядение и ткачество. Наряду с терминами в словаре фиксируются общеупотребительные слова, которые в этих сферах трудовой деятельности используются в более конкретном значении и по своей функции приближаются к терминам. Терминологизация общеупотребительных слов может происходить и в результате метафорического переноса, в этом случае лексемы обычно включаются в один логико-семантический ряд слов. В словаре представлены терминологические сочетания, которые обозначают типичные трудовые процессы, а также наименования инструментов и тканей. Устойчивая грамматическая форма некоторых словосочетаний также способствует их терминологизации.

Ключевые слова: тематический словарь, ремесленная лексика, прядение, ткачество, термин, пермские говоры.

Книга «Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. 3. Материалы и технологии: обработка волокна и шерсти, прядение и ткачество» посвящена процессам возделывания льна и конопли, получению льняного и конопляного волокна, а также обработке шерсти, прядению и ткачеству. Кроме этнографических очерков, книга включает тематический

словарь лексики русских говоров Пермского края, связанной с изучаемыми явлениями [Словарь 2023].

Настоящее издание является одним из немногих региональных словарей, представляющих данные группы лексики. В современной диалектологии существует несколько словарей, в которых дается описание единиц, связанных с возделыванием льна и производством из него ткани. Это прежде всего словарь А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» (1992), в котором представлены лексика и фразеология, связанные с возделыванием льна и конопли и производством из них ткани. Кроме того, приложение к изданию [Громов 2012] включает сравнительную таблицу с данными других русских говоров, поэтому словарь является важным источником для сопоставления. Тематический словарь лексики ткачества, созданный на материале одного из говоров Рязанской области, содержит работа Ю.П. Чумаковой, в книге также приведены диалектологические и историко-этимологические комментарии [Чумакова 1995]. В работе Н.В. Большаковой «Псковский лен в диалектной речи, фольклоре и образцах традиционного ткачества» собраны языковые единицы, связанные с традиционным ткачеством [Большакова 2022]. Л.П. Батырева создала тематический словарь, в котором отражена лексика льноводства и прядения в говорах Ивановской области [Батырева 2015]. В книге М.Д. Корольковой «Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье)» предложена тематическая классификация лексики прядения и ткачества [Королькова 2020].

Исследователи по-разному решают вопрос об отборе материала для подобных тематических словарей. Сложность этой задачи подчеркивают авторы статьи о создании ремесленного словаря Тамбовской области: «поскольку ремесленная лексика одновременно принадлежит и диалектному миру, и профессиональной среде, это обуславливает организацию особенного пространства ее бытования. <...> Терминология прядения, ткачества и коноплеводства носит диалектный характер и сочетает в себе профессиональную по происхождению терминологию и собственно народные, диалектные названия» [Махрачева, Буцких, Махрачев 2017: 60].

Прядение и ткачество относятся к древнейшим ремеслам, поэтому лексика этих тематических групп часто является общерусской и восходит к праславянской основе. Повсеместное возделывание льна и конопли, изготовление нитей и тканей в крестьянском домашнем хозяйстве определяет общеупотребительность многих языковых единиц этих лексико-семантических групп. В то же время повторяемость и стандартизированность трудовых процессов, включавших значительное число операций, применение специальных навыков и инструментов привели к появлению специальной лексики, обслуживающей такие ремесла, как

прядение и ткачество. Исследователи отмечают, что существует проблема квалификации слов и выражений, которые в русских говорах могут быть отнесены к профессиональной или терминологической сфере языка [Курносова 2016: 38]. Лексику разных сфер трудовой деятельности называют *ремесленной* или *профессиональной*. Чаще всего сущность понятия «профессиональная лексика» в общепринятом понимании и в описании диалектной системы языка не совпадает. Так, Е.В. Брысина указывает на существующее противоречие: «С одной стороны, можно говорить об активном функционировании в диалектной речи специальных понятий, связанных с конкретным видом деятельности жителей сельской местности; с другой – территориальная ограниченность диалекта позволяет предположить широкую известность специального наименования, его общепонятность и общедоступность в диалектной среде, т.е., говоря иными словами, деспециализированность термина, что в конечном итоге исключает возможность существования диалектной терминологической системы как таковой» [Брысина 2007: 154]. В то же время ряд исследователей выделяет в составе ремесленной лексики «специальную», или «терминологическую» [Королькова 2019; Крапивина 2012]. Так, М.Д. Королькова отмечает, что в состав ремесленной лексики входят как диалектные, так и общенародные слова и словосочетания (по территориальному делению), а также терминологические и общеупотребительные единицы (по особенностям функционирования). Это и является причиной развитой вариативности в наименовании практически любого понятия в трех проанализированных тематических группах [Королькова 2019: 114]. Авторы настоящей статьи придерживаются второго подхода и считают, что лексика прядения и ткачества, как и других ремесел, может включать как общеупотребительные, так и специальные единицы.

В рассматриваемом словаре специальная лексика составляет примерно половину всех языковых единиц. Технологические процессы (от возделывания льна и конопли до изготовления холстов) растягивались надолго и выполнялись в течение всего года, они включали значительное число операций, требующих специальных навыков и инструментов. В словаре большое количество единиц, называющих процессы обработки материалов и приобретение ими нужных качеств. Чаще всего это термины: *вЫлежаться, улежАть* ‘стать пригодным для дальнейшей обработки в процессе достаточно длительного лежания на стлище (о стеблях льна)’, *дубИть* ‘окрашивать отваром коры ивы, ольхи и т.п. (о пряже, домотканом холсте)’; *кудЕльничать* ‘обрабатывать волокна льна, конопли (мять, трепать, чесать), подготавливая их к прядению’.

В словаре фиксируется общерусская лексика, например, общеупотребительные глаголы *бить, колотить, мочить* и др., которые в

русском языке являются наименованиями каких-либо процессов. Поскольку эти единицы обслуживают определенные сферы трудовой деятельности, их значение в этих сферах конкретизируется. Так, в словаре литературного языка одно из значений слова *мочить* – ‘держать в воде, пропитывать влагой для придания каких-либо качеств’ [БАСЗ 10: 451], в представляемом словаре это слово подается иначе: ‘держать в воде некоторое время, пропитывать влагой для отделения жесткой части стебля от волокна (о льне, конопле)’. Становятся специальными значения и других общерусских глаголов: *бросать* ‘при тканье пропускать через натянутые нити основы (о челноке с нитями утка)’, *выбирать* ‘ткать с узорами’, *пятнить* ‘делать метки на нитях основы при сновании, отмечая границы «стен»’. Таким образом, можно говорить о терминологизации общерусской лексики, что, по мнению Т.С. Коготковой, объясняется характером появления терминов в диалектном языке: «Бытовые общеупотребительные слова говора используются в производственном контексте, и тем самым осуществляется их специализация» [Коготкова 1979: 73].

Терминологическое значение часто имеют названия частей разных инструментов и приспособлений, при этом в функции терминов могут использоваться слова *пáлка, пáлочка, дощэ́чка* и др. На эту особенность диалектных терминов обращает внимание и Т.С. Коготкова, отмечая, что «ремесленно-промысловая лексика формировалась на основе переосмысления бытовых (повседневных) слов, т.е. имело место семантическое терминообразование. Семантические термины – типичные языковые образования в сфере номинативно-производственной лексики» [Коготкова 1991: 13]. В качестве примера приведем развитие семантики лексем *бадо́г, бадожо́к (батожо́к)*. В говорах эти слова включают интегральную сему ‘палка, палочка’, а применительно к ткацкому стану могут обозначать разные его детали:

- 1) одну из двух палочек в верхней части ткацкого станка, на которой подвешиваются ниточки или бердо;
- 2) палочку для закрепления (в неподвижном положении) пришвы, навоя в ткацком станке;
- 3) палочку, которая вставляется в пришву и служит для надевания нитей основы в начале тканья;
- 4) часть нитченок – одну из двух деревянных планок, между которыми натянуты петли для продевания через них нитей основы.

Терминологизация общеупотребительного слова может происходить и в результате метафорического переноса, в этом случае лексемы обычно включаются в один логико-семантический ряд слов. Лингвисты отмечают, что термины находятся в отношениях семасиологических связей, т.е. проявляют системные свойства [Алексеева, Василенко 2015: 7]. О системной

метафоре пишут и этнолингвисты, понимая под ней такие метафорические переходы, которые связывают различные тематические группы лексики: например, ботаническую терминологию и термины родства, соматическую лексику и наименования рельефа, орнитологическую лексику и обозначения детородных органов [Березович 2014: 220]. Так, ошибки, возникшие при тканье могут обозначаться с помощью терминов родства: *кўмушки* ‘нити, идущие рядом без перекрещивания, попавшие не на свое место при заправке ткацкого стана’; *сестрица, сестрянка* ‘дефект ткани при ее изготовлении – отсутствие основной нити в каком-либо месте из-за погрешности, допущенной при вдевании нитей в нитченицу’. Наименования деталей орудий труда часто образуются от соматизмов: *косица, ребро, жабрик, щекá* ‘одна из двух боковых стенок мялки’; *язык* ‘подвижная часть мялки в виде деревянного ножа, которой дробят жесткую часть стеблей льна, конопли’; *подбрюшник, подбрюшица* ‘передний вал в ткацком станке, служащий для навивания готовой ткани’. Обычно такие наименования являются синонимами к терминам: так, лексемы *сестрица* и *сестрянка* толкуются в словаре через отсылку к слову *близна*, *подбрюшник, подбрюшица* – к лексеме *прішивица*. Исследователи отмечают распространенность такого способа словообразования – метафорического переноса значений общеупотребительных слов на терминологические понятия – по внешнему сходству, общности функций или схожести действия [Крапивина 2012: 40]. Довольно распространен метафорический перенос в наименованиях различных набивных рисунков и вытканых узоров: *ёлочка* ‘нанесенный на ткань рисунок в виде зигзагообразных линий’, *кривулька* ‘нанесенный на ткань рисунок в виде сложного изгиба’, *мячик* ‘тканый узор в виде кругов, получаемый при многоремизном ткачестве’ и др. Включают подобные единицы в состав тематических словарей и другие авторы тематических словарей: *боб* ‘узор, похожий на семя из стручка бобового растения’ [Громов 2012: 37]; *букет* ‘узор на домотканом полотне в виде символически обозначенных цветочных букетиков, получаемый особым переплетением нитей при тканье’ [Большакова 2022: 82].

В словаре также представлены словосочетания, которые регулярно воспроизводятся в речи и обычно называют различные инструменты, орудия труда, части ткацкого станка, виды ткани и т. п. В лингвистической литературе для таких единиц используются термины *номинативные сочетания, терминологические сочетания, номенклатурные сочетания* и т. д. Обычно согласуемое слово в номинативном сочетании не просто уточняет значение главного слова, существительного, а называет разновидность инструмента, ткани и др. В настоящем словаре такие конструкции подаются в словарной статье на главное слово словосочетания. Приведем примеры:

МОТОВиЛО, МУТОВиЛО. *Приспособление для ручной намотки пряжи в виде палки с перекладной на одном конце и рогатиной на другом или палки с перекладными на обоих концах.* Мотовило как бадог, на ём на одном конце вилка, на другом бадожочек, с перст толщиной, а долиной полметра, на его нитки начнем мотать, мот будёт (Вильва Сол.). Мотовило, чтобы нитки мотать. У мотовила рожка есть. А потом на тюрик-от, и свивам нитки (Марушева Черд.). **ДВАДЦАТНОЕ МОТОВиЛО.** *Мотовило, на которое сматывали моток в двадцать чисменок.* В двадцатное мотовило надо двадцать чисменок мотать; на двадцатном мотовиле чё потолще мотали... половики ткали, тряпками учили (Вильва Сол.). **СОРОКОВОЕ МОТОВиЛО.** *Мотовило, на которое сматывали моток в сорок чисменок.* А есть сороковое мотовило, дак в его надо мотать сорок чисменок; на сороковом мотовиле лён все больше мотали (Вильва Сол.). **ТРИДЦАТНОЕ МОТОВиЛО.** *Мотовило, на которое сматывали моток в тридцать чисменок.* В тридцатное мотовило мотали тридцать чисменок (Вильва Сол.) [Словарь: 338–339].

Номинативные сочетания используются также для наименования тканей, особенно таких, которые были распространены в крестьянском быту. Например, с опорным словом *холст* зафиксировано более 15 сочетаний: *белый холст; волоконный (леняной, тонкий) холст; грёбный (изгрёбный, кормовой, онучной) холст; мешочный холст; пачесный холст; полотенечный холст; полубумажный холст; полулленной холст; пониточный холст; пятинитенный холст; рядиношный холст.*

Определение, стоящее рядом с названием ткани, может конкретизировать материал изготовления, особенности расцветки, назначение и т.п. **КЕЖ, КЕЖЬ, ХЕЖ,** м. и ж. *Домотканый холст в клетку или полоску.* Кеж – полосатый холст (Тиуново Гайн.). Кеж – цветной лён. Кежи делают только в клетку (Зёлва Черд.). Ткали на юбку кеж клетчатый. А белый – его холст (Редикор Черд.). Хеж ткали. Один дружок – бела нитка, друга – красна, синя. Затыкали синей ниткой (Акчим Краснов.). **ИЗГРЁБНАЯ КЕЖЬ.** *Грубый домотканый холст в клетку или полоску.* Кежь дак то изгрёбна, то лённая (Пянтег Черд.). **ЛЕННАЯ КЕЖЬ, ЛЛЯНОЙ КЕЖ.** *Тонкий домотканый холст в клетку или полоску.* Кежь дак то изгрёбна, то лённая (Пянтег Черд.). **ПОЛОВиНЧАТАЯ КеЖЬ.** *Ткань домашнего изготовления в клетку или полоску из льняных и хлопчатобумажных нитей.* Половинчатая кежь полугумажная, половина – холстяные нитки. Больша полоска рассекатся маленькой (Покча Черд.) [Словарь: 392–393].

Об устойчивости словосочетаний свидетельствует и наличие словообразовательных и лексических синонимов-лексем: *грёбный (изгрёбный, кормовой, онучной) холст* = *изгрёби* ‘домотканый холст из

толстых, грубых ниток, спряденных из оческов льна'; *однозубешное тканье* = *однозубица* 'редкий домотканый холст, получаемый при заправке одной нити основы в каждый «зуб» берда'.

Вслед за А.В. Громым, в качестве терминологических подаются в словаре глагольные сочетания, лишённые экспрессии и не обладающие семантической слитностью: **БРАТЬ ОПЫТЕНЬ**. *Определять готовность вымоченного или полежавшего на стлице льна для дальнейшей обработки; ПАХАТЬ (ЛЁН, ЛЬНЫ, КОНОПЛЮ, КУДЕЛЮ)*. *Обрабатывать волокна льна, конопли (мять, трепать, чесать), подготавливая их к прядению; ПЕРЕМОТУ ПОЛОЖИТЬ (НАКЛАСТЬ)*. *Допустить ошибку при сновании, неправильно положив нить основы; ХОДИТЬ ПО СТЕНЕ*. *Подготавливать нити основы для тканья, мотая их на гвозди, колышки и т.п., вбитые в стену дома*. В словаре А.В. Громова такие единицы называются «устойчивыми сочетаниями, имеющими прямое терминологическое значение». К ним автор относит, например, единицы типа *подвести бёрдо* 'стянуть утком основу и тем самым затруднить работу бёрда' [Громов 2012: 7]. Конечно, не все исследователи признают сочетания такого типа фразеологизмами, однако такие конструкции постоянно воспроизводятся, обозначают типичные трудовые процессы, поэтому авторы посчитали возможным подавать их как устойчивые.

Терминологизации словосочетаний способствует также их устойчивая грамматическая форма. Так, для характеристики способа изготовления ткани в русских говорах Пермского края может использоваться конструкции 1) *по + наименование материала (существительное в Д.п.) + наименование материала (существительное в Т.п.): ПО ГУМАГЕ ЛЬНОМ*. *О ткани домашнего изготовления из хлопчатобумажных и льняных нитей (с хлопчатобумажной основой и льняным утком)*. *По гуме льном – тоненькой холс, ленной. Бумагу наснуют, а льном заучат – тонкой (Камгорт Черд.)*. *ПО ЛЬНУ ИЗГРЕБИМА*. *О холсте, уточную нить которого составляли грубые нити, получаемые из «изгребей»*. *По льну изгребима – тот холс толстой (Камгорт Черд.)*. *ПО ЛЬНУ ЛЬНОМ*. *О тонком холсте из льняных нитей*. В богатых-то домах тожо хороший холст ткали – по льну льном, как фабрично (Покча Черд.); 2) *наименование материала (существительное в Им.п.) + наименование материала (существительное в Д.п.): ШЕРСТЬ ПО ЛЬНУ*. *О ткани домашнего изготовления из льняных и шерстяных нитей (с льняной основой и шерстяным утком)*. *Понитки – шерсть по льну. Заваривали, ссаживали, чтобы теплее было (Посад Киш.)* [Словарь: 394].

Для обозначения способов тканья, создания узоров, рисунков на ткани довольно часто используются терминологические предложно-падежные сочетания. В диалектных материалах Пермского края слабо представлены

названия тканей, выполненных в многоремизной технике ткачества (*узоры, клетки*), но зафиксированы словосочетания, которые характеризовали технологические особенности изготовления ткани. Использовалась конструкция *предлог (в, на, за) + числительное + существительное в род. п. мн. ч. (ниченок (ничениц) / подножек)*, которая указывала на количество подножек или ремизок, использовавшихся при ткачестве: **в (за, на) восемь ниченок, в двадцать четыре ниченки, в (на) двенадцать ниченок, в две ниченки (подножки), в (на) пять ниченок, в (за, на) четыре ниченки (подножки), в шестнадцать ниченок (подножек), в шесть ничениц (ниченок)** (*У красн было 16 подножек. Простой холст ткали в две подножки, половики рядные, в ёлку в четыре подножки. Мешки были тоже рядные. Свекровке на становину подарила в шестнадцать подножек* (Говырино Сукс.). *Нас учили, пряли мы, на пряхе мучили нас. Мама ткала на четыре, пять ниченок, узоры на восемь уже не тыкала* (Андреевка Орд.) [Словарь: 363]. Такие устойчивые сочетания, видимо, могли указывать и на типичный узор, формируемый при использовании определенного количества ремизок: *В сарафанах [ходили] дотканых, льняных. В клетку, в полосу, разными фигурами. Ткали в две, четыре, восемь, шестнадцать нитченок, от чего зависел узор* (Богатовка Черн.) [Словарь: 367]. Скорее всего, недостаток лексем-терминов, обозначающих виды тканей, выполненных в технике многоремизного ткачества, привел к появлению подобных устойчивых описательных конструкций, которые проявляют свойства терминов.

Создание словарей, включающих лексику традиционной культуры (материальной и духовной), является актуальной задачей, а сегодня, в связи с редукцией этой культуры, вымыванием из активного употребления целых пластов лексики, просто остро необходимой. Для тематических диалектных словарей сложным является вопрос отбора единиц описания. Эта сложность определяется функционированием лексики (как общерусской, так и диалектной) в ремесленной сфере, что влияет на семантику единиц. Например, в текстах о возделывании, обработке льна, конопли; прядении, ткачестве часто происходит сужение значения общерусских или диалектных лексических слов, которые по своей функции приближаются к терминам. На наш взгляд, включение таких единиц в подобные словари обязательно.

Литература

Алексеева Л.М., Василенко Д.В. Системность терминологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4(32). С. 5–13.

Большой академический словарь русского языка. Т. 10. Медяк–Мячик / ред. Л.Е. Кругликова, В.П. Фелицына. М., СПб.: Наука, 2008. 571 с. – БАС3.

Батырева Л.П. Лексика льноводства и прядения в говорах Ивановской области [Электронный ресурс] – URL: http://sspu.ru/pages/subfaculties/rua/projekts/Batureva.L.P._Leksika_linovodstva.pdf?v=2 (дата обращения: 10.09.2024).

Березович Е.Л. Метафора родства в славянских языках // Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. С. 220–302.

Брысина Е.В. Лексика функционально ограниченного использования в русских народных говорах // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Ч. 1. Воронеж, 2007. С. 154–161.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. Ярославль: Инфопресс, 1992. 81 с.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. Кострома: Инфопресс, 2012. 118 с.

Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. М.: Наука, 1991. 120 с.

Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (Состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. 335 с.

Королькова М.Д. Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье) / ред. С.А. Мызников, Н.Л. Сухачев. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 296 с.

Королькова М.Д. Природа вариативности в ремесленной лексике Поволжья // Вариативность в языке и речи: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 4-5 апр. 2019 г. Минск: МГЛУ, 2019. С. 114–115.

Кривина М.С. Диалектная терминологическая лексика (на материале рыболовецкой лексики донского казачества) // Вестник Челябинского государственного университета, № 23(277). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 69. Челябинск, 2012. С. 71–74.

Курносова И.М. О профессиональной и терминологической лексике в русских народных говорах // Филологос. 2016. № 28(1). С. 38–42.

Махрачева Т.В., Буцких С.А., Махрачев Г.С. К вопросу создания сетевого словаря «Лексика традиционного прядения, ткачества и коноплеводства Тамбовской и прилежащих к ней областей» // Нефилология. 2017. Т. 3. № 4(12). С. 58–66.

Словарь лексики льноводства, прядения и ткачества в русских говорах Пермского края // Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. 3. Материалы и технологии: обработка волокна и шерсти, прядение и ткачество / А.В. Черных, Ю.В. Зверева, И.И. Русинова. СПб.: Маматов, 2023. С. 231–419. – Словарь.

Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. 3. Материалы и технологии: обработка волокна и шерсти, прядение и ткачество / А.В. Черных, Ю.В. Зверева, И.И. Русинова. СПб.: Маматов, 2023. 432 с.

Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань: Рязан. этнограф. вестник, 1995. 228 с.

Zvereva Julia V.

Rusinova Irina I.

Chernykh Alexander V.

On the problem of selecting units for the «Dictionary of the vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Russian dialects of the Perm Krai»

The article examines the problem of selecting vocabulary for a thematic dictionary of flax and hemp processing, spinning and weaving in Russian dialects of the Perm region. The authors note that there is a problem of qualifying words and expressions that in Russian dialects can be attributed to the professional sphere of language. The standardization of work processes, which included a significant number of operations, and the use of special skills and tools led to the emergence of a special vocabulary serving such crafts as spinning and weaving. Along with terms, the dictionary records commonly used words that are used in these areas of work in a more specific meaning and are close in function to terms. Terminologization of commonly used words can also occur as a result of metaphorical transfer, in which case lexemes are usually included in one logical-semantic series of words. The dictionary presents terminological collocations that denote typical work processes, names of tools and fabrics. The stable grammatical form of word collocations can also contribute to their terminologization.

Keywords: thematic dictionary, handicraft vocabulary, spinning, weaving, term, Perm dialects.

Кондратенко Михаил Михайлович
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург
mmkondratenko@gmail.com

Принципы номинации прошлого в лексике славянских говоров

Статья посвящена славянским диалектным наименованиям прошлого и их роли в системе обозначений времени. Материалом послужили данные диалектных словарей севернославянских говоров: севернорусских, северо-западных белорусских, юго-западных украинских, кашубских и лужицких. В ходе исследования были выявлены некоторые проблемы изучения диалектной номинации в области семантики времени. Одной из них является набор различающихся темпоральных значений у одного многозначного слова. Такие номинативные единицы могут обозначать как периоды времени в прошлом, так и в настоящем и будущем. В результате проведенного анализа диалектного материала установлены наиболее частотные принципы семантической мотивации прошлого. Языковое представление этого периода времени включает его интерпретацию как давнего, старого; бывшего ранее, до сих пор, до текущего момента; периода, уже прожитого человеком, а также некоторые другие.

Ключевые слова: славянская диалектология, обозначения времени, принципы номинации, полисемия, семантические сдвиги.

Прошлое занимает очень важное место в ментальной жизни людей, поскольку является сферой их исторической памяти, традиций и жизненного опыта. Этим определяется роль номинативных единиц, обозначающих прошлое, в лексической системе языка. Особенно велика их роль в диалекте, поскольку именно он представляет традиционную народную культуру [Толстой 1995: 17]. Неслучайно в исследованиях темпоральной лексики уже отмечался феномен преобладания в количественном отношении номинаций прошлого по сравнению с наименованиями настоящего и будущего (см. [Menzel 2014: 328]). Возможно, это связано с тем, что уже произошедшее, случившееся не может быть подвержено активному воздействию, но очень важно для говорящих, поэтому сохраняется в памяти и сегментируется языком.

Задача настоящей статьи – выявить в рамках исследованного материала (главным образом диалектного), закономерности языковой сегментации и семантической мотивации обозначений прошлого на славянской языковой территории (прежде всего в севернославянском ареале).

В этих аспектах диалектной номинации существуют специфические проблемы в интерпретации семантики лексемы. Одной из них является набор различающихся темпоральных значений у одного многозначного слова. Так, в северо-западных белорусских говорах особенность производных от корня *даўн-* состоит в том, что лексема может обозначать и удаленность во времени в прошлое, и значительную временную протяженность (*даўней* [в прошлом] *людзі хварэлі на падучую балесць* и *ён даўно* [долго] *балеіць*) [СБГ 1: 158]. Наречие *даўней* связывает актуальное временное состояние также с недалеким прошлым, то есть с тем, что происходило не сейчас, а несколько раньше: *даўней трэба было біць* [дзяцей] [СБГ: 29]. Наречие *даўно(а)* используется повсеместно в северо-западных белорусских говорах также в абсолютных значениях ‘давно’, ‘издавна, издревле’: *цялёнка даўна прадаць трэба, даўна свіней у хаця кармілі* [СБГ 2: 28]; *прадаўно* ‘очень давно’ [СБГ 4: 73].

Кроме того, традиционно постулируемая сегментация временной последовательности на прошлое, настоящее и будущее не всегда отличается последовательностью; прошлое в ряде многозначных номинаций демонстрирует своеобразный переход в настоящее и будущее.

Б.А. Успенский отмечал, что восприятие времени, безусловно, культурно обусловлено, а это означает, что в разных культурах время может переживаться – восприниматься, концептуализироваться и оцениваться – по-разному. Различие между прошлым, настоящим и будущим кажется универсальным явлением, но отношения этих категорий могут кардинально отличаться в разных культурных кодах [Uspenskij 2017: 231].

В частности, это может выражаться в сочетании значений, отсылающих нас то в прошлое, то в будущее: так, в говорах Ярославской области лексема *напредки* обладает значениями как ‘в будущем’, так и ‘сперва, сначала’ (то есть, фактически – в прошлом) (*приходите к нам напредки посидеть* – ‘впредь, в будущем’; *напредки не почувствовал, а потом больно стало* – ‘сперва, сначала’) [ЯОС 6:108].

Лексема *ономедь* в севернорусских говорах включает в себя весь спектр значений: от прошлого до будущего: ‘недавно’ (*посидни нацевала она у нас; ономидь, кто скаже ономидь, кто посидни, а все одно – недавно*), ‘давно’ *ономедь это было, ну, давно, в прежние времена*), ‘очень скоро, в ближайшее время’ (*ономедь в город съездить надобно, посмотреть парнишке пальто*) [СРГК 4: 201]. В этом же диалектном ареале выражение *на годах* обозначает ‘недавно, несколько лет назад’ (*я на годах в Мончегорск ездила, лет так пять назад*) и ‘в ближайшие годы’ (*он должен на пенсию выходить на годах*) [СРГК 1: 350].

Сама внутренняя форма слова *прошлое* указывает на то, что это нечто ушедшее. Так, в севернорусских говорах отмечена лексема *прошлина*

‘прошлое, прежняя жизнь’ (если о прошлине говорить, была тоня Песчанка, не рыбачат там сейчас), **прошлогодые** ‘прошлый год’ (мы один раз в прошлогодые лодку оставили непривязанной) [СРГК 5: 325].

Однако лексический материал представляет нам два вида прошлого: с одной стороны, это события, навсегда удаленные от говорящего, с другой – это одна из метафор циклических событий, которые не исчезают, а периодически повторяются и во многом определяют представления говорящего о будущем. В таком случае обычно реализуется значение ‘всегда, испокон веков’ [включая прошлое]: в севернорусских говорах **извеку** ‘издавна, с давних пор’ в (извеку так было) [СРГК 2: 273]; **исповек** ‘издавна’ (это от старых людей исповек идет уж) [СРГК 2: 298]; **свеку** ‘искони, издавна’ (а дома-то у нас больши свеку строятся) [СРГК 5: 652]; в закарпатских украинских говорах **світа-покона** ‘испокон веков’: у нас есе с’ато с’віта-покона держат (у нас этот праздник испокон веков соблюдают) [Сабадош 2008: 328].

Другой формой представления прошлого является его внутренняя форма как последнего: в закарпатских украинских говорах за **пусл’ідн’і годы Петро сильно закыс** [Сабадош 2008: 98]. Таким последним временем может оказаться то время в прошлом, которое прожито недавно, что явствует из контекста: за **пусл’ідн’ый час село с’а дуже устроило** в закарпатских говорах [Сабадош 2008: 361]. Время в прошлом как последнее, непосредственно предшествующее настоящему, в северо-западных белорусских говорах может обозначаться наречием **остатне** ‘в последнее время’: я **остатне меў** на званчаках воза [СБГ 3: 264]; аналогично польск. **ostatnio**.

В севернорусских говорах прошлое представлено как время, ушедшее в глубину: **глубко** ‘очень давно’ (мои обязанности лесные, это глубоко, рассказать трудно) [СРГК 1: 340] – или передается с помощью временного союза (когда): **когда** ‘давно’ (а теперь дождя-то когда уж нет); **когдашина**, **когдашита** ‘уже давно’ (враци уж когдашита сказали) [СРГК 2: 384].

Часто прошлое обозначается с помощью производных от корня **věk*, значения которого обладают широким спектром с семантической основой ‘значительная длительность’: в северо-западных белорусских говорах **спрадвеку** ‘с давних лет’ (спрадвеку вядзеца так [СБГ 4: 546]; **спрэ(т)ку-веку** (спрэтку-веку было так) [СБГ 4: 547]; у **старом веку** ‘раньше, в прошлом’ (у старом веку шукалі вядзьмака, кап ён адрок, калі ўраклі) [СБГ 4: 576]; **навеку** ‘давно’ (у ее муж-то навеку ушел) и ‘когда-нибудь, в прошлом’ (а на кого она навеку была довольна) [СРГК 2: 298].

В севернорусских говорах отмечены лексемы с мотивацией ‘то, что было до сих пор’: **по-досе(ю)льно(е)му**, **по-досюлешнему**, **по-досюлину** ‘по-старому, так, как было раньше’ (по-досюльному горница, а, по-вашему, комната, а это фатера) [СРГК 4: 656-657]; **подосюльщина** ‘давно

прошедшая жизнь, прошлое' (*она подосюльцину всю расскажет*) [СРГК 4: 657]; *досего, досё(и), досево, доселеко, досельно* 'раньше, прежде' (*досего не говорили суп, а все шти*) [СРГК 1: 492]; *досле* в том же значении (*досле строгость была, а теперь мужик бабы боится*) [СРГК 1: 494]; а также *издосель* 'много времени назад, давно' (*досель давно было, да не так давно, как издосель*) [СРГК 2: 279].

По мнению А.Е. Аникина [РЭС 12: 361], к этой группе обозначений, возможно, относится *даюль* (*даюль < досюль*) 'очень давно, в старину' (*в проливе между Щучьим наволоком и Телячьим островом жил будто бы даюль водяной*) [СРГК 1: 425].

Прошлое может быть представлено как старое время: в севернорусских говорах *со старелья* 'издавна, с давних пор' (*да мы со старелья здесь живем*) [СРГК 6: 313]; *стариковина* 'давно минувшее время, старина' (*про стариковину вот рассказать просят*) [СРГК 6: 313]; *старинно* 'давно, много времени тому назад' (*родилась-то я не так старинно*), *старинность* 'минувшее время, прошлое' (*рассказывай про старинность-то свою*) [СРГК 6: 314]; *на (но) старости* 'раньше, прежде' (*годовины по старости не делали, а теперь сороковой день отмечают и годовины*), *со старости* 'издавна, с давних пор' (*со старости так было уже, чтоб в разных деревнях, в каждой свой праздник*) [СРГК 6: 318].

Для обозначения прошлого как старого времени распространенным способом является использование корня **davn-*: в лужицких говорах *dawnina* 'старина, давно прошедшее время'; *dawno* 'давно, с давних пор'; *z dawnna* 'очень давно'; *dawnolětny* 'насчитывающий долгие годы'; *dawnosć* 'старина'; *dawnota* 'прошедшее, прежнее время'; *dawnny* 'давно прошедший, старый'; *z dawnnych časow* 'со старых времен' [Pfuhl 1866: 110], кроме того, в закарпатских украинских – *давно* (*давно мелники добре жили*) [Сабадош 2008: 170]; *стародавнина* 'давние времена, обычаи' (*муй унук л'убит слухати про стародавнину*) [Сабадош 2008: 342]; в северо-западных белорусских (Паст.) *аддаўна* (*верас аддаўна меданосная трава*) [СБГ 1: 56], *даўна* (*я даўна з акулярамі чытаю*) [СБГ 1: 76], *даўней*: *даўней, як пралі чуць не да раницы; як хто аскароміцца в пост, дауней казалі – сагрэшыць* [СБГ 1: 107, 272]; прилагательное *даўнейшы* может субстантивироваться и обозначать прошлое: *стары чалавек многа помніць даўнейшага* [СБГ 2: 29]; используется и существительное *даўніна* в значение 'прошлое, старина': *усе яшче даўніна вядзецца* [СБГ 2: 29].

В севернорусских говорах, помимо повсеместно распространенного *давно*: *вдавне* 'давно' (*вдавне звали дак, конечно, вдавне, мне шестьдесят четвертый год, дак так не зовут*), *вдавних* (*вдавних плита поставлена*) [СРГК 1: 167].

Аналогичное словосочетание для обозначения удаленного в прошлое времени отмечено и в кашубских говорах: *ta sq znajeta woet dōvněgoe čase* (мы знакомы с давних времен) [Ramułt 1893: 272]. Следует отметить, что значение лексемы **давно** и ее эквивалентов в других славянских языках отличается большой амплитудой количественного параметра, то есть ответом на вопрос: «насколько давно/раньше»?

Лексема **давно** может обозначать не обязательно далекое прошлое, о чем свидетельствует контекст: в закарпатских украинских говорах *давно май давно калгозникам паспорти не давали* [Сабадош 2008: 99, 218]. Кроме того, «давность» имеет свою градацию: **подавно** 'давненько' (*доста подавно м купила сис' сведер, та не т'амл'у, кул'ко кошчовав*) [Сабадош 2008: 240]. С другой стороны, подобные лексемы обладают значением неопределенного, но очень удаленного во времени: *такый був пор'адок давно* [Сабадош 2008: 247].

Материал кашубских говоров дает представление о видении прошлого: это может быть как некий удаленный во времени момент, так и период от прошлого до настоящего: *ju dōvno he bélo tak spōřno* (уже давно не было так жарко) [Ramułt 1893: 200], *mje sq to gbuřtwoe dōvno wuviyalo* (мне давно нравилось это хозяйство) [Ramułt 1893: 240].

Обозначение отнесенности событий к прошлому может передаваться при помощи указательного местоимения **то**: *woet tegoe čase nastalé vjelz'ě zmjané* (с того времени наступили большие перемены) [Ramułt 1893: 271], в закарпатских украинских говорах: *с того часу минуло два годы* [Сабадош 2008: 413], в буковинских украинских: *того року Марія уже була на колядзі* [Бук. 2005: 220]; в северо-западных белорусских говорах – *той рок жыта прапала* [СБГ 2: 168], *у той час там лес валілі* [СБГ 1: 274], *плугі ў той час ужо вяліся* [СБГ 1: 302]; при анафорическом употреблении местоимения осуществляется указание на ранее обозначенный другим способом период времени в прошлом: *а ў то врэмя пятнацаць рублей былі дзеньгі* [СБГ 2: 43].

Для усиления отдаленности во времени может использоваться форма множественного числа: в северо-западных белорусских говорах **лета** (мн.): *тыя лета былі добрыя* [СБГ 2: 644]. Указательное местоимение может субстантивироваться: в севернорусских говорах **тамно** 'давно прошедшее, прошлое' (*теперешнее вы знаете, а тамно я уже рассказала все*) [СРГК 6: 439].

Кроме того, использование местоимения **тот** может быть связано не с отнесенностью периода времени к прошлому, а с его соответствием другому периоду (тому, упомянутому ранее, вступающему в роли объекта сравнения): в буковинских украинских говорах *тяшко беззубому, шос возми в рот та й мамраї так довго, шо молодий уже наїсци за той час* (беззубый медленно, с трудом ест так долго, что молодой уже наестся за это время) [Бук. 2005: 276].

Указательные местоимения лежат в основе других обозначений недалекого прошлого в бойковских и буковинских говорах: *генто* ‘вчера’, ‘когда-то’, ‘позавчера’, ‘несколько дней назад’ (*генто Степана виділа-м*) [Центр-бойк. 2013: 95], [Онишкевич 1: 166], [ЕСУМ 1: 495]; *якос* ‘недавно, несколько дней назад’ (*якос до лавки привозили обув*) [Бук. 2005: 685], [ЕСУМ 6: 540, 542].

Еще один тип обозначения прошлого – представление его как бывшего ранее: *раньчи* ‘прежде, некогда’ в буковинских украинских говорах: *раньчи було так багато черногузів по хатах, а тпер лиш дес* [Бук. 2005: 450]; *раней* в северо-западных белорусских: *кап іх раней аглядзелі* (Пух.) [СБГ 1: 48], *бадульки раней, а цяпер чарада завуць* [СБГ 1: 151], *раней дзікія людзі былі, нічога не зналі* [СБГ 2: 52]; в севернорусских говорах *раней* ‘прежде, раньше’ (*там раней вець люди жили*), *ранешное* ‘то, что было прежде, прошлое’ (*лѣга топерь бабам жить супротив раношнова*); *ранешно* (*ранешно, давношно было, дед пець не перекладывал* [СРГК 5: 442]; *рано* ‘давно’ (*которые рано работают, тем премию больше давали*); *рань* ‘раньше, в былые времена’ (*рань-то мужик ротонду оденет да лапти*) [СРГК 5: 443]; *с раннего* ‘издавна’ (*деревня наша с раннего славится культурой*) [СРГК 6: 295].

Близким этому принципу номинации является наименование прошлого как первого, первичного: *первоиный* ‘старинный, стародавний’ (*посмотрели бы первошну свадьбу, досюлошну*) [СРГК 4: 427].

Представлен на славянской языковой территории такой способ обозначения прошлого, как нечто расположенное перед настоящим – в севернорусских говорах *прежнѣ* ‘прошедшее, бывшее’ (*да им прежнѣ надь рассказывать*), *прежность* ‘прошлое, старина’ (*лесовик – так то из прежности, это все в прежности говорили*) [СРГК 5: 141–142].

Прошлое может обозначаться как то, что было, имело место, случалось в прошлом: в северо-западных белорусских говорах *бало* ‘когда-то’ (*бало, на тыдню бяз хлеба сядзелі*) [Зайка 2011: 218]. Согласно Этимологическому словарю белорусского языка, *бало* – сокращение от *бывало* ‘раньше, прежде’ [ЭСБМ I: 295]. В северо-западных белорусских фиксируется и словоупотребление *бывала* в значении ‘раньше, прежде’. В примерах *бывала, я не была худая* или *бывала, такая мода была – печка на калотках стаяла* речь идет не о повторяемости событий, действий или состояния человека в прошлом, а именно о локализации определенного феномена в прошлом, хотя в том же диалектном ареале отмечено и значение ‘случалось в прошлом’ (*бывала, прынясеи бульбы, напарыш, пад’ясі рэцькі*) [СБГ 1: 250]. От этой лексемы образуются производные: *баляшні* ‘прежний, старый, старинный’ (*баляшнія людзі казалі, што снех – гэта гной*) [СБГ 1: 162], *одзень баляшню сподніцу з галёнамі і будзе хорошэ* [Брэст. 1989: 18].

Подобное семантическое явление наблюдается и в севернорусских говорах: *побывалое* ‘то, что было в прошлом, бывшее’ (*да кому теперь побывалое интересно-то*), *по-бывалошному* ‘раньше, прежде, в старину’ (*по-бывалошному как косили, так теперь не косят*) [СРГК 4: 573]; *бывалошни(ы)й* ‘прежний, прошлый’ (*бывалошно время что вспоминать*); *бывалошное* ‘прошлая жизнь, прежние времена’ (*бывалошное не дай бог вспоминать*); *бывальщина* ‘прежнее время; то, что было давно’ (*в бывальщину жили хуже, а свадьбы лучше были*) [СРГК 1: 150–151]. При этом значение прошлого (*в бытность немного насилу выдавали замуж*) сочетается со значением жизненного пути: *во всю бытность одни чулки имела* [СРГК 1: 155].

Кроме того, прошлое может ассоциироваться с большим количеством чего-либо: в северо-западных белорусских говорах *ладна, ладно* ‘много’ (*мне гадоў ладна*) и ‘давно’ (*я ўжо ладна прышоўшы с поля*); *ладнага* ‘много’ (*ладнага нас сабралася*) и ‘длительное время’ (*яна ладнага тут жыла, гадоў пяць*) [СБГ 2: 607].

В севернорусских говорах одной лексемой обозначается прошлое и минувший год: *влони* ‘в прошлом году’ (*вот влони, в прошлый год, стоко-то грибов было, ягод*) и ‘давно, много лет назад’ (*это влони было, еще давно совсем, а то дед тот, бывало, ономедь скаже*) [СРГК 1: 206]. Это говорит о достаточно недифференцированном восприятии прошлого.

В севернорусских говорах прошлое передается также как нечто прожитое: *живучесно, живучи* ‘раньше, прежде’ (*сейчас-то жизнь хороша, не так, как живучесно была; мужчины раньше лапти носили, живучи-то, а теперь сапоги*); у лексемы *живучи* фиксируется также значение ‘в течение всей жизни’ [СРГК 2: 57]; *по-живучи(я)шн(о)ему* ‘по-старинному, как и прежде’ (*перва часть избы – кухня, вторая по-живучишному заборка*) [СРГК 5: 22]; возможна мотивация прошлого жизнью предыдущих поколений: *из предков* ‘из давна, с давних пор’ (*грудовьё – это каменьё в полах, из предков эти каменьё*) [СРГК 5: 140]. В севернорусских говорах также отмечена лексема *натеси* ‘раньше’ (*натеси собиравались на беседы, нынче танцы называются*) [СРГК 3: 384].

Для номинации времени, удаленного в прошлое от говорящего, часто используются особые образы. В частности, польское прилагательное *zamierzchły* ‘давнишний, удаленный во времени’ ассоциативно связывает прошлое с отсутствием видимости по аналогии с глаголом *zmierzchać się* (о дне: ‘наступать (о сумерках), исчезать, темнеться’): *stara baśń, która wskrzesza zamierzchłe czasy pogańskiej Słowiańszczyzny* (старая сказка, которая воскрешает древние [смеркающиеся] времена язычников-славян) [Szadura 2017: 137].

В севернорусских говорах фиксируются случаи заимствований, например лексема *тунти* ‘тогда, в прежнее время, раньше’ (*шубов-то у меня тунти было* Уст.) [СРГК 6: 536], возможно, представляет собой финно-угорское заимствование (с учетом карельских *tunti, tundi* ‘час’; *tunnin kuluttuo* ‘через час’; *lähen tunnikši* ‘пойду на часок’; *šinne on kahen tunnin jalkamatka* ‘туда будет двухчасовой пеший путь’ [ССКГК 2009: 642]).

Обозначения прошлого могут содержать и аксиологический аспект: правило, прошлое оценивается более положительно, чем настоящее: так, в северо-западных белорусских говорах *даўней крапчэйшыя людзі былі* [СБГ 2: 517]; в кашубских – *přěšłosc nôleži Boegu* (прошлое принадлежит Богу) [Ramułt 1893: 176] у кашубов.

Таким образом, в номинации прошлого на славянской языковой территории можно выделить целый ряд принципов номинации: языковое представление этого периода времени как давнего, старого; прошедшего, минувшего; последнего, которое было, предшествующего; глубокого; бывшего ранее, до сих пор, до текущего момента; прожитого человека. Следует также отметить, что многозначные слова с темпоральной семантикой могут обозначать как периоды времени в прошлом, так и в настоящем и будущем.

Литература

- Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–17. М.; Новосибирск; СПб., 2007–2023. – РЭС. (издание продолжается)
- Дыялектны слоўнік Брэстчыны /* Склад. Аляхновіч М.М. і інш. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. 294 с. – Брест.
- Етимологічний словник української мови.* В семи томах. Київ: Наукова думка, 1982–2012. – ЕСУМ.
- Зайка А.* Дыялектны слоўнік Косаушчыны. Слонім: «Слоні́мская друкарня», 2011. 272 с.
- Маті́в М.Д.* Словник говірок центральної Бойківщини К.; Сімферополь: Ната, 2013. 602 с. – Центр.-бойк.
- Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Т. 1–2. Київ: Наукова думка, 1984.
- Сабадош І.В.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. 480 с.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / Гл. ред. А.С.Герд. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2005. – СРГК.

Словарь собственно-карельских говоров Карелии / Сост. В.П. Федотова, Т.П. Бойко. Под общей редакцией В.П. Федотовой. Петрозаводск: КаРНЦ, 2009. 750 с. – ССКГК.

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча в 5 т. Мінск: Вышэйшая школа, 1981–1986. – СБГ.

Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с. – Бук.

Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Издательство «Индрик», 1995. 512 с.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. Мн.: Бел. навука, 1978–2017. – ЭСБМ.

Ярославский областной словарь: в 10 т. Ярославль: Издательство ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991. – ЯОС.

Menzel T. Der Instrumental des Ortes und der Zeit in den slavischen Sprachen. Zweiter Teilband // *Studia Slavica Oldenburgensia* 24.2 hrsg. von Rainer Grübel, Gerd Hentschel und Gun-Britt Kohler. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 2014. 271 S.

Pfuhl C. T. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin: Maćica Serbska, 1866. 1210 s.

Ramułt S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893. 298 s.

Szadura J. Czas jako kategoria jezykowo-kulturowa w polszczyźnie, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017. 438 s.

Uspenskij B.A. Semiotics and culture: The perception of time as a semiotic problem // *Sign Systems Studies* 45(3/4), 2017. Pp. 230–248.

Kondratenko Mikhail M.

Principles of nomination of the past in the lexicon of Slavic dialects

The article is devoted to Slavic dialectal names of the past and their role in the system of time designations. The material was data from dialect dictionaries of North Slavic dialects: North Russian, Northwestern Belarusian, Southwestern Ukrainian, Kashubian and Lusatian. In the course of the study, some problems of studying dialectal nomination in the field of time semantics were revealed. One of them is the set of differing temporal meanings in one polysemous word. Such nominative units can denote both periods of time in the past, and in the present and future. As a result of the analysis of dialectal material, the most frequent principles of semantic motivation of the past have been established. The linguistic representation of this period of time includes its interpretation as long ago, old; it

was before, until now, until the current moment; the period already lived by a person, as well as some others.

Keywords: Slavic dialectology, time designations, nomination principles, polysemy, semantic shifts.

Кругликова Людмила Евгеньевна
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург
lekospb@mail.ru

Системность языка и ее реализация (на материале лексических синонимов)

В статье сопоставляются гнезда слов, которые группируются вокруг двух сходных по строению самых частотных членов синонимического ряда языковых единиц, служащих для обозначения чего-либо несущественного, малозначительного, не заслуживающего внимания, – *чепуха* и *ерунда*.

В ходе проведенного исследования была выявлена степень реализации возможностей, предоставляемых лексической системой современного русского литературного языка, скорость и время появления производных слов. Было установлено, что все «клеточки», предоставляемые системой языка, заполнены. При этом интенсивность употребления и степень вхождения в язык тех или иных образований различна. Наблюдается влияние частотности исходных существительных (*чепуха* и *ерунда*) на время появления производных слов.

Было также установлено, что многие лексемы не нашли отражения в словарях русского языка. В частности, наблюдается пополнение исходного синонимического ряда, в который входят языковые единицы *чепуха* и *ерунда*, новыми лексемами, не зафиксированными в толковых словарях русского языка.

Ключевые слова: лексическая система языка, синонимы, история слов.

Как известно, идея о системности языка принадлежит Фердинанду де Соссюру. Она изложена в «Курсе общей лингвистики», подготовленном его коллегами Ш. Балли и А. Саше на основе студенческих записей и устных высказываний ученого. Впервые «Курс общей лингвистики» вышел в 1916 году. «Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно, его можно сравнивать с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. Он только наиважнейшая из этих систем» [Соссюр 2019: 29].

Как отмечает А.А. Реформатский: «Ни в коем случае нельзя подменять понятие системы понятием внешней механической упорядоченности, чем и отличается орудие общения – язык от орудий производства <...>; при внешней упорядоченности качество каждого элемента не зависит от целого (поставим ли мы стулья по четыре или по восемь в ряд и будет ли их 32 или 64 – от этого каждый из стульев останется таким же, как если бы он стоял

один). Члены системы, наоборот, взаимосвязаны и взаимообусловлены в целом, поэтому и число элементов и их соотношения отражаются на каждом члене данной системы; если же остается один элемент, то данная система ликвидируется» [Реформатский 1967: 31].

Системность характерна как для всего языка, так и для отдельных его уровней. Нас будет интересовать лексическая система языка, в частности парадигматические отношения, которые Ю.С. Степанов характеризует как «отношения между языковыми единицами, могущими занять место друг друга в одной и той же позиции» [Степанов 1975: 302].

Объектом нашего исследования являются производные слова, которые группируются вокруг двух сходных по строению самых частотных слов в синонимическом ряду языковых единиц, служащих для обозначения чего-либо несущественного, малозначительного, не заслуживающего внимания, – *ерунда* и *чепуха*.

В результате мы будем обращаться к двум типам синонимов: тем, у которых варьируются корни, и к тем, у которых варьируются суффиксы. Как отмечает А.П. Евгеньева, «Эти два пути (образование близкородственных слов, когда организующим элементом является общая основа, корень, и когда организующим элементом являются аффиксы) часто перекрещиваются, обуславливая очень тонкие и разнообразные виды синонимических отношений, характерных для русского языка с его богатой и подвижной морфологической структурой» [Евгеньева 1970: 13].

Цель исследования – сопоставить гнезда слов, в которых наличествует содержащийся в словах *чепуха*, *ерунда* корень, выявив при этом, как реализуются возможности, предоставляемые лексической системой современного русского литературного языка, какова скорость появления производных слов, насколько полно отражаются они в словарях.

Время появления существительного *чепуха* – XVIII век, существительного *ерунда* – XIX. При этом Картотека XVIII века, находящаяся в ИЛИ РАН, не содержит слов, производных от существительного *чепуха*.

Несмотря на более раннее возникновение языковой единицы *чепуха*, она менее частотна, чем *ерунда*. Для установления частотности данных слов мы обратились к проекту текстометр, разработанному ведущим экспертом Лаборатории когнитивных и лингвистических исследований Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина А.Н. Лапошиной (<https://textometr.ru/frequency-check>). Ниже приведены две таблицы, сгенерированные с помощью текстометра.

Таблица 1.

	ерунда	чепуха
Часть речи	существительное	существительное
Частотность по текстам для взрослых	частотно (4-я тысяча слов)	частотно (5-я тысяча слов)
Частотность по текстам для детей	частотно (5-я тысяча слов)	средняя частотность (8-я тысяча слов)

Таблица 2.

	ерунда	чепуха
Общая частотность слова	23,1	13,6
Худ. лит-ра	41,7	26,2
Публицистика	–	–
Устная речь	58	–

В первой таблице подсчет осуществлен по нескольким частотным словарям. Он показывает, что с точки зрения частотности слово *ерунда* находится в четвертой тысяче слов текстов для взрослых, а *чепуха* – в пятой. В текстах же для детей *ерунда* – в пятой тысяче слов, а *чепуха* лишь в восьмой.

Во второй таблице приводятся данные «Нового частотного словаря русской лексики», который представляет собой электронную версию печатного издания [Ляшевская, Шаров 2009]. Согласно этому словарю слово *ерунда* имеет общую частотность 23,1, а *чепуха* – 13,6. При этом в художественной литературе частотность существительного *ерунда* – 41,7, а *чепуха* – 26,2. В публицистических текстах данные слова не встретились. В устной речи зафиксирована только лексема *ерунда* с частотностью 58.

Гнездо с корнем *ерунд-*, в состав которого входят лексемы *ерундист*, *ерундистика*, *ерундистый*, *ерундистый*, *ерундистый*, *ерундовский*, *ерундовый*, *ерундоватый*, *ерундовато* сформировалось в XIX веке. Исключение составляют существительные *ерундовина*, *ерундовинка* и *ерунденция*, появившиеся в XX столетии.

Что касается однокорневых лексем, образованных от существительного *чепуха*, то половина из них обязана своим

возникновением XIX века (*чепухенция* и *чепушенция*, *чепуховатый*, *чепуховина*, *чепушистый* и *чепухистый*, *чепушить*), а такие лексемы, как *чепухистика* и *чепушистика*, *чепуховский*, *чепуховый*, *чепуховато*, *чепуховинка* сформировались в XX веке.

Ряд языковых единиц из анализируемых гнезд не вызывает особых вопросов. Это касается таких пар с корнем *ерунд-* и *чепух-*, различающихся суффиксами, как *ерундить* – *чепушить*, *ерундовина* – *чепуховина*, *ерундовый* – *чепуховый*, *ерундовский* – *чепуховский*, *ерундистый* – *чепушистый* и *чепухистый*, состоящих из узуальных слов. К ним примыкают потенциальные слова *ерундисто*, *чепушисто* и *чепухисто*. Заметим только, что в толковых словарях отсутствуют прилагательные *чепуховский*, *чепушистый* и *чепухистый*. Они появятся в ныне издаваемом «Большом академическом словаре русского языка». Одно из указанных слов (*чепушистый* с пометой *сниж.*) наличествует в «Русском орфографическом словаре» [РОС: 820].

Требуют комментариев следующие пары узуальных образований: *ерундовинка* – *чепуховинка*, *ерундоватый* – *чепуховатый*, *ерундовато* – *чепуховато*, *ерунденция* – *чепухенция* и *чепушенция*, *ерундистика* – *чепухистика* и *чепушистика*.

Существительные *ерундовинка* и *чепуховинка* отсутствуют в словарях. Мы располагаем лишь единичными примерами употребления данных слов в XX в: лексема *ерундовинка* встречается в романе А. Марининой «Стилист» (1996 г.) и в произведении А. Анохина «Малиновки послушай голосок» (1997 г.), лексема *чепуховинка* – в рассказе Р. Казаковой «Эксперимент» (1965 г.) и в пьесе Л. Филатова «Лизистрата» (1998 г.). Остальные примеры их использования относятся уже к XXI столетию.

Интересна с точки зрения датировки пара *ерундоватый* – *чепуховатый* с производными от этих качественных прилагательных лексемами *ерундовато* – *чепуховато*. У прилагательных примеры употребления в XIX в. единичны: *ерундоватый* находим в письме М.П. Мусоргского М.А. Балакиреву от 14 марта 1863 года, *чепуховатый*, по нашим данным, было использовано другими авторами трижды (в 1832, 1864 и 1871 гг.). Все остальные примеры употребления прилагательных *ерундоватый* и *чепуховатый* относятся уже к новому тысячелетию, кроме использования лексем *чепуховатый* и *ерундоватый* по одному разу в XX столетии: *чепуховатый* встречается в письме Ц.А. Кюи М.С. Керзиной от 1 января 1917 г., *ерундоватый* – в публикации Б. Гребенщикова «Здесь так забавно» (1992 г.). Лексема *чепуховатый* наличествует в «Словаре современного русского литературного языка» [БАС 17: 846], в то время как производная от нее языковая единица *чепуховато* отсутствует в силу того, что имеется лишь один пример использования ее в XX веке: его находим в

романе М. Булгакова «Белая Гвардия» (1929 г.). Остальные примеры ее употребления относятся к XXI в. Лексема **чепуховато** будет помещена в «Большой академический словарь русского языка». Прилагательное **ерундоватый** не попало в словари. Нет в них и лексемы **ерундовато**: все примеры ее использования относятся к нынешнему тысячелетию.

Лексема **ерунденция** не зафиксирована в лексикографических источниках. Данное существительное отсутствует в БСК. Его нет и в НКРЯ. Примеры употребления указанной лексемы мы нашли прямым поиском в Интернете. Так, Гугл дает примерно 85 результатов за 0,22 секунды. Самый ранний датируется 1960 годом:

– Ну, детдомовский я. Может, это сказалось, не знаю... Хотел девушке понравиться, потому и тетрадку взял. Ну **ерунденция** получилась... и чего, скажите, сабантуй устраивать?

Качни резко подался вперед.

– **Ерунденция**? А то, что оскорбил лучшие чувства девушки, – **ерунденция**? А Костю Беркутова обокрал – **ерунденция**? А. Федоров, Заветная тетрадь.

Заметим, что к XX веку относится еще один пример, датированный 1974 годом. Все же остальные употребления данной лексемы наблюдаются уже в новом тысячелетии, чем и можно объяснить ее непопадание в лексикографические источники.

С помощью суффикса *-енциj-* образовано и новое существительное от лексемы **чепуха**. При этом имеются 2 варианта: **чепухенция** и **чепушенция**, т. е. с чередованием в корне и без него. Первый вариант более распространен. Гугл в отношении лексемы **чепухенция** дает примерно 1 270 результатов за 0,20 секунды, а в отношении слова **чепушенция** – примерно 451 за 0,25 секунды.

Самое раннее употребление и того и другого варианта находим у А.П. Чехова. Существительное **чепухенция** использовано им в рассказе «Жена» (1892 г.): *Он пристально посмотрел мне в лицо; прекрасное выражение потухло, взгляд потускнел, и он забормотал вяло и сопя: – Да, да... Извините старика... Чепухенция... Да...* Лексема **чепушенция** наличествует в письме А.П. Чехова двоюродному брату Г.М. Чехову от 29 ноября 1896 г.: *Чтобы доставить тебе, изгнаннику, хотя минутное развлечение, буду с каждой почтой высылать тебе какую-нибудь чепушенцию – отдельные номера газет, каких (предположительно) нет в Анапе, и разные брошюрки вроде «Битвы русских с кабардинцами» и «лечения мозолей».*

Хотя оба варианта (**чепухенция** и **чепушенция**) известны с XIX века они не попали в толковые словари. При этом существительное **чепухенция** наличествует в орфографическом словаре [РОС: 820].

Что касается существительных с суффиксом *-истик-* (*ерундистика*, *чепухистика* и *чепушистика*), то в толковых словарях русского языка зафиксирована только первая лексема. Всего слов с конечной частью *-истик(а)* согласно «Обратному словарю русского языка» насчитывается 55 [ОСРЯ: 36–37]. В это число попадают и те, у которых данная часть входит в состав корня, например, *мистика*. Как отмечает Ю.С. Сорокин в своей монографии «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века», «наличие в этом ряду существительных, преимущественно состоящих из слов, обозначающих различные области ведения или жанра литературы, также таких, которые вместе с тем представляют собою названия разного рода ложных учений и отрицательных направлений в подходе к действительности (ср. *кабалистика*, *казуистика*, *софистика*, *формалистика*, *эквилибристика*), вызвало к жизни в 40–60-х гг. образование аналогичных существительных ярко экспрессивного характера иронико-осуждающего свойства, главным образом от русских основ, в том числе от слов разговорно-просторечных» [Сорокин 1965: 266]. В качестве примера он приводит такие слова, как *хамелеоналистика*, *фразистика*, *ерундистика*, *зубристика*, *шагистика*, *удалистика*.

Существительное *ерундистика* появилось во второй половине XIX века. Из письменных источников его мы встречаем у А.П. Чехова в рассказе «Корреспондент», впервые опубликованном в русском литературно-художественном сатирическом еженедельном журнале «Будильник» в 1882 году: – *Пишу редко, господа почтенные, очень редко! Бедна наша Т. событиями, кои бы описать я мог, а ерундистики писать не хочется, самолюбив больно, да и совести своей опасуюсь.* Более ранних примеров нам обнаружить не удалось. Первая лексикографическая фиксация данного слова наблюдается в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Академии наук», где его значение определяется следующим образом: ‘как бы правильный систематический курс ерунды’ [Слов. Акад. 1897: 137].

Аналогичное образование от слова *чепуха* – *чепухистика* – появилось в XX веке. Как отмечается в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера в словарной статье **Чепуха**: «отсюда произведено *чепухистика* (А. Толстой мл.) по аналогии *статистика* и т. п. Ср. *шагистика*» [Фасмер: 334]. Лексема *чепухистика* действительно наличествует в рассказе А.Н. Толстого «Белая ночь»: – *Лошадь молчит, – повторял режиссер, вода над черепом согнутым пальцем. – Лошадь страдает. – Чепухистика...* Этот рассказ был написан в 1926 году. Но есть и более ранние употребления этой лексемы. В БСК имеется следующий пример: *Одним словом – конкурс чепухистики, которая вся высасывается из неистощимого савиновского пальца.* П. Шубин, Идиотизм ненаказуем // Коммунист, 1922, № 243, 22 октября. Прямым поиском в Интернете мы нашли еще более раннее

использование интересующего нас слова. В рассказе В.В. Муйжеля «Власть войны», опубликованном в журнале «Нива» в 1917 году, данная лексема встречается 9 раз, причем в речи одного действующего лица (доктора Ухмылова), наряду с тоекратно употребленным им синонимом *ерундистика*.

Наиболее активно существительное *чепухистика* стало использоваться с конца XX столетия. Нам даже встретился пример, когда эта лексема заменяет компонент *чепуха* во фразеологизме *чепуха на постном масле*. Так, в марте 2014 года Т. Кубрина выложила в Интернете материалы к докладу «Графомания как норма существования в социальных медиа», где читаем: *Либо безнадёжный графоман лжёт в звуковом ряде: «Ещё звуки несущихся машин»?! Постойте! Как это мокрая героиня, ощущающая боль по всему (!) телу слышит после какого-то там «грохота»? Не слишком ли? Перемещение из водного пространства в атмосферное сопровождается кратковременной утратой слуха. Всё это тем более очевидно, что героиня совершает действия на выживание – она быстро прыгает в воду, задерживается под водой, выныривает и т.д. А в ушах ещё стоит столь важный для автора «грохот»?! И вообще зачем героиня «сумела обернуться»?! Для чего? **Чепухистика на постном масле.***

У лексемы *чепухистика* имеется вариант *чепушистика*. Если по поводу слова *чепухистика* Гугл дает примерно 1 390 результатов за 0,26 секунды, то употребительность лексемы *чепушистика* намного ниже: примерно 162 результата за 0,22 секунды.

Что касается варианта *чепушистика*, то нам встретилось только 2 примера использования этого слова в XX веке. Один – в детской книге, опубликованной в 1979 году: – *Нет, нет, вы объясните мне, – чуть не закричал он, неизвестно к кому обращаясь, – объясните мне, почему я прыгнул на полном ходу с поезда вслед за негодяем Поповым Николаем, а он, оказывается, не прыгал? Ерунда какая-то получается, чепушистика...* Л. Давыдычев, Дядя Коля – поп Попов – жить не может без футбола. Второй – во вступительной статье А. Балабухи и А. Бритикова к роману писателя-фантаста Г.С. Мартынова «Гианея», опубликованному в 1989 году: *Настоящая научная фантастика – редчайший зверь, произведений в этом жанре создано ничтожно мало. Ведь она не просто рассказывает о людях в необычных условиях. Когда иной графоман изводит тонны бумаги, чтобы посмаковать придворные интриги в очередной империи (тирании, диктатуре, деспотии — нужное подчеркнуть), то перед нами далеко не фантастика... пусть даже местом действия избраны Магеллановы Облака. В чем научность такой, с позволения сказать, «научной» чепушистики? Остальные примеры относятся к новому тысячелетию.*

Обратимся теперь к существительным с суффиксом *-ист-*, образованным от лексем *ерунда* и *чепуха*, где лишь одно слово является узуальным.

О существительном *ерундист* упоминает в своей монографии «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века» Ю.С. Сорокин. В частности, он отмечает, что «образование его имеет любопытную историю, освещенную в статье С.А. Рейсера «Журналист и обличитель Лев Камбек» (в сб. Звенья, VIII, М., 1950, с. 777–782)» [Сорокин 1965: 485]. Что же в ней говорится? Редактором литературного еженедельного журнала «Петербургский вестник» с 11 номера за 1861 год стал Лев Камбек. С целью привлечения подписчиков он предложил всем желающим размещать свои литературные опусы в приложении к журналу за определенную плату. Над Л. Камбеком стали издеваться журналисты других зданий. Сатирический журнал «Искра», являвшийся в 60-е годы XIX века одним из популярнейших изданий, назвал данное приложение к «Петербургскому Вестнику» *ерундой* – новым в то время словом. Вместо слова *приложение* тогда использовалась лексема *прибавление*. Далее приведем цитату из статьи С.А. Рейсера «Журналист и обличитель Лев Камбек»: «В прибавлении к № 7 хор Аскоченских в ужасе поет:

Духи нечистые дитя родили,
Силы кромешные – Ерундой назвали
Гроб тебе и яма. Сгинь. Пропади.
(Подп. «Ерундмейстер»)

Прибавления начинают пестрить подписями: Ерунда, Ерундмейстер, Старший помощник младшего ерундиста, Помощник ерундиста, Секретарь ерунды, Присяжный ерундист Терентий Чертополохов и т. д. Всего вышло 11 номеров «Ерунды» (2 в 1861 г. при №№ 25 и 26 и 9 в 1862 г. при №№ 1, 3, 6, 7, 8, 9, 11, 15, 16)» [Рейсер 1950: 778].

Слово *ерундист* не нашло отражения в толковых словарях русского литературного языка. Но оно, например, наличествует в «Словаре русского арго» В.С. Елистратова с толкованием ‘человек, занимающийся ерундой, бездельник’ без каких-л. иллюстративных примеров [Елистратов 2000: 131].

Лексема *ерундист* рассматривается в ряде источников в качестве окказионализма. См., например, диссертационное исследование Ю.Н. Папулы «Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты». Вот что она пишет: «Многие исследователи отмечают, что в русском словаре отрицательное поле значительно превышает положительное, и считают этот факт уже языковой закономерностью. Данный вывод вполне можно отнести и к окказиональной

лексике: преобладающее число ОЭ¹ имеет отрицательную оценочную характеристику. Примеров можно привести бесконечное множество: *словоблюбки, дегранты, лошица, ерундист* и др.» [Папула 2005: 23]. Об этом же можно прочитать в учебном пособии Г.А. Воеводиной «Язык современных СМИ: новые слова»: «Современные окказионализмы: *дегранты, ерундист, дракство* (драка+ братство), *стресс-атташе* (стресс + пресс-атташе)» [Воеводина 2011: 13].

Частота использования данного существительного в Интернете свидетельствует о том, что это не окказионализм. Так, Гугл дает 756 употреблений за 0,20 секунды. В НКРЯ находим 4 употребления.

Считается, что существительное *ерундист* является новообразованием М.Е. Салтыкова-Щедрина. См., например: [Самотик 2022: 117]. В публикации А.В. Евдокимова читаем: «Истинно русский человек и талантливый писатель-сатирик Салтыков-Щедрин однажды пустил в полёт точное русское слово – Ерундисты» [Евдокимов 2019].

О том, что это не так, свидетельствует материал из указанной статьи С.А. Рейсера. Кроме того, если обратиться к письменным источникам, то можно увидеть, что М.Е. Салтыков-Щедрин использовал это слово в двух своих статьях в 1864 году, а двумя годами раньше его употребил П.В. Анненков в письме к И.С. Тургеневу от 24 октября (5 ноября) 1862 г.: *Очкин, не получивший субсидии, собирается переманить в будующие свои "Очерки" всю нигилистическую партию, осколки которой приютились в "Современном слове" Писаревского, где они показывают покамест от времени до времени язык противникам, но робко и не весь. К этому присоединяется восстающее "Русское слово" без Писарева и "Современник" под редакцией бесспорно первого ерундиста нашего времени "Антоновича"*. Также в № 39 за 1862 год журнала «Искра» находим публикацию В.С. Курочкина «В гостях и дома. Размышления по поводу книги: "В дороге и дома" – собрание стихотворений князя Вяземского», где наличествует интересующее нас слово: *И после этого говорят, что я печатал в приложениях ерунду! Да мои ерундисты не напишут такого вздора! Мои ерундисты всё люди молодые, несчастные, униженные и оскорбленные! Из них, может быть, великие таланты выйдут?*

Ерундистами в 60-е годы XIX века называли публицистов-пустословов. Впоследствии данное наименование использовалось для называния того, кто занимается ерундой, пишет или говорит ерунду. В «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Академии наук» оно толкуется так: «**Ерундѣст**, а, м. Тот, кто говорит ерунду. || Шуточное прозвище студентов-юристов (сообщ. И. Наумов)» [Слов. Акад. 1897: 136].

¹ Сокращение ОЭ используется Ю.Н. Папулой для называния окказиональных экспресем.

В толковые словари литературного языка, выходявшие впоследствии, данное слово не попало, вероятно, по причине отсутствия соответствующих цитат. Нам удалось найти прямым поиском в Интернете достаточное количество таковых. В качестве примера приведем хотя бы одну цитату с лексемой **ерундист** из числа зафиксированных в последнее время: «Художник-**ерундист**» Хенг Суи Лим создает свои забавные картинки с единственной целью – вызвать улыбку окружающих. И это работает! [...] Хенг не посещал лекций в академиях искусств, даже художественную школу не заканчивал. Все, что он умеет, Суи Лим научился самостоятельно. Он не претендует на звание «великого творца» и скромно называет себя «художником-**ерундистом**». В. Волкова, И такая «дребедень» каждый день. 2014.

Что касается аналогичного слова, образованного от слова **чепуха** – **чепушист**, то оно является потенциальным. В БСК мы нашли 2 примера его употребления. Один наличествует в письме В.И. Ленина матери от 17 (26) декабря 1902 г.: *Хочу выписать «Проблемы идеализма»: видимо, «боевой» сборник господ чепушистов*¹. Второй – в фельетоне П. Гнедича «Антипод», опубликованном в № 9090 газеты «Новое время» за 1901 г.: **Чепушист** ваш Шекспир раздут, как пузырь, а ножки-то у него жиденькие.

Путем прямого поиска в Интернете мы нашли еще 3 примера. Два из них являются полукалькой английского псевдонима *Mr Utterbunkum*, который на русском выглядит как *мистер Чепушист*. Первый пример наличествует в русском переводе с английского книги Джеймса Хэрриота «Собачья история». Книга James Herriot's Dog Stories появилась в 1986 году. На русском языке вышла в 1995 году. В рассказе «Трики-Ву» читаем: — *Ах, мистер Хэрриот, у меня для вас восхитительная новость! Трики завел друга по переписке! Да-да, он написал письмо редактору собачьего журнала с приложением чека и сообщил ему, что он, хотя и происходит из древнего рода китайских императоров, решил забыть о своей знатности и готов дружески общаться с простыми собаками. И он попросил редактора подобрать среди известных ему собак друга для переписки, чтобы они могли обмениваться письмами для взаимной пользы. Трики написал, что для этой цели он берет себе псевдоним «мистер Чепушист».* Второй пример датируется 2021 годом. Прозвище *мистер Чепушист* закрепилось за принцем Гарри: *Разумеется, это заявление принца Гарри, покинувшего королевскую семью, чтобы поселиться в особняке, стоимостью в 11 миллионов фунтов-стерлингов в США, обсудили и в СМИ, и в соцсетях, прямо заявляя, что он говорит глупости, а его «советы» оторваны от реальной жизни. Что же пишут о «Мистере Чепушисте» – таково новое*

¹ В сборнике были помещены статьи С.Н. Булгакова, кн. Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, кн. С.Н. Трубецкого, С.Ф. Ольденбурга и других.

прозвище принца Гарри? Принцу Гарри дали новое прозвище, после его заявления об увольнении с работы, если ты ею недоволен.

Еще одно использование лексемы **чепушист** находим в недавней (2 января 2023 года) публикации в Интернете под названием «Что означает выражение “молоть чепуху”» (<https://muzei-moskvy.ru/cto-oznaczaet-vyrazenie-molot-seruxu/>). В ней слово **чепушист** является производным от слова **чепуша** ‘то же самое, что чепуха’, характерном для молодежного сленга.

Сведем все сказанное в таблицу. Узуальные слова выделены жирным шрифтом. У потенциальных слов отсутствует жирный шрифт. У тех и других указаны годы фиксации в письменных источниках (у узуальных лексем обычно только год первой фиксации, если нет значительного временного разрыва). Курсивом обозначены более ранние даты появления соответствующих производных от лексемы **ерунда** по сравнению с лексемой **чепуха**. Отмечено, когда первая фиксация наблюдается в произведениях А.П. Чехова.

ЕРУНДА	1845 г.	ЧЕПУХА	XVIII в.
ерундоватый	1863, 1992 и далее примеры нового тысячелетия	чепуховатый	1838, 1864, 1871, 1917 и далее примеры нового тысячелетия
ерундовато	2000	чепуховато	1929 и далее примеры нового тысячелетия
ерундистый	1862	чепушистый и <i>устар. чепухистый</i>	1862 1871
ерундисто	<i>1862 и 1908</i>	чепушисто и чепухисто	1910, 1943 и 2016 1906 и 1989
ерундист	<i>1862</i>	чепушист	1901 и 1902
ерундить	<i>1870</i>	чепушить	1927
ерундистика	<i>1882 (Чехов)</i>	чепухистика и чепушистика	1917 1979
ерундовина	1927	чепуховина	1886
ерундовинка	1996	чепуховинка	1965
ерунденция	1960	чепухенция и чепушенция	1892 (Чехов) 1896 (Чехов)

ерундовский	1905	чепуховский	1924
ерундовый	1910	чепуховый	1927

Как видим, все «клеточки», предоставляемые системой языка, заполнены. При этом интенсивность употребления и степень вхождения в язык тех или иных образований различна.

Хотя слово *чепуха* появилось первым в ряду *чепуха – ерунда*, но производные лексемы в ряде случаев образовывались раньше от слова *ерунда*, чем от его синонима *чепуха*. Вероятно, это можно объяснить частотностью данных слов.

Можно также констатировать, что синонимический ряд со значением ‘что-л. несущественное, малозначительное, не заслуживающее внимания’, в котором самыми частотными являются языковые единицы *ерунда* и *чепуха*, пополнился такими не зафиксированными в толковых словарях русского языка однокорневыми существительными, как *чепухистика* и *чепушистика*, *ерунденция*, *чепухенция* и *чепушенция*.

Литература

Большая словарная картотека, хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН. – БСК.

Воеводина Г.А. Язык современных СМИ: новые слова. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2011. 64 с.

Евгеньева А.П. Введение // Словарь синонимов русского языка. Т. I. Л.: Наука, 1970. С. 5–14.

Евдокимов А.В. Ерундисты // [Электронный ресурс] <https://proza.ru/2019/04/02/903>

Елистратов Е.С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. 693 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.

Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). – НКРЯ.

Обратный словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1974. 944 с. – ОСРЯ.

Папула Ю.Н. Окказионализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

Рейсер С.А. Журналист и обличитель Лев Камбек // Звенья. Вып. VIII. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1950. С. 777–782.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 542 с.

Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с. – РОС.

Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2022. 500 с.

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, Т. 2, вып. 1: Е – Железный. Санкт-Петербург, 1897. 320 стб. – Слов. Акад. 1897.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.

Сосюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: изд-во Юрайт, 2019. 303 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. Т. 17 / ред. Л.С. Ковтун, В.Н. Петушков. М.-Л.: Наука, 1965. – БАС.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 312 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. IV. М.: Прогресс, 1973. 852 с.

Kruglikova Liudmila E.

Systematicity of language and its implementation (based on lexical synonyms)

The article compares the nests of words that are grouped around two similar in structure of the most frequent members of the synonymous series of linguistic units that serve to denote something insignificant, unimportant, not worthy of attention – *chepukha* and *yerunda*.

In the course of the study, the degree of realization of the possibilities provided by the lexical system of the modern Russian literary language, the speed and time of appearance of derivative words were revealed. It was found that all the «cells» provided by the language system are filled. At the same time, the intensity of use and the degree of entry into the language of certain formations are different. The influence of the frequency of the original nouns (*chepukha* and *yerunda*) on the time of the appearance of derived words is observed.

It was also found that many lexemes were not reflected in the dictionaries of the Russian language. In particular, there is a replenishment of the original synonymic series, which includes the linguistic units *chepukha* and *yerunda*, with new lexemes that are not recorded in the explanatory dictionaries of the Russian language.

Keywords: lexical system of language, synonyms, history of words.

Лебедева Татьяна Евгеньевна

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Санкт-Петербург

te_lebedeva_1210@mail.ru

Структурно-семантические особенности пространственной лексики с приставкой *за-* в русских говорах

В данной статье анализируются особенности семантики нарицательных существительных с приставкой *за-*, обладающих пространственным значением. Основным источником материала послужил «Словарь русских народных говоров», дополнительными источниками – ряд других диалектных словарей. На основе семантического анализа производится классификация лексики с типовым значением ‘место за ориентиром’. Показана неизоморфность морфемного состава существительного с приставкой *за-* и его лексического значения. Выявляется семная структура лексического значения анализируемых существительных; на этой основе формулируется обобщенная семантическая модель такого рода номинаций. Делаются выводы о специфике концептуализации пространства и ее отражении в лексическом значении апеллятива с приставкой *за-*.

Ключевые слова: диалектная лексика, пространственная семантика, семантическая модель.

В русских народных говорах среди лексики с пространственной семантикой выделяется группа слов с приставкой *за-* в значении ‘что-либо, находящееся за ориентиром’: *забáлка, забере́жье, заболóнье, заболóтье, загу́мьне, задво́рье, задво́рка, задоро́жница* и под. Это слова разных частей речи, мотивированных как существительными, так и глаголами. В состав исследуемой группы входят как апеллятивы, так и топонимы, причем некоторые лексические единицы могут выступать и в качестве имени нарицательного, и в качестве имени собственного, причем даже в пределах одной группы говоров, например: *Заболотье* – название деревни (Арх.) и ‘место за болотом’ (Волог., Пск., Смол.); *Загора* – ‘название северной части о. Залит’ (Пск.), ‘название деревни’ (Арх.) и ‘местность за холмами’ (Арх.). Мы сосредоточим внимание на отыменных субстантивах.

Итак, цель данной работы – проанализировать семантику нарицательных существительных обозначенной морфемной структуры.

Эмпирической базой исследования послужил материал «Словаря русских народных говоров» [СРНГ] с учетом материалов «Новгородского областного словаря» [НОС 2010], «Вологодского областного словаря» [СВГ], «Архангельского областного словаря» [АОС], «Псковского областного

словаря с историческими данными» [ПОС], словаря «Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия» [Мызников]. Полученные данные указывают на то, что данная семантическая модель более характерна для севернорусских говоров и соседящих с ними новгородских и псковских говоров.

Семантика слов рассматриваемой модели обусловлена их морфемным составом. При том, что внутренняя форма анализируемых лексических единиц совершенно прозрачна, наблюдается некоторая неизоморфность формы и содержания. Приставка *за-* имеет значение ‘пределы чего-л., в какое-л. место; нахождение за чем-л., за пределами чего-л., позади чего-л.’. Корень как основной носитель лексического значения слова должен нести информацию об объекте, находящемся за чем-л., однако в анализируемых лексических единицах корневая морфема не соотносится с таким объектом и не реперзентирует его.

Мотивирующая основа называет объект, находящийся между субъектом номинации и референтом; при этом сам референт остается неназванным и формально не выражен в морфемной структуре слова. Ядро лексического значения анализируемых единиц включает в себя архисемы ‘место’, ‘за чем-л.’: *забóрок* – ‘место за горой’ [НОС 2010: 280]; *залу́говье* – ‘место за лугом’ [СРНГ X: 222]; *замша́рье* – ‘место за моховым болотом’ [ПОС XI: 344]; *за́ручье* – ‘место за ручьем’ [СВГ II: 147] и т.д.

Массив слов данной словообразовательной модели можно разделить на две большие группы по семантическому признаку «антропогенная преграда» vs «природная преграда». Представим распределение лексических единиц (примеры из СРНГ приводятся с географической пометой, данной в круглых скобках, примеры из других региональных словарей – без указания на место (название словаря очерчивает область употребления лексической единицы).

К первой группе относятся лексемы:

загородье [ПОС XI: 151] (в значении ‘пространство за огородами, на окраине деревни’, на стыке приставки и корня происходит стяжение гласных); *загря́док* [НОС 2010: 281]; *загу́мённый* [АОС XVI: 168], *загу́мённый* и *загу́мённый* (Иван., Краснояр., Тамб.) [СРНГ X: 36], *загу́мёнье* (Пск., Новг., Арх., Волог., Зап. Брян., Смол., Твер., Яросл., Курган.) [АОС XVI: 168; ПОС XI: 164; СРНГ X: 37], *загу́мка* (Нижегор., Петерб.) [СРНГ 10: 37], *загу́мно* (Арх., Новг., Курган, Заурал.) [СВГ II: 112; СРНГ X: 37], *загу́менки* [АОС XVI: 168; НОС 2010: 281], *загу́мны* [НОС 2010: 281]; *задво́р* [НОС 2010: 282; ПОС XI: 175], *задво́рица* (Моск.) [СРНГ IX: 46], *задво́рка* (Влад.) [СРНГ X: 46], *задво́рки* [ПОС XI: 175-176], *задво́рок* (Новг.) [СВГ II: 113; НОС 2010: 282; ПОС XI: 176; СРНГ X: 47], *задво́ры* [ПОС XI: 176], *задво́рье* [СВГ II: 113; ПОС XI: 176]; *задо́рога* Пск., Твер., Горьк.) [СРНГ X: 65], *задо́рожница* (Волог.) [СРНГ X: 65]; *закле́тка*

‘небольшой участок земли, отрезаемый от общего участка’ [ПОС XI: 244]; *закуток* (Сарат., Пенз.) [СРНГ X: 185], *закутье* (Ряз., Моск.) [СРНГ 10: 186]; *замогилки* (Костром.) [СРНГ X: 250]; *замостье* [ПОС XI: 337]; *заовины* [НОС 2010: 304]; *заогорód* [НОС 2010: 304]; *заокóлица* (Ворон.) [СРНГ X: 291]; *забсек* (Твер.) [СРНГ X: 293], *забсека* (Твер.) [СРНГ X: 293], *забсечье* (Волог., Сев.-Двин.) [СРНГ X: 293]; *засéлище* [НОС 2010: 315]; *запúнье* (Новг.) [СРНГ X: 366]; *запúток* ‘место на приусадебном участке (обычно с краю), где построены овины’ (Калуж.) [СРНГ X: 370]; *заулок* [НОС 2010: 324].

К этой же группе можно отнести лексемы, мотивированные субстантивами со значением ‘*граница, край*’ – *загранки, закраек, заокрайница; загра́нки* ‘место за пашней и покосами (обычно не пригодной для земледелия)’. *На загранках там еще насобирать можно травы немного* [СРНГ X: 27]; *замéжье* ‘место по ту сторону межи, обычно за задами села’ [СРНГ X: 238]. Границы и край, безусловно, антропоцентричны и «определяются возможностями чувственного восприятия» человека [Лебедева 2000: 93].

В качестве основных рукотворных ориентиров в пространстве выступают, как видим, постройки, участки земли различного хозяйственного назначения.

В основном перечисленные слова имеют обобщенное значение ‘место за ориентиром’, но все же в значениях ряда слов, образованных от «антропогенных» основ, обнаруживаем конкретизирующие семы. Например, производные от *гумно*, помимо отвлеченного значения ‘место за гумнами’, ‘пространство за тем местом, где стояли гумна’, развивают ряд более узких значений, которые варьируют от говора к говору: *загумéнный* ‘полоса земли, земельный участок, находящийся за гумном’ [СРНГ X: 36]; *загумéнники, множ.* ‘земля, находящаяся позади усадьбы, «в качестве прибавочной земли»’ (Тамб.) [СРНГ X: 36]; *загумка* ‘участок пахотной земли позади гумна’ (Нижегор.) [СРНГ X: 37]; ‘часть крестьянской усадьбы, где располагаются гумна, скотный двор’ (Царск. Петерб.) [СРНГ X: 37]; *загумно* ‘часть села’ (Новг., Курган.) [СРНГ X: 37]; *загумéнье* ‘место за деревней, около поскотин’ (Заурал.) [СРНГ X: 37]; *загуменье* ‘дорога за дворами, гумнами’ [ПОС XI: 164]; ‘ровная лужайка возле гумна’ [ПОС XI: 164]; ‘скотный двор, хлев’ [ПОС XI: 164]; ‘окраина деревни’ [ПОС XI: 164].

Производные от *двор-* имеют следующие семы в структуре лексического значения: *задво’рица* – ‘луг за деревней’ (Моск.) [СРНГ X: 46]; *задво́рка* – ‘крестьянская усадьба, расположенная на задах, за дворами, избами’ (Влад.) [СРНГ X: 46]; *задво’рок* – ‘усадьба; приусадебная земля’ (Новг.) [СРНГ X: 47] и ‘задняя, последняя улица в деревне, построенной в

несколько порядков' (Олон., Сиб.) [СРНГ X: 47]; 'дорога за воротами деревни' (Олон.) [СРНГ X: 47].

Производные от *дорог*:- *за́дорога* 'место за дорогою, за канавами' (Пск., Горьк.) [СРНГ X: 65] и 'полоса по обе стороны дороги', 'небольшие возвышения вдоль дороги', 'выезд из деревни' [ПОС XI: 190]; *задорóжница* 'земля, находящаяся за дорогой' (Волог.) [СРНГ X: 66]; *зау́лок* – 'участок земли при доме, огороженный забором или стенами зданий' || 'место за домом или хозяйственной постройкой' [НОС 2010: 324].

Контексты употребления показывают, что значения некоторых лексем содержат коннотации, выражающие оценку соответствующей реалии: *загу́мenniки* – *Где пешком, где ползком – рыщет по задам, загуменникам, огородам* (Краснояр.) [СРНГ X: 37]; *загу́менье* – *Пробирался вор Ванюша По загуменьям* (Влад.) [СРНГ X: 37]; *загу́мно* – *Как это из пушки-то выстрелили, так они кто в гумна, да по загумнам-то, кто в стаи, вто на стаи* (Круган., 1953) [СРНГ X: 37]. Из приведенных контекстов выводится добавочный смысл «место, где можно укрыться, спрятаться, в том числе преступникам, с дурными намерениями».

Группа существительных, мотивированных основой со значением природной преграды, гораздо больше по численности: приведем некоторые примеры. В качестве элементов ландшафта, за которыми находятся обозначаемые территории, могут выступать:

1. Водоемы:

1.1. Река: *заберéжье* – 'луг по ту сторону реки' (Пск.) [СРНГ IX: 253], [ПОС XI: 28]; *за́рек* – 'заречье' (Олон., Онеж., Петрозав.) [СРНГ X: 360]; *за́река (зарёка)* – 2. 'заречная часть деревни' (Петрозав., Олон., Арх., Перм., Урал., Свердл.); 3. 'о человеке, живущем за рекой' (Ср. Урал) [СРНГ X: 381]; *за́река* 'участок земли за рекой', 'левая часть д. Боровня' [НОС 2010: 312]; *зарека* 'место за рекой' [Словарь Русских говоров Алтая II: 139]; *зарéченье* 'местность, находящаяся за рекой; заречье' (Орл.) [СРНГ X: 382]; *зарéчина*, собир. 'жители заречья' (Новг.) [СРНГ X: 382]; *заречина* 'сенокосное угодье за рекой' (Ряз.) [СРНГ X: 382]; *зарéчье* 'земельный участок около д. Аксентьево' [НОС 2010: 312];

1.2. Озеро: *за́зером* – 'за озером' (Пск.) [СРНГ X: 92]; *за́зерье* – 'место, местность за озером' (Пск., Твер.) [СРНГ X: 92]; *заозер* – 'человек, живущий за озером [Ильмень]' (Волхов и Ильмень) [СРНГ X: 291]; *заозёрка* – 'деревня за озером' (Тобол.) [СРНГ X: 291]; *заозёрница* – 'местность за озером, заозерье' (Свердл.) [СРНГ X: 291]; *заозеро* 'территория за озером' [НОС 2010, с. 304]; *заозерье* 'часть Новгородского района, расположенная за оз. Ильмень' [НОС 2010: 304]; *зака́менье: По закаменью*. В полосе озера, вдоль верхнего изрубья (границы, отделяющей более мелкую часть озера с мягким грунтом от более глубокой части с твердым грунтом) [ПОС XI: 224];

1.3. Море: *заморéнин* – ‘заморский житель, иностранец’ (Арх.) [СРНГ X: 255]; *заморянин* – ‘человек, прибывший из-за моря; иностранец’ Олон., Арх., Беломор., Симб. [СРНГ X: 258];

1.4. Протока, залив: *заанга* ‘место за протокой’ (Том.) [СРНГ IX: 238]; *запротóка* ‘место за протокой’ (Том.) [СРНГ X: 360]; *загубье* ‘пашня, пожня, расположенные за губой, заливом’ (Олон.) [СРНГ X: 34];

1.5. Пруд: *запру́диха* ‘название участка поля’ (Новосиб.) [СРНГ X: 361];

1.6. Ручей: *заручевье* ‘сенокосное угодье’ [НОС 2010: 313];

1.7. *Закошечье* (вар. *закошечье, закошачье*) ‘глубокое место за песчаными мелями (кошками)’ (Арх., Север., Помор., Беломор.) [СРНГ X: 160].

2. Элементы рельефа:

2.1. Поле, луг: *залуговье* ‘место за лугом’ Уж как я ли, молода, по залуговью хожу, соловьевых я песенок выслушиваю. (Яросл.) [СРНГ X: 222]; *залужье* ‘угодье за лугом’ (Вят.) [СРНГ X: 223]; *за́поле* ‘место за полем’ [НОС 2010: 309];

2.2. Овраг, ложбина, впадина: *забáлка* ‘место за балкой’ [СРНГ IX: 244]; *заканавье* ‘место по бокам канавы’ [ПОС XI: 224];

2.3. Болото: *заболонье* ‘место за болотом’ Смол. [СРНГ IX: 265] *заболоть* ‘место за болотом; низкое болотистое место’ [СВГ II: 93], [ПОС XI: 28]; *заболотье* ‘место за болотом’ Смол. [СРНГ IX: 265], Арх. [АОС XV: 133], [ПОС XI: 28]; *заболотня* ‘то же, что заболотье’ [ПОС XI: 28];

2.4. Возвышенность: *загорá (за́гора)* ‘местность за холмом’ [АОС XVI: 106]; *загора* ‘местность за холмами’ [АОС XVI: 106]; *заго́рица* ‘местность за холмом, горой’ [ПОС XI: 148]; *зака́мень* ‘местность по восточную сторону Яблонового хребта’ (Забайк.) [СРНГ IX: 115];

2.5. Острова, отмели, косы: *запесóк* ‘место за песчаной отмелью’ [НОС 2010: 306]; *залу́дые* ‘водное пространство, место за небольшим островком’ (Помор.) [Мызников 2021: 149]; *заострóвка* 1. ‘рукав реки между островом и противоположным берегом’ [АОС 18: 261; СРНГ X: 294]¹, *заострóвок* 2. ‘место за островом’, *заострóвье* ‘место за островом’ (Олон.) [СРНГ X: 294];

3. Растительность:

3.1. Кусты и деревья: *задубье* ‘место за дубовым лесом’ (Вят.) [СРНГ X: 67]; *завéресье* ‘название угодья’ [ПОС XI: 61]; *закустовье* и *закустье* ‘место за кустами, позади кустов’ (Яросл.) [СРНГ X: 181];

¹ Мы считаем возможным рассматривать значение данного слова как типовое значение ‘место за ориентиром’, так как в морфемной структуре есть префикс *за-* и отражена позиция говорящего.

3.2. Лес: *закли́нье* ‘деревня, расположенная за клином (лесом, растущим на болотистой почве)’ [СРНГ X: 246]; *залёсевье* ‘то же, что залесье’ [ПОС XI: 289]; *залес* ‘место за лесом’ (Смол.) [СРНГ X: 201]; *залёсийко* ‘уменьш.-ласк. к залес’ (Пск.) [СРНГ X: 201]; *залесина* ‘залесье’ (Волог.) [СРНГ X: 201]; *залёсьице* ‘место за лесом; отдаленное место’ (Север.) [СРНГ X: 202]; *залёсица* 1. Местность, расположенная за лесом или в лесах [ПОС XI:]; *залесье* ‘пространство за лесом, по ту сторону леса’ [НОС 2010: 295]; *заулёсица* ‘часть поля около леса’ и ‘место за лесом, где расположена деревня’ [НОС 2010: 324]; *заулёсье* ‘место за лесом’ [НОС 2010: 324]; *зарáменье* ‘полоса, место за лесом’ [НОС 2010: 311]; *задо́рье* 1. ‘место за дором’ (Арх.) и 2. ‘место за краем леса; место закраем, границей чего-либо’ (Сев.-Двин.) [СРНГ X: 66].

3.3. Мхи: *замóшье* ‘лес за мхами, болотами, болотистыми озерами’ (Новорж., Порх. Пск., Волог.) || ‘всякое место, находящееся за большими болотами, мхами’ (Луж. Петерб., Селигер.) [СРНГ X с. 260]; *замóшевье* ‘поле’ [НОС 2010: 301]; *замóшица* ‘земельное угодье у д. Глебово’ [НОС 2010: 301].

В значениях лексем, как с «антропогенными», так и с «природными» основами, отражены представления о хозяйственном предназначении обозначаемого пространства и его прагматическая оценка, что выявляется при контекстуальном анализе: *загу́мка* – ‘участок пахотной земли’; *загра́нки* – ‘место за пашней и покосами (обычно не пригодной для земледелия)’; *задво́рица* – ‘луг за деревней’; *У нас задворица есть, коров туда гоняем, ходить близко на этот лужок*; *законéчник* – ‘концы за полосами пашни, отведенные под траву’; *запо́лье* – *у нас были пожни за полем, так заполье звали*; *зао́сек* – *коров на заосек гоняли*; *заку́стье* – *я ходил по закустью да зайцев сторожил*; *замéжье* – *Они нынче на замежье клевер косят*; *запо́лек* – *распаханный, овес больше по запольку*; *запо́льки* (множ.) – *овины строятся всегда на запольках, ближе к полям и возле дорог, на неудобных для хлебопашества местах*; *зарéчина* – *сенокосное угодье за рекой*; *заулёсица* – *запущенная пашня вблизи леса*.

Контексты употребления показывают, что значения некоторых лексем содержат коннотации, выражающие оценку соответствующей реалии: напр., у производных от *гумно*: *загуменники* – *Где пешком, где ползком – рыщет по задам, загуменникам, огородам*; *загуменье* – *Пробирался вор Ванюша По загуменьям, В загуменье живе, не на людях*; *загу́менье* – *Он па дароге не ходя, фсе па закустью, па зауменью*; *загумно* – *Как это из пушки-то выстрелили, так они кто в гумна, да по загумнам-то, кто в стаи, кто на стаи*.

Из приведенных контекстов выводится добавочный смысл «место, где можно укрыться, спрятаться, в том числе с дурными намерениями».

В значениях анализируемых слов фиксируются представления о внутренней организации поселения: *загумка* ‘часть крестьянской усадьбы, где располагаются гумна, скотный двор’; *задворка* – ‘крестьянская усадьба, расположенная на задах, за дворами, избами’; *загородье* – ‘пространство за огородами, на окраине деревни’.

Фактически данная группа лексики выполняет функцию пространственного дейксиса; семантика анализируемых языковых единиц схематична, отвлеченна и многослойна. Она отражает механизмы освоения пространства человеком: в момент семиозиса номинативным признаком пространства становится объект, находящийся ближе к говорящему, само же пространство за этим объектом как бы «скрыто» от номинатора и потому не может обладать многочисленными дифференцирующими признаками. Позже пространство осваивается человеком, и в семантике лексических единиц закрепляются знания о природных свойствах пространства, его хозяйственном потенциале, формируется отношение к нему носителя языка.

Таким образом, перед нами семантическая модель, своего рода схема, отражающая организацию пространства, которая может наполняться конкретным содержанием. Эта схема включает в себя такие элементы, как указание на ориентир, факультативно – признаки пространства, находящегося за отмеченным ориентиром, характер хозяйственной деятельности, коннотации – субъективные оценки диалектоносителей.

Литература

Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 1–22. М., 1980–2021. – АОС. (издание продолжается)

Лебедева Н.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Языки пространств / Отв. ред.: Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 93–97.

Мызников С.А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия. М.; СПб., 2021.

Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников; [авт.-сост. А.В. Клевцова и др.; ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова]. СПб., 2010. – НОС.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28 / ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская, С.М. Глушкина, Л.А. Ивашко, А.И. Корнев, И.С. Лутовинова и др. Л.-СПб.: изд-во ЛГУ, изд-во СПбГУ, 1967–2020. – ПОС. (издание продолжается)

Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007. – СВГ.

Словарь русских говоров Алтая: в 4-х тт. / под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. Т. 2, Ч. I, буквы (Д-И). Барнаул, 1997.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб., 1965–2021. – СРНГ. (издание продолжается)

Lebedeva Tatiana E.

Structural and semantic features of the words with a ‘spatial’ meaning with the prefix *za-* in the Russian dialects

This article analyzes the semantic features of common nouns with the prefix *za-*, which have spatial meaning. The main source of material is the Dictionary of Russian Folk Dialects, additional sources are a number of other dialect dictionaries. Based on the semantic analysis, a classification of vocabulary with the typical meaning of ‘place behind the reference point’ is made. The non-isomorphism of the morphemic composition of a noun with the prefix *za-* and its lexical meaning is shown. The structure of the lexical meaning of the analyzed nouns is revealed; on this basis, a generalized semantic model of such nominations is formulated. Conclusions are made about the specifics of the conceptualization of space and its reflection in the lexical meaning of the appellative with the prefix *za-*.

Keywords: dialect vocabulary, spatial semantics, semantic model.

Леванцэвіч Лена Васільеўна

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна

Беларусь, Брэст

lewalena@mail.ru

Безэквівалентная лексіка гаворак Брэсцка-Пінскага Палесся (да пытання класіфікацыі)

Безэквівалентныя словы адлюстроўваюць нацыянальную культуру любога народа і таму з'яўляюцца аб'ектам этналінгвістычных даследаванняў. Людзі, якія жывуць ў розных геаграфічных, сацыяльных, палітычных і культурных умовах, маюць сваю гісторыю і традыцыі, нацыянальную псіхалогію і пэўны ўзровень сацыяльна-эканамічнага развіцця, адлюстроўваюць свет па-рознаму. У артыкуле даследуецца дыялектная безэквівалентная лексіка Брэсцка-Пінскага Палесся ў яе адносінах да літаратурнай беларускай нацыянальнай мовы. Падаецца класіфікацыя названай лексікі па тэматычных групах.

Ключавыя словы: безэквівалентная лексіка, заходнепалескія гаворкі, фонавая лексіка, нацыянальна-культурны кампанент.

Цікавасць да рэгіянальнай лінгвістыкі вырасла ў сувязі з актыўнай глабалізацыяй, якая назіраецца ў апошні час у еўрапейскіх краінах. Лінгвістычнае вывучэнне рэгіёнаў прыспешвае і страта носьбітаў мясцовых гаворак, народнай культуры, традыцый, і змяншэнне колькасці сельскага насельніцтва ўвогуле. Ускладняе збор якаснага матэрыялу і тое, што пад уплывам літаратурных (беларускай і рускай) моў адбыліся змены ў жывым маўленні, і тое, што большасць інфарматараў ужо не ведае ці не памятае паходжання мікратапонімаў, матывацыі мянушак, значэння адметных слоў. Гэтым і абумоўлена вывучэнне моўных адзінак Брэсцка-Пінскага Палесся.

Рысы непадобнасці, нацыянальнай спецыфікі найбольш ярка праяўляюцца на ўзроўні лексікі, таму яе ролю ў стварэнні нацыянальнай адметнасці мовы цяжка пераацаніць. Адпаведна з рэгіянальнай адметнасцю – неадпаведнасць, вар'іраванне значэння слоў у розных дыялектах беларускай мовы. Вывучэнне безэквівалентнай лексікі Брэсцка-Пінскага Палесся дазволіць вызначыць ступень устойлівасці культурных традыцый, выявіць нацыянальнае спецыфічнае ў мове і культуры рэгіёна, вызначыць тэндэнцыі далейшага развіцця культуры і мовы.

Фактычны матэрыял для навуковага даследавання быў сабраны пры выкананні падзадання *«Лінгвістычнае краязнаўства Брэстчыны: узаемадзеянне мовы і культуры»* (№ ДР 20160434 ад 22.03.2016 г.) задання (4.1.10) «Моўная карціна свету беларусаў і нацыянальна-культурная

канцэпталогія» падпраграмы «*Беларуская мова і літаратура*» дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «*Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства*» на 2016–2020 гг.

Як адзначае Н. Мячкоўская, у любой мове ёсць словы, якія не маюць аднаслоўнага перакладу на іншую мову, такія словы называюцца безэквівалентнымі, а ў выпадку запазычвання такіх слоў у чужую мову іх называюць экзатызмамі. У навуковай літаратуры безэквівалентную лексічную адзінку часта называюць лакунай (І. Марковіна; Я. Верашчэагін, В. Кастамараў) [Марковіна 2020: 7; Верашчэагін, Костомаров 2000: 246]. На думку С. Влахава і С. Фларына, асноўнай часткай безэквівалентных слоў з’яўляюцца словы-рэаліі [Влахав, Флорин 1980: 127].

Сам тэрмін «безэквівалентная лексіка» таксама трактуецца па-рознаму: як сінонім “рэаліі”, трохі шырэі – як словы, што адсутнічаюць у іншай мове (культуры), трохі вузей – як словы, характэрныя для савецкага перыяду, і проста як словы, якія не перакладаюцца на іншую мову.

І. Шкраба адзначае, што «...калі беларускае слова мае складаную структуру значэння, з многімі прыватнымі прыкметамі названага прадмета, то ўзрастае верагоднасць таго, што ў рускай мове магчымы адзіны спосаб яго семантычнага вытлумачэння – апісальны, а само слова ў такім выпадку набывае статус безэквівалентнага» [Шкраба 2008: 6].

А. Іваноў вылучае тры групы безэквівалентнай лексікі:

1) рэфэрэнцыяльна-безэквівалентная лексіка: рэаліі, тэрміны, фразеалагізмы, індывідуальна-аўтарскія неалагізмы, семантычныя лакуны, словы шырокай семантыкі, складаныя словы, значэнне якіх можа быць перададзена на іншую мову толькі апісальна;

2) прагматычна-безэквівалентная лексіка: а) разнастайнага кшталту адхіленні ад агульнамоўнай нормы, а гэта тэрытарыяльныя і сацыяльныя дыялекты, жаргоны, арго, архаізмы і іншыя адхіленні ад нарматыўнай лексікі; б) запазычанні; в) абрэвіятуры; г) словы з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі; д) выклічнікі; е) асацыятыўныя лакуны, ці словы, якія ў свядомасці носьбітаў мовы маюць пэўнае асацыятыўнае значэнне, што адсутнічае ў свядомасці носьбітаў іншай мовы;

3) альтэрнатыўна-безэквівалентная лексіка: уласныя імёны (найперш антрапонімы, тапонімы, назвы кніг, фільмаў і т. д.), звароты, рэаліі і фразеалагізмы [Іванов 2006: 45].

Да безэквівалентнай лексікі Л. Бархудараў адносіць тры вялікія разрады лексічных адзінак: 1) уласныя імёны, геаграфічныя назвы, назвы ўстаноў, арганізацый, газет і інш.: безэквівалентнымі з’яўляюцца не толькі малавядомыя прозвішчы і імёны, але і матываваныя, якія маюць унутраную форму; 2) рэаліі: назвы страў, вопраткі, прадметаў матэрыяльнай і духоўнай культуры; 3) «выпадковыя лакуны»: лексічныя адзінкі адной мовы, якім па

якіх-небудзь прычынах няма адпаведнікаў у лексічным складзе іншай мовы [Бархударов 1975: 75].

В. Вінаградаў безэквівалентную лексіку суадносіць са словамі-рэаліямі, якія падзяляе на наступныя групы: 1) паўсядзённы абутак і адзенне, збудаванні і прадметы, рэаліі-адзінкі вымярэння і рэаліі-грошы; 2) рэаліі прыроднага свету, тэрміны фізічнай геаграфіі; 3) этнаграфічныя рэаліі, звычаі, рытуалы, гульні, міфалогія і культуры; 4) грамадска-палітычныя рэаліі; 5) анамастычныя рэаліі-антрапонімы, тапонімы; 6) асацыятыўныя [Виноградов 2001: 79].

Сярод асноўных прычын узнікнення безэквівалентнай лексікі варта назваць наступныя: адсутнасць прадмета ці з'явы ў жыцці народа; адсутнасць паняцця ў мове перакладу (прадмет ёсць, а слова няма); адрозныя лексіка-стылістычныя характарыстыкі ў мовах. Крытэрыі вызначэння безэквівалентнай лексікі на беларускай навуковай глебе прапанавала І. Шкраба [Шкраба 2008: 4–8].

У беларускім мовазнаўстве звычайна даследуецца літаратурная безэквівалентная лексіка ў граматычным (словаўтваральным), нацыянальна-культурным і перакладным аспектах. Мы даследуем рэгіянальную безэквівалентную лексіку ў яе дачыненні да беларускай літаратурнай мовы. Асноўнымі крытэрыямі вылучэння груп такой лексікі сталі: адлюстраванне нацыянальна-спецыфічных рыс культуры і побыту насельнікаў пэўнага рэгіёна Беларусі; немагчымасць супастаўлення плана зместу дыялектных лексем з літаратурнымі; інфармацыйнае несупадзенне паняццяў падобных слоў у літаратурнай і дыялектнай мовах; адсутнасць прадметаў і з'яў у наш час; адсутнасць паняцця ў літаратурнай мове; розныя словаўтваральныя мадэлі; асацыятыўнае значэнне; канататыўнае, ці эмацыянальна-ацэначнае, значэнне; неафіцыйнае іменаванне людзей, жывёл, геаграфічных аб'ектаў, устойлівасць спалучэнняў слоў. На ўзроўні літаратурнай і дыялектнай мовы (мова Брэсцка-Пінскага Палесся, ці заходнепалескія гаворкі) намі вылучаны наступныя групы безэквівалентнай лексікі:

- 1) устарэлыя словы;
- 2) словы іншай (адрознай ад літаратурнай) словаўтваральнай мадэлі;
- 3) словы, у якіх не супадае семантычны змест паняцця ў літаратурнай і дыялектнай мове;
- 4) словы, якія канкрэтызуюць, удакладняюць дзеянне, стан, від прадмета;
- 5) дыялектная відавая назва;
- 6) ацэначныя назвы асобы;
- 7) рамесніцкая наменклатура і прафесіяналізмы;
- 8) назвы ежы і пітва;
- 9) назвы прадметаў побыту;

- 10) назвы адзення і абутку;
- 11) назвы гаспадарчых пабудоў і іх інтэр'еру;
- 12) назвы асаблівасцей прыродна-ландшафтнага характару;
- 13) семантычныя дыялектызмы;
- 14) саматызмы;
- 15) онімы (мянушкі, мікратапонімы, заонімы і інш.);
- 16) фітонімы;
- 17) фанетычна асвоеныя запазычаныя словы;
- 18) словы з фальклору (назвы казачна-міфічных персанажаў, лексіка народных абрадаў, звычайў, назвы танцаў);
- 19) лакалізмы;
- 20) лексіка фразеалагічных адзінак;
- 21) сінтаксічныя рэгіяналізмы.

Разгледзім названыя групы на аснове фактычнага матэрыялу, сабранага на тэрыторыі Брэсцка-Пінскага Палесся.

1) Устарэлыя словы, да якіх у большасці выпадкаў адносяцца гістарызмы. Лексемы абазначаюць назвы адміністрацыйных пасадаў і устаноў, пабудоў, юрыдычную тэрміналогію, што выкарыстоўвалася на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая ўваходзіла ў склад Польшчы. Таксама частка ўстарэлых слоў-гістарызмаў абазначае прадметы побыту, якія выкарыстоўваліся ў паўсядзённым жыцці да перыяду індустрыялізацыі ці ў савецкі перыяд: *квіска* 'драўляная скрыня для засолкі і захавання сала' (в. Песцянькі Кобр.); *фурналі* 'некалі называліся наёмныя рабочыя ў пана' (в. Песцянькі Кобр.); *чворакі* 'хаты, пабудаваныя панам для пражывання рабочых' (в. Песцянькі Кобр.); *жбонца* 'кіраўнік пры панскім двары, які выплачваў грошы за працу' (в. Песцянькі Кобр.).

2) Словы іншай (адрознай ад літаратурнай) словаўтваральнай мадэлі. У дыялектнай мове словы з тым самым лексічным значэннем, што і ў літаратурнай мове, могуць быць утвораны шляхам усячэння асновы, выкарыстання іншых суфіксаў: *зэрэ* 'зараз': *Не ідзі туды сам, я зэрэ прыйду* (в. Хорск Стол.); *мóто* 'мабыць, можа': *Мото, і мэшы сын твой ужэ жэніцца?* (в. Хорск Стол.); *тамака* 'там': *А тамака свадзьба была да салюты грохалі* (в. Хорск Стол.); *хоём* 'хадзем' (калі завуць каго-небудзь ісці разам): *Хоем зо мной у парнік, гуркоў набэрэш себе* (аг. Альшаны Стол.); *чэплея* 'чапяла': *Достань чыгунца з печы чэплей* (в. Хорск Стол.); *учорэка* 'тое ж, што і ўчора': *Добрэ, шо ўчорэка ўсю бульбу покопалі, сёння ж лівэнь такі* (в. Ракітна Лунін.); *вўнака* 'вунь': *Вунака, за гародам* (в. Куляшы Івац.); *бігмэ* 'ей богу, праўда, сапраўды' (в. Ракітна Лунін.); *злўйка* 'злы чалавек': *Валя так харошая жанчына, але як што не па яе, то злўйка яшчэ тая* (в. Мігіліцы Івац.); *сасно́вік* 'сасновы лес': *Пайшлі ў сасно́вік, маслят*

назбіраем (в. Куляшы Івац); *сёго* ‘гэтым летам (годам)’: *Сёго року урожайны повинен добры буты* (в. Чарняны Малар.).

3) Слова, у якіх не супадае семантычны змест паняцця ў літаратурнай і дыялектнай мове. Часта такія словы маюць выразнае канататыўнае значэнне: *доглядаць* ‘карміць хатнюю жывёлу’: *Трэба ужэ іці доглядаць поросят* (в. Хорск Стол.); *дуб* ‘човен’: *З гэтым дубом нічога не зробіш, тухлявы ўвесь* (в. Хорск Стол.); *западня* ‘дэталі клямкі на дзвярах’: *У дзвэрах е клямка. Западня лежыць на язычку, а язычок паднімае западню* (в. Хорск Стол.); *памост* ‘тое, што і падлога’: *Памост – так раней казалі, а хто і проста пол кажэ* (в. Хорск Стол.); *покрышка* ‘накідка на падушку’: *У мэне поўны шкаф гэтых пакрышак* (в. Хорск Стол.); *яечня* ‘страва з яек, манкі і малака’: *Така смачна яечня з печы была* (в. Хорск Стол.); *вушко* ‘паглыбленне з боку печы, ніша, дзе можна было захоўваць дробныя рэчы’: *Батько пакынуў стола кай вушка* (в. Спорава Бязоз.); *буслянка* ‘калодзежны журавель’: *Буслянка складвалася з очапа і крука* (в. Хорск Стол.); *неварты* ‘слабы, хворы, які не мае сілы’: *Неварта я ужэ і з койкі ўстаць* (в. Хорск Стол.); *неохвотна* ‘сумна, самотна’: *Неохвотна самой у хаці жыць* (в. Хорск Стол.); *уюн* ‘пра хітрага чалавека’: *Як той уюн на патэльні* (в. Куляшы Івац.) (Тут прыведзены толькі тыя са значэнняў, якімі дыялектныя словы адрозніваюцца ад літаратурных).

4) Слова, якія канкрэтызуюць, удакладняюць дзеянне, стан, від прадмета. Сярод гэтай групы слоў найбольшую частку складаюць дзеясловы, якія вобразна перадаюць тое ці іншае дзеянне чалавека, фізічнае ці разумовае. Звычайна гэта эмацыянальна-экспрэсіўная лексіка, з адценнем гумару або грубасці: *бульботыты* ‘балбатаць’ (в. Пяснянкі Кобр.); *настропольтыты* ‘настроіць негатыўна каго-небудзь супраць іншай асобы, якім-небудзь чынам, падгаварыць ці намовіць на якое-небудзь дзеянне’: *Я дывлюся тобі вжэ вспілы настропольтыты* (аг. Ліпнікі Драгіч.); *надюндюрытыса* ‘пакрыўдзіцца, «надуцца»’: *Тобе праўду казалі, а ты надюндюрылася і моўчыш* (в. Аздамічы Стол.); *квэцаць* ‘пячы што-небудзь з цеста’: *Пойду сквецаю екого пірога, да поемо. Весь день голодны бы цюцік ходзіш* (в. Аздамічы Стол.); *плямкаць* ‘ціха гаварыць’: *Нічога не вывучыў, кніжку не открываў дома, а до дошкі выйшоў да плямкае нешто сам себе под нос* (в. Аздамічы Стол.); *нашляпіць* ‘наступіць’: *Зато б я на твого кота нашляпіў, плутаецца под ногами некое покуты* (в. Аздамічы Стол.); *поляскаць* ‘пагаварыць на бытавыя тэмы’: *Маці пошла на вуліцу з жонкамі поляскаць. Вжэ скоро сцёмнее, а ее нема і нема* (в. Аздамічы Стол.); *захлякнуць* ‘анямець (пра цела)’: *Перабірала бульбу і так захлякла, шчо спіну не могу разогнуць* (в. Аздамічы Стол.); *выкошкацца* ‘выздаравецць’: *Попохворэла Оля, але, слава Богу, сьак-так выкошкалася* (в. Хорск Стол.); *выцпенуць* ‘вытрасці ад пылу, дробнага смецця’: *Выцпенні просцілку да занесі*

ў хату (в. Хорск Стол.); **галяць** 1) ‘бегаць’: *Пэрэстань галяць, бо шчэ голову скруціш*, 2) ‘хадзіць без справы’: *І дзе можна галяць увэсь дзень?* (в. Хорск Стол.); **колóшкаць** ‘размешваць’: *Поколошкай свінням у вэдрэ муку* (в. Хорск Стол.); **нам’яць** 1) ‘прыдбаць шмат чаго-небудзь’: *Во гэто ты нам’яла яблык*, 2) ‘многа наесціся чаго-небудзь’: *Нешчо я нам’яўса, шчо аж дыхаць важко* (в. Хорск Стол.); **напахну́цца** ‘надушыцца’: *Чым гэто ты напахнуўса?* (в. Хорск Стол.); **наробі́цца** ‘многа і цяжка напрацавацца’: *Наробіўса за дзень – рук не могу подняць* (в. Хорск Стол.); **нацякну́ць** ‘намякнуць на што-небудзь’: *Ты ему нацякні, коб прышоў заўтра* (в. Хорск Стол.); **пропала́ць** ‘правець’: *Прынесі мне нчоўку, я пропалаю гэты насенне* (в. Хорск Стол.); **рэпанка** ‘пашкоджаная бульба, яблыкі’: *Ці ў вас луччых яблос нема, кроме рэпанкі?* (в. Хорск Стол.); **шамну́ць** ‘хутка пайсці, пабегчы, паехаць’: *На дворэ цемнота, і здаецца, шчо нехто крадзеца ззадзі, – мы ек шамнулі хто куды...* (в. Рубель Стол.).

5) Дыялектная відавая назва. Часта пры наяўнасці агульных родавых паняццяў для дыялектнай і літаратурнай моў як безэквівалентнае слова выступае дыялектная відавая назва або назва часткі ад цэлага. Беларуская народная лексіка характарызуецца высокай ступенню матываванасці, што праяўляецца і пры называнні розных відаў прадметаў, раслін, жывёл і інш. Матываванасць лексічнай адзінкі ўяўляе сабой такую структурна-семантычную ўласцівасць слова, якая дазваляе ўсвядоміць узаемаабумоўленасць яго значэння і гучання на аснове суадносін з моўнай ці нямоўнай рэчаіснасцю: **пóдклад** ‘драўляныя яйкі, якія кладуць у гняздо’ (в. Песцянькі Кобр.); **ба́нька** ‘гліняны збанок з носікам’: *У баньку малако налівалі* (в. Барычавічы Пін.); **вя́занка** ‘вялікая вязаная хустка’: *Звяжы вязанку, бо холодно* (в. Барычавічы Пін.); **гнаёв́ыла** ‘від вілаў’: *Гнаёвыла стояла нідэ в городі* (в. Кужалічын Іван.); **пычурка** ‘посуд, патэльня на «ножках»’: *У піч ставылы спецыяльну пытэльню на ножках – пычурку* (в. Белінок Драг.); **ухыля́нка** ‘вялікая цёплая хустка’: *Во тый ухылянцы шо там вісьць, білы чым пидысят годыв, шэ бабы моейі* (аг. Ліпнікі Драг.); **чыпелъ** ‘вялікі нож (звычайна ім змяльчаюць зелле хатнім жывёлам)’: *Возьмі ў сцёпцы чыпелъ, да нарэж боцьвіння свінням* (в. Аздамічы Стол.); **кухлік** ‘невялікі кубачак’: *Наліла ў кухлік молока і поставіла на стол, коб дзеткі напіліса* (в. Аздамічы Стол.); **колода́ч** ‘вялікі нож з драўлянай ручкай’: *Колодачом зручней гарбузы розрэзаць* (в. Аздамічы Стол. Бр.); **піна́чка** ‘вялікая ваўняная хустка’: *Слякоць на дворэ, трэба піначку на плечы накінуць* (в. Аздамічы Стол.); **ясік** ‘маленькая падушка’: *Заслала ложка і положила на яго ясікі* (аг. Давыд-Гарадок Стол.); **лабу́ззе** ‘вялікія лісты якой-небудзь расліны’: *Зламай гэты лабуззе шоб не мешало* (в. Хорск Стол.); **сэ́лнэ** ‘вялікія ягады’ (аг. Павіцце Кобр.); **тропэ́шка** ‘вялікая патэльня’ (аг.

Павіцце Кобр.); *закладзіны* ‘дошкі, з якіх зроблены зруб калодзежа’: *Доскі у калодзежы называем закладзіны* (в. Хорск Стол.).

б) Ацэначныя назвы асобы. Эмацыянальна-ацэначныя назвы асобы складаюць значны пласт безэквівалентнай лексікі. Назвы характарызуюць чалавека, паказваюць яго знешні выгляд, псіхічны або фізічны стан, маральныя якасці і разумовыя здольнасці, адносіны да працы і грамадскіх абавязкаў. Народная назіральнасць вылучае адметныя рысы ў характары, паводзінах, знешнім выглядзе: *воркота* ‘той, хто часта праяўляе сваё незадавальненне, папракае каго-небудзь у чым-небудзь’: *Я з гэтой воркотой не хочу ніякого дзела маць* (в. Хорск Стол.); *лайлах* ‘не вельмі ахайны чалавек’: *Да одзенься ты нармальна, а то бы лайлах ходзіш* (в. Хорск Стол.); *нехорузны* ‘непрыгожы’: *Ба, яка нехорузна дзеўчына пошла* (в. Хорск Стол.); *шолопай* ‘легкадумны чалавек’: *Ну і шо той шолопай там робіць?* (в. Хорск Стол.); *шулёпа* ‘някемлівы чалавек’: *Ну ты, Марынка, і шулёпа* (в. Хорск Стол.); *шулёпковаты* ‘дурнаваты’: *Вона вопшэ нека шулёпковата, шо ў дзецтві, шо зарэ* (в. Хорск Стол.); *мурлявы* ‘кволы, худы’ (в. Тэўлі Кобр.); *шмэрко* ‘малы чалавек, якому ўсё цікава і ён усюды лезе’: *А ну адыдзіся, шмэрко, не мяшай* (в. Мігіліцы Івац.); *хіляк* ‘фізічна слабы чалавек’: *Еш болей, а то так і застанешся хіляком* (в. Куляшы Івац.); *тумак* ‘разумова абмежаваны чалавек’ (в. Гайкоўка Кобр.); *сухопарок* ‘худы, сухашчавы чалавек’: *Васэль вжа зробэвся сухопарок якэйся, хоть ша і ны старэй* (в. Лелікава Кобр.); *сухорэбрык* ‘вельмі худы чалавек’: *Прыстав до мойей мані кіномеханік, сухорэбрык і грошій нема* (в. Галоўчыцы Драг.).

7) Рамесніцкая наменклатура і прафесіяналізмы. Параўнальна багаты дыялектнымі адзінкамі слоўнік розных былых мясцовых промыслаў – ткацтва, пчалярства, цялярства, рыбацтва, паляўніцтва і г. д. Некаторыя дыялектныя словы з названай групы перайшлі ў пасіўны слоўнік. Гэта назвы прадметаў, іх частак, якія сталі непатрэбнымі ці мала ўжывальнымі ў новай вёсцы. Толькі ад старэйшых носьбітаў гаворкі можна даведацца значэнне такіх слоў і прызначэнне прадметаў: *кашалька* ‘сплеченае з лазы прыстасаванне для лоўлі рыбы ў зімовы час у палонцы’ (в. Любель Пін.); *жак* ‘прыстасаванне для лоўлі рыбы’ (в. Любель Пін.); *бірулька* ‘невялікі драўляны стрыжань у кроснах, да канцоў якога прымацоўваецца з дапамогай шнура ніт’: *Бірулька трэснула, трэба вырэзаць другую* (в. Рубель Стол.); *тэбэл* ‘драўляны цвік для замацавання бярэнаў пры будоўлі хаты’: *Коб хоць тэбэл короткі не быў* (в. Аздамічы Стол.); *цэнето* ‘сець для лоўлі рыбы’: *Ек з цэнетом поймаюць на рыбалцы, то оштрапуюць* (в. Аздамічы Стол.); *лепак* ‘муляр’: *Вон тебе такога лепака найшла, шчо такую грубу злепіць!* (в. Хорск Стол.); *абза* ‘неабрэзаны край дошкі’: *Он, якая дошка з абзой* (в. Хорск Стол.); *мурлата* ‘апошні вянок зруба хаты’: *Мурлаты выходзяць за страху* (в. Хорск Стол.).

8) Назвы ежы і пітва. Беларуская кухня мае багатую гісторыю і з'яўляецца адной са стражытнейшых у Еўропе. Шмат яе страў заснавана на аўсе, што не характэрна для іншых народаў. Гатаваліся супы і кашы і з іншых зерневых культур і бабовых. Канешне, са з'яўленнем бульбы наша кухня значна павялічыла колькасць страў і не трэба выключаць яе ролі ў стварэнні беларускай нацыянальнай кухні. Так як ландшафт Палесся характарызуецца вялікай плошчай лясоў і шматлікімі рэкамі і азёрамі, то палешукі звычайна займаліся паляваннем і рыбалоўствам, таму многія стравы звязаны з выкарыстаннем мяса і рыбы: **кірык** 'страва з мяса': *Самым смачным буў кірык* (в. Белінок Драг.); **вускаррок** 'скварка': *А вускаркі чого не хочэш есці?* (в. Аздамічы Стол.); **бікус** 'сушанае мяса, якое потым кідалі ў суп': *У суп з бікусоў кідалі толькі гэты мяса, без бульбы суп быў* (в. Хорск Стол.); **закáлец** 'непрапечаная частка хлеба' (в. Песцянькі Кобр.); **крупнік** 'суп з фасоллю': *Якым вусным бы нэ був крупнык, алэ мэнэ ёго істы нэ змусыш* (в. Кужалічын Іван.); **солома́ка** 'зацірка': *Соломаку можна готуваты на воді, алэ на молоці фاینіш* (в. Кужалічын Іван.); **гру́ца** 'крупнік': *Не знае, шчо наварыць, і наварыла груцы* (в. Аздамічы Стол.); **коўма́** 'бульбяное пюрэ': *Мо прыгатовіць тебе коўму?* (в. Аздамічы Стол.); **гру́ца** 'фасолевы суп': *Хозяйко, звары но сёння груцы* (в. Хорск Стол.); **колоту́ша** 'страва з малака і шарыкаў, якія рабілі з мукі, як і вады': *Зарэ людзі колотушу не робяць і не знаюць* (в. Хорск Стол.); **мочáнне** 'творак з малаком': *Раньшэ возьмэш творагу, молока, да зробіш себе мочанне* (в. Хорск Стол.); **ро́змінка** 'творак з малаком': *А у нас тэ мочанне розмінкой звалі* (аг. Гарадзец Стол.); **флян** 'моцны алкагольны напой, самастойна прыгатаваны ў хатніх умовах': *Глаўнае сабрацца ўсем, а фляна найдзем у каго купіць* (в. Мігіліцы Івац.); **тамачы́** 'каша са зваранай тоўчанай бульбы' (в. Старае Сяло Жабін.).

9) Назвы прадметаў побыту. Гісторыя кожнага населенага пункта адлюстроўвае працэс засялення і асваення этнічнай прасторы, развіцця вытворчых сіл. У моўных адзінках захаваліся асаблівасці гістарычнага развіцця народа, побыту, культуры. Значная колькасць дыялектных слоў сустракаецца ў назвах асобных гаспадарчых прылад, прадметаў хатняга ўжытку, пабудоў і асабліва іх дэталей, дробных раслін і жывых істот. Пэўная роля прадмета ў побыце чалавека садзейнічала ўзнікненню розных назваў або іх словаўтваральных і фанетычных варыянтаў: **тэлéжыкі** 'бытавыя прылады для ежы' (в. Любель Пін.); **бóня** 'пасудзіна для засолкі і захавання сала': *Возьмі ў боні сало, таке смачнэ сало* (в. Хорск Стол.); **сынéнка** 'падушка, набітая сенам': *Спаты буду на сынёнцы* (в. Асіпавічы Драг.); **сцегáчка** 'спецыяльны збан, у якім адстойвалі малако на вяршкі': *То ты ж хоць сцегачка прыбэры куды* (в. Ракітна Лунін.); **слы́нчiк** 'невялікая перанасная лаўка на ножках у сялянскай хаце': *Сэргій найліпш в сэлi ўмiв*

робэтэ слынчіке (в. Павіцце Кобр.); *абух* ‘драўляны малаток для разбівання зацвярдзелых камоў’: *Занесі абух у хлеў* (в. Хорск Стол.); *скібка* ‘лучына’: *Прынысы скібку шоб запалыты грубу* (в. Чарняны Малар.); *сіннык* ‘матрас, набіты сенам’: *В люльку вжо ложылыса там сіннык, як зарэ матрас, напханы сіном або солóмою. Потым ужэ слалы з льну там прóстыньку, пóдушэчку. Вот так дзіцятко і спала* (в. Галавіцкія Бязроз.).

10) Назвы адзення, абутку і аксесуараў. Вясковыя людзі праз сваю назіральнасць і вобразнае мысленне прызвычаліся даваць свае назвы ўсяму таму, што іх акаляе. Таму нават агульнавядомыя прадметы побыту, адзенне, абутак, вырабленыя на фабрыках, маюць адметныя назвы. Дыялектная разнастайнасць назіраецца і тады, калі прадмет з’явіўся параўнальна позна, а яго назва запазычана з розных крыніц, з моў розных народаў: *буркі* ‘пашытыя з сукна і ваціну валёнкі’: *Лёгэнькіе буркі, да вельмі хвайно ходзіць* (в. Аздамічы Стол.); *румьніок* ‘жаночыя чаравікі з невысокай халяўкай’: *Я помню, як мая маці ў румынках фарсела* (в. Аздамічы Стол.); *каліта* ‘жаночая сумачка’: *Пошла на базар, а каліту не ўзяла, да вертаюса назад* (в. Аздамічы Стол.); *лантух* ‘старая, паношаная вопратка’: *Чого ты лантухі нацягнула на себе і ходзіш* (в. Аздамічы Стол.); *лётнік* ‘пінжак’: *Не вымаж хоць свого летніка* (в. Хорск Стол.); *шныроўка* ‘безрукаўка, якую апранаюць жанчыны пад кофту’: *Раней жонкі шныроўкі носілі* (в. Хорск Стол.); *скінда* ‘убор незамужніх дзяўчат’: *Вжэ хутко Настя скенэ скінду, бо літом у ёй весілле* (в. Павіцце Кобр.); *сардак* ‘суконная жакетка без падкладкі’: *У мяне прыгожы і цёплы сардак* (г. Пружаны); *лэля* ‘кашуля’: *Сейчас тебе, мая дочеушэчка, лёлю чысценькую опрану* (в. Рубель Стол.).

11) Назвы гаспадарчых пабудоў і іх інтэр’еру. Рэчы, якія акалялі чалавека, былі цесна звязаны з сацыяльным і духоўным жыццём беларуса. Усведамленне сувязі чалавечага жыцця з навакольнай рэчаіснасцю выклікала існаванне сімвалікі рэчаў, якія акружалі чалавека ў яго паўсядзённым побыце. У найменнях прасочваецца інтэнсіўнасць духоўнага жыцця і глыбіня мыслення: *кулыкы* ‘насіл, які рабілі на даху’ (в. Песцянькі Кобр.); *торфятнык* ‘пабудова, дзе захоўваецца торф’: *Посля гэтыі зымы ў торфятныку ныц ны осталося* (аг. Ліпнікі Драг.); *цыплятнык* ‘хлеўчык з агароджаным месцам на вуліцы для курэй’: *У цыплятныку шэ в тому году ўуры завылыся, няма нямакого спасу* (аг. Ліпнікі Драгіч.); *сцяныўка* ‘від печкі, якая размяшчалася каля сцяны’: *На сцяныўкі сушылі лахі* (в. Вярховічы Кам.); *шурак* ‘пабудова для ўтрымання хатняй жывёлы ці для захавання якіх-небудзь гаспадарчых рэчаў’: *Трэба прыбраты шурака, бо вжэ і зайты в йёго няма ек* (аг. Ліпнікі Драгіч.); *вушкі* ‘гарышча’: *Послалі на вушках солому, яблык наклалі на зіму, будом есці* (в. Аздамічы Стол.); *сцёпка* ‘кладоўка’: *Бульбу выбралі і зразу перэнэслі усю ў сцёпку, коб до зімы хранілас* (в. Аздамічы Стол.); *обора* ‘кароўнік’: *Цепер у оборы мало*

осталосо короў, усіх побілі (в. Аздамічы Стол.); **хóўбня** ‘хата’: *Заўтра буду прыбіраць хоўбню, к сьвяту гатовіцца* (в. Аздамічы Стол.); **засторóнок** ‘дашчаная клетка ў хляве, у якую кладуць сена карове’: *Стары, кінь трохі карові сена ў засторонк* (в. Аздамічы Стол.); **лѐх** ‘халодны склеп для захоўвання садавіны і агародніны’: *Сынок, наберы з лѐху бульбу* (в. Аздамічы Стол.); **адкóс** ‘падстрэшак’: *Под адкос столько пташок пазалазіло* (в. Хорск Стол.); **лѐпанка** 1) ‘мазанка (хата)’: *Гэтой бабі і лепанкі на свій вік хваціць*, 2) ‘печ, зробленая з моцна ўтрамбаванай гліны, звычайна перамешанай з дробна насечанай саломай або галлём: *Лепанка – бітая печ*. (в. Хорск Стол.); **лѐска** ‘плот з лазовых дубцоў’: *Міша ішоў п’яны, упаў, да і поламаў мне леску* (в. Хорск Стол.); **целя́тнік** ‘пакой, які быў за печчу’: *Молодые всегда у цялятніку спалі* (аг. Гарадзея Стол.); **гло́вень** ‘бэлька над дзвярыма’: *Перакладзіна между вушлямі над дзвярыма – это гловень* (в. Хорск Стол.); **долоўка** ‘земляная падлога ў хаце’: *Колісь у хатах долоўка была, падлогі не было* (в. Хорск Стол.); **шабату́ра** ‘асобнае збудаванне ці прыбудова, дзе знаходзяцца складзеныя дровы’: *У дворэ стаяць хлѐў і шабатура* (в. Хорск Стол.).

12) Назвы асабліваасцей прыродна-ландшафтнага характару. Ландшафт рэгіёна цесна звязаны з культурай беларусаў. Адным з асноўных фізіка-геаграфічных рэгіёнаў Беларусі з’яўляецца Беларускае Палессе, што ўяўляе сабой вялікую раўніну з пячанымі дзюнамі, шматлікімі балотамі, маленькімі азёрамі і рачулкамі. Палессе з найбуйнейшымі водна-балотнымі ўгоддзямі з’яўляецца ўнікальным на еўрапейскім кантыненте прыродным аб’ектам і вылучае Беларусь з шэрагу іншых краін. Жыццё палешукоў набыло асаблівых рысы, погляды, паняцці, сфарміравала светапогляд, культуру. Балоты як прыродны асяродак паўплывалі на гаспадарчую і вытворчую дзейнасць мясцовага насельніцтва, што знайшло сваё адлюстраванне і ў лексічнай сістэме: **пры́кро** ‘дно вадаёма, дзе мелкаводдзе рэзка змяняецца на глыбокае месца’: *Я тут боюса плаваць, бо вельмі прыкро, хай на яго* (в. Аздамічы Стол.); **торóк** ‘дарога ў полі або лесе, па якой ходзяць звяры’: *Цепер леснікі бачылі на торку следы воўка, раней у нашом лесі іх не было* (в. Аздамічы Стол.); **жа́бор** ‘стаячая, парослая зеллем вада’: *Не лезь у жабор, бо будуць ногі чэсацца* (в. Аздамічы Стол.); **ма́йна** ‘трава, якая расце вясною на вадзе’: *Збіралі на водзе майну ў кошэль, а потым свінней кормілі* (в. Аздамічы Стол.); **яру́га** ‘глыбокі роў або яма’: *Сусед своїмі колёсамі понаробляў яругі ў нас под плотом* (в. Аздамічы Стол.); **стары́к** ‘старое, запоўненае вадой рэчышча; старыца’: *Мы ў старыку рыбу ловілі* (в. Рубель Стол.); **кня́жыч** ‘месяц, нябеснае свяціла’ (в. Горталь Івац.); **крэ́коць** ‘балоцісты лес’: *На крэкоце расце яно* (в. Мікалаевічы Пруж.); **стубло** ‘бяздонная яма на балоце’: *Неколі в лесі булі стубла, там ловілі вьюны* (в. Бабровічы Івац.).

13) Семантычныя дыялектызмы. Словы гэтай групы маюць лексіка-семантычныя адрозненні, пры якіх аднолькавыя гукавыя комплексы выражаюць у гаворках і літаратурнай мове неаднолькавае значэнне. Яны ўтвараюць своеасаблівую аманімію, якая ўзнікае рознымі шляхамі: на аснове распаду значэнняў мнагазначных слоў; у выніку страты сэнсавай сувязі паміж словамі; рознае паходжанне – адно з іх бярэ пачатак з агульнаўсходнеславянскай эпохі, а другое – уласнабеларускае, дыялектнае: **ворушы́цца** ‘яшчэ мець сілу’: *Дзед трохі ворушыцца, погмогае тэе-сее* (в. Хорск Стол.), параўнаем літ. – ‘прыходзіць у ледзь прыкметны рух; займацца чым-небудзь; знаходзіцца ў хаатычным руху; ехаць’ [ТСБМ I: 466]; **выбіра́ць** ‘збіраць выгараную плугам бульбу’: *Скоро будом бульбу выбіраць* (в. Хорск Стол.), параўнаем літ. – ‘беручы адно за адным, дастаць, выняць усё да апошняга; параўноўваючы наяўнае, аддаць перавагу чаму-небудзь; адабраць што-небудзь па якой-небудзь прыкмеце; абраць галасаваннем; знайсці неабходны час для ажыццяўлення чаго-небудзь’; **выроби́цца** ‘стаць прывабным, папрыгажэць’: *Так выроби́лася Антосёва дочка, шчо неможна познаць* (в. Хорск Стол.), параўнаем літ. – ‘ныбыць пэўныя асаблівасці ў працэсе вытворчасці, работы; запэцкацца; выйсці са складанага становішча; напрацавацца’ [ТСБМ I: 568]; **вэрхово́д** ‘маленькая рыба, якая плавае каля паверхні вады’: *Вэрховоды зусім кэле бэрэга плаваюць* (в. Хорск Стол.), параўнаем літ. – ‘той, хто верхаводзіць’ [ТСБМ I: 480]; **вэ́сна** ‘месца, куды людзі ездзілі на некалькі месяцаў вясной зарабляць грошы’: *Галі дома ўжэ нема, вона на вэсну поехала* (в. Хорск Стол.), параўнаем літ. – ‘пара года паміж зімой і летам; пра светлую радасную пару жыцця’ [ТСБМ I: 604]; **галька́** ‘ніжняя спадніца’: *У цэбэ гальку з-под саподніцы бачно* (в. Хорск Стол.), параўнаем літ. – ‘дробныя адшліфаваныя вадой каменьчыкі’ [ТСБМ II: 22]; **горові́ць** ‘вельмі цяжка працаваць’: *Пошли, Коля, горовіць будом* (в. Хорск Стол.), параўнаем літ. – ‘жыць бедна, цярапець гора; сумаваць, тужыць па чым-небудзь’ [ТСБМ II: 26].

14) Саматызмы. У большасці гэта словы з канататыўным значэннем, звычайна выкарыстоўваюцца як дадатковае найменне ў пэўнай маўленчай сітуацыі, маюць адценне грубасці: **макотра́** ‘галава’: *Я на вуліцу не пойду, бо одно макотру помыла* (в. Аздамічы Стол.); **лы́ч** ‘твар’: *Трэб было ўзяць, да добрэ даць ему ў лыч* (в. Аздамічы Стол.); **бульба́ты** ‘чалавек звялікімі вачыма, лупаты’: *Бульбата дзеўчына, але мо жонка добра будзе* (в. Хорск Стол.); **шлунне́** ‘усе ўнутраныя органы чалавека’: *Шчэ в мене, внучок, все шлунне здорове* (в. Бабровічы Ивац.); **гардзё́ла** ‘дыхальнае горла’: *Штось мні сёння большь гардзёла* (в. Чарняны Малар.); **дра́бы** ‘рэбры’: *Так схудала твая карова, што аж драбы свецяцца. Жалка бедную, добрая яна кароўка* (в. Мігіліцы Ивац.); **ды́хло** ‘бакавая частка жывата’ (в. Горталь Ивац.); **сапа́тка**

‘нос’: *Як дам па сапатцы – будзеш тады знаць, як крыўдзіць малодшых* (в. Куляшы Івац.).

15) Онімы (мянушкі, мікратапонімы, заонімы і інш.). Асабліваю ролю ў трансляцыі культурна-нацыянальнай самасвядомасці народа і яго ідэнтыфікацыі выконвае анамастычны склад мовы, так як у вобразным змесце яго адзінак, асабліва ў перыферычных онімах, увасоблена культурна-нацыянальнае светабачанне: **Шмэшко** (в. Здзітава Бяроз.); **Шніцэль** паўнаваты мужчына (в. Споравы Бяроз.); **Шно́бэль** ‘бо ў чалавека быў вялікі нос’ (в. Сухое Іван.); **Шні́р** ‘той, хто не ўнушаў даверу’ (в. Светач Бяроз.); **Ба́бскі Горы** ‘горы, дзе расло шмат грыбоў падасінавікаў (бабак)’ (в. Стойлы Пруж.); **Ба́бын Грудок** ‘частка лесу, дзе раней жыла пані’ (в. Вялікія Сяхновічы Жабін.); **Ба́бына** ‘балота, на якім растуць журавіны’ (в. Леснікі Драг.).

16) Фітонімы. Сярод зафіксаваных найменняў найбольшай частотнасцю характарызуецца матываваныя назвы, якія ўтвораны з дапамогай лексічных і словаўтваральных сродкаў нацыянальнай мовы. Намінацыі расліннага свету ўтрымліваюць у сабе інфармацыю пра традыцыі ўзнікнення номенаў са старажытных часоў. Дадзеная тэматычная група характарызуецца вялікай разнастайнасцю як сярод прадстаўнікоў розных моўных груп, так і ўнутры кожнай мовы, у межах яе дыялектаў: **жобўтэ молоко́** ‘падтыннік вялікі’ (в. Споравы Бяроз.); **жа́бскэ молоко́** ‘малачай кіпарысавы’ (в. Споравы Бяроз.); **смоктуньі** ‘медуніца’ (в. Споравы Бяроз.); **бусліны ланкі** ‘рагулькі палявыя’ (в. Споравы Бяроз.); **бручо́к дбы́кы** ‘аксамітнік адкінуты’ (в. Споравы Бяроз.); **коўту́нныяк** ‘маруна балотная’ (в. Споравы Бяроз.); **лідо́к** ‘гарошак платовы’ (в. Споравы Бяроз.); **зозу́ліны чырыві́чкі** ‘зарніца’ (в. Споравы Бяроз.); **дэндэ́ра** ‘дурнап’ян’ (в. Споравы Бяроз.); **сі́мнечко** ‘дрыжнік’ (в. Споравы Бяроз.); **зозу́ліны ручныкі́** ‘купена шматкветная’ (в. Споравы Бяроз.); **колю́к** ‘алоз’ (в. Аздамічы Стол.); **мокрэ́ц** ‘зоркаўка сярэдня’ (в. Аздамічы Стол.); **капелю́шнік** ‘дзядоўнік’ (в. Аздамічы Стол.); **муро́г** ‘рамонак’ (в. Аздамічы Стол.).

17) Фанетычна асвоеныя запазычаныя словы: **капара́цыя** ‘месца, куда раней хадзілі купляць прадукты’: *За хлябцом ходзімо ў капара́цыю. Яшчэ там мо шо смачнэ прывазуць, то ўжо бабы купляюць* (в. Стойлы Пруж.).

18) Словы з фальклору (назвы казачна-міфічных персанажаў, лексіка народных абрадаў, звычаяў, назвы танцаў). Вёска была і ёсць захавальніцай самабытных народных традыцый, што стварыла аснову для этнічнага самавызначэння беларускага народа: **засту́канкі** ‘хованкі’: *Дзеці ў застуканкі граюць* (в. Хорск Стол.); **здві́жэнне** ‘Узвіжанне’: *Ноч прыбаўляецца, дзень уменьшаецца і хаваюцца ў спячку вужы* (в. Хорск Стол.); **окла́дзіны** ‘пачастунак будаўнікам хаты пасля таго, як пакладзены апошні вянец у зрубе’: *Такіе радые былі, калі последнее дзерэво клалі, да*

потом і окладзіны былі (в. Хорск Стол.); **басарункі** ‘вячоркі’: *Скоро ноч, а вы тут басарункі ўстроілі: розыходзьцеса по своїх хатах* (в. Рубель Стол.); **карбунец** ‘чорт’: *Карбунец яго ведае, дзе ён ходзіць* (в. Стойлы Пруж.).

19) Лакалізмы. Нацыянальна-культурная маркіраванасць такіх моўных адзінак заключаецца ў магчымасці адлюстроўваць фонавыя веды. Яны характарызуюцца агульнавядомасцю і агульнаразумеласцю, частотнасцю на ўзроўні мікрасоцыума, штодзённасцю, трывіяльнасцю, актуальнасцю. Існаванне ў дыялектнай мове лакалізмаў стварае лексічную дублетнасць у нацыянальнай мове: **рогочі** ‘шпількі для замацавання валасоў у прычоску’ (в. Любель Пін.); **бэнкі** ‘дзеці незамужняй жанчыны, якія гадуецца без бацькі’: *Нарожала Маруся бенкоў поўну хату* (в. Аздамічы Стол.); **грапіні** ‘рукі’: *Прыберы свое грапіні от мене* (в. Аздамічы Стол.); **бранка** ‘світар’: *От звязала хорошу бранку, бы із магазіна* (в. Хорск Стол.); **бэзугаву** ‘бесперапынна’: *Ніяк не ўтаймуюцца нашыя суседзі, бэзугаву сварацца* (в. Хорск Стол.); **датó** ‘гэта’: *Дато я буду ждаць, покуль вон надумаецца мне помогці?* (в. Хорск Стол.); **лобóк** ‘шчупак’: *Такіх хороших лобкоў наловіў бацько* (в. Хорск Стол.); **очамрэць** ‘учадзец’: *Дыму нашло столько з грубы, шчо очамрэць можна* (в. Хорск Стол.); **чэрэной** ‘гурбой, у вялікай колькасці’: *Ёсця грыбы, которые растут не по одним, а чэрэной* (в. Краі Івац.); **горушчы** ‘працавіты’: *Вот это хлопец горушчы вырос* (в. Хорск Стол.); **цёрка** ‘кальцо каўбасы’ (в. Арэхава Малар.); **цыха** ‘коўдра’: *Бярэ цыху на скрэні і накрывайся* (в. Павіцце Кобр.); **смакоткі** ‘ласункі’: *О, попрывыкалі до смакоток, ешце тэ, шчо е ў хаці* (в. Хорск Стол.); **хытáлка** ‘арэлі’ (в. Агдэмер Драг.); **усынабóжыцца** ‘задаволіцца, заспакоіцца’: *Ну, Мішка, ужэ ты ўсынабóжыўса: маеш тэ, шчо хоцеў* (в. Рубель Стол.).

20) Лексіка-фразеалагічныя адзінакі: **брáтысь в рóжкы** ‘уступаць у сутычку з кім-небудзь’ (аг. Ліпнікі Драг.); **жы́дкы лы́дкы** ‘няма магчымасці для чагосьці’ (аг. Ліпнікі Драг.); **Ід́ як смы́тану выз́** ‘ісці вельмі павольна’ (аг. Ліпнікі Драг.); **Пошóв по нóпэл і чорт ухóпыв** (аг. Ліпнікі Драг.); **Якóе й́хало, такóе і прый́хало** (аг. Ліпнікі Драг.); **Прыш́ў кобы́лі хвóст, а ў кобы́лы св́й е** (в. Любель Пін.); **Со швáграм і на з́йца ны іды́** (в. Любель Пін.); **уклі́біць у гóлову** ‘пераканаць у чым-небудзь’ (в. Аздамічы Стол.); **пойці́ у гонакі́ свéта** ‘пачаць працаваць абы-як, някасна выконваць сваю працу’ (в. Аздамічы Стол.); **буськó р́ны посéе** ‘кажуць пра таго, у каго вельмі брудныя рукі, ногі’ (в. Аздамічы Стол.); **найці́ сокéрку под л́вочкою** ‘лёгка выявіць знаходліваць у тлумачэнні недаравальных учынкаў’ (в. Аздамічы Стол.); **на одн́ б́рдо ткáные** ‘кажуць пра тых, хто аднолькавы характарам’ (в. Аздамічы Стол.); **даць шыпелéнского** ‘моцна насварыцца на каго-небудзь’ (в. Аздамічы Стол.); **От ѓрша до ѓрша, дзе дорóга шы́рша** ‘гаворыцца пра тых, хто ходзіць без справы’ (в. Аздамічы Стол.); **зові́ца** ‘мужава сястра’: *Зовіца прыходзіла, казала шчо работы багато, а ніхто не*

помогае (в. Хорск Стол.); *нёке шэ́тэ-мэ́тэ* ‘нешта бессэнсоўнае, абы-што’ (в. Хорск Стол.); *Ні трэ́сні ні ля́сні* ‘нічога няма’ (в. Хорск Стол.).

21) Сінтаксічныя рэгіяналізмы: *поля́скалас бу́льба* ‘бульба, якая пераварылася’ (в. Хорск Стол.); *помэ́сіць лы́ча* ‘моцна пабіць каму-небудзь твар’ (в. Хорск Стол.); *пропа́сці бы бу́нька на водзе́* ‘бясследна знікнуць’ (в. Хорск Стол.); *а та́ж так* ‘ну да, канешне’: *Пры́ехала Ганна? А та́ж так.* (в. Чарняны Малар.); *а як же́* ‘канешне’: *Пуйдэм гуляты? А як же́* (в. Чарняны Малар.); *а як шо́* ‘калі’: *А як шо́ будзеш у нас в сылі – заходь* (в. Чарняны Малар.); *навга́дня рабо́та* ‘праца, выкананая недакладна, прыблізна, някасна абы-якая праца’ (в. Песцянькі Кобр.); *выкладаны́ дыва́н* ‘тканае пакрывала з узорамі з кветак’ (в. Песцянькі Кобр.).

Сёння вывучэнне дыялектнага слова, у тым ліку безэвівалентнага, дае магчымасць узбагаціць літаратурную мову. Дыялектная мова валодае цэлым арсеналам моўных сродкаў, яна дае яркія ўзоры народнай словатворчасці, ілюструе прыроджаную здольнасць чалавека параўноўваць з’явы рэчаіснасці паміж сабой у працэсе пазнання і падбіраць гаворкія назвы аб’ектам навакольнага свету. Народная мова – вынік працяглага працэсу, які з’яўляецца новым і арыгінальным аб’ектам вывучэння на розных этапах функцыянавання грамадства і яго мовы. Але ў адрозненне ад сучаснай беларускай літаратурнай мовы – гэта моўны скарб, з якім непасрэдна звязана паходжанне беларускага народа і ўся яго гісторыя. Структурна-тэрытарыяльная агульнасць і адметнасць беларускіх гаворак была і застаецца самым важным паказчыкам этнагістарычнай асобнасці беларускага народа і прыналежнасці да яе носбітаў гэтых гаворак незалежна ад іх нацыянальнага ўсведамлення. Таму вывучэнне беларускіх гаворак мела ў мінулым і мае зараз вельмі важнае значэнне для вырашэння найбольш важных пытанняў этнаграфіі і гісторыі беларускага народа.

Прынятыя скарачэнні

Назвы раёнаў

Бяроз.	– Бярозаўскі	Кобр.	– Кобрынскі
Драг.	– Драгічынскі	Лун.	– Лунінецкі
Жабін.	– Жабінкаўскі	Малар.	– Маларыцкі
Іван.	– Іванаўскі	Пін.	– Пінскі
Івац.	– Івацэвіцкі	Пруж.	– Пружанскі
Кам.	– Камянецкі	Стол.	– Столінскі

в. – вёска

аг. – аграгарадок

літ. – літаратурнае

Літаратура

Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975. 237 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Рус. яз., 2000. 387 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. и среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе... М.: Междунар. отношения, 1980. 343 с.

Иванов А.О. Безэквивалентная лексика: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 192 с.

Марковина И.Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyberleninka.ru/Gрнти/n/15056742. – Дата доступа: 03.05.2020.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэдкал.: К.К. Атраховіч (агульн. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.

Шкраба І.Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі. Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. 320 с.

Леванцевич Елена Васильевна

Безэквивалентная лексика говоров Брестско-Пинского Полесья (к вопросу классификации)

Безэквивалентные слова отражают национальную культуру любого народа и поэтому являются объектом этнолингвистических исследований. Люди, которые живут в разных географических, социальных, политических и культурных условиях, имеют свою историю и традиции, национальную психологию и определенный уровень социально-экономического развития, отражают мир по-разному. В статье исследуется диалектная безэквивалентная лексика Брестско-Пинского Полесья в ее отношении к литературному белорусскому национальному языку. Приводится классификация лексики по тематическим группам.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, западнополесские говоры, фоновая лексика, национально-культурный компонент.

Levantsevich Lena V.

**Non-equivalent vocabulary of Brest-Pinsk Polesie dialects
(to the question of classification)**

Non-equivalent words reflect the national culture of any people and therefore are the object of ethnolinguistic research. People who live in different geographical, social, political and cultural conditions, have their own history and traditions, national psychology and a certain level of socio-economic development, reflect the world in different ways. The article examines the dialectal non-equivalent vocabulary of Brest-Pinsk Polesie in its relation to the literary Belarusian national language. A classification of vocabulary by thematic groups is given.

Keywords: non-equivalent vocabulary, Western Polesie dialects, background vocabulary, national-cultural component.

Левичкин Александр Николаевич

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург
alevi66@gmail.com

Об одном источнике «Толкования неудобь познаваемым речем»

Отсутствующие в научной традиции изучения «Толкования» источники словарных статей были найдены нами в списках 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. «Толкование» во II редакции расширяет свою номенклатуру и представляет собой сборник словарных статей не только к Лествице, но и к другим текстам, в частности к 16 Словам Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. Сербский список третьей редакции перевода Слов Григория Богослова косвенно указывает на возникновение II редакции, также как и I редакции Толкования в сербской переводческой среде.

Ключевые слова: русская историческая лексикография, словарь к Лествице.

Небольшой словарь под названием «Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемъ» (далее Толкование) был впервые опубликован в работе К. Калайдовича «Иоанн ексарх болгарский» в 1824 г., К. Калайдович указал, что печатает словарь «по списку Канцлерской библиотеки, 1431 года», имея в виду известный список Лествицы 1431 г. из собрания Н.П. Румянцева (ныне РГБ, собр. Н.П. Румянцева, № 200) [Калайдович 1824: 127, 196–197]. С этого момента и началось изучение этого памятника.

Словарь этот имеет следующие особенности: почти все известные списки Толкования встречаются в конвое Лествицы, почему словарь иногда называют «словарем к Лествице». Однако, если обратиться к самому тексту Лествицы можно увидеть, что некоторые слова, представленные в Толковании в Лествице отсутствуют.

Исследователи Толкования объясняли это по-разному. А.Х. Востоков в «Описании рукописей Румянцевского музея», привел следующие наблюдения: «Надлежит заметить, что слова, здесь изъясняемые, не употреблены ни разу в самом переводе лествицы, после коего помещено толкование их; да и в древнейшем Болгарском переводе, по предыдущим двум рпсям (sic!), встречаются только некоторые из сих *неудобь познаваемых* речей. Прочие взяты, как видно, из других древних книг. Надобно думать, что новый переводчик лествицы, вероятно в XIV в. живший, имел перед собою древний перевод для сличения, и выписав из одного разные, непонятные уже в его время, слова, присовокупил к оним

подобную роспись слов и из других книг, которую с толкованием своим и поместил вслед за своим переводом» [Востоков 1842: 256].

Основываясь на выводах Востокова и не привлекая новых списков, о Толковании писали К. Ширский, Н.И. Баталин, П. Владимиров, П. Симони. К. Ширский видел задачу Толкования в объяснении непонятных сербских слов в Лествице и предлагал рассматривать его как пособие в изучении древнеславянского языка [Ширский 1869: 7–8]. Н.И. Баталин также считал, что этот словарик должен был объяснять непонятные для древнерусского читателя слова, но отмечал, что объем словаря маленький и в словаре присутствуют кроме иностранных русские слова [Баталин 1873: 6]. П. Владимиров указывал, что часть слов в словаре болгарские (васнь, жупица), часть сербские (узрокъ, презь), другие древнеславянские [Владимиров 1877]. Н. Симони писал, что словарик «к тексту самой “Лествицы” имеет очень мало отношения. В нем наибольшею частью даны в о о б щ е слова изъ разных старых сочинений, по преимуществу, переводного характера, и снабжены кое-какими объяснениями» [Симони 1908: 2]. Архимандрит Амфилохий напечатал текст «Толкования» по рукописи № 84 из Воскресенского собрания Новоиерусалимского монастыря (ныне хранится в ГИМ, текст Толкования относится ко II редакции I вида) [Амфилохий 1876: 132–133].

Материалы Толкования были опубликованы также Ф.И. Буслаевым [Буслаев 1844: 324–325] и И.П. Сахаровым (порядок слов в публикации изменен на алфавитный) [Сахаров 1849: 194].

Важной работой, посвященной изучению Толкования, стала диссертация Л.С. Ковтун, которая легла в основу книги «Русская лексикография эпохи Средневековья» [Ковтун 1963]. В главе III «Словари славяно-русские» Л.С. Ковтун предлагает вниманию читателей подробный анализ словарного материала Толкования. Она также делает обзор предшествующего изучения этого памятника и указывает новые списки, всего рассмотрено 26 рукописей. Кроме списка, указанного Калайдовичем (РГБ, Румянцева собр., № 200 [Рум. 200, здесь и далее в квадратных скобках дается сокращенный шифр]), и списка, указанного А.Х. Востоковым (РНБ, ОСРК, № Q.I.309 [Q.I.309], который Л.С. Ковтун называет «Серб. Леств.» без указания шифра), исследовательница привлекла следующие списки:

БАН, № 33.1.2; 34.7.1; Архангельское собр. С. 238 [Арх. С. 238]; ГИМ, Синодальное собр., № 145 (106) [Син. 106]; 203 (367) [Син. 367]; 233 (851) [Син. 851]; 316 (951) [Син. 951]; 323 (561) [Син. 561]; 324 (421) [Син. 421]; Чудовское собр. № 22 [Чуд. 22]; РГБ, Беляева собр., № 56 (М.1566) [Бел. 56]; Музейное собр., № 1257 [Муз. 1257]; Пискарева собр., № 57 (М. 492) [Писк. 57]; Румянцева собр., № 201 [Рум. 201], ТСЛ 175 (1844) [ТСЛ 175]; 765 (1654) [ТСЛ 765]; 790 (1884) [ТСЛ 790]; РНБ, Погодина собр., № 1309 [Пог.

1309]; Соловецкое собр., № 281/301 [Сол 281/301]; 296/316 [Сол. 296/316]; 210 (282); 222 (305); 221 (295); 263/263 [Сол. 263/263].

Л.С. Ковтун вслед за Востоковым выделила две редакции: I (старшая) редакция (Чуд. 22 и Q.I.309 «Серб. Леств.») и II редакция (остальные списки). Различия между редакциями состоят в количестве словарных статей, порядке расположения материала, определениях слов. В I редакции, по мнению Л.С. Ковтун, 47 статей (основываясь на списке Чуд. 22), во II редакции количество словарных статей увеличено до 60. Во II редакции определения слов расширены, среди списков II редакции выделяются две группы: первая (Рум. 200, ТСЛ 175, Сол. 228 (263), Сол. 206 (296), Сол. 301 (281), Бел. 56, Син. 951, Пог. 1309, Рум. 201) и вторая (Син. 367, Писк. 57, БАН 33.1.2, ТСЛ 765, Муз. 1257, Син. 421, Син. 561, Син. 106, Сол. 222 (305), Арх. С. 238, Син. 851, Сол. 210 (282), ТСЛ 790, Рум. 456) [Ковтун 1963: 232–237]. Расхождения в тексте между группами внесены переписчиками при обращении к тексту Лествицы.

Исследовательница также считала, что основой для словаря послужил перевод Лествицы, принимая точку зрения других исследователей, что перевод Лествицы был сделан в Болгарии. Ковтун также отмечала, что один список I редакции (Серб. Леств. – Q.I.309) имеет сербские особенности (употребление «ъ» вместо «ь», «е» вместо «а», «и» вместо «ы» и др.), которых нет в другом списке (Чуд. 22) [Ковтун 1963: 231].

Отвечая на вопрос, когда и с какой целью было составлено Толкование, каковы его источники, Л.С. Ковтун столкнулась с трудным вопросом, на который указывали предыдущие исследователи: некоторые заголовочные слова в Толковании не встречаются в текстах Лествиц, при которых имеются Толкования. Для объяснения таких словарных статей она выдвинула следующий тезис. Начальная часть словарных статей Толкования посвящена объяснению древнеболгарского перевода, а вторая часть определений в Толковании описательные, их задача – не толкование перевода Лествицы, а раскрытие богословского содержания книги. Позднейшие списки Лествицы не содержат слов Толкования, т. к. эти слова уже были заменены более употребительными.

В дальнейших работах Л.С. Ковтун уточнила, что Толкование составлено в XIV в. к тексту Лествицы, II редакция относится к XV в., и указала также новые списки Толкования: ИРЛИ, собр. Перетца, № 40 [Пер. 40]; Верхнепечерское собр., № 4 [Верхнепеч. 4], относящиеся ко II редакции. [Ковтун 1989: 110–113].

В современное время появились новые работы, посвященные исследованию Лествицы и Толкованию. М. Хеппел исследуя сербские списки Лествицы, указала четыре списка Толкования (собр. м-ря Высоки Дечани, № 74; Музей Себской православной церкви, № 97; собр.

Цетиньского м-ря, № 59, 60), опубликовав текст Толкования по списку МСПЦ 97 [Herpel 1957]. Д. Трифунович к данным спискам добавил четыре списка (Архив [САНУ 28]; [МСПЦ 230]; [Хил. 180]; [Хил. 455]) и опубликовал текст Толкования по спискам САНУ 28; МСПЦ 230; Хил. 455 [Трифуновић 1982].

В исследованиях Т.Г. Поповой, посвященном традиции славянской Лествицы, указывается новейшая библиография работ по данной теме, выделяются несколько переводов, редакций и изводов Лествицы. Одной из текстологических особенностей сербской редакции тырновского перевода Т.Г. Попова указывает наличие Толкования. В статье «Сербские рукописи Лествицы Иоанна Синайского (XIV в.)» отмечается: «По нашим предварительным наблюдениям, этот словарь появился именно в сербской книжной среде» [Попова 2016].

Две работы посвятил Толкованию болгарский исследователь Д.Д. Желязков. В своих публикациях он привел текст словаря по списку РГБ, Румянцева собр., № 200, а также опубликовал фотокопии Толкования по спискам РГБ, Румянцева собр., № 200 и РНБ, ОСРК, № Q.I.309. Исследователь считает, что из 61 слова II редакции Толкования – 55 слов староболгарские, 5 слов греческие (ипостась (ὀψοστασις); омуся (ὀμοοσεια); нафта (νάυθα); талиа (τάλια); милотарь (μυλωτάριον)) и одно сербское (оузрѡкъ (ѡзрок)). Часть слов по мнению исследователя могли перейти из болгарского в сербский язык [Желязков 2016, 2019].

В настоящее время предварительный перечень известных списков Толкования с учетом вновь открытых рукописей выглядит следующим образом.

I редакция		II редакция			
I вид		II вид	I вид		II вид
Группа 1	Группа 2		Группа 1	Группа 2	
Хил 180, Чуд. 22	Хил. 455	ВАР 68 (II), Q.I.309, Деч. 74, Обол. 88, МСЦП 97, МСЦП 230, Соф. 1214, Цет. 60	КБ 22/1099, Соф. 1454, Соф. 1450, Пог. 280, Син. 951; Сол. 777/887, Сол. 671/729, ОЛДП, F.109, Амф. 15, Муз. 4154 Рум. 201	Иос.-Вол. 123 (468), Соф. 1465, Соф. 1464, Тихонр. 462, КБ 86/1163, Пог. 1560, Q.XVII.305, Муз. 1257, Иос.-Вол. 191 (583), ТСЛ, 765, БАН, 33.1.2, БАН, 33.5.6, Сол. 21/21, ТСЛ, 790, МДА 37,	Рум 200; ТСЛ 175 (1844); Сол. 284/304; Сол. 263/263; Тихонр. 296; ТСЛ 304.III, № 20 (8664); Пог. 1062; Сол. 296/316; Сол. 281/301; Соф. 1457; Соф. 1215; Возн. 88; Бел. 56

				Сол. 282/302, Сол. 295/315, Сол. 305/325, Сол. 292/312, Сол. 303/323, Соф. 1249, Перегн 40, Иос.-Вол. 180 (562), КБ 54/179, Син. б-ки 413, Писк. 57	
--	--	--	--	---	--

Возвращаясь к словам в Толковании, которым не удалось найти прямых соответствий в тексте Лествицы, мы предлагаем следующее объяснение. Соответствия некоторым словарным статьям во второй редакции Сказания находятся в 16 словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Иракийского. В настоящее время принято считать, что было три редакции или перевода этого памятника [Турилов 2006]. Первый перевод 13 слов был выполнен в Болгарии в X в., он представлен единственной рукописью, РНБ, ОСРК, Q.п.I.16. Вскоре был сделан второй перевод сборника 16 слов литургической коллекции, частично использовавший предыдущий (Slav. 1 по классификации А.М. Бруни [Бруни 2004]). При этом переводе появляются толкования Никиты Иракийского, которые были сделаны на Руси не позднее середины XII в. Не позднее 2-й четв. XIV в. на Афоне или в Болгарии был осуществлен новый перевод сборника из 16 слов, получивший широкое распространение с толкованиями и без них (Slav. 2 по А.М. Бруни). Исследователи считают, что справщиками были сербы, т. к. в русских списках этого перевода имеется множество сербизмов. Другая точка зрения – что перевод был болгарский (Бруни).

Старшие списки нового перевода – сербские с толкованиями (наиболее ранний известный список – 1370 г., Новосибирск, ГПНТБ СО РАН. Тихомир. 7), именно в этих списках находятся отрывки, заимствованные в «Толкование неудобь познаваемым речам».

Слова Григория Богослова (ГПНТБ СО РАН, Тихомир. 7)	Толкование неудобь познаваемым речам (РНБ, КБ 22/1099)
[2, 12] (Тихом. 7, л. 17об.–18) Тако же оубо оумный емоу и сихъ ради състависе мйрь... ...съуждение же, рекше смъшение.	сосоуженіе. смъшеніе.
[2, 20] (Тихом. 7, л. 26–26об.) лежаще: Вса оубо закона снь быти боудщймъ, и разумъваемымъ,и вѣроую, ни чесо же соуе, ни же бесловеснѣ, ни же низоуплѣжно симъ завещаномъ быти. ... тлькь: ... и еже <u>низоуплѣжно</u> . нѣ оубо сие, сказоуетъ <u>соуетно</u> и <u>кромѣ</u> <u>потрѣбы</u> <u>нѣкое</u>	соуетно. кромѣ <u>потрѣбы</u> <u>нѣкое</u> , бываемое празно, <u>нако</u> <u>има</u> <u>оубо</u> <u>естъ</u> , вещь же <u>нѣ</u> . бесловеснѣ. кромѣ слова <u>нѣкотораго</u> и вины.

<u>бываемой а љ же бесловеснѣ. и љ же кромѣ слова нѣкоторааго и вини. низоуплѣжно же, и љ же смѣреннѣ и малогласнѣ.</u>	низоуплѣжно. смѣреннѣ, и малогласнѣ.
[6, 1] (л. 102об.) иѣ же <u>великодѣньнѣ, вса могои понести.</u>	великодоушень. иже на всакоу скорбѣ. приражающоуюса, могои понести.
[5, 14 или 15] (л. 97) <u>дшѣ же иѣ блудѣ, иѣ ресь и нечестие,</u>	дшѣвннѣ блуд еѣ. ѿ ереѣ. нечестие.
(Тихомир. 7, л. 20) узрок	узрокѣ, вина
(Тихомир. 7, л. 322) художство (Тихомир. 7, л. 306) от хытрости	ходожство, хитрвѣ
[10, 8] (Тихомир. 7, л. 467 об.) Фали и ѿфали; [10, 50] (Тихомир. 7, л. 479) Фѣфали;	фалѣа, прѣте фѣникове
(Тихомир. 7, л. 301об.) непщумѣ	непщую, мню
(Тихомир. 7, л. 18) съсѣжденіе же, реѣше смѣшение,	съсѣжденіе, смѣшеѣ

Отметим, что в 16 словах встречаются слова из заголовочной части Толкования (васнь, качество, количество, скутание, ашют, непщую, узрокѣ, художство, омусия, прослутіе, през, гадание, фалия), а также из толковой части Толкования (произволение, подвиг, смотрение, обавление, свѣршенне, мню, чедо, мужество, лукавство, чрез, срамнѣй удѣ, отнюдѣ).

Связь Слов Григория Богослова с лексикографической традицией отмечалась и ранее, так упоминалось, что материалы об античных мифах были заимствованы из сборника с 16 словами Григория Богослова в древнерусскую лексикографическую традицию, а именно в Азбуковники [Буланін 1991: 167–169]).

Указанные совпадения статей Толкования в их номенклатурной и толковой части с отрывками в Толкованиях 16 слов Григория Богослова позволяют по-новому определить содержание Толкования. Толкование во II редакции расширяет свою номенклатуру и представляет собой сборник толкований не только к Лествице, но и к другим текстам, в частности к 16 Словам Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. Сербский список третьей редакции перевода Слов Григория Богослова косвенно указывает на возникновение II редакции, также как и I редакции Толкования в сербской переводческой среде. При этом отметим, что глоссы в сербских списках, которые отмечали предыдущие исследователи, не вошли в состав Толкования.

Литература

Амфилохий, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки с приложением снимков со всех пергаменных рукописей и некоторых писанных на бумаге. М.: Синодальная типография, 1876. 214 с.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / сочинение Федора Буслаева, старшего учителя 3 Московской реальной гимназии. Ч. 2. М.: В Университетской типографии, 1844. 375 с.

Баталин Н.И. Древнерусские азбуковники // Филологические записки. Воронеж, 1873. Вып. III. С. 1–34; Вып. IV и V. С. 35–68.

Бруни А.М. Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы / Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 6. М., СПб., 2004. 287 с.

Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991. 465 с.

Владимиров П. (рец.) Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. А. Карпова. Казань. 1877. С. 283 // Критическое обозрение, 1879, № 12. С. 10–15.

Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное А. Востоковым. СПб.: В типографии Имп. Академии Наук, 1842. 899 с.

Желязков Д.Д. «Тлъкование неудобь...» от 1431 г., «Протлъкъ лѣствици...» от третата четвърт на XIV в., «Пословки лѣствичныѣ» вероятно от XIV в., Речник с 9 думи към «Лествица» от началото на XIV в. — най-старите речници, съдържащи български думи / Диян Желязков. 1-о изд. София: Дайрект сървисиз, 2016. 92 с.

Желязков Д.Д. «Тлъкование неудобь...» или Второй Новгородский глоссарий 1431 года – самый старый словарь, содержащий болгарские слова // Краеведческие чтения: материалы XIII республиканской научной конференции с международным участием (13–14 февраля 2019 г.) / Нац. б-ка Респ. Карелия; [сост. В.А.Ягодкина]. Петрозаводск, 2019. С. 131–146.

Калайдович К. Иоанн ексарх болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М.: В типографии Селивановского, 1824. 218 с.

Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 445 с.

Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л.: Наука, 1989. 295 с.

Попова Т.Г. Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 464 с.

Попова Т.Г. Сербские рукописи Лествицы Иоанна Синайского (XIV в.) // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књ. 82. Београд, 2016. С. 19–36.

Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2, кн. 5–8. Изд. 3-е. СПб: Типография Сахарова, 1849. 224 с.

Симони П. Памятники старинной русской лексикографии по русским рукописям XIII–XVIII стол. Вып. 3: Половецкий и Татарский словарики. Речи тонкословия греческого / собр. Павлом Симони. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1908. 38 с.

Трифуновић Ђ. Речник уз српске преписе Лествице. Прилог познавању српске средњовековне лексикографије // Јужнословенски филолог. Т. XXXVIII. Београд, 1982. С. 79–87.

Турилов А.А. Переводы сочинений Григория Богослова на славянский язык до XIX в., рукописная и старопечатная традиция // Православная энциклопедия. Т. XII. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2006. С. 668–712.

Ширский К. Очерк древних Славяно-русских словарей // Филологические записки. Вып. I. Воронеж, 1869. С. 1–16.

Heppel M. Some slavonic manuscripts of the «Scala Paradisi» («Lestvica») // Byzantinoslavica. Т. XVIII. Vol. 2. Prague, 1957. P. 233–270.

Levichkin Alexander N.

About one source of «Tolkovanie neudob poznavаемym recham»

The sources of dictionary entries that are absent in the scientific tradition of studying the «Interpretation» were found by us in the lists of 16 words of Gregory the Theologian with the interpretations of Nikita of Heraclius. The «Interpretation» in the second edition expands its nomenclature and is a collection of dictionary entries not only for the Ladder, but also for other texts, in particular for the 16 Words of Gregory the Theologian with the interpretations of Nikita of Heraclius. The Serbian copy of the third edition of the translation of the Words of Gregory the Theologian indirectly indicates the emergence of the second edition, as well as the first edition of the Interpretation in the Serbian translation environment.

Keywords: Russian historical lexicography, dictionary to the Ladder.

Лесняк Дарья Сергеевна

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону

darlesnyak@sfedu.ru

**Лексико-семантические поля «бог» и «человек» и их взаимоотношения
в посланиях протопопа Сильвестра и Артемия Троицкого**

Исследование посвящено системным связям в лексике двух русских публицистов XVI в. – протопопа Сильвестра, представителя официальной церкви, и игумена Артемия Троицкого, признанного еретиком на соборе 1553 г. В статье подробно рассматриваются и сопоставляются друг с другом две системы лексико-семантических полей «бог» и «человек» на материале посланий «Того же христоролюбива старца послание утѣшительно въ скорби сущимъ слова ради Божіа» старца Артемия Троицкого и «Отписка утѣшительная къ лицу неимянованному» протопопа Сильвестра. На основании структуры и наполнения полей сделаны выводы о характере взаимоотношений бога и человека в представлении каждого из авторов и об особенностях восприятия Сильвестром и Артемием образа Бога. Выявлено как совпадение лексики, так и ее несовпадение (как в качестве, так и в количестве). Анализ данных систем лексико-семантических полей позволяет сформулировать мировоззренческий базис каждого автора и составить подробные религиозные картины мира людей, представлявших собой противоборствующие стороны.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, полевой метод, русская публицистика XVI в., протопоп Сильвестр, Артемий Троицкий.

Публицистика XVI в. представляет огромную научную ценность, поскольку не только многопланово отражает ключевые события жизни русского общества, но и развивает важнейшие для того времени общественные и политические мысли. Ключевое место среди тем, волновавших общественность, занимала религия, ее роль в жизни общества и отдельного человека. В основном в таких текстах отражается типическое христианское представление о мире: категории добра и зла практически полностью основывались на едином христианском вероучении, не допускавшем отклонений и альтернативного толкования, однако именно в XVI в. стали нередки послания, позволявшие себе полемизировать с церковными догматами. Этот век отметился огромным количеством еретиков, чье влияние в народе росло. Протопоп Сильвестр и старец Артемий Троицкий, являясь яркими представителями этих противопоставленных сфер, демонстрируют эти различия в своих посланиях.

В статье анализируется лексика посланий «Того же христолюбива старца посланіе утѣшительно въ скорби сущимъ слова ради Божіа» старца Артемия и «Отписка утѣшительная къ лицу неимянованному» протопопа Сильвестра.

Цель данного исследования – составить лексико-семантические поля «бог» и «человек» на основе посланий старца Артемия и протопопа Сильвестра и проанализировать их.

Целью определяются следующие задачи:

1. Составить систему лексико-семантических полей «бог» и «человек» на материале посланий старца Артемия и протопопа Сильвестра.

2. Проанализировать лексико-семантические поля и контексты, в которых они реализуются, и на основании анализа раскрыть особенности языковой картины мира старца Артемия и протопопа Сильвестра.

3. Сопоставить системы полей друг с другом, выявить различия и схожие черты.

Для исследования был выбран полевой метод, поскольку он основывается на формировании лексико-семантических полей – групп лексических единиц, объединенных общей семантикой. Полевой метод исследования лексики позволяет получить ценную информацию о языке конкретного человека, его индивидуальном стиле и мировоззрении. В нашем исследовании взято за основу понимание лексико-семантического поля З.Д. Поповой и И.А. Стерниным: лексико-семантическое поле – это «совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общим понятием (семой)» [Попова, Стернин 2010: 99]. Лексико-семантическое поле подразделяется на ядерную, приядерную и периферийную зоны; ядерную зону образуют «варианты, синонимы, антонимы, родовые группы, объединенные нулевыми и привативными оппозициями» [Там же]; периферийную зону составляют лексемы, «связанные эквиполентными оппозициями с ядерными лексемами» [Там же]; лексемы, обладающие ключевыми дифференциальными признаками ядерного конституента, однако имеющие их в недостаточном или избыточном количестве, чтобы отнести их к ядру или периферии, составляют приядерную зону поля.

Лексико-семантические поля «бог» и «человек» в послании протопопа Сильвестра. Послание протопопа Сильвестра «Отписка утѣшительная къ лицу неимянованному» предположительно адресовано князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову, который попал в опалу и был снят с воеводства в 1553 г., в связи с чем просил у Сильвестра заступничества [Голохвастов 1874: 64]. В своем ответном послании Сильвестр указывает на невозможность оказания князю фактической помощи, однако он пытается утешить своего «любимца», говоря о справедливости божьего суда, о божественной милости, о страдании и

спасении души через принятие и скорбь. Нет оснований сомневаться в том, что Сильвестр искренне сочувствует товарищу: послание от начала и до конца пронизано ярко окрашенными лексическими единицами, передающими как крепкую привязанность Сильвестра (обращения *любимец, возлюбленный (господин), брат, боголюбезный*), так и его сочувствие («...только должен у Бога **полезных о тебя просити, аще и не достоинъ есмь**» [Голохвастов 1874: 101], «не только о тебя **болъзнавах, но и свою душу преобидихъ безстрашиемъ**» [Там же]).

Сильвестр не делает различий между собой, адресатом или каким-либо другим человеком: он не возвышает себя или какую-либо определенную группу, не противопоставляет себя или адресата другим людям, следовательно, всю лексику, не только характеризующую самого Сильвестра и его адресата, но и описывающую человеческую природу в целом, можно отнести к лексико-семантическому полю «человек». Ядром данного поля является, собственно, лексема **человек**. Эта лексема используется в своем естественном значении «существо человеческого рода» [Срезневский III: 1492], однако, поскольку лексема употребляется в оппозиции к лексеме «бог» («*Богу согрешилъ есть, или челоукомъ...*» [Голохвастов 1874: 103]), при характеристике человека акцент делается на тех сторонах его жизни, которые отражают его духовную сущность, внутренние процессы.

Максимально приближенной по семантике к ядерной лексеме **человек** и выступающей в данном контексте в качестве синонима является лексема **грешник**. Фактически послание посвящено рассмотрению грешной природе человека, существа, противопоставленного Богу – совершенству, а следовательно, являющегося его антиподом. Константными характеристиками человека, по Сильвестру, будут являться прилагательные **грубый, окаянный, гордый, недостойный, многогрешный, тленный**: «...требуеши отъ мене, отъ **недостойнаго и многогрѣшнаго... азъ же, окаянный, поправъ всю свою совесть и забывъ свои тяжкие грехи, и къ словохотной сласти приплетохся... отъ мене, грѣшника и тлѣнна челоука, помощи ищещи...**» [Голохвастов 1874: 101]. Данное лексико-семантическое поле не ограничивается конкретным набором лексем: все они составляют приядерную зону поля, которое, расширяясь к периферии, пересекается с лексико-семантическим полем «бог».

Ядром лексико-семантического поля «бог» является, собственно, лексема **бог**. Данная лексема выступает в контекстах исключительно положительных, поскольку система мировоззрения средневекового человека «определялась этико-моральными, нравственными позициями христианского вероучения» [Михайловская 1980: 94]. Поэтому мы можем отнести к данному полю целую группу слов с корнем **благо**: **благоразумие, блаженство, благодать, благочестие, благодарение, благоволение**. Также

необходимо отметить абсолютный синоним, встречающийся в послании Сильвестра: это лексема *Господь*: «...душею и умою возопи к **Богу**, и *Господь* услыша...» [Голохвастов 1874: 101]. Приядерная зона данного лексико-семантического поля обширна: в качестве лексем, характеризующих Бога как высшую суть, выступают слова *человеколюбец, покровитель, помощник, судья*. Бог также является олицетворением правды: «*Да сотворитъ Господь Богъ на тебе милость свою и утвердитъ в благочестіи и правде*» [Голохвастов 1874: 106].

Рассмотрев состав лексико-семантических полей «бог» и «человек» с точки зрения морфологической принадлежности, обратим внимание на то, что выделенные лексемы – это существительные и прилагательные, причем первые преобладают над вторыми. В данном лексическом наборе отсутствует динамика, сами по себе эти лексические единицы статичны. Динамика проявляется во взаимодействии данных лексико-семантических полей. Назовем сферу, в которых периферийные зоны полей соприкасаются, зоной «взаимодействия человека с богом», и таким образом мы можем проследить, какая лексика характеризует те или иные действия с одной и другой стороны. Лексические единицы, отражающие действия Бога в ходе взаимодействия, можно объединить в лексико-семантическое микрополе «воздаяние», а единицы, отражающие действия человека в процессе того же взаимодействия, допустимо условно разделить на два микрополя: «грех» и «искупление».

Сильвестр явно формулирует мысль: безгрешных людей не бывает, абсолютно каждый индивид имеет за плечами какую-либо вину перед Богом, составляющую концепт греха – сложного религиозного понятия, объединяющего в себе различные представления людей о преступлении против Бога или других людей. Чрезвычайно частотная лексема *грех* является ядром одноименного лексико-семантического микрополя: «...отъ Бога оставленіе *греховъ* приемлемъ...» [Голохвастов 1874: 104]. Семантически связаны с данной лексемой также однокоренная лексема *согрешение*, а также лексема *вина*: «Достоитъ убо впадшему въ скорбь испытывати себе *вину* своихъ согрешений...» [Голохвастов 1874: 103].

В приядерную зону данного микрополя входят лексемы, обозначающие конкретные примеры грехов человеческих, которые Сильвестр приводит в своем послании в избытке. Это следующие лексемы: *укорять, злословить, поносить, восхитить* (в значении *похитить*), *лихоимство, лукавство, уничтожение, насилдование, наветы, оклеветание, безчестие*, в общем, *злое дело*. При этом важно учитывать контекст употребляются некоторых лексем: Сильвестр пишет, что наказание, которое уготовано человеку на том свете, будет равняться его преступлениям в земной жизни, потому что «въ нюже мѣру мѣрите, возмѣритца вамъ» [Голохвастов, 1874: 103], то есть,

перечисляются конкретные человеческие грехи: «...и приде прецение и гнѣвъ от Владящего, или отъ сильныхъ насилуваніе, и отъ враговъ, и отъ друговъ навѣты и оклеветаніе...» [Там же].

Лексемы, называющие действия, которые предпринимает человек для возвращения божественного расположения, а также его эмоции и чувства, объединяются в микрополе «искупление», ядром которого являются лексемы **искупление, спасение, душа** и **совесть**. Фактически Сильвестр приводит готовый рецепт: «...кто истиннѣ каецца и плачетца греха своего... и Богъ таковымъ вскоре не токмо отпущеніе грѣховъ подаетъ, но и великую милость даруетъ» [Голохвастов 1874: 101]. **Покаяние** и **стенание**, сопровождающиеся **слезами**, подкрепленные **молитвой** и **постом** непременно укоротят страдания: «...и видя Богъ слезы твои и горькое **стенаніе** и истинное **покаяніе**, и умилостивилася душа Царская...» [Голохвастов 1874: 106]. «...со благоразуміемъ **потерпи** нашедшую на тебя скорбь и печаль... надѣясь отъ Господа избавленія и помощи...» [Голохвастов 1874: 104]. Сильвестр обращает внимание на то, что истинное покаяние невозможно без «страха божьего», так как человек, не боящийся Бога, не осознает его величия и не признает его власть над собой. Данная лексема располагается на периферии микрополя «искупление».

Микрополе «воздаяние» объединяет всю лексику, называющую действия бога, направленные в сторону человека, а также его чувства. По Сильвестру, любое действие Бога есть проявление божественной милости: и наказание, и поощрение от Бога являются благом для человека: «И блаженъ, его же наказуетъ Господь; вмещаетъ бо его в покаяніе» [Голохвастов 1874: 104]. Поскольку образ божественной сущности в данном послании представляет собой беспристрастного судью, лексика с семантическим оттенком «суд, приговор, воздаяние» будет являться центральной в данном микрополе. Это лексемы **воздание, мзда, промысел (Божий), наказание, казнь, отмщенье, напасти, прощенье, милосердие, милость**. Также необходимо отметить, что Бог не остается равнодушным к человеческим действиям: людские прегрешения вызывают у него **гнев** и **ярость**: «Аще кто заблудитъ отъ пути правого и покаяніа преступитъ, **гнѣвъ** Господень неутолимъ бываетъ и **ярость** велія...» [Голохвастов 1874: 106].

Наказание является неотъемлемым компонентом преступления. На грешника обрушиваются **скорбь, печаль, мучение** и **смерть**: «Пишешь, Господине, ко мнѣ о своей великой, неутолимой **скорби**...» [Голохвастов 1874: 100], «...**смерть** грѣшникомъ люта» [Голохвастов 1874: 106]. Сильвестр отмечает двойную природу скорби как явления: с одной стороны, скорбь – это душевное страдание, которое сложно вынести, однако, с другой стороны, Сильвестр призывает воспринимать скорбь как милость Божью, позволяющую быстрее очиститься от грехов. Если Господь насылет на

человека скорбь, то этот человек неравнодушен Богу, он хочет его спасти, и этот факт не может не радовать скорбящего.

Таким образом, лексико-семантические поля «бог» и «человек» в послании протопопа Сильвестра имеют сложную структуру, состоят из ядерной и приядерной зон, а также периферии. На периферии поля соприкасаются. На основе данных лексико-семантических полей и их расположения мы можем сделать следующие выводы:

1. Взаимоотношения человека и Бога выстраиваются напрямую, оба находятся в диалоге на некоторой дистанции.

2. В понимании Сильвестра все люди равны перед Богом, не существует какой-либо объективно выделенной группы.

3. Лексика, относящаяся к микрополю «воздаяние», имеет двойственный характер: лексемы, имея преимущественно негативную коннотацию, подаются в контексте как положительные.

4. Микрополе «искупление» демонстрирует самое верное в понимании Сильвестра мышление и поведение человека: при осознании происходящих с ним процессов, человек должен смириться перед Божьей волей, подчиниться и каяться в своих грехах.

Лексико-семантические поля «бог» и «человек» в послании старца Артемия Троицкого. Артемий Троицкий был признан еретиком на соборе 1553–1554 гг. по обвинению Матвея Башкина. Обвинения упали на благодатную почву: игумен Троицкого монастыря Артемий действительно во многом не сходил в взглядах с официальной церковью. Например, он выступал против иосифлян и проповедовал идеи нестяжательства, также он заступался за еретиков, утверждая, что их «надо учить, а не мучить» [Будовниц 1948: 268]. Артемию удалось сбежать в Литву, где он написал большинство своих посланий, важнейшей чертой которых было противостояние официальной церкви. Его послание «Того же христолюбива старца послание утѣшительно въ скорби сущимъ слова ради Божіа» во многом перекликается с посланием протопопа Сильвестра, и в первую очередь темой: так же, как и Сильвестр, Артемий ставит перед собой задачу утешить адресатов, находящихся в скорби. Он рассказывает им о Божьем величии, сущности скорби и причинах бед. Но есть в его послании особый компонент, отличающий его от послания Сильвестра, и это выпад против официальной церкви. Адресаты – люди, разделяющие его идеи, и скорбь, которую они вынуждены сносить, судя по всему, является причиной их угнетенного положения. Это оппозиционное религиозное течение, разделяющее человечество на «своих» и «чужих».

Рассмотрим систему лексико-семантических полей в послании старца Артемия. Ядром лексико-семантического поля «бог» являются лексемы *Бог*, *Господь* и *Владыка*. В приядерной зоне располагаются лексемы с конем

благо: благодать, благодать, благодарить, блаженный, благоволение, благословение. Бога непосредственно вовлечен в человеческий мир, его присутствие ощущается Артемием: «**Отец щедротамъ и Богъ всякая утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скоби нашей... имже утѣшаемся сами отъ Бога**» [Российская Историческая Библиотека (далее – РИБ) 1878: 1359]. В данной цитате приведен пример обоюдного процесса: Бог не отражает действия человека, а как будто является полноценным участником событий, дистанция между ним и человеком сокращается. Также к данному полю относятся лексемы *человеколюбец, ведый* (в значении *ведающий*) и *добродетель*. Таким образом, сфера взаимодействия Бога и человека выдвинута на передний план, и в нашем лексико-семантическом поле будет плавно перетекать из приядерных зон в периферию, следовательно, поля «бог» и «человек» не соприкоснутся, а наложатся друг на друга.

Лексико-семантическое поле «человек» дробится на два микрополя: «свои» и «чужие». В обоих микрополях ядерным конститuentом является лексема *человек*, однако смысл, вложенный Артемием в это слово, разнится в зависимости от того, о каком именно человеке идет речь. К микрополю «свои» относятся такие люди, которых Артемий называет *братиєю, православными христианами* – то есть теми, кто разделяет его идеи. Таких людей Артемий называет *любимицы и сыновья божьи*: «*Не благовѣли Богъ, да почіють любимицы его...*» [РИБ 1878: 1360]. «Сыновья», которых Бог наказывает из любви к ним, как отец, противопоставляются «рабам», которые существуют без божьего наказания. Они не совершенны: также *грешны и искушены*: «*Человѣкъ же, пребывая въ своемъ хотеніи, или въ зависти и погибели душа, или въ чемъ вредящихъ его, осуждение имать*» [РИБ 1878: 1362]. Сюда же относятся лексемы *недостойный, окаянный*.

«Свои» не мучатся от бед, напротив, *страдание* – это их способ взаимодействия с Богом: «*...се отъ Бога дано бысть нам, еже не токмо въ Христа вѣровати, но иже и по немъ страдати*» [РИБ 1878: 1363]. Для Артемия и его последователе важно подражать Иисусу Христу и апостолам, причем не внешне, а внутренне, потому что иного пути сблизиться с Богом он не видит. С помощью лексем *страдание, святые, апостолы, любовь, крест* происходит наложение полей «бог» и «человек» друг на друга: «*...яко егда страждете правды ради, блажени есте, яко обѣщаницы страстемъ Христовымъ бысте*» [РИБ 1878: 1363]; «*Не по слѣду ли святыхъ хоцещи ходити, и безстрастне шествовати въ немъ? Путь Божій – крестъ повседневный есть*» [РИБ 1878: 1363]. Страдание понимается Артемием не как только как возмездие: он призывает страдать добровольно, из ответной любви к Христу. Одной из самых частотных лексем, описывающих божественную сущность, раскрывающуюся во взаимоотношении с человеком, является лексема *любовь*: «*Разумѣша бо его въ ученіи всюду*

любовь и кротость [в]законяюща и судъ праведен...» [РИБ 1878: 1367]. Любовь управляет каждым движением Бога, даже когда он творит суд, им руководит любовь, поэтому образ Бога-судьи несколько отодвигается на второй план, поэтому и чувством, которое испытывает человек к Богу, должна быть любовь, а не **страх**. Разумеется, душа должна ведать страх божий, но все же Артемий признает страх более несовершенным чувством, достойным рабов, а не сыновей: «...но поне **страха** ради Божія, яко раби неключими, потцимся, елико можемъ... части **любве** его да не отпадемъ» [РИБ 1878: 1370].

Таким образом можно проследить иерархию, которую выстраивает Артемий, приближая себя вместе со своими сподвижниками к Богу и отодвигая тех, кто, по его мнению, христианами называться не может. Лексико-семантическое микрополе «чужие» объединяют в себе два концепта человеческой природы: во-первых, непосредственно враги, то есть представители официальной церкви, преследующие их за ересь, а во-вторых, человечество в целом, называемое Артемием «мир»: «*Міръ же весь въ зльъ лежитъ*» [РИБ 1878: 1365]; «...вся же въ **мірѣ похоть** и плотская, и похоть очима и **гордины** житія сего, нгъсть от отца, но от міра, и міръ преходить и похоть его, а творяй влю Божію пребываетъ въ вѣки» [РИБ 1878: 1365]. Одно из главных преступлений «чужих» в том, что у них нет связи с Богом, оно отсутствует как понятие. Мир не заинтересован в этой связи: в то время, как монахи скорбят, мир веселится. «*Аще міръ васъ ненавидитъ*» [РИБ 1878: 1365] – возможно как раз-таки из-за того, что мир ощущает свое несовершенство, но вместо того, чтобы расти самим, они предпочитают ненавидеть тех, кто несет слово божие. Ненависть же представителей официальной церкви еще более понятна: Артемий и его последователи мешают им воздвигнуть в этом мире свою правду: «*Свѣдѣтельствую бо имъ, яко ревность Божію имуть, но не по разуму, невѣдуце, бо Божію правду, и свою правду ищуще поставити, правде Божіи не повинущася*» [РИБ 1878: 1370]. Их Артемий называет **неверными** и **зловерными**: «*Въ злохотне борюцимся съ нами **невѣрными** или **зловерными** по первом или по второмъ наказаніи перестаемъ*» [РИБ 1878: 1373]. Преступления «чужих» страшнее, чем «своих» – **мучения, убийства, раны, темницы**: «... и съгрѣшающая исправите духомъ кротости, а не **ранами и убійствомъ и темницами и юзами**». [РИБ 1878: 1366]; «*Аще и христіане мнятся быти, иже словесе ради Божія **мучащии** нас...*» [РИБ 1878: 1364]. Но, несмотря на такую существенную разницу между «своими» и «чужими», Артемий утверждает, что христианин не должен ненавидеть врагов своих, а следовать заветам Христа и любить в ответ.

На пересечении лексико-семантических полей «бог» и «человек» находится небольшое микрополе «искупление». Артемий предлагает свою формулу *искупления*: *молити, любити и призвати помощь его*.

Таким образом, лексико-семантические поля «бог» и «человек» в послании старца Артемия имеют сложную структуру, состоят из ядерной, приядерной зоны и периферии. В приядерной зоне и по периферии лексико-семантические поля накладываются друг на друга, демонстрируя общие лексические единицы: *любовь, страдание, святые, апостолы, крест*.

На основе анализа данных лексико-семантических полей и их расположения мы можем сделать следующие выводы:

1. Артемий разделяет человечество на две группы: у одной, к которой причисляет себя самого, есть прямая связь с Богом с минимальной дистанцией, у второй группы связи нет по причине нежелания этой группы выстраивать связи.

2. Скорбь и страдание не являются наказанием, но желанным инструментом для налаживания взаимоотношений с Богом.

3. За счет используемой лексики выстраивается образ любящего Бога, причем образ Бога-судьи является вторичным.

Сравнение лексико-семантических полей «бог» и «человек» в посланиях протопопа Сильвестра и старца Артемия. При сопоставлении систем лексико-семантических полей выделяется ряд особенностей.

Первым важным пунктом является расположение лексико-семантических полей: в послании Сильвестра поля «бог» и «человек» соприкасаются, а в послании Артемия накладываются друг на друга, образуя общую лексику. Из данного положения можно сделать вывод о дистанции, разделяющей каждого автора с Богом: в то время, как между Сильвестром и Богом существует значительная дистанция, между Артемием и Богом этой дистанции практически нет. Это возможно, во-первых, за счет повторения одних и тех же лексических единиц в разных полях, во-вторых, использование контекстных антонимов «сыновья – рабы», которые буквально демонстрируют два случая взаимоотношений, включающих в себя как большую дистанцию и отсутствие какой-либо взаимосвязи, так и короткую дистанцию с крепкой связью. В зависимости от того, к какой группе принадлежит человек («свои» или «чужие»), выстраивается определенный тип взаимоотношений с Богом.

Образы Бога, соответственно, разнятся у обоих публицистов. В поле протопопа Сильвестра преобладает лексика с собирательным значением 'суд', следовательно, ипостась Бога-судьи превалирует над другими в языковой картине мира Сильвестра, соответственно, ассоциативный ряд будет более холодным, чем у лексики старца Артемия, в послании которого лексема *любовь* является самой употребительной, в отличие от лексем *суд*,

из чего следует, что судебная ипостась Бога, напротив, меркнет по сравнению с ипостасью любящей. Иными словами, в случае Сильвестра, Бог грозный и строгий судья, а в случае Артемия – кроткий и любящий заступник, утешитель, наказывающий и искушающий любя.

Необходимо заметить, что ключевая лексема *скорбь*, упоминавшаяся в обоих посланиях по причине нахождения в этом состоянии адресатов, также понимается публицистами по-разному. Сильвестр предлагает увидеть в скорби, наказании и страданиях возможность очиститься от грехов, отсюда вытекает «скорбь / страдание = благо». У Артемия страдание и скорбь в принципе возведены в культ и являются, как сказано ранее, инструментом для приближения к Богу, подражания ему и его апостолам, поэтому ценность страдания / скорби заключается не сколько в возможности очиститься, чтобы войти в царство небесное после смерти (аргумент Сильвестра), сколько в принципе в скорби и страдании как образа жизни. Однако, несмотря на различное понимание концепта, у старца Артемия тоже получается формула «скорбь / страдание = благо». В данном случае лексический пласт скрывает больше, чем показывает.

Важно отметить, что при всех различиях наблюдается частое совпадение лексики, что особенно подчеркивает группа слов с корнем *благо*, совпавшая практически полностью, а также ядерные конститuentы микрополей «бог» и «человек». Наблюдается различие в количестве и наполнении микрополей лексикой: в послании протопопы Сильвестра лексически богата выделенная отдельно сфера взаимодействия Бога и человека, в частности микрополя «воздаяние» и «грех». У старца Артемия наиболее наполненным является лексико-семантическое поле «человек».

Литература

- Будовниц П.У.* Русская публицистика XVI века. Л., 1948. 310 с.
- Голохвастов Д.П., Леонид (Кавелин Л.А.).* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. [Б. м.], 1874. 110 с.
- Михайловская Н.Г.* Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв. (нормативный аспект). М., 1980. 256 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Том четвертый. СПб.: Типография и Хромофотография А. Траншеля, 1878. 882 с.
- Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка по письменным памятникам. Том III. СПб: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1903–1912.

Lesnyak Daria S.

**The lexical-semantic fields «god» and «human» and their interrelations
in the epistles of Protopop Sylvester and Artemy Troitsky**

The study is devoted to the systemic connections in the vocabulary of two Russian publicists of the XVI century – Protopop Sylvester, a representative of the official church, and Abbot Artemy Troitsky, recognized as a heretic at the Council of 1553. The article examines in detail and compares with each other two systems of lexical-semantic fields «god» and «human» based on the epistles «A comforting message from the same Christ-loving elder to those who are in sorrow, for the sake of God's word» by Artemy Troitsky and «A comforting reply to a person who is not named» by Protopop Sylvester. Based on the structure and content of the fields, conclusions are drawn about the nature of the relationship between a God and a man in the view of each of the authors and about the peculiarities of Sylvester and Artemy's perception of the image of God. Both the coincidence of vocabulary and its discrepancy (both in quality and quantity) were revealed. The analysis of these systems of lexical-semantic fields allows us to formulate the ideological basis of each author and compile detailed religious pictures of the world of people who represented the opposing sides.

Keywords: lexical-semantic field, field method, Russian journalism of the XVI century, Protopop Sylvester, Artemy Troitsky.

Leschber Corinna

Institute for Linguistic and Cross-Cultural Studies

Berlin, Germany

Leschber@institute-Lccs.com, corinna.leschber@icloud.com

Bengtson John D. (1948–2024)

Santa Fe Institute

Santa Fe, NM, USA

palaeojdb@hotmail.com

Etymologies in the semantic field of farmed animals

As we generally pointed out in our essay *A Mediterranean Thesaurus: Substratal Plant Names and Landscape Terms in Latin and Romance (An Experimental Approach)* [Bengtson, Leschber 2024], we investigate lexical materials, for example, in Latin and Romance, that appear to stem from ancient substrata in the Mediterranean. In our recently published essay, we focused on plant names and landscape-related vocabulary only, as these semantic fields are parts of the lexicon considered to be of very archaic origin.

The same, however, also applies to some animal names. We try to show this while attempting to elucidate etymologies in the semantic field of farmed animals using the example of Spanish/Castilian *becerro*, *becerra* ‘calf’ (m., f.), and Latin *caper*, Italian dial. *dzappu*, Romanian *țap* ‘he-goat’.

Usually, while researching a seemingly problematic word etymology, after we investigate the evidence for potential cognates in languages in the Mediterranean macro-region and explore the geolinguistic distribution of the investigated words, we then try to form conclusions about the involved strata and their chronological organization. For now, we identify two important strata: an older Eurafrican layer [Hubschmid 1960] and a widely attested Euskaro-Caucasian layer associated with the arrival of Neolithic farming [see the discussion in Bengtson 2017, 2022, and Bengtson, Leschber 2019, 2021, 2022].

Our aim is to explore the prehistory of the Mediterranean macro-area to shed light on the ethnogenesis of its peoples and their rootedness in millennia past, and to find evidence for a tentative stratification of substratum languages.

Keywords: animal names, etymology, historical linguistics, linguistic stratification, Mediterranean, Neolithic migrations.

Theoretical settings: In a prehistorical context on the spreading of agriculture and cattle-keeping, some designations for farmed animals show highly complex etymologies with extremely remote word origins. The following two examples give an idea of the complex prehistorically-rooted word origins.

On the example of 1) Spanish/Castilian *becerro*, *becerra* ‘calf’ (m., f.), and 2) Lat. *caper*, Ital. dial. *dzappu*, Romanian *țap* ‘he-goat’, we aim to trace extensive etymologically-based lexical networks across the Mediterranean and Eurasian areas.

The first example is a relatively typical case of a word, potentially stemming from the Euskaro-Caucasian lexical layer.

Regarding the etymology of Spanish/Castilian *becerro* / *becerra* ‘calf’

The term «Castilian» is used here to specify the earliest Castilian dialect, which was situated approximately southwest of present-day Basque Country and east of Leonese. In the course of the *Reconquista*, Castilian expanded in territory to dominate most of Spain.

This etymology has been intensively discussed, especially in relation to whether it could be related to Basque **behi* ‘cow’. A direct connection hardly seems plausible, but consider the following North Caucasian (NC) Andian words in the context of the Euskaro-Caucasian (EuC) hypothesis,

Proto-Andian **biç:wi(r)* = **bic’:wi(r)* ‘cattle’:

Andi *buc’:i-r*, Akhwakh *boc’:i-ri*, Tindi *boc:a-r*, Karata *bec’u-r*.

Besides the suffixed forms we have Avar *boc’:i*, Chamalal *boc’:*, and Botlikh *buc’:i*, lacking the suffix. In form they approximate Basque **behi* ‘cow’. Cf. Andi, Akhwakh, and Botlikh *mic’:i* ‘tongue’ in relation to Basque **minhi* ‘tongue’. In both cases, ‘cow’ and ‘tongue’, Basque **-hi* corresponds to Andian **-c’:i*. Furthermore, Basque **minco* ‘speech, voice’ and **mis-to* ‘sting (of bee), bite (of snake)’, *i.e.*, ‘little tongue’, with the well-known Basque diminutive suffix **-to* [BCR: 55], are comparable to the NC forms with sibilants: Tabasaran *melz*, Khinalug *mic*, Bezhta *mic* ‘tongue’, Circassian *bza* ‘language’, etc. There is an extended discussion of the etymology of Basque **minhi* ‘tongue’, **minco* ‘speech, voice’, and **mis-to* ‘sting, bite’ in [BCR: 219–224].

On the other hand, Diccionario de la lengua Española (Dicc) posits:

“From lat. *ibex*, *-īcis* ‘ibex’ and *-rro*; cf. *bi-cerra* ‘chamois, leather, buff’, with several meanings:

‘young cow/bovine until it is one or two years old or a little more, calfskin tanned and prepared for various uses, mainly to make shoes and other types of footwear’, and some more.

The suffix *-rro* is defined as “suf. U[sed] with a diminutive and derogatory value. It takes the forms *-arro*, *-orro* and *-orrio*”.

We see several problems with this etymology:

(a) Ibex is a wild species of *ovine*. The Castilian words all relate to the domesticated *bovine*; ‘calfskin > leather > book’. Since the Neolithic migrants already had cattle, and used dairy foods [Bengtson 2017], it would seem to be extremely unlikely that they would create (coin) a new word for ‘cattle’ based on the name of a wild *ovine*.

(b) What happened to the initial *i-* of *ibex*?

Diccionario de la lengua Española (Dicc.) attributes Castilian *bicerra* ‘suede, shammy’, a product of the skin of the Alpine antelope, to the same origin as *becerro/becerra* (i.e., Latin *ibex*).

In sum, we suggest that:

In the surviving Basque dialects of the Pyrenees region (Northern Vasconic), **behi* ‘cow’ is consistent in form (apparently by umlaut, **behi* < **bohi*: [BCR: 110–114]) with NC forms like Avar *boc’i* and Botlikh *buc’i* ‘cattle’, but any form corresponding to Castilian *becerro/a* is absent in Basque.

To account for *becerro/a*, we suggest that there may have been a Vasconic dialect farther south, a hypothetical Southern Vasconic that functioned as a substratum of Castilian, and retained a form **besẽro* / **besẽra* ‘calf’, corresponding to Proto-Andian **bic’:**wir* ‘cattle’, preserved in Castilian as a substratal loan.

For the correspondence cf. Basque **o=řasi* ‘needle, pin, comb’ (= Standard Basque *orrazi, orratz*) = Proto-North-Caucasian **rǎwçē = *rǎwc’ē* ‘pointed stick’ (Abkhaz *a-č’vǎ* ‘thick needle, spit’).

Regarding the etymology/etymologies of Latin *caper*, Italian dialectal *dzappu*, Romanian *țap* ‘he-goat’

Goats in Europe

Even long before the Neolithic transition, early human societies e.g. in the Alps hunted wild goats and used them for food and essential materials [Marín-Arroyo 2023]. Lewthwaite [1991] provides evidence of continuous wild goat hunting in the Alpine region during the Mesolithic period. Goats were domesticated around 10,000 years ago in the Fertile Crescent, with domesticated goats (*Capra aegagrus hircus*) originating from the wild bezoar goat (*Capra aegagrus aegagrus*) [Naderi et al., 2008]. Domesticated goats were introduced to Europe during the Neolithic through migration and trade from the Near East, contributing to early agricultural societies [Zeder, 2008]. The genetic admixture between wild and domesticated goats during the Neolithic era played a critical role in creating resilient goat populations, essential for early human societies. Ice Age wild goats had distinct genetic lineages, some of which persisted and mixed with domesticated goats, contributing to their adaptability. It is believed that Alpine goats received their genetic origin from ongoing hybridization with local wild goats, which is particularly prevalent in regions such as north-west Italy [Brambilla 2023].

Latin *caper*, *capra*

We posit Latin *caper, capra* and the root **kap-/*cap-* in a Eurasian context.

De Vaan [de Vaan 2008: 89] relates Latin *caper* ‘he-goat, buck’, derivative *capra* ‘she-goat’ to Proto-Italic **kapro-* ‘he-goat’, Umbrian *kaprum, kapru, kabru* (acc. sg.), *kapres* (gen. sg.) ‘he-goat’ [de Vaan 2008: 89, Untermann 2000:

359, 368f.]. De Vaan [de Vaan 2008: 89] considers the suffix **-ro-/-ero-* as an analogical formation, and the reconstructed PIE root **kh₂p-* as not convincing. More likely is acc. to De Vaan l.c. a loanword: no single PIE word for ‘goat’ can be reconstructed, and **kap-* is suspiciously close to Celtic **gab-ro-* ‘(he-)goat’.

See in Matasović [Matasović 2009: 148] Celtic **gabro-* ‘he-goat’ [Noun]; **gabra* ‘she-goat’, which he links to a reconstructed form PIE **kapr* ‘he-goat’ [Pokorny 1959: 529].

Acc. to Matasović, the voicing **pr* > **br* in Proto-Celtic is regular, but he cannot explain “the initial **g-*, rather than **k-*”, which is unattested in Celtic.

The European words are not linked in Latin, Celtic or Germanic, but they seem not to be isolated. For its vast extension, it seems to be neither an Oriental wanderwort, nor simply a Greek loan in Italian. See the – until now unpublished – materials in Atlas Linguarum Europae [ALE], map No. 327 ‘le bouc’.

Based on the entry of Rohlfs [1964: 519–50 (previously 1930)] on (Modern) Greek dialectal *τσάπος* ‘he-goat’ – Hubschmid [Hubschmid 1964: 97] claims Romanian *țap* ‘he-goat’ as being rooted in the Pre-Indo-European shepherds’ culture.

A preform of Romanian *țap* once formed a kind of irradiation center in Europe, when regarded in a context of ancient Carpathian shepherds’ terminology [map 10 in Klepikova 1974: 241, ibd. 44–50].

See: Typical distribution pattern of Carpathian shepherds’ words [Leschber 2010, map 4].

The forerunners of Romanian transhumant shepherds had spread the word in the region and made it the source for several regional Albanian forms: [acc. to Hubschmid ibd.]: *cap (tsap)*, ‘he-goat’, Gheg *ġjap, sjap*, Tosk *ġcjap*), verified in Orel [1998: 47] as *cjap* ‘he-goat’, its variants are *cap* and *sqap* < Proto-Albanian **tsapa*. Orel [Orel 1998: 47] considers it as an Oriental wanderwort of Iranian or Altaic origin, but we think it is of older origin, as Hubschmid claims (see above).

Romanian *țap*, of course, has been attested in the Romanian Linguistic Atlas [ALR s. n. 3, map No. 682].

Likewise [acc. to Hubschmid 1964: 97], Ukrainian, Polish, Czech, Bulgarian *cap* ‘the shout to the he-goat to spur him on’ are loans from the Romanian language [See: Общеславянский лингвистический атлас (ОЛИА), Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 2. Животноводство. Карта № 6 L 242 ‘некастрированный самец козы’, map № 242 ‘billy-goat’], while Slovenian and Croatian/Čakavian *cap* ‘he-goat’ – according to Hubschmid. l.c. – create a kind of ‘bridge’ to Dalmatian *zapo* ‘castrated he-goat’, Istrian, Triestian *zap* [Hubschmid l.c.]. Middle Latin *zappu* ‘he-goat’ had been attested in South Italy in the 10th century AD. In the mountain range Monti Sabini (Provincia di Rieti, Lazio in Central Italy) see Italian *zappo* ‘he-goat’ [Alessio 1958: 31, Meyer-Lübke, REW No. 9599]. With a slightly different semantics the word is attested in

the regional Lombardian variety (locality: Val Verzasca, in Switzerland, canton of Ticino, Locarno district) as *dzap* ‘vitella che ha due anni, female calf at the age of two years.’. Hubschmid [l.c.] stresses that in view of these facts of its geographical expansion, we cannot simply class this word as a Romanian wanderwort. He adds old phonetic variants as South Italian (Calabria) *čavarru* ‘young ram, juvenile he-goat’, and Italian dial. (Brescia in North Italy) *žáver* ‘castrated he-goat’. Hubschmid [Hubschmid 1963: 11] stresses, too, that for the Italian dialects of Southern Switzerland, in general a high concentration of Pre-Indo-European substratum words at the level of regional linguistic varieties had been attested.

Based on a synopsis of these facts, this word is not a South Italian loan from Greek in the context of Magna Grecia, but it is attested all over the Italian linguistic territory and even in Switzerland. So, it should be considered with all its variants as a part of the old shepherds’ vocabulary with a kind of metaphorical animalization as in Italian *zappa* ‘hoe’ [map in: Rohlfs 1926: 666]. Meyer-Lübke [REW № 7591] mentions an isolated reconstructed form Proto-Romance **sappa* without any further links.

Based on calls for animals are the Italian words (Switzerland, Ticino/Broglio) *zap*, (Avegno) *zapa* ‘young cow’, (Ossola, Valmaggia) *zap* ‘two-year-old calf’. Otherwise, this root is preserved in more calls for farmed animals [Rohlfs 1926: 665], as in Middle Greek (Epirus) *τσάπ-τσάπ* ‘shepherd’s call’, Modern Provençal *chabo* ‘call for a sheep in the Alpine region’, French (Hautes Alpes Lallé) *diáp diáp* ‘call for sheep’, German (dialectal) *zup, zup* ‘call for goats’ [Grimm 1890: 304], and eventually Arabic *hab* ‘call for horses’ (and eventually for goats), see Arabic *habhab* ‘lead he-goat of the goat herd’. Furthermore, Hubschmid [Hubschmid 1964 l.c.] is convinced that Romanian *zap* is not of Iranian origin, because of the attestations all over the Italian territory (in the South, Center and in the North) on a level of regional words. Rohlfs [ibid.] mentions more Italian word material for ‘he-goat’: in Northern Campania, Abruzzo, and in Southern Latium *zappo* ‘becco, beak’ [AIS, VI, map № 1080, Loporcaro 2021], umbr. *cappa* ‘capra giovane, young goat’ [AIS, VI, map № 1079]; Rohlfs [Rohlfs 1926: 668] proves the semantic development from ‘(horned) he-goat’ to ‘hoe’ with interesting parallels such as Latin *capreolus* ‘roe buck’ and ‘two-pronged weeding hoe’, and Basque *ahuntz* ‘goat’ und ‘two-pronged weeding hoe’ [Rohlfs 1926, 662f., 763]. Von Wartburg in the French Etymological Dictionary [FEW: XI, 211] cast doubt on this explanation, but his onomatopoeic interpretation of *zappa* ‘hoe’ – independent from *zappo* ‘he-goat’ – is not convincing [Corominas 1957: IV, 831].

Regarding similar word attestations in the Caucasian area, Hubschmid l.c. tends to believe, too, that Ossetian *cäw* ‘he-goat’ originates in/from an older form **čap* – which has been loaned in prehistoric times from Turkic or Altaic in general

and is etymologically linked to Middle Turkish (attested around 1066) *čäbiš* ‘a six-month-old baby goat’ and to its derivations. See in this context Turkish *çebiş* ‘she-goat’.

According to the Starling database TOB, this word-root can be traced back to a Proto-Altaic level, as shown in the Altaic Etymological Dictionary [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 418] – **č’ap’i* (~ **č’ep’a*) ‘a kind of horned animal’: Mong. **čaya* ‘reindeer, олень домашний’; Turk. **čepil*. Proto-Turkic **čepil* ‘a half-year or 1-year-old kid, (полу)годовалый козленок’. In this source it is shown that «the word being borrowed from Iranian is dubious; Pers. *čapiš*, *čapuš* itself may well be borrowed from Turkic. In any case, the Persian form cannot be a regular IE match for Lat. *caper*», as shown already in [Walde, Hoffmann I, 157], sub *caper*: the development to Modern Persian *čapiš* seems phonetically impossible. In the above-mentioned source, see the further vast discussion (e.g. in [Hubschmid 1954: 49]). Starostin, Dybo, Mudrak [2003: 418] seem convinced that we face a Turkic-Mongolian isogloss, and they mention the opinion of Хелимский [2000, 286] on the Mongolian word being borrowed from Samojedic.

In the Starling database, the root which later formed the Latin *caper* is listed as Nostratic, respectively Eurasiatic: “**kVpV* ‘a kind of ungulate’, with attestations in Proto-Indo-European: **kapr-* ‘he-goat, wild boar’ and Altaic: **k’iṭp’a* ‘a kind of young ungulate’. In sum, it seems unlikely that we will be able to identify a more exact source for the Romanian shepherds’ term *țap*.”.

Conclusion

The investigation into the etymologies of farmed animal names in the Mediterranean macro-region reveals the complexity and antiquity of these lexical items, suggesting deep-rooted connections across a vast geographical area. The study of the Spanish/Castilian *becerro*, *becerra* ‘calf’ and the Latin *caper*, alongside its derivatives in Italian dialects and Romanian *țap* ‘he-goat’, demonstrates the presence of multiple substratal layers.

The Spanish/Castilian *becerro*, *becerra* likely derives from an ancient Euskaro-Caucasian substratum, with parallels in the North Caucasian languages, indicating an ancient linguistic network.

Similarly, the Latin *caper* and its related forms may trace their origins to a broader Eurasian context, possibly linked to an Altaic or Turkic-Mongolian isogloss. The persistence of these terms across diverse languages and regions highlights the continuity and deep historical connections of pastoral cultures in the Mediterranean and Eurasian areas. Generally speaking, a broader set of terms could further illuminate the connections between different linguistic families and the prehistoric movements of pastoral communities. Palaeolinguistic data should be correlated with archaeological evidence of animal domestication and migration patterns in the Mediterranean and Eurasian regions. This could help to contextualize the linguistic data within a broader prehistorical framework.

Geolinguistic mapping of the distribution of these terms, focusing on their variants across different regions and languages, and extensive etymological organigrams would visually represent the spread and influence of ancient linguistic substrata and help trace the movement of pastoralist cultures over time.

References

Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М.: Наука, 1974. 256 с.

Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА), Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 2. Животноводство. Карта № 6 L 242 ‘некастрированный самец козы’/ под ред. Я. Басары и др. Warszawa, 2000. 192 с.

Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Яз. рус. культуры. 2000. 639 с.

Jaberg K., Jud J. Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz, 1–8, Zofingen: Ringier, 1928–1940. Maps № 1080 and № 1081 online: <https://navigais-web.pd.istc.cnr.it/> [Электронный ресурс] – (дата обращения: 19.12.2023). – AIS.

Atlas Linguarum Europae, map № 327 ‘le bouc’ (*Rita Caprini*, Mario *Alinei*). Unpublished manuscript. – ALE.

Alessio G. Etimologie latine e romanze // *Etymologica*. Walther von Wartburg zum siebzigsten Geburtstag. Tübingen: Niemeyer, 1958. P. 11–31.

Atlasul lingvistic român II, Serie nouă, 1–7, Cluj: Editura ARPR, 1956–1972. – ALR.

Bengtson J.D. Basque and its Closest Relatives: A New Paradigm. An Updated Study of the Euskaro-Caucasian (Vasco-Caucasian) Hypothesis. Piscataway, New Jersey: Gorgias Press, 2022. – BCR.

Bengtson J.D. The Anthropological Context of Euskaro-Caucasian // *Iran and the Caucasus* 21.1, 2017. P. 75–91. [Электронный ресурс] https://booksandjournals.brillonline.com/content/journals/1573384x/21/1_ – (дата обращения: 27.05.2023).

Bengtson J.D., Leschber C. Notes on Euskaro-Caucasian (Vasconic) Substratum in western Indo-European Languages // *Wékwos* 5. *Revue d’ études Indo-européennes*. R. Garnier et al. Eds.), Arles: Éditions Errance, 2019. P. 11–50.

Bengtson J.D., Leschber C. Notes on some Pre-Greek words in relation to Euskaro-Caucasian (North Caucasian + Basque) // *Journal of Language Relationship/ Voprosy jazykovogo rodstva* 19/2. 2021. P. 71–98.

Bengtson J.D., Leschber C. On criticism of S.L. Nikolayev / S.A. Starostin, A North Caucasian Etymological Dictionary // *Iran and the Caucasus*, 26/4. Brill: Leiden–Boston. 2022. P. 392–406.

Bengtson J.D., Leschber C. A Mediterranean Thesaurus: Substratal Plant Names and Landscape Terms in Latin and Romance (An Experimental Approach) // *Old World: Journal of Ancient Africa and Eurasia*. 2024. P. 1–41.

Brambilla A. et al. Genetic evidence of a hybrid swarm between Alpine ibex and domestic goat // *bioRxiv*, 2023. P. 1–15. [Электронный ресурс] – (дата обращения: 20.08.2024).

Corominas J. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana, Vol. IV, Bern: Francke, 1957.

Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española. 22nd ed. Madrid: RAE. 2001. [Электронный ресурс]. <http://www.rae.es/rae.html>, <https://dle.rae.es/becerro> (дата обращения: 01.03.2013). – Дicc.

Wartburg W. v. Französisches etymologisches Wörterbuch. XI. Bd. Basel: Zbinden. 1964. – FEW.

Grimm J. Deutsche Grammatik III, Gütersloh: C. Bertelsmann. 1890.

Hubschmid J. Pyrenäenwörter vorromanischen Ursprungs und das vorromanische Substrat der Alpen. Salamanca: Verlag, 1954.

Hubschmid J. Mediterrane Substrate. Bern: Francke, 1960.

Hubschmid J. Thesaurus Praeromanicus. Faszikel 1: Grundlagen für ein weitverbreitetes mediterranes Substrat, dargestellt an romanischen, baskischen und vorindogermanischen p-Suffixen. Bern: Francke, 1963.

Hubschmid J. Die Substrate in den Balkansprachen // *Die Kultur Südosteuropas. Ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen. Südosteuropaschriften* 6, Wiesbaden: Harrassowitz, 1964. P. 90–102.

Lessico etimologico italiano. Bd. X, 2008, Bd. XI, 2010. Pfister Max (ed.), Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz. Kommission für Romanische Philologie. Wiesbaden: Reichert. – LEI.

Lewthwaite J. Not the Neolithization of the Alpine region // Paolo Biagi (ed.). *The Neolithisation of the Alpine region. Monografie di «Natura Bresciana»* 13. 1990. Brescia: Museo Civico di Scienze Naturali di Brescia. *Antiquity*, 65(249), 1991. P. 995–998.

Leschber C. The Geolinguistic Distribution Maps. 2010. [Электронный ресурс] <https://www.academia.edu/85922266/Corinna_Leschber_2010_The_Geolinguistic_Distribution_Maps>. (дата обращения: 10.04.2023).

Loporcaro M. et al. AIS, reloaded: a digital dialect atlas of Italy and Southern Switzerland // Thibaut A. et al. (eds.), *Nouveaux regards sur la variation dialectale*. Strasbourg: Editions de Linguistique et de Philologie. 2021. P. 111–136.

Marín-Arroyo A.B. et al. Subsistence of early anatomically modern humans in Europe as evidenced in the Protoaurignacian occupations of Fumane Cave, Italy // *Dental science reports*, 13(1), 2023. 3788. [Электронный ресурс] – (дата обращения: 20.08.2024).

Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 9, Leiden & Boston: Brill, 2009.

Naderi S. et al. Large-scale mitochondrial DNA analysis of the domestic goat reveals six haplogroups with high diversity // PLoS Genetics, 4(10), e1000092, 2008. [Электронный ресурс] – (дата обращения: 20.08.2024).

Orel V. Albanian Etymological Dictionary. Leiden, Boston, Köln: Brill, 1998.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke, 1959, 1969.

Meyer-Lübke, W., Romanisches Etymologisches Wörterbuch. 7. Ausg. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2009. – REW.

Rohlf G. Über Hacken und Böcke // Zeitschrift für romanische Philologie XLV, 1926. P. 662–675.

Rohlf G. Lexicon Graecanicum Italiae Inferioris. Etymologisches Wörterbuch der unteritalienischen Gräzität. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1964.

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden & Boston: Brill, 2003.

Tower of Babel. Long Range Etymologies: Starling database (Version 2020). <http://www.starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtntl> [Электронный ресурс] – (дата обращения: 20.03.2024). – ТОВ.

Untermann J. Wörterbuch des Oskisch–Umbrischen. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2000.

Vaan M. de. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 7. Leiden & Boston: Brill, 2008.

Walde A., Hoffmann J.B. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch I, II. Heidelberg: Winter, 1930–1945.

Zeder M.A. Domestication and early agriculture in the Mediterranean Basin: Origins, diffusion, and impact // Proceedings of the National Academy of Sciences, 105(33), 2008. P. 11597–11604. [Электронный ресурс] – (дата обращения: 19.08.2024).

Лешбер Коринна

Институт лингвистических и межкультурных исследований

Берлин, Германия

Leschber@institute-Lccs.com, corinna.leschber@icloud.com

Бенгтсон Джон Д. (1948–2024)

Институт Санта-Фе

Санта-Фе, Нью-Мексико, США

palaeojdb@hotmail.com

Этимологии в семантическом поле «сельскохозяйственные животные»

Объектом исследования являются лексические данные латинского и других романских языков, которые восходят к древним средиземноморским субстратам. До сих пор в центре внимания находились названия растений и ландшафтная лексика, поскольку эти семантические поля представлены значительным в количественном отношении словарным составом архаичного происхождения.

Однако то же самое относится и к некоторым названиям сельскохозяйственных животных. Мы пытаемся прояснить отдельные этимологии на примерах испанского/кастильского *becerro*, *becerra* ‘теленок’ (м., ж.) и латинского *capere*; итальянского диал. *dzappu*, румынского *țap* ‘козел’. Исследуя проблематичную этимологию слова, мы стараемся получить представление о языковых стратах и их хронологии. С этой целью мы анализируем свидетельства о возможных родственных словах в языках средиземноморского макрорегиона и их соответствующее лингвогеографическое распределение. В настоящее время мы выделяем два важных доиндоевропейских страта: более старый евро-африканский страт [Hubschmid 1960] и широко засвидетельствованный эускаро-кавказский страт, связанный с переходом к земледелию в период неолита [см. подробнее в Bengtson 2017, 2022 (= BCR), и Bengtson, Leschber 2019, 2021, 2022, 2024].

Наша цель – изучить предысторию средиземноморского макрорегиона, чтобы прояснить картину этногенеза его народов в минувшие тысячелетия, а также найти достоверные данные для экспериментальной или предварительной стратификации субстратных языков.

Ключевые слова: названия сельскохозяйственных животных, этимология, историческое языкознание, языковая стратификация, Средиземноморье, неолитические миграции.

Лунькова Екатерина Сергеевна
Смоленский государственный университет
Смоленск
tff32lunkova@mail.ru

**Русско-белорусские лексико-словообразовательные параллели
(на материале смоленских говоров)**

В статье рассматриваются существительные с конкретно-предметным значением, которые функционируют в смоленских и пограничных по отношению к ним витебских и могилевских говорах белорусского языка. Для установления специфики функционирования лексических единиц в частной диалектной системе смоленских говоров существенно учитывать критерий производности. Этот критерий позволяет не только определить статус полидиалектных слов в пограничном регионе, но и выявить специфику словообразовательной структуры полидиалектных единиц в славянском континууме на примере русско-белорусских лексико-словообразовательных параллелей. Исследование опирается на ряд наблюдений над производной и непроизводной лексикой смоленского пограничья: было установлено общее количество непроизводных слов, которые функционируют в качестве лексических параллелей, на их фоне проанализированы производные существительные, которые в количественном отношении значительно преобладают над непроизводными в смоленских говорах: примерно на 4500 производных приходится около одной тысячи непроизводных существительных, при этом русско-белорусских лексических параллелей среди них значительно меньше, несколько сотен. Эти параллели неравномерно распределяются по пограничным белорусским говорам, в витебских говорах обнаруживается приблизительно в два раза больше соответствий, чем в могилевских говорах.

Ключевые слова: смоленские говоры, белорусские говоры, «Словарь русских народных говоров».

Лексика отдельного диалекта традиционно вызывает интерес со стороны исследователей, обусловлено это разными факторами, и прежде всего тем, что лексика является сущностным уровнем языковой системы, отображает сложные связи диалекта с окружающим миром и с человеком, творцом этого мира. Лексическая система смоленских говоров сложна и многообразна, об этом можно утверждать, опираясь на данные «Словаря смоленских говоров» (11 выпусков, около 30000 слов, описанных по материалам картотеки Словаря с ее полумиллионом карточек) [ССГ].

Применительно к смоленским говорам ситуация с характеристикой полидиалектных лексических единиц усложняется, и связано с историей края и историей смоленских говоров, с пограничным положением говоров.

Достаточно перечислить основные этапы истории Смоленщины, чтобы подтвердить данное утверждение:

- 1) с древнейших времен до 1404 г., когда литовский князь Витовт захватил Смоленск;
- 2) литовский (1404–1514 гг.);
- 3) московский (1514–1611 гг.);
- 4) польский (1611–1654; 1686 гг.);
- 5) великорусский (1654–1812 гг.);
- 6) новый российский (с 1812 г. по настоящее время).

На территории региона достаточно широко представлены слова, которые встречаются и в других русских народных говорах – часто пограничных (в соседних по отношению к смоленским – брянских, псковских, калужских, тверских говорах), но в то же время и отдаленных (новгородских, рязанских, орловских, вологодских, архангельских говорах): в этом случае можно говорить о северных, южных и восточных соседях Смоленщины.

В то же время значительное количество общих диалектных слов обнаруживается в белорусских пограничных говорах, прежде всего в витебских и могилевских, и в белорусском литературном языке, диалектном по своей основе (эти данные были получены по словарям «Региональный словарь Витебщины» (в двух томах, 2012, 2014 гг.) [РСВ] и «Материалы для областного словаря Могилевщины» (в двух томах, 1981 и 2014 гг.) [МАСМ]).

Можно привести следующую статистику по конкретно-предметным существительным, чтобы продемонстрировать богатство языковых связей и, с другой стороны, еще раз подчеркнуть сложность анализа полидиалектных существительных, существующих как лексические параллели в разных идиомах.

Группа лексических соответствий с белорусским языком и пограничными белорусскими говорами у непроизводных слов включает (на сегодняшний день) около 120 существительных, что составляет 10% от общего количества диалектных непроизводных существительных с конкретно-предметным значением, распространенных в смоленских говорах (на данный момент отмечено около 1200 единиц с заданной конкретно-предметной семантикой). Производных слов с конкретно-предметной семантикой в смоленских говорах гораздо больше, чем непроизводных – более 4500 тысяч, из них находят соответствие в белорусских говорах более семисот. Совершенно точно можно утверждать, что из 4500 тысяч производных не находят никаких соответствий, являются собственно

смоленскими (или – находят лексические параллели в других русских народных говорах) почти 3900 слов. Необходимо также отметить, что если у непроезженных существительных полных совпадений по пограничным говорам и белорусскому языку достаточно много, то у производных этот список ограничен. Около семисот производных слов обнаруживают соответствия с белорусскими говорами, но среди них около половины тех, которые часто отличаются в семантике новыми элементами значений. С другой стороны, учитывая вариативность словообразовательных моделей говоров как их сущностную черту в диалектах, это вполне закономерно – для всего многообразия словообразовательных диалектных вариантов предположить большое количество точных совпадений сложно.

Всего было обнаружено около 680 производных слов, являющихся лексическими параллелями в современных смоленских и пограничных им белорусских (витебских и могилевских) говорах (точное количество, на сегодняшний день, 681 слово – может подвергаться незначительной корректировке в ходе изучения дополнительных источников и полевых данных). В смоленских, витебских и могилевских говорах встречается 120 производных существительных; в смоленских и витебских – 394, в смоленских и могилевских – 168. Нужно отметить, что в первой группе из 120 существительных точно сохраняются во всех трех родственных диалектах и являются своего рода лексическим ядром рассматриваемой группы лишь 52 слова: в отличие от всех остальных слов группы у них нет расхождений в семантике и в аффиксальном оформлении как минимум в одном из лексико-семантических вариантов, они не порождают новые формы слов за счет увеличения вариантов морфем или появления алломорфов. Тем более интересно, в силу необычной для пограничной диалектной лексики формальной и смысловой устойчивости, проанализировать подробнее эти слова и установить (возможно, только подтвердить) их статус ядерных лексем, устойчивых к разного рода миграциям, заимствованиям и т.п. Анализ слов можно проводить многомерно – по историческим и этимологическим словарям, по словарям соседних брянских, псковских, калужских и др. говоров. С другой стороны, «Словарь русских народных говоров» [СРНГ] выступает универсальным источником, который позволяет точно определить статус слов как лексических параллелей.

Анализ слов по СРНГ дал не вполне предсказуемые результаты: можно было ожидать устойчивое функционирование всех этих слов в западных русских говорах, возможно – только в смоленских, с небольшими переходами в брянские и псковские. На деле же оказалось, что далеко не все слова демонстрируют такую локализацию. Выделяется как минимум 13 существительных, широко представленных в других русских народных

говорах: *вязёнка, гуца, замёт, колотушка, лубка, могильник, надворье, перепёчка, поднавёс, подно́жник, пресну́шка, сённица* и *сырокв́аша*. Они представлены как в южнорусских, так и в севернорусских говорах, в среднерусских переходных говорах, в говорах Сибири и Урала. Даже с учетом возможных миграционных потоков населения трудно предположить, что эти слова проникли через западную границу русских говоров и потом повсеместно распространились по территории России в разных направлениях – скорее всего, наоборот, они были заимствованы белорусскими говорами в силу устойчивости функционирования и распространенности в русских народных говорах.

Помимо этого, нужно отметить другой факт, по сути противоположный первому: можно назвать как минимум 12 слов, зафиксированных в смоленских и пограничных белорусских говорах, но не указанных в СРНГ. Сюда мы включим слова, которые вообще не были зафиксированы ни в одном из лексико-семантических вариантов (*ляповка, нап́рятка, пенько́вка*), или были зафиксированы с другими значениями (*кулёк, масля́нка, перебира́нка, поднебе́нье, поскре́бок, пру́тик, пряже́нка, са́льник*), или с другим аффиксальным оформлением (*коптю́рка*). Думается, что в данном случае отсутствие слова в СРНГ является чем-то похожим на отсутствие глагола-связки ‘быть’ в настоящем времени у составных именных сказуемых или отсутствие материально выраженного окончания в формах именительного падежа единственного числа существительных мужского рода. Это – «лексически значимое» отсутствие слов и их значений, которое как раз многое проясняет в статусе диалектных явлений и позволяет говорить практически без сомнений об источнике заимствований диалектизмов (белорусский язык, белорусские говоры) и направлении распространения лексем в русских диалектах – с запада на восток.

СРНГ помог подтвердить западнорусскую локализацию следующих лексем: *жа́мка, железня́к, жлу́кта, зало́жник, згоро́да, ильни́ще, клади́ще, козю́лька, копані́ца, лежа́к, лётка, лутка, мешу́лка, одри́на, подруб́, постоя́лка, почёпка, пружі́нка, са́льница, сподки, та́мбурка, уко́сник, челёсник* и добавить к ним три слова, зафиксированных по СРНГ, в севернорусских говорах – *вытира́льник, грибо́вник, подузо́рник*.

Для удобства анализа представим полученные результаты в виде таблицы, где содержится указание на распространение слова в русских и белорусских говорах. В первой колонке таблицы приведены слова из смоленских говоров. Жирным шрифтом в первой колонке выделены слова, широко распространенные также и в других русских народных говорах первичного и вторичного заселения, т.е. очевидно русские по происхождению, которые могли быть заимствованы белорусскими говорами. Во второй колонке, где дается отсылка к СРНГ, отмечены случаи отсутствия

значения слова, зафиксированного в смоленских говорах, в других русских народных говорах, или алломорфа в составе слова, или даже, в редких случаях, целой лексической единицы; попутно даются необходимые разъяснения к отдельным лексическим единицам. В третьей и четвертой колонках приводятся примеры из белорусских говоров.

смоленские говоры	СРНГ	витебские говоры	могилевские говоры
вытиральный 'полотенце' [ССГ 2: 107]	вытиральный 'полотенце' Волог. [СРНГ 6: 39]	выціральнік 'ручнік' [РСВ 1: 133]	выціральнік 'ручнік, уціральнік' [МАСМ 1: 23]
вязёнка 'варежка, рукавичка домашней вязки' [ССГ 2: 113]	вязёнки '1) вязаные шерстяные варежки, рукавицы' Курск., Орл., Тул., Калуж., Брян., Смол., Яросл., Волог., Барнаул., Том. [СРНГ 6: 73]	вязёнка 'вязаная рукавіца' [РСВ 1: 134]	вязёнка 'рукавіца' [МАСМ 1: 23]
грибóвник '1) грибной суп; 2) пирог с грибами' [ССГ 3: 75]	грибóвник '1) пирог с грибами' Арх. [СРНГ 7: 141]	грыбóўнік 'пірог, начынены грыбамі' [РСВ 1: 161]	грыбóўнік 'пірог, начынены грыбамі' [МАСМ 1: 26]
гúща '1) ячменная крупа; 2) густой суп из ячменной крупы; 3) творог' [ССГ 3: 100]	гúща '6) Каша из ячменя. Пск., Тихв., Новг., Волог. // Вареный ячмень. Пск. // Толченые размоченные ячменные зерна. Твер. и др. указано много оттенков значений, среди них нет названия крупы. 9) суп. Смол., Пск., Новг., Твер. 14) творог. Олон., Новг., Волог., Сев.-Двин., Яросл. [СРНГ 7: 250-251] Всего – 17 значений, в т.ч. каша из гороха.	гúшча '1) ячменныя крупы. 2) каша з ячменных круп. 3) суп з ячменных круп, гарошу або фасолі' [РСВ 1: 167]	гúшча перан. 'каша з ячменных круп' гúшча '1) што-небудзь густое; 2) тварог' [МАСМ 1: 27]
жámка 'пряник' [ССГ 11: 215]	жámка '1) печенье' Курск. [СРНГ 9: 69]	жámка 'пернік' (пряник) [РСВ 1: 188]	жámкі '1) пернікі; 2) жвачка' [МАСМ 2: 21]
железнік 'железная лопата; окованная деревянная лопата' [ССГ 4: 17]	железнік '3) Железная лопата' Калуж. [СРНГ 9: 106]	жалязнік 'рыдлёўка' (лопата) [РСВ 1: 188]	зелязнік, зелязнік 'рыдлёўка' [МАСМ 1: 37]
жлúкта 'кадка, в которой бучат белье; бук' [ССГ 4: 27]	жлúкта '1) кадка для стирки белья. Смол., Южн., Зап., Курск., Бел.' + жлук, жлукт с тем же значением [СРНГ 9: 202]	жлúкта 'бочка, кадушка з дзіркай у дне для запарвання бялізны' [РСВ 1: 190]	жлúкта 'пасуда для выварвання бялізны' [МАСМ 1: 32]
залóжник 'прибитая к стене полочка, планка, за которую закладывали ножи, вилки, ложки и т.п.' [ССГ 4: 83]	залóжник 'небольшой шкаф или полочка, прибитая к стене, за которую закладывают ложки' Смол. [СРНГ 10: 217]	залóжник 'палічка для посуду' [РСВ 1: 202]	залóжник '1) палічка з дзіркамі для лыжак; 2) насенная шафа для посуду' [МАСМ 1: 34-35]
замёт '1) дощатый забор'	замёт '2. Дощатый забор. Смол., Пск., Ставроп. //	замёт 'агароджа з бярвення' [РСВ 1: 202]	замёт '1) агароджа з бярвення, закладзенага ў

[ССГ 4: 88]	Бревенчатая ограда. Смол. // Всякая загородка. Самар. Стенка сарая. Тамб. [СРНГ 10: 242]		шулы; 2) гурба снегу; 3) зруб калодзежа' Залёт 'агароджа з бяввенняў' [МАСМ 1: 35]
згорóда 'изгородь' [ССГ 4: 134]	згорóда 'изгородь' Твер., Пск. [СРНГ 11: 228]	згарóда 'агароджа' [РСВ 1: 210]	згарóда 'агароджа' [МАСМ 1: 36]
ильніще 'поле, с которого убран лен' [ССГ 4: 151]	ильніще 'поле, с которого убран лен; льніще' Курск., Пск., Твер., Лит. ССР. [СРНГ 12: 186]	іллянішча 'ільнішча; поле, з якога сабралі лён' [РСВ 1: 217]	ільнішча 'поле, дзе рос лён' [МАСМ 2: 26]
кладіще 'кладбище, погост' [ССГ 5: 33]	кладіще 'кладбище' Смол. [СРНГ 13: 256]	клядзішча 'могілкі' [РСВ 1: 253]	клядзішча 'могілкі' [МАСМ 1: 45]
Козіо́лька 'скамеечка' [ССГ 5: 50]	козіо́лька '1. 6) Маленькая деревянная скамеечка с ножками из толстых сучьев дерева. Смол.' Разнообразно представлены другие лексические значения – рогатки на дороге от скота, козлы как подставка, приспособление для вязания сетей и др. [СРНГ 14: 80]	казіо́лька 'нізкі самаробны стульчык' [РСВ 1: 225]	казіо́лька 'маленькая лаўка, зэдлік' [МАСМ 2: 26]
колоту́шка '1) палочка с сучками на конце для размешивания, сбивания чего-л.; мутовка... 6) деревянная часть цепа, которой ударяют по верхней части снопа; било' [ССГ 5: 58-59]	колоту́шка '1.13) мутовка (для сбивания масла, замешивания теста)' Тул., Смол. 1.6) било цепа. Горьк., Чуваш. АССР, Морд. АССР, Урал.' [СРНГ 14: 185]	калату́шка, калату́ха 'калатоўка, прылада ў выглядзе палачкі з сучкамі на ніжнім канцы, якой таўкуць бульбу, збіваюць масла або размешваюць што-н.' [РСВ 1: 227]	калату́шка '1) пасудзіна для збівання масла; маслабойка; 2) таўкач' [МАСМ 2: 26]
копані́ца 'мотыга' [ССГ 5: 72]	копані́ца '1) лопата. Новосиб.; 2) мотыга. Брян., Новорос., Иркут., Свердл., Ср. Урал' [СРНГ 14: 283]	капані́ца 'матыка, прылада для ручной праполкі зямлі' [РСВ 1: 234-235]	капані́ца 'матыка' [МАСМ 1: 42]
копцю́рка 'коптилка' [ССГ 2: 75]	Нет с таким алломорфом ; есть коптюшка 'коптилка' Тул., Ряз, Моск. [СРНГ 14: 298]	капцю́рка 'лампа-газоўка' [РСВ 1: 236]	капцю́рка 'прылада для асвятлення' [МАСМ 2: 27]
кулёк 'короткий суконный пиджак' [ССГ 5: 128]	Нет в таком значении (есть со значениями 'рыболовная снасть', 'платок' [СРНГ 16: 56])	кулёк '1) мужчынскае кароткае верхняе адзенне, пінжак' [РСВ 1: 269]	кулёк 'пінжак' [МАСМ 1: 48]
ляжа́к '1) лежанка; 5) большой длинный улей, вмещающий более одной пчелиной семьи // Улей, расположенный с	ляжа́к '1.1) место для лежания на печи; припечек, лежанка. Твер., Смол. 3) лежачий бортовой улей. Смол., Новг., Том.	ляжа́к '1) ляжанка; 2) калодачны вулей, які ўстанаўліваецца на козлах [РСВ 1: 300]	ляжа́к 'вулей, ляжачая калода' [МАСМ 1: 54]

небольшим наклоном // Лежачий бортовой улей' [ССГ 6: 23-24]	[СРНГ 16: 326]		
лётка 'отверстие в улье для пчел; леток' [ССГ 6: 31]	лётка '1.3) отверстие в улье для пчел, леток. Тамб., Лит. ССР, Латв. ССР [СРНГ 17: 17]	лётка 'ляток у вулли' [РСВ 1: 288]	лётка 'адтуліна ў пчалінам вулли' [МАСМ 2: 33]
<u>лўбка</u> '2) корзина, лукошко из лыка' [ССГ 6: 55]	лўбка '1) корзинка. Твер., Пск., Новг. 2) лукошко. Смол., Твер., Пск., Новг.' [СРНГ 17: 172]	лўбка 'лубянка; ручны кораб з лубу для захоўвання, пераноскі чаго-н. // Сявенька; лубянка для ручной сяўбы' [РСВ 1: 293]	лўбка 'сяўня з ліпавай кары' [МАСМ 1: 52]
лўтка 'дверная или оконная обсада' [ССГ 6: 61]	лўтка '1) притока. Курск., Брян., Смол., Калуж. 2) боковая часть коробки окна. Калуж., Брян., Смол., Курск.' [СРНГ 17: 206]	лўткі 'абсада акна, дзвярэй' [РСВ 1: 296]	лўтка 'вущак' (косяк) [МАСМ 1: 53]
ляповка 'Колокольчик, побрякушка, привязываемые на шею животного' [ССГ 6: 71]	Нет в словаре , в таком значении нет также слова 'ляпалка' (дано только одно значение – болтун, сплетник). Есть глагол 'ляпать' – 'стучать' Смол., Зап. Брян. [СРНГ 17: 278, 279]	ляпаўка 'званок, які вешалі карове на шыю' [РСВ 1: 301]	ляпаўка жарт. 'званок, які вешаюць на шыю блуднай жывёле' [МАСМ 2: 34]
маслянка 'пахта' [ССГ 6: 82]	Нет в таком значении (есть со значениями 'посуда, маслобойня, растение' [СРНГ 18: 15])	маслянка 'маслёнка, вадкасць, якая застаецца пасля збівання масла' [РСВ 2: 19]	маслянка 'маслёнка' (пахта) [МАСМ 1: 57]
мешўлка '1) деревянная палочка, мешалка' [ССГ 6: 98]	мешўлка '1) мешалка. Смол.' [СРНГ 18: 150]	мяшўлка 'мяшалка' [РСВ 2: 27]	мяшўлка 'мяшалка' [МАСМ 1: 59]
<u>могільнік</u> 'кладбище' [ССГ 6: 101-102]	могільнік '3) кладбище. Вят., Перм., Ср. Урал, Волог., Пск., Брян., Смол., Калуж., Ворон., Том. и др.' [СРНГ 18: 191]	магільнік 'могілкі' [РСВ 2: 14]	магільнік 'могільнік' [МАСМ 1: 55]
<u>надворье</u> '1) место, пространство на крестьянском дворе и перед двором' [ССГ 6: 151]	надворье '2) место, пространство на крестьянском дворе или перед двором. Нижегород., Волог., Смол., Влад., Калуж., Ворон., Саратов.' [СРНГ 19: 226]	надвор'е 'надворак' [РСВ 2: 36]	надвор'е 'двор' [МАСМ 2: 37]
напратка 'верхняя одежда' [ССГ 7: 33-34]	Нет в словаре ; есть глагол 'напратать – надевать верхнюю одежду. Брян.', 'напратать – одеваться. Смол., Брян.' [СРНГ 20: 108]	напратка 'цёплая вопратка (ватоўка, паліто)' [РСВ 2: 48]	напратка 'вопратка' [МАСМ 1: 62]
одрына '1) место под дворовым навесом для коровы; 2) свободное	одрына '2.1) большой хлев для рогатого скота. Твер. 2), сарай, сеновал.	адрына 'пуня' [РСВ 1: 37]	андрына 'адрына' [МАСМ 1: 11]

пространство во дворе' [ССГ 7: 160]	Зап. Даль' [СРНГ 23: 64]		
пенькóвка '3) платок' [ССГ 8: 27]	Нет в словаре	пенькóўка 'цёплая хустка' [РСВ 2: 210]	пенькóўка 'вялікая цёплая хустка' [МАСМ 2: 51]
переби́ранка 'скатерть в три по́лы, набранная узорами' [ССГ 8: 31]	Нет в таком значении (есть 'переби́ранный – тканый с узором. Арх.' [СРНГ 26: 26])	перабі́ранка 'саматканая коўдра' [РСВ 2: 134]	перабі́ранка 'саматканая по́сцілка з рознымі ўзора́мі', перабі́ранкі 'саматканые ручнікі' [МАСМ 1: 71]
перепёчка '1) булочка, которую пекли на свадьбу; 2) выпечка без начинки из остатков теста' [ССГ 8: 55]	перепёчка '1) пирог. Смол. // Булочка, которую пекли на свадьбу. Смол. // Хлебец, который пекли на Пасху. Нижегород., Твер., Костром. и др. 2) лепешка. Самар., Курск., Костром., Вят., Смол., Арх.' [СРНГ 26: 185]	перапёчка '1) пирожок, булочка з начинкай' [РСВ 2: 137]	перапёчка '1) хлеб з пшанічнай мукі; 2) праснак, які пячэцца з хлебнага цеста' [МАСМ 1: 72]
поднавёс 'навес' [ССГ 8: 120]	поднавёс '1) крытое и огороженное место (постройка) на дворе для с/х инвентаря, дров и т.п. Урал., Оренб., Саратов. Симб., Курск., Орл., Моск., Твер., Калинин., Влад., Костром., Мурман., Вят., Кемер. и др. 2) навес (образованный низко спущенной крышей; крыша на столбах или других опорах); место под навесом. Курск., Оренб., Ряз, Моск., Твер., Пск., Ярослав., Лит. ССР, Лат. ССР. и др. [СРНГ 28: 91] Много значений зафиксировано у слова, но ни в одном из них нет пометы 'Смол.'	паднавёс 'навес' [РСВ 2: 87]	паднавёс 'гаспадарчы будынак' [МАСМ 1: 65]
поднебе́нье 'свод русской печи' [ССГ 8: 120]	Нет в таком значении	паднябе́нне 'верхняя ўнутраная частка печы' [РСВ 2: 87]	паднябе́нне '2) скляпенне ў печы' [МАСМ 1: 66]
подно́жник 'половик у порога' [ССГ 8: 121]	подно́жник '3) Половик. Арх., Р. Урал., Брян., Курск.' [СРНГ 28: 102]	падно́жнік '1) невялікі дыван; 2) палавік' [РСВ 2: 87]	падно́жнік 'палавік (звычайна каля ложка)' [МАСМ 2: 42]
по́друб 'деревянный сруб дома' [ССГ 8: 127]	по́друб '1) Нижний венец дома, фундамент. Ряз., Зап. Брян., Новосиб.' [СРНГ 28: 162]	по́друб 'падруба, ніжняе бярвяно ў зрубе' [РСВ 2: 159]	по́друб 'ніжня вянкi ў зрубе' [МАСМ 1: 74]
подузо́рник 'кружевная кайма, подзор' [ССГ 8: 134]	подузо́рник '1) кружева, пришитые к краю простыни. Горн.-Алт. 2) кружевная накидка на	падузо́рнік = падзо́рнік 'падзор' [РСВ 2: 92]	падузо́рнік 'упрыгожванне для ложка, якое падвешваецца збоку'

	кровати. Костром.' [СРНГ 28: 227]		[МАСМ 2: 42]
поскрёбок 'лепешка из остатков теста' [ССГ 8: 182]	Нет в таком значении; есть слова поскрёбух (Тул.) и поскребуша (Вят.) 'хлебец из остатков теста' [СРНГ 30: 171]	паскробак 'хлябец з рэшткаў цеста' [РСВ 2: 119]	паскробак 'выскрабак, маленькая булочка хлеба, спечаная з рэшткаў цеста' [МАСМ 1: 70]
постоялка 'молоко свежего удоя' [ССГ 8: 188]	постоялка '1) отстоявшееся (но не прокисшее) молоко. Смол., Брян., Амур.' [СРНГ 30: 234]	пастайлка 'вяршкі' [РСВ 2: 120]	пастайлка 'ахалоджанае салодкае малако' [МАСМ 1: 70]
почёпка '1) дужка ведра, корзины и т.п.; 2) веревка, за которую что-л. вешают; 3) крючок дверной' [ССГ 8: 200]	почёпка '2) тонкая веревка, шнурок. Брян., Смол. 3) веревка, на которой подвешивают что-л. Брян., Смол., Новосиб. [СРНГ 30: 379] Нет значения 'крючок'.	пачопка '1) кручок; 2) дужка ў вядры з вяроўкі ці дроту, почапка. 3) вярвачка, раменьчык, за якія чапляюць, падвязваюць што-н.' [РСВ 2: 130-131]	пачопка 'невялічкая вярвачка, якая прывязваецца замест дужкі вядра' пачопкі 'вяроўкі ў калысцы' [МАСМ 1: 71]
пресніўшка 'пирожок, лепешка из пресного теста, картофеля и муки' [ССГ 9: 11]	пресніўшка '1) Печеное изделие из пресного теста. Нижегород., Костром., Новг., Волог., Краснояр., Иркут. // Лепешка из пресного теста. Смол., Калинин., Арх., Тул., Ряз., Тамб. и др.' [СРНГ 31: 92]	прасніўшка 'праснак, тоўсты блін з прэснага цеста' [РСВ 2: 172]	прасніўшка 'праснак' [МАСМ 1: 75]
пружинка 'большая борона с изогнутыми зубьями' [ССГ 9: 67]	пружинка '1) пружинная борона. Смол., Пск., Новг., Калинин.' [СРНГ 33: 64]	пружынка 'землепрацоўчая прылада для рыхлення глебы ў выглядзе бараны' [РСВ 2: 183]	пружынка '1) ручная прылада для рыхлення зямлі; 2) спружиновка' [МАСМ 1: 75]
пру́тик '2) вязальная спица' [ССГ 9: 68]	пру́тик '1. 3) Ласк. вязальная спица. Новосиб.' [СРНГ 33: 68]	пру́цік 'пруток, вязальная ігла' [РСВ 2: 183]	пру́цікі 'вязальныя пруткі' [МАСМ 1: 75]
пряжёнка 'яичница на сале' [ССГ 9: 69]	Нет в таком значении (есть пряжёнка 'лепешка, пирожок, обжаренные в масле' Смол., 1890.) [СРНГ 33: 81]	пражонка 'пражаніна, страва, прыгатаваная з кавалачкаў тушанага мяса і сала з дабаўленнем мукі' [РСВ 2: 168]	пражонка 'смажанае сала' [МАСМ 1: 74]
сальник '1.3) ящик для хранения сала' [ССГ 9: 158]	Нет в таком значении. (слово зафиксировано с 20 значениями – кушанья, осветительные приборы и др. [СРНГ 36: 68-69])	сальнік 'пасудзіна (дзешка, бочка, кубел, скрынка), у якой захоўваюць салёнае сала' [РСВ 2: 241]	Сальнік 'месца, дзе ляжыць сала' [МАСМ 2: 55]
сальница '2) ящик для хранения сала' [ССГ 9: 158]	сальница '1) бочка с крышкой для хранения сала. Смол., Волог.' [СРНГ 36: 69]	сальніца = сальнік [РСВ 2: 241]	сальніца 'скрынка для сала' [МАСМ 2: 55]
сённіца '2) пуня' [ССГ 9: 191]	сённіца '1) место для хранения сена. Волог., Калинин., Моск., Влад., Нижегород., Свердлов., Ряз.' [СРНГ 37: 167]	сённіца, сянніца 'адрына, пуня; халодная будыніна для захоўвання сена' [РСВ 2: 252]	сянніца 'будынак для сена' [МАСМ 1: 95]
сподка 'вязаная теплая	сподки 'варежки,	сподка 'рукавіца'	сподка 'вязаная рукавіца'

рукавица, варежка' [ССГ 10: 91]	рукавицы. Черниг., Латв. ССР, Краснояр. // Вязаные варежки. Калинин. // Рукавицы, которые одеваются вниз под верхние. Смол., Иркут.' [СРНГ 40: 182]	спóдачка 'рукавічка', спóдкі 'рукавіцы' [РСВ 2: 274]	[МАСМ 1: 90]
сырокваша 'простокваша' [ССГ 10: 163]	сырокваша 'простокваша' Смол., Яросл., Ленингр., Брян., Орл., Курск., Новосиб. [СРНГ 43: 163]	саракваша «сырокваша, кислае малако, кефір» [РСВ 2: 243]	саракваша 'кіслае малако' [МАСМ 1: 84]
та́мбурка 'вязальный крючок, вязальная спица' [ССГ 10: 168]	та́мбурка '1) специальная игла с крючком для вышивания тамбурным швом Север., КАССР. 2) крючок для вязания. Пск.' [СРНГ 43: 256]	та́мбарка, та́мбырка, та́мбар, тымбу́рак 'крючок для вязания' [РСВ 2: 298]	та́мбырка, та́нбырка 'прылада для вязання' [МАСМ 1: 95]
уко́сник 'лента, кусочек ткани, вплетаемый в косу' [ССГ 11: 16]	уко́сник 'лента для вплетания в косу' Курск., Смол., Краснодар., Кубан. [СРНГ 47: 85]	уко́сник 'касник, стужка' [РСВ 2: 310]	уко́снікі '1) істужкі (ленточки); 2) тое, што ўплятаецца ў косы' [МАСМ 2: 62]
челёсник '1. Кочошник. 2.1) чело русской печи. 2.2) место возле печи, где стоят ухваты' [ССГ 11: 99]	Том не опубликован.	чалёсник 'месца каля печы, дзе стаяць вiлы, чапяла і інш.' [РСВ 2: 333]	чалёшнік 'качарэжнік' (место у печі) [МАСМ 1: 107]

Таким образом, именно сведения из СРНГ помогают глубже осмыслить специфику данной группы диалектных слов, совпадающих в русских и белорусских говорах, и показать сложность лексического устройства русского диалектного языка на его западной границе.

Литература

Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005. – ССГ.

Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Вып. 1. Мн.: Навука і тэхніка, 1981. 121 с. – МАСМ.

Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Вып. 2 Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2005. 88 с. – МАСМ.

Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Частка 1. УА «ВДУ імя П.А. Машэрава». Віцебск, 2012. 304 с. – РСВ.

Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Частка 2. УА «ВДУ імя П.А. Машэрава». Віцебск, 2014. 358 с. – РСВ.

Lunkova Ekaterina S.

**Russian-Belarusian lexical and word-formation parallels
(based on the material of Smolensk dialects)**

The article examines nouns with a specific subject meaning that are used in the Smolensk and borderline Vitebsk and Mogilev dialects of the Belarusian language. To establish the specifics of the functioning of lexical units in the system of Smolensk dialects, it is essential to take into account the criterion of derivation. This criterion allows not only to determine the status of polydialect words in the border region, but also to identify the specifics of the word-formation structure of polydialect units in the Slavic continuum using the example of Russian-Belarusian lexical and word-formation parallels. The study is based on a number of observations on the derivative and non-derivative vocabulary of the Smolensk borderline: the total number of non-derivative words that function as lexical parallels was established, and against that, derivative nouns were analyzed, which quantitatively significantly prevail over non-derivative ones in Smolensk dialects: there are about 4,500 derivated nouns and about one thousand non-derivative nouns, while the Russian-Belarusian lexical parallels among them are much smaller, just several hundred. These parallels are unevenly distributed across the border Belarusian dialects, and approximately twice as many correspondences are found in Vitebsk dialects as in Mogilev dialects.

Keywords: Smolensk dialects, Belarusian dialects, Dictionary of Russian folk dialects.

Мызников Сергей Алексеевич

Институт лингвистических исследований РАН

Санкт-Петербург

myznikovs@rambler.ru

Названия народных музыкальных инструментов на страницах «Словаря русских народных говоров»

В статье на материалах «Словаря русских народных говоров» рассматриваются наименования народных музыкальных инструментов. Отмечается, что в СРНГ наименования музыкальных инструментов имеют различного рода толкования, которые в большинстве случаев основаны на семантических разработках, представленных в источниках. Приводятся примеры различных наименования инструментов: струнных, духовых. Отмечается, что самый распространенный в деревне музыкальный инструмент – гармонь имеет самые разнообразные фиксации.

Ключевые слова: диалект, наименования, музыкальные инструменты, семантика, толкование, «Словарь русских народных говоров».

«Словарь русских народных говоров», который базируется на значительном объеме самых разнообразных данных, представляет в настоящее время один из самых богатых источников по крестьянской материальной и духовной культуре. На его базе возможен анализ различных тематических групп лексики, причем при наличии большого количества лексических диалектных данных они не только все шире используются как вспомогательные при историко-этимологических исследованиях, но и нередко служат основным материалом для различного рода штудий. Получение новых качественных диалектных лексических данных в ходе полевых сборов вызывает сейчас большие затруднения и заставляет интенсивнее использовать диалектные словарные и рукописные источники. Априори включая те или иные словарные лексические данные как дополнительные сведения для анализа, мы не подвергаем сомнению их научную достоверность.

Автор статьи уже не раз обращался к различным сторонам анализа лексики, которая зафиксирована на страницах СРНГ по различным параметрам.¹ В настоящей статье представлена попытка экскурса в сферу,

¹ Мызников С.А. Прозвища на страницах «Словаря русских народных говоров» // Ономастика Поволжья. Материалы XV Международной научной конференции. Арзамас, 13–16 сентября 2016 г. Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. С. 104–108. Мызников С.А. Воронежская лексика на страницах «Словаря русских народных говоров» // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2017. С. 148–153. Мызников С.А. Лексика арго на страницах «Словаря русских народных говоров» // Диалектная

которая традиционно не была широко представлена в исследованиях диалектного лексикона. Речь идет о народных названиях музыкальных инструментов. Хотя априори, можно было предположить, что эта группа лексики могла быть связана тематически с фольклорными источниками, тем не менее наименования музыкальных инструментов крайне редко на страницах СРНГ имеют помету – *фольк*. Большая часть лексики наименований народных музыкальных инструментов, игре на них, наигрышам мелодий, наименованиям людей – исполнителей народной музыки, хотя и представлена многими десятками единиц в Словаре, репрезентирует собственно диалектную сферу бытования материалов. В данной работе предполагается остановиться только на презентации и первичном анализе некоторых наименованиях музыкальных инструментов, помещенных в СРНГ.

Традиционно отмечается, что «у русских инструментальная музыка занимала более скромное место и была тесно связана с иными профессиями (главным образом – пастушеством, ср., например, существование своеобразных «школ» пастухов-рожечников, а также традицию **«трубли артелью»**, при которой на рожках играла одновременно группа пастухов). В русской традиции были известны такие музыкальные инструменты древнейшей конструкции, как **травяная дудка** (обертоновая флейта), **кугиклы** (флейта Пана), **двойная свирель** (двуствольная флейта). В качестве музыкальных инструментов часто использовались бытовые (заслонка, ложки, коса, пила, ведро, самоварная труба, гребень, рубель и др.) и природные предметы (полые стволы растений, кора деревьев, береста, коровьи рога и пр.); было распространено т.н. пение «под язык», когда отсутствующий инструмент имитировался голосом. В конце XIX – начале XX в. многие традиционные музыкальные инструменты у русских были вытеснены балалайкой, а затем гармонью» [Левкиевская: 324–325].

В СРНГ наименования музыкальных инструментов имеют различного рода толкования, которые в большинстве случаев основаны на семантических разработках, представленных в источниках.

Среди анализируемой лексики выделяется группа **общих названий любых музыкальных инструментов**. Не всегда, вероятно, эти единицы

лексика–2016 (К 90-летию со дня рождения О.Д. Кузнецовой). СПб., 2016. С. 316–324. Мызников С.А. Ономастика на страницах «Словаря русских народных говоров» // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции / сост., ред. В.Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. С. 142–149. Мызников С.А. Ярославская лексика в «Словаре русских народных говоров»: ареальный и этимологический аспекты // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Четвертой Всероссийской научной конференции (Ярославль, 5–6 ноября 2020 г.) / сост. и отв. ред.: О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. С. 101–107.

действительно представляют именно такую номинацию, однако во всех случаях толкование подтверждается диалектной иллюстрацией.

Игра́ «музыкальный инструмент»: *Барабаны бьют, играют во флечки, Играют во флечки, в сиповочки И во все игры государевы.* Симб., Киреевский. *Да вы, игры, игры! Играйте верней, Чтоб было веселей.* Орл. *А в третьем терему-то гудки гудят, Игры играют Царя града, Напевки выпевают Еросолима.* Олон., Гильфердинг. Мезен. Арх. [СРНГ 12: 66].

Му́зыка «музыкальный инструмент»: *Мой миленький идет, Под полой разны музыки несет.* Данк. Ряз., Шейн. Перм., Зеленин. *Накупили разных музык, а толку мало.* Йыгев., Тарт. Эст. ССР, Йонав. Лит. ССР, 1963. Перм., Зеленин. *Сверял. На всех музыках играет.* Кабан. Бурят. АССР. Йонав. Лит. ССР, Прейл., Йыгев. Эст. ССР. *Два голубя на шкапе. В политавры бьют И в музыку играют.* Верейск. Моск., Киреевский. Ряз., Перм. [СРНГ 18: 337].

Рай-рай «музыкальный инструмент (гармоника, балалайка, гитара)» Липец Ворон., 1929-1937 [СРНГ 34: 84].

Храп «музыкальный инструмент дудка» Варзуг. Мурман. [СРНГ 52: 14].

Причем в ряде случаев происходит перенос общего наименования на видовое, например: **Игру́шка** «любой музыкальный инструмент» Ишим. Тобол. Ср.: **Игру́шка** «гармоника, гармошка» Пошех. Яросл., 1893. Яросл., Новг. *Я не сам игрушку красил, Не сам лаком покрывал, Я не сам милашку сватал, Тятю с мамой посылал* (чапушка). Костром. Вят., Енис. [СРНГ 12: 75].

Струме́нт «музыкальный инструмент»: *Музыкального кружка нет. А струменты лежат.* Колосов. Омск., 1993 [СРНГ 42: 46]. Ср.: **Страме́нты** «музыкальный инструмент – цымбалы» Южн. Сиб., 1847 [СРНГ 41: 280].

Фиксируются случаи, когда части музыкального инструмента используется в качестве общего наименования: **Стру́ны** «струнный музыкальный инструмент»: *Струны готовы, недалеко и до песен.* [Даль]. **Стру́на** «то же»: *Уж я выйду на улицу, Заиграю во струну* (песня). Болх. Орл., 1913–1917. *Натягал он струну про Киев-град, Другую-ту про похождение, Выигрывал свое рождение.* Пудож. Олон. [Гильфердинг; СРНГ 42: 47].

В ряде случаев общее название дается собирателем для струнных инструментов: **Струмя́но** «струнный музыкальный инструмент»: *Один из них, удалый, соорил струмяно.* Р. Урал [Малеча: 197].

Отмечаются диалектные данные, которые репрезентируют некоторые наименования существовавших еще в момент записи материалов *старинных музыкальных инструментов.*

Звонцы́ «старинный музыкальный инструмент в виде треугольника» Комарич. Брян., 1961 [СРНГ 11: 223]. Ср. белорусск. **звон** ‘ударный сигнальный инструмент; звук этого инструмента’ [ЭСБМ 3: 319].

Среди них выделяются простейшие духовые инструменты, которые отличаются особенностями конструкции и способом звукоизвлечения. По классификации народные духовые инструменты подразделяются на язычковые, флейтовые (свистящие) и мундштучные (амбушюрные). В толкованиях данных единиц, представленных в СРНГ, ввиду недостаточности материалов было невозможно сконструировать точную семантическую трактовку.

Дуда́ «простейший музыкальный инструмент»: «Народное музыкальное орудие у пастухов, ребят, нищих, редко употребляемое вместе с прочими народными музыкальными орудиями (гудком, балалайкою, волынкою, рожком); она делается из бузиной трости, камыша, тростника, из снятой раннею весною коры с ивового прута и пр.» [Даль]. *Ни в дуду, ни поплясать*. Нижегород., Добролюбов. Дубен. Тул. *Дед, сделай дуду*. Пушкин. Пск. Царск. Петерб. *Илья хорошо играл на своей деревянной дуде*. Хакас. *Дудка-дуда, На дудке дыра, Дудка затрещит, Свинья убежит*. Спас. Казан., 1857. Дмитр. Моск. Дубен. Тул., 1933 [СРНГ 8: 246].

В некоторых случаях слово фиксируется не вполне оформлено семантически в источнике, а в СРНГ уточнение значения не было произведено: **Дуды́** «гусли, дудки» Смол. [Добровольский; СРНГ 8: 246].

Кувички́ «музыкальный инструмент, состоящий из нескольких трубочек разной длины, склеенных или соединенных перевязью наподобие многоствольной флейты» Обоян. Курск., 1858. Курск., Южн. [СРНГ 15: 390].

Сурна́ «старинный русский музыкальный инструмент; род гобоя»: *Не бела лебедь в поле воскликнула, Не черна сурна в поле возрыдала, тут расплакалась душа красна девица* (песня). Верхоян. Якут., 1913¹ [СРНГ 42: 278]. **Сурёнка** «музыкальный инструмент [СРНГ 42: 275-276].

Флэйка «флейта» Том., 1913. Сиб. «Деревянная свирель»: *Флейка – свирель, военный музыкальный инструмент, выточенный из крепкого дерева. Флейка употребляется только для игры при барабанном бое*. [Тучков, 1818]. *Волчата воют, словно во флейки играют*. Вост. Сиб. [СРНГ 49: 129]. Вероятно, сюда же примыкает, по крайней мере этимологически, слово **флэечка**: *Ты, гармошка, флэечка, Поиграй маленько* (частушка). Иркут. [СРНГ 49: 129].

В СРНГ представлен также ряд наименований струнных смычковых инструментов.

¹ В СРНГ на эту иллюстрацию семантика не была определена – [Знач.?).

Рылё «музыкальное орудие со струнами» Слов. Акад. 1847. «Три струны, по коим снизу ходит кружок замест смычка, обращаемый лебедкою; пальцы левой руки перебирают и нажимают струны; с рылями старцы и слепцы поют малорусские думы» Южн. [Даль]. Дон. [СРНГ 35: 308].

Скрипица «старинный русский народный трехструнный смычковый инструмент гудок»: *Изукрашена улица Все гудками все скрипицами, Молодцами да молодницами* (песня). Чухл. Костром., 1838. «Слово гудок словарями приводится и в другом значении: род скрипки с тремя струнами, без выемок по бокам, с плоским дном... Название скрипица, видимо, варьирует наименование гудонек». Ворон. **Скрипица** «музыкальный инструмент [какой?]»: *Гости танцуют под скрипицу или под гитару, а чаще всего под свои песни*. Тихв. Новг., 1853. *Только надо мне Ваньку с балалайкой, А Микиту со скрипицей* (песня). Боях. Орл., 1913 [СРНГ 38: 139].

Скрыпка «музыкальный смычковый инструмент скрипка» Слов. Акад. 1847. Шенк. Арх., 1898. Волог. *Не люблю я скрыпку, пищит гораз*. Эст. ССР. Лит. ССР, Латв. ССР. Дон. *Там и скрыпки и гармонь были*. Ср. Прииртышье. *Плясали под скрыпку*. Новосиб. Том. Дон., 1929. Илим. Иркут., 1970 [СРНГ 38: 165].

Трудно сказать, представляет ли **бандура** вариант украинского щипкового инструмента, хотя в большинстве славянских языков представляет собой заимствование из украинского [ЕСУМ 1: 133]: **Бандура** «грубо сделанный, домашней работы музыкальный струнный инструмент» Волог., Обнорский. Холмог. Арх. «Балалайка» Пск. Пск., 1902-1904. Пск., Куртамыш. Урал. [СРНГ 2: 93]. **Бандурка** «грубо сделанный, домашней работы музыкальный струнный инструмент, род маленькой гитары» Тобол., 1911. Урал., Зап.-Сиб. На плаканье (к невесте) вечерами приходит молодежник «с гармониями», заменившими старинные бандурки и балалайки, о которых теперь нет и помину» Красноуфим. Перм. «Балалайка» Юрлин. Коми-Перм., 1930 [СРНГ 2: 93].

Одна единица – **гудок**, представляет собой наименование, отмечаемое в разных значениях. Имеется общее наименование: **Гудок** «всякий музыкальный инструмент; гудок – всякий музыкальный инструмент»: *Если скрипочка – гудок, она собрала весь домок, А соха да борона разорила три дома*. Смол., Добровольский, 1914 [СРНГ 7: 202].

Подробно описывается эта единица как струнный инструмент.

Гудок «старинный русский народный трехструнный смычковый инструмент. «На нем играют как на скрипке, посредством смычка. Происхождение этого инструмента надобно, по-видимому, отыскивать в глубокой древности. Он в большом употреблении в Южной России, Малороссии, и низовых губерниях, где вместе с волынкою, бубенчиком, балалайкою и дудкою, служит для сопровождения песен и хороводных

плясок. Игра на нем очень проста, как по несовершенству самого инструмента, так и по простоте строя; на самой высокой (крайней) струне обыкновенно разыгрывается какая-нибудь народная тема (мотив), а прочие две струны, настроенные квинтою вниз, служат как бы аккомпанементом или басом для сопровождения мелодии» (Бурнашев). Остров. Пск., 1849. «Род скрипки без выемок по бокам, с плоским дном и крышкой, о трех струнах, выходящей из обычая у народа, как и балалайка. Скрипка да гудок сведет домок в один уголок» [Даль]. *А в третьем терему-то гудки гудят. Игры играют.* Онеж., Гильфердинг. Калуж., Курск., Болх. Орл. [СРНГ 7: 202]. Имеются сходные фиксации XVII века: **ГУДОКЪ** «музыкальный инструмент (род скрипки: без выемок по бокам, с тремя струнами)» [СлРЯ XI-XVII: 4: 154]. Причем, на восточнославянской почве, ср. белорусск. *гусци, гусць, гудзець*, ‘играть на струнных инструментах’ [ЕСУМ 1: 613].

Зафиксированы материалы, где данная единица отмечается в значении духового инструмента.

Гудок «дудка, свирель, флейта» Брян., 1850. *Свирелка, сопелка, камышковая дудка.* Астрах. [Даль]. *Шли мужики с топорами, Высекли они по пруточку Сделали они по гудочку. Вы, гудки, да не гудите, Батюшку да не будите.* Тотем. Волог., Холмог. Арх. [СРНГ 7: 202].

Представлен перенос названия инструмента на его часть: **Гудок** «смычок» Пск., 1902–1904. Нерч. Иркут. [СРНГ 7: 202].

Вероятно, первичное значение ‘издавать звук’ реализовано в следующем лексико-семантическом варианте: **Гудок** «трещотка в бумажном змее; прибавление к передней части бумажного змея; перепонка, производящая вибрирующий звук»: *Прищепи к змею гудок.* Красн. Смол., Добровольский, 1914 [СРНГ 7: 202].

Отмечается два наименования губных музыкальных инструментов.

Варган «примитивный музыкальный инструмент – губная гармоника» Бурнашев [СРНГ 4: 46]. *На словах, как на варганах* (пословица). О хвастуне. Обоян. Курск., 1854. «Простонародное музыкальное орудие, зубанка; железная полоска, согнутая лирой, со вставленным вдоль посредине стальным языком. *Цыган варганы кует, и то ему ремесло*» [Даль]. Калуж. [Мать князя Михаила] *всю ночь не спала, со варганом проплясала.* Новг. Волог., Вят., Саратов., Дон., Урал. [СРНГ 4: 46]. **Варганы** ‘то же’ Ветл. Костром., 1880. *Ну-ка взыграй на варганах.* Вят. **Варган** «шарманка» Город Шадринск Перм. **Варгант** ‘шарманка’ Шадр. Перм., 1895. Урал. [СРНГ 4: 46]. **Варгура** ‘то же’: *Дай варгуру, дай варган, Дай бутылочку, стакан* (песня). Вят., Косогоров [СРНГ 4: 47].

Отмечается несколько наименований волынок.

Волосянка «музыкальный инструмент, волынка»: *А нуте-ка давайте в волосянку играть.* Смол., 1914 [СРНГ 5: 64].

Козá «музыкальный инструмент – волынка из козьей шкуры» Ряз., Тул., 1858 [СРНГ 14: 56].

Дудá «волынка; любимый инструмент смоленских простолюдинов» Смол., Шестаков, 1853. *Без скрипки, без дуды ходят ноги нетуды* (поговорка). *Выйди, выйди, Катенька, Выйди замуж за мене: Но у мене, Катюшенька, И скрипочка, и дуда.* Смол., Добровольский. Зап., Твер., Пск. [СРНГ 8: 246]. **Дудак** ‘то же’ Борисогл. Тамб., 1851 [СРНГ 8: 247].

Пузы́рь «народный духовой музыкальный инструмент волынка»: *Чувашиские виртуозы играют на пузыре, выходящем ныне мало-помалу из моды.* Казан., Лаптев, 1861. *Дороже буды пузырь* (о волынке) Симб., Казан. [Даль; СРНГ 33: 117]. Ср. также: **Пузы́рник** ‘волыщик’: *Пузырник, чувашский и черемисский волыщик* [СРНГ 33: 116]. Исходя из иллюстративного материала, явно связано с чувашско-марийскими источниками, ср. чуваш. *шáшпáр*, *шáпáр* ‘пузырь – музыкальный инструмент, род волынки’, мар. луг. *шúвыр*, мар. горн. *шывыр* ‘пузырь, волынка’ [ЭСЧЯ: 447].

Русский этнос на протяжении всей своей истории контактировал с народами, что и отразилось также в знании некоторых названий музыкальных инструментов, бытующих у других народов. Так, например, фиксируются наименования, которые являются результатом такого рода контактов.

Джитага́н «татарский национальный музыкальный инструмент – род гуслей» Сиб., 1905–1921. **Джитаго́н** ‘то же’ Енис., 1865 [СРНГ 8: 44]. Рассматривается как производное от названий музыкальных инструментов тюрок, населявших верховья Енисея и смежные территории [Аникин 2000: 185].

Кóбуз «смычковый музыкальный инструмент у народов Средней Азии, кобыз» Астрах., Оренб. [Даль; СРНГ 14: 16]. Ср. казах. *кобыз* ‘казахский национальный струнный смычковый музыкальный инструмент’.

Тру́мба «двухструнный музыкальный инструмент»: *Утребливали трубы, дудки, барабанчики и трумбы, у их были две струны.* Р. Урал, Малеча, 1976 [СРНГ 45: 160]. Ср. казах. *домбыра* ‘домра’, башкир. *думбыра*, татар. *думбра*.

При интенсивных контактах русских с финно-угорским населением, в СРНГ фиксируется незначительное число данных, связанных с такого рода связями.

Лебе́дь «музыкальный инструмент вроде гуслей – у верховских остяков» (хантов) [СРНГ 16: 302]. Ср. у северных хантов семиструнная арфа – **лебе́дь** представляет собой большую треугольную раму, на которую натягиваются струны. Корпус и шейка арфы сделаны из цельного дерева. Конец шейки вырезан в виде птицы.

Хомус «язычковый хакасский музыкальный инструмент; тимир-хомус»: *На хомусе в самодеятельности играет. Хомус – это у нас на ём играют, в любом концерте с хомусом выступают.* Южн. Краснояр., Слов. Южн. Краснояр., 1988 [СРНГ 51: 248]. **Хомус** «традиционный якутский язычковый музыкальный инструмент, изготавливаемый из дерева, кости, железа; состоит из подковообразного ободка в виде лиры с суживающимися двумя щеками; к середине ободка прикрепляется упругая стальная пластинка-язычок, находящийся между щеками, загнута на конце на прямой угол часть вибрирующей пластинки называется *чыычаах* – птичка, на кончике которой имеется *эминньэх* – круглое ушко». Якут. [СРНГ 51: 248]. Рассматривается как тюркское заимствование, ср. тувин. *хотис* ‘хомус, музыкальный инструмент’ [Аникин 2000: 621].

Хур «музыкальный щипковый инструмент» Забайкалье [СРНГ 52: 226], при бурят. *хуур* ‘хур (название смычкового инструмента)’ [Аникин 2000: 627].

В ряде случаев названия музыкальных инструментов не имеют достоверного толкования, хотя и встречаются в фольклорных текстах, достоверность которых не подвергалась сомнениям. **Тринобóй** «музыкальный инструмент [какой?]»: *Славна улица Невьянска, Слобода наша Глинска Всячиною изукрашена: Все гудками да волынками, Да звончатыми тринобоями!* Екатеринбург. Перм., Шишонко, 1882 [СРНГ 45: 99]. Хотя в отношении этой единицы сделано предположение, что в данном случае речь идет о струнном, щипковом инструменте [Климас]. Ср. также сходное наименование: **Триночка** «музыкальный инструмент [какой?]»: *Триночки, волыночки, сучок, каблучок, мutowильце, рожок, кому съест пирожок.* Влад. [СРНГ 45: 99].

Самый распространенный в деревне музыкальный инструмент – гармонь имеет самые разнообразные фиксации.

Отмечаются наименования гармони во фразеологических сочетаниях, частушках, песнях, поговорках и т.п.: **Гармонь-матушка** лучше хлеба-батюшки. Поговорка о беспечных молодых людях, думающих только о гулянье. Иркут., 1967. **Гармония-матушка** лучше хлеба-мякишка. *Ты, гармония-матушка, лучше хлеба-мякишка.* Спас. Ряз. [СРНГ 50: 166].

Доминируют в СРНГ лексемы гармонь, гармошка с вариантами, причем они фиксируются в иллюстрациях, поскольку являются единицами общенародного лексикона.

Гармонь: *Я ему в войну гармонь соблюла.* Новг. [СРНГ 39: 167]. *Отец-то проворный был, гармони делал.* Волог. [СРНГ 32: 102].

Гармонья: *У его своя есть гармонья, отцову он не трогает, ему еще с ей не споровить.* Ильин. Перм. [СРНГ 40: 267].

Гармо́ня: *Вечерки делали, гармония, и пошли трепать.* Хабар. [СРНГ 45: 39].

Гармо́ница Курск. [СРНГ 33: 255].

Гармо́шка: *Хороводы водили, токо одна гармошка была, парни сами играли на вечорках.* Амур. [СРНГ 44: 179]. *Никто не скобарился. Скобаритъся – песни петь под гармошку скобаря.* Великолукск. Пск. [СРНГ 38: 37]. *Ухажера имеет, думают свадьбу сыграть. Выхожу я на дорожку, Месяц светит из-за гор. Я люблю твою гармошку, А ты мне не ухажер.* Пенз., 1960 [СРНГ 48: 238].

Фиксируются наименования разновидностей гармони. В ряде случаев, они являются эпитетами, однако по иллюстративному материалу не вполне ясно, идет ли речь о номинации или о перифразе.

Во́лынка «гармоника особого строя»: *У его тальянка, а не волынка.* Буйск. Костром., 1897. **Во́лыночка** «то же»: *Как тальяночку-волыночку разбили у меня (частушка).* Кашин. Твер., Пск. [СРНГ 5: 83]. *Да соорил он волыночку Да на новую переладочку, да стал-то Васенько пощалкивать.* Пудож. Олон., Гильфердинг [СРНГ 26: 138].

Одноря́дка «гармоника с клавишами в один ряд» Весъегон. Твер. *Сейчас хромки, а раньше однорядки были.* Алт., 1961. Вашкин. Волог. [СРНГ 23: 50].

Пику́шка «гармоника» Шадр. Перм. [СРНГ 27: 27].

Пятипла́нка: *На беседах музыканты играли на пятипланках, тальянках, балалайках, гитарах.* Медвежьегор. КАССР [СРНГ 33: 224].

Разба́вница «эпитет гармони»: *Гармоница, разбавница, Разбавь мои страданьица (частушка).* Курск. [СРНГ 33: 255].

Резву́ха «разновидность гармони» Прикамье [СРНГ 35: 33].

Резу́ха «эпитет гармошки» Пск., Твер., Смол. [СРНГ 35: 40].

Ри́нка «вид гармони»: *Ринка – эт гармонь-простушка.* Р. Урал [СРНГ 35: 103].

Свист «вид гармони» Котельн. Вят. [СРНГ 36: 296].

Самогра́й «детская гармоника» Нерехт. Костром. [СРНГ 36: 83].

Серебряно́чка: *Тальяночка, Серебряночка, Синий мех, под орех!* Вят. [СРНГ 37: 198].

Семиладо́вая гармонь «гармонь с двумя колокольчиками и двумя басами»: – *Разыграю, разведу Гармонь семиладовую. Если спит, то разбужу Миленку чернобровую (частушка).* Шуйск. Влад. [СРНГ 37: 155]. **Семила́дка** «то же» Р. Урал, 1976.

Скрью́пка «ручная гармоника» Олон. [СРНГ 38: 165].

Талья́нка «двухрядная гармоника» Рыб. Яросл., Водарский, 1901. Волог., Новорж. Пск., 1902. Пск., Твер., Калинин., Калуж., Новг., Олон., КАССР, Онеж. *Скажут, тальянка куплена или гармонь.* Арх. Волог., Перм.

Парни, бросьте на тальянке с переборами играть. Ср. Прииртышье. «Гармоника итальянского строя» Вытегор. Олон., 1894. Костром., Волог., Влад., Сарат. *У Ивана есть тальянка С половиной пять рублей, От Иванка не отстану, Хоть родная мать убей!* (частушка). Вят. [СРНГ 43: 253].

Талаланка «то же»: – *Взяли бы Танюшку За ручки Да повели бы ее На Волгу, на легкую работу, Где гудки талаланки, Где звончаты балалайки* (песня). Екатеринбург. Перм., 1882 [СРНГ: 43: 237].

Тальянка «то же» Коми АССР [СРНГ 43: 254].

Тараторочка «разновидность гармони»: – *Тараторочку на полочку на каменную; Закуют мою головушку отчаянную* (частушка). Енис., 1914. Прикамье [СРНГ 43: 283].

Усонька «разновидность гармони»: – *Гармонь-усоноска.* Р. Урал, 1976 [СРНГ 48: 81].

Хромка «хроматическая двухрядная гармонь»: – *Дайте мне мою хромку.* Пск., 1957-1961. *Хромка – гармонь, меньше баяну-то котора; под вид хромок гармони были.* Соликам. Перм. *Выйдем на луг, баян да хромка как заиграют.* Перм. [СРНГ 52: 69]. **Хромьтка** «то же»: – *Мой-от парень шибко добро играл в хромьтку-ту.* Верховаж. Волог. **Хромьчка** «то же»: – *Гармошки еть разные бывают, каки-то хромочки, двухрядки да.* Верхнесалд. Свердлов. [СРНГ 52: 70].

В данной работе представлены всего лишь некоторые наименования народных музыкальных инструментов, зафиксированных в СРНГ – словаре, который основан на дифференциальном принципе подачи материала, и поэтому ряд единиц, широко распространенных в обиходе, в этот труд по этой причине не попал.

Следует отметить, что ряд наименований данной тематической группы не вошел в текст СРНГ, поскольку не был обнаружен в источниках на начальном этапе работы над словарем, ср., например: **Брёлка** ‘русский народный духовой деревянный музыкальный инструмент, используемый пастухами’. В Тверской губернии пастухи выделывали жалейки из ивы, по-местному бредины, потому жалейки там стали называться брёлками [ПЛГО].

Таким образом, основываясь на детальном анализе тематических групп, в дальнейшем можно более точно проводить идентификацию денотата, а на этой основе и более точную семантизацию лексемы. В большинстве случаев, когда речь идет о нечастотных фиксациях с небольшим количеством иллюстративных примеров, именно внимание к этнографической стороне может служить верификационной основой при составлении словарной статьи.

Литература

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2 изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000. 768 с.

Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843–1844. Т. 1–2.

Вертков К. Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975.

Вертков К., Благодатов Т., Язовицкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1963.

Герасимов О.М. Народные музыкальные инструменты мари: Традиции и современность. СПб., 2000.

Гордиенко О. О классификации русских народных инструментов (с приложением классификации в виде таблицы) // Методы музыкально-фольклористического исследования. МГДОЛК им. П. Чайковского. М., 1989. С. 38–64.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.

Етимологічний словник української мови. Київ, Наукова думка, 1982–2012. Т. 1–6. – ЕСУМ.

Камаев А., Камаева Т. Народное музыкальное творчество. М.: Академия, 2005.

Климас И.С. Что такое тринобой? К обоснованию методики исследования «темных» слов в фольклорном тексте // Москва: Портал «О литературе», LITERARY.RU.

Левкиевская Е.Е. Музыкальные инструменты // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). С. 324–327.

Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003. Т. 1–4.

Мацевский И. Народный музыкальный инструмент и методология его исследования // Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980. С. 143–169.

Пескова Н.С. Названия народных музыкальных инструментов в брянских говорах // Брянские говоры. Л., 1985. С. 109–113.

Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам) – ПЛГО.

Русские народные музыкальные инструменты. Л.: Музыка, 1975.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1–31. М., 1975–2019. – СлРЯ XI–XVII. (издание продолжается)

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ. (издание продолжается)

Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. I–IV. – Слов. Акад. 1847.

Тихонова Н.А. Лексика русской народной музыкальной культуры и ее отражение в учебном лингвострановедческом словаре: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

Тучков С. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут быть переведены на российский, какое оных употребление и к чему служат. М., 1818.

Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13. – ЭСБМ.

Myznikov Sergey A.

Names of folk musical instruments on the pages of the Dictionary of Russian Folk Dialects

The article examines the names of folk musical instruments based on the materials of the Dictionary of Russian Folk Dialects. It is noted that in the SRNG the names of musical instruments have various interpretations, which in most cases are based on semantic developments presented in the sources. Examples of various names of instruments are given: stringed, wind. It is noted that the most common musical instrument in the village – the accordion – has a wide variety of fixations.

Keywords: dialect, names, musical instruments, semantics, dictionary definition.

Раткович Драгана

Институт сербского языка САНИ

Сербия, Белград

Dragana.Ratkovic@isj.sanu.ac.rs

Зоонимические пейоративная номинация ребенка в пиротской речи¹

Работа представляет многоаспектный (лингвокультурологический, лексико-семантический, словообразовательный и когнитивный) анализ существительных и существительных синтагм отрицательной экспрессивной тональности, которым в пиротской речи в первую очередь называют реалии животного мира, а во вторую – детей. Корпус состоит из двух словарей пиротской речи: Новицы Живковича [Живкович 1987] и Драголюбца Златковича [Златкович 2014; 2017; 2020; 2022]. Перечисленные лексические единицы автор исследует сравнивая их с соответствующими языковыми единицами в современном сербском языке и призренско-тимокской речи с целью ответа на следующие вопросы: 1) какие человеческие характеристики, какое поведение и действия инициируют зоонимическую пейоративную номинацию ребенка в ПР; 2) как номинации раскрывают параметры оценки; 3) в каком отношении находится зоонимическое пейоративное наименование ребенка в ПР с соответствующими наименованиями в современном сербском языке и нынешних призренско-тимокских говорах и 4) какие словообразовательные, лексические и когнитивные механизмы участвуют в реализации данных языковых единиц, т.е. их семантических реализаций. Такой методологический подход позволяет совершить 1) реконструкцию (зоонимическими пейоративными выражениями) концептуализации *ребенка* как *животного* в языковой картине мира и традиционной культуре пиротского края, а также и 2) рассмотрение отношений и определение (не)сходства с ценностной картиной мира сербского народа.

Ключевые слова: пиротская речь, современный сербский язык, пейоратив, зооним, ребенок, традиционная культура, языковая картина мира.

1. Данная статья, посвященная зоологической лексике и терминологии в наименовании ребенка в пиротской речи (далее ПР), является продолжением исследования экспрессивной номинации человека в этой речи [Ратковић 2021а; Ратковић 2022; Ратковић 2023а; Ратковић 2023б], а также и

¹ Статью финансировало Министерство науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия согласно договору № 451-03-66/2024-03/200174, который был заключен с Институтом сербского языка САНИ.

вкладом в исследование диалектного образа ребенка в сербской лингвокультуре [например Ђурић 2020].

Предметом работы являются существительные языковые единицы отрицательной экспрессивной тональности, которыми в ПР в первую очередь называют реалии животного мира, а во вторую – детей. Корпус состоит из двух словарей ПР: Новицы Живковича [Живковић 1987] и Драголюбa Златковича [Златковић 2014; 2017; 2020; 2022].

Языковые единицы анализируются по следующим аспектам: лингвокультурологическому, лексико-семантическому, словообразовательному и когнитивному с целью ответа на следующие вопросы: 1) какие человеческие характеристики, какое поведение и действия инициируют зоонимическую пейоративную номинацию ребенка в ПР; 2) как номинации раскрывают параметры оценки; 3) в каком отношении находится зоонимическое пейоративное наименование ребенка в ПР с соответствующими наименованиями в современном сербском языке и нынешних призренско-тимокских говорах и 4) какие словообразовательные, лексические и когнитивные механизмы участвуют в реализации данных языковых единиц, т.е. их семантических реализаций. Такой методологический подход позволяет совершить 1) реконструкцию (зоонимическими пейоративными выражениями) концептуализации *ребенка как животного* в языковой картине мира и традиционной культуре пиротского края, а также и 2) рассмотрение отношений и определение (не)сходства с ценностной картиной мира сербского народа, созданной теми же или похожими лексико-семантическими средствами в современном языке.¹ Данный подход был применен в выше приведенных исследованиях автора на материалах фитонимической лаудативной номинации человека и зоонимической лаудативной номинации женщины с точки зрения возраста, причем вторая работа также содержит подробный сравнительный анализ данных наименований в ПР с соответствующими номинациями в призренско-тимокском ареале [Ратковић 2023б: 239–241].

Под лексикой пейоративного значения подразумеваются наименования отрицательной экспрессивной тональности, семантические поля которых содержат, помимо денотативного, коннотативное содержание, которое включает в себя оценочные, экспрессивные и эмоциональные семы, причем отрицательный оттенок может быть «пейоративным, презрительным,

¹ Термин *языковая картина мира* взят из теоретико-методологического аппарата Люблинской когнитивистской и этнолингвистической школы Ежи Бартминского, где его значение «интерпретация реальности, содержащаяся в языке, которая может быть представлена как комплекс суждений о мире, людях, вещах и событиях. Это интерпретация, а не отражение, субъективный портрет, а не фотография реальных объектов» [Бартмињски 2011: 46]. Об истории этого понятия см. [Бартмињски 2011: 41–46].

По методологическим причинам в этой статье мы ограничимся сравнительным исследованием данных пейоративных номинаций с соответствующими наименованиями в современном сербском языке и призренско-тимокских говорах.

насмешливым или ироничным» [Јовановић 2018: 604]. Для единицы негативного значения используется термин *пейоратив*.

Под термином *зооним*, который в славистике используется неоднозначно [ср. Новокмет 2020: 17–18], подразумеваются как собственные имена животных, так и названия видов и особей животных. Поскольку корпус этого исследования не содержит ономастических единиц, упомянутый термин в этой статье практически охватывает только названия видов и особей животных, и таким образом, по сути, в основном используется согласно значению данного термина в *Большом словаре иностранных слов и выражений* Ивана Клайна и Милана Шипке – ‘существительное, обозначающее какое-то животное’ [Клајн, Шипка 2012: 488].¹

Таким образом, под зоонимами понимаются языковые единицы, которые в описательных словарях сербского языка в значительной степени обозначены пометой «зоол.» [см. Новокмет 2020: 11] и которые структурно могут быть одно- и многокомпонентными. В материале пейоративных зоонимов в ПР данные названия включают:

– зоологическую терминологию: *јарц* ‘козел’; ‘бабник’, *лесица* ‘лисица’; ‘лукавая персона’, *мечка* ‘медведица’; ‘некрасивая, толстая, дряблая женщина’;

– народные названия животных: *беслеме* ‘ягненок на откорме’; ‘капризная и упрямая особа’; ‘глупая и неразумная особа’, *бица* ‘сильный вол’; ‘крупный и мощный, но тупой мужик’; ‘выходец из деревни, который не может приспособиться к жизни в городе’, *миник* ‘собака мелкой породы’; ‘человек низкого роста’.

Аналогично тому, как в исследовании фитонимических экспресивных номинаций человека (Ратковић 2021а; Ратковић 2022), здесь также включаются в анализ:

– все единицы, принадлежащие семантическому полю ‘зооним’, такие как соматизмы, характерные для животных, явления, связанные с поведением животных, состояние, в котором они находятся, а также и экскременты животных: *опашка* ‘хвост’ (в синтагме *селска опашка* ‘клеветница’), *пашњак* ‘желудок у жвачных, сычуг’; ‘беспольный (толстый) человек’; *мрцетина* ‘труп сдохлого животного, дохлятина’; ‘лентяй’; *пчешњак* ‘собачьи экскремент’; ‘злой человек, ничтожество’;

– производные лексических единиц, принадлежащих семантическому полю ‘зооним’: *коњача* ‘женщина, которая ведет себя как конь’; ← *коњ* ‘конь’; *лајало* ‘крикливая, скандальная особа, сплетница’; *лајач* ‘сплетник’

¹ Надо добавить и то, что этот анализ содержит также и существительные синтагмы зоологического значения (см. далее), что методологически отличает это исследование от исследования, например, С. Новокмета, который включает в анализ только моноклассические зоологические единицы [ср. Новокмет 2020: 12].

← *лајати* ‘ляять’; *напнивѣшка* ‘тщеславный человек, которому нечем гордиться’ ← *вѣшка* ‘вошь *Pediculus*’; *орлоглавка* ‘причудливая женская особа’; ‘сумашедшая женщина’, *орлуша* ‘непричесанная девочка’ ← *оръл* ‘орел’;

– существительные синтагмы, которые также содержат прилагательное с зоологическим значением: *пчешка сорта* ‘палач; злой человек’, *изоглавена жена* ‘женщина, которая не уважает своего мужа и делает то, что хочет’ ← *изоглавити се* ‘выдернуть голову из поводка (уздечки) или ярма’.

В анализ включаются слова, значения которых возникли в результате повторения одной и той же словообразующей модели, например: *мрдач* ‘тот, кто шевелится’ – ‘животное, которое не стоит на месте (при доении, стрижке, подковке)’; ‘ненадежный человек’, *гольѣц* ‘тот, кто голый’ – ‘червь, поражающий муку и зерновые культуры в амбаре’; ‘личинка в сыре’, ‘оборванец’; ‘самый нищий’, *ђубриштарка* ‘та, которая роется в помойке’; – ‘собака ищущая еду среди мусора на свалке’, ‘грязная женщина; клеветница, сплетница’; ‘распутная, промискуитетная женщина’.

Считается методологически обоснованным включить в рассмотрение и:

– единицы, основное, зоологическое значение которых по тем или иным причинам не указано в словарях ПР, т.е. единицы, мотивирующая зоологическая лексема которых не зафиксирована, например: *ајван* ‘скотинка; скот, скотина’; ‘безответственная особа’, *ајмана* ‘скотинка; скот, скотина’; ‘лентяй, тунеядец’; ‘безалаберный и непредприимчивый человек’, *бицман*, *бицманин* ‘(своевольный) человек большой и неизрасходованной силы’ < *бица* ‘бык’.¹

2. Лексика пейоративного значения в сербистике/сербокроатистике рассматривалась в рамках более широкого исследования лексем субъективной оценки – как на материале современного сербского языка, так и на диалектном материале с разных точек зрения: словообразовательной, лексико-семантической, семантически-прагматической, когнитивной, социолингвистической, лингвокультурологической, а также и с точки зрения методики преподавания родного языка и литературы. История этих исследований представлена в диссертации Й. Йованович, в которой предметом изучения являются пейоративы в сфере ‘человек’ в сербском языке, характерные для современного разговорного общения городской идиомы [Јовановић 2018: 24–50]. При этом одна глава представляет историю исследований метафор зоонимов [Јовановић 2018: 165–173], а следующая глава посвящена анализу пейоративных зоонимов [Јовановић 2018: 173–184].

¹ Определения значений лексем, обозначающих животных, взяты из академического словаря, Словаря САНИ [РСАНУ I: 42, 46, 588, 589].

Зоонимы в сербистике/сербокроатистике также были предметом изучения в области нескольких дисциплин – ономастики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, (сопоставительной) фразеологии, лексикологии, лексической семантики, грамматики – с разных методологических позиций. Обзор этих исследований дан в упомянутом выше монографическом исследовании о названиях животных в сербском языке с семантической и лингвистической точек зрения С. Новокмета [Новокмет 2020: 24–43], в которой зоологические лексемы рассматриваются на корпусе современного сербского языка, в основном из Словаря САНИ. Речь идет о самом обширном на сегодняшний день монографическом исследовании зоонимов на сербском языке [об этом см. Раткович 2021б].¹

2.1. На нашем материале выявлено 4 имени зоонимических существительных отрицательной экспрессивной тональности, которые относятся к ребенку: *голиштар* ‘детеныш, у которого еще не выросли перья’; ‘незрелый и несамостоятельный ребенок’; *тиља* ‘ребенок который еще не приучен к горшку’ ← *тиле* ‘цыпленок’; ‘птичка’; *кобилача* ‘девочка старшего препубертатного возраста’ ← *кобила* ‘кобыла’; *орлуша* шутил. ‘нечесаная девушка’ ← *орао* ‘орел’.

Как видно из толкований, сфера ‘возраст’ в одном перечисленном зоонимическом пейоративе пересекается со сферой ‘внешность’, в одном – со сферой ‘сексуальность’, а в двух – со сферой ‘духовные качества’, из-за чего это наименование также принадлежит группе зоонимических пейоративных единиц, называющих детей по их внешности и по духовным качествам.

С словообразовательной точки зрения, пейоративы *кобилача*, *орлуша* и *тиља* образовались путем суффиксации, с использованием формантов *-ача* и *-ја* и форманта пейоративной окраски *-уша* [Стевановић 1986: 537] тогда как имя *голиштар* полисемией (с помощью расширения значения) приобрело вторичное, переносное значение, которое относится к человеку, ребенку.

Животные, понятия которых представляют собой исходную область метафоризации в негативном назывании ребенка, – это кобыла, курица, птенец и орел. К ответу на вопрос, почему названия упомянутых животных в

¹ Наш критерий классификации материала несколько отличается от примененного в исследовании С. Новокмета и в этих отклонениях совпадает с методологией, применяемой в исследованиях зоонимических наименований человека других исследователей [Вельковић Станковић 2018; Јовановић 2018]. В частности, С. Новокмет не включает в зоонимические метафорические названия соматизмы, характерные для животных, и их производные [ср. Новокмет 2020: 12], в то время как упомянутые два автора в своих исследованиях рассматривают лексемы *њушка* ‘рыло’ [Вельковић Станковић 2018: 147] и *вимара* ← *виме* ‘вымя’ [Јовановић 2018: 183]. С другой стороны, в то время как С. Новокмет включает в анализ названия мифологических существ с зооморфными элементами (например: *змај* ‘змей’, *аждаја* ‘дракон’, *хидра* ‘гидра’, *кербер* ‘кербер’) [Новокмет 2020: 10], мы, так же как и Й. Јованович [Јовановић 2018: 161], такие имена не считаем лексическими единицами, принадлежащими семантическому полю ‘зооним’.

ПР используются как функция принижения человека с определенными характеристиками, придется, применив метод компонентного анализа.

2.1.1. Орнитонимы, в том числе *пиле*, – это названия животных, к которым в сербской культуре и фольклоре традиционно выражается положительное отношение [Новокмет 2020: 270–271].

В сфере ‘человек’ носитель ПР употребляет зооним *пиле* при названии дорогого молодого человека, тогда как уменьшительно-ласкательную форму *пиленце* – употребляет при названии младенца и маленького ребенка. В призренско-тимокских диалектах эти имена употребляют по отношению к (маленькому) ребенку – ср.: *пиленце* ‘хип. од пиле’; *пиле* ‘дете’ [Ђирић 2018: 678], *пиле* ‘мало дете’ [Митровић 1984: 236; Стојановић 2010: 644], тогда как в современном сербском языке упомянутые лексемы включают как дорогого молодого человека, так и ребенка. При этом, существительным *пиленце* еще называют несмелого человека и, в просторечии, красивую девушку [РСЈ: 928; РМС–(МХ) IV: 422; РСАНУ ХХ: 128–129, 130].

При переносе номинации от животного к человеку в лексемах *пиле* и *пиленце* активна сема количества/возраста (‘маленький/молодой’). Помимо этой семы в данной лексеме имеется еще сема физической характеристики (‘слабый, беспомощный’), которая транспонируется в сему положительной эмоциональной оценки (‘дорогой’).

Ментальную ассоциацию курицы с (дорогим) ребенком, метонимически с характеристиками и поведением положительной ценности в сфере ‘ребенок’, в современной сербской лингвокультуре иллюстрирует и *Обратный ассоциативный словарь сербского языка*, в котором лексема *пиле* появляется как реакция на стимулы: маленький 13; грудка 11; бульон 9; мясо 7; желтый 6; улыбается 5; дитя, съешь 3; колбаса 2; ребенок, от того, мозг, нежный, с нежностью, низкий, последний, радость, единственный, крохотный, виски, шея [Пипер, Драгићевић, Стефановић 2011: 438].

В семантической структуре существительных *пиља* и *голиштар* сема физической характеристики транспонируется в сему нежелательного духовного признака (‘незрелый’). Вместе с существительным *пиља* эта сема относится к ребенку инфантильного поведения (‘который все еще писается’). Примеры, иллюстрирующие употребление обоих существительных: «Још си голиштар, не мож повише знајеш од башту и мајћу» («Ты еще *голиштар*, ты не можеш знать больше, чем отец и мать») [Златковић 2014 I: 119] и «Ћути, пиљо један, још се умочујеш» («Молчи, *пиља*, ты все еще писаясь») [Златковић 2014 II: 120], указывают на то, что используются эти имена как упрек ребенку, который капризничает, не слушает старших.¹

¹ Частое мочеиспускание в сербской языковой культуре оценивается негативно и метафорически связано с плачем и слабостью, что также имеет отрицательное значение. Об этом свидетельствуют существительные,

Существительное *пиља* не зафиксировано ни в одном словаре. Именно поэтому его использование в ПР ценно.

Существительное *голиштар*, напротив, подтверждено в Словаре САНИ, в котором оно квалифицируется как лексический провинциализм в значении ‘птенец, у которого еще не выросли перья’, отмечено в Княжеваце, который находится к зоне призренско-тимочской зоне, в сборнике слов Властимира Станимировича (1899). Лексикографические источники нынешних призренско-тимокских диалектах дают подтверждение данной лексемы, а также множества ее фонетических, морфологических и словообразовательных вариантов. В некоторых источниках они имеют только значение животного, в некоторых и значение человека, пока где-то записаны только в значении человека.

В значении животного, детеныша птицы, у которой еще не выросли перья, Н. Живковић записывает формы *голиштар* и *голиштарче* [Живковић 1987: 21], пока Д. Златковић – *гољештар*, *гољиждар*, *гољиждре* (*пиле*), *гољишдарче*, *гољиштар*, *гољиштарче*, *гољиштарыц* [Златковић 2014 I: 121, 122], *гољиждарче* [Златковић 2020: 144], причем существительное *гољиждар* имеет значение и новорожденного ягненка или козленка [Златковић 2014 I: 121]. В других призренско-тимокских говорах в значении детеныша птицы находим: *голиштар* [Рајковић Кожељац 2014: 75]; *голиштарче* [Златановић 2014: 112]; *гољиштар*, *гољиштарче* [Динић 2008: 107]; *голуждрак* [Стојановић 2010: 140], *голуштрак* [Цветановић 2013: 40], пока Д. Чемериќић отмечает лексему *голошијанче*, которая относится к лысой курице или ягненку [Чемериќић 1950–].

Названия, которые первично указывают на птенца, еще не покрытого перьями, желтоклювого, а вторично на человека, встречаются в районах Црна Трава и Лужница и обозначают незрелого молодого человека, мальчика (*голиштар*), неодетого ребенка (*голиштарче*) [Тирић 2018: 124],¹ бедняка (*голиштар*) и бедного ребенка (*голиштарче*) [Стојановић 2010: 138, 139].

Одни и те же сферы (‘возраст’, ‘внешний вид’ и ‘социальный статус’) примерно с одинаковыми значениями характеризуются многочисленными соответствующими единицами (существительными и прилагательными), которые в некоторых языках относятся только к человеку. Наименьшее количество подтверждений значения, относящегося к человеку, которому

мотивированные глаголом, обозначающим указанное физиологическое действие, которые в Словаре САНИ лексически отмечены как вулгаризмы, а их значения, относящиеся к ребенку, имеют презрительный оттенок: *попишанац* вульг. 1. ‘теленек мужского пола, который часто мочится’; 2. фиг. презр. ‘слабак, трус; плакса, нытик’, *попишанко* вульг. ‘см. попишанац (1)’ [РСАНУ XXII: 495]. В призренско-тимокском районе мы находим соответствующую лексему в призренской речи середины прошлого века: *помочко* ‘который мочит под себя или в трусы, попишко’ [Чемериќић 1950–].

¹ В Лужнице *голошија* в переносном смысле относится к незрелому и ненаходчивому человеку, где оно в первую очередь означает птицу с голой шеей, а пример относится к петуху [Тирић 2021: 622].

нечего надеть, простому бедняку: *голиштар*, *голиштарка*, *голиштарче* [Јовановић 2004: 370]. Несколько больше примеров номинации молодого человека, который еще незрелый, *голиштак*, то есть тот, кто молод и неопытен, незрелый, либо который молод и неопытен, незрелый: *голошијес*, *голошијан* [Ћирић 2018: 124], *голуждрав*, *голуждракав* [Стојановић 2010: 140]¹ причем, примеры, иллюстрирующие значение молодого и неопытного человека, относятся к человеку с претензиями, в то время как более распространенное использование названия относится к человеку, который одет скудно, плохо или бедно. Человек, одетый скудно, бедно, называется лексемами: *голиждрав* [Жугић 2005: 58], *голиждрав*, *голиждравка*, *голиждравко*, *голиждравче*, *голиждрак*, *голуждрав*, *голуждракав*, *гольиждрив*, *гольиждривка*, *гольиждривко*, *гольиждривче* [Стојановић 2010: 138, 140], а тот, который плохо одет – *голуждрав*, *голуждракав*, *голужсьав* [Стојановић 2010: 140].

Концепт *ребенка* как *цыпленка* / *детеньшиа птицы* в негативном аспекте в ПР реализован через аксиологические параметры. Молодость связана с отсутствием зрелости и опыта, что оценивается негативно, особенно если такой человек ведет себя инфантильно, не в соответствии со своим возрастом, со своей зрелостью, а высказывает претензии.

В современном призренско-тимокском районе этот концепт является частью более широкого концепта, параметры реализации которого, помимо сферы 'возраст' ('молодость'), могут также включать сферы 'внешний вид' ('скудное, недостаточное или плохое одевание') и 'социальный статус' ('бедность'), тогда как целевым доменом, помимо 'ребенка', может быть также 'взрослый человек (мужчина, женщина)'.

В современном сербском языке, включая ассоциативную связь, концепт *человека* как *курицы*, в отличие от ПР, не имеет отрицательного значения, тогда как концепт *человека* как *детеньшиа птицы* показывает большое сходство с данным концептом в ПР, на что указывает употребление в современном сербском языке лексемы *голуждравац*, обозначающей в первую очередь птицу, у которой еще нет перьев, во вторую очередь – обнаженного ребенка мужского пола и в переносном и уничижительном смысле – неопытного, недорослого, незрелого юношу [РСЈ: 210].

2.1.2. У существительного *кобилача* уничижение также направлено на поведение, соответствующее возрасту. Разница лишь в том, что здесь не описывается человек, который ведет себя незрело и от которого ожидается, что он будет вести себя зрело, но особа женского пола, которая не осознает своей физической зрелости, но действует инфантильно. На это указывает пример, иллюстрирующий существительное *кобилача*: «Дрта кобилача, још

¹ Лексема *голишьак* в этом словаре означает 'голое место'.

се играш сас малечка деца; че почну момчетија да те гледају» («Старая *кобилача*, ты еще играешь с маленькими детьми; парни начнут на тебя смотреть») [Златковић 2014 I: 377].

Ассоциация девушки с кобылой основана на эротической символике, которую имеет это животное в сербской и других славянских культурах [СД II: 517–520].

Существительное *кобилача* в Словаре САНИ истолковано как ботаническое провинциальное название: ‘вид растения (травы)’ [РСАНУ IX: 687], но именно поэтому фамилия *Кобилачић*, с подтверждением из документа с конца XIV века [RJAZU V: 136], является ценным свидетельством того, что слово употреблялось именно так, то есть при именовании человека. В призренско-тимокских диалектах мы находим *кобилача* только в области Тимок, в значении с отрицательной коннотацией: ‘сильная, мужественная женщина, женщина, которая предпочитает выполнять мужскую работу, а не женскую’ [Динић 2008: 339].

В обоих диалектах *женщина* как *кобыла* концептуализируется с негативной стороны. В метафорическом переносе имени от животного к человеку в обоих диалектах (пиротском и тимокском) участвует сема коллективного выражения (‘репродуктивность’), а в тимокском еще и имманентная этой семе – сема ‘сила’, поскольку кобыла – животное большой силы и репродуктивной способности. Уничижительное наименование женщины существительным *кобила* характерно для сербской языковой картины мира, где это слово относится к лицу женского пола и его значение квалифицируется как «погрд.» («оскорбл.») [РСАНУ IX: 686].

2.1.3. У существительного *орлуша*, проиллюстрированного примером: «Бабина орлуша, она се не чешља» («Бабина *орлуша*, она не расчесывает волосы»), пейорация направлена на неопрятный внешний вид девушки, воплощенный в ее нечесаных волосах, похожих на взъерошенные перья орла.

Лексема *орлуша* не зафиксирована ни в толковых словарях сербского языка, ни в словарях призренско-тимокских диалектов.

В славянских культурах орлу присущи амбивалентные свойства: «Божья птица, царь птиц и владыка небес. У южных славян наделяется медиаторскими функциями: осуществляет связь между верхним и нижним мирами, свободно проникая в небеса и спускаясь в преисподнюю. Поэтому О. присущи амбивалентные свойства: он не только пользуется почитанием, но и имеет черты сходства с образом нечистой хищной птицы (см. Коршун). Царские и медиаторские функции представлены у сниженного двойника О. – самой маленькой птички как птичьего царька (см. Королек) (...) Болгары и сербы считают О. (...) предводителем градовых туч» [СД III: 558]. О поверье об орле как о предводителе градовых туч у сербов говорят авторы *Сербского*

мифологического словаря. Это поверье было широко распространено среди сербов, говорящих на диалектах призренско-тимокских и косовско-ресавских. В этих верованиях его часто отождествляли с драконом (серб. *ала*) [Кулишић, Петровић, Пантелић 1998: 338].

Отрицательная коннотация в ПР присуща производным от лексемы *орао*: *орлоглавка* ‘капризная особа женского пола’; ‘сумасшедшая женщина’; *орља* ‘стая орлов; стая хищников’; ‘большая группа незваных гостей’, у которых сема ‘агрессивность’.

Представление об орле как о хищной птице, которая может быть как защитником, так и хищником, отражено и в значениях лексемы *орао* в сербском языке, которая имеет как положительную, так и отрицательную коннотацию. Эта лексема имеет положительный оттенок, когда означает: героя; символ государственной, династической и т.п. власти; символ силы, могущества, победы; геральдический знак в виде орла (иногда с двумя головами) в гербе, на флаге и украшениях некоторых стран как символ власти, могущества и т. д.; народный танец (обычно сопровождающийся песней или музыкой), в котором игроки держатся за руки, музыка сопровождает игру, а также и посиделки, вечеринки, где исполняется коло. Отрицательный оттенок имеет значение игрока, охотящегося на других игроков в народной игре «квочка» [РСАНУ XVIII: 171–172], а поэтический – военный флаг [РМС–(МХ) IV: 181]. Амбивалентное значение *орла* отражается и в менталитете сербского носителя, где лексема *орао* выступает как реакция на стимулы, которые в коллективном сознании сербского народа имеют как положительный, так и отрицательный оттенок: «герб 55; гордый 3; жадный, нос 2; Черногория, Германия, глаз, освобожденный, синий, сказал, уродливый, серый, свобода, Сербия, сердце, жестокий, яркий, Вашингтон, флаг 1» [Пипер, Драгићевић, Стефановић 2011: 413–414].

В метафорическом переносе от животного (птицы) к человеку в существительном *орлуша* в ПР участвует сема отчетливого физического признака ‘взъерошенные перья’, а уничижительное значение подкрепляется использованием суффикса пейоративной окраски *-уша*.

Концептуализация *человека* как *орла* (*женщины* как *женщины орла*) реализуется с негативного аспекта, на аксиологических и физических параметрах, которые трансформируются в аксиологические.

2.2. Метод когнитивного анализа оценочных лексических средств Вероники Телия, согласно которому коннотативное значение экспрессивных лексем содержит еще и эмотивно-ценностный семантический компонент [Телия 1986: 5], позволяет сделать вывод о природе компонентов субъективной оценки в смысловой структуре оценочных лексических средств. По мнению Телия, этот рейтинг может быть: 1) общим, основанным на параметре «хорошо/плохо» и 2) эмоциональным, основанным на

парамetre «Я люблю/не люблю» / «Мне нравится/не нравится» [Телия 1986: 29–35]. Эта оценка определяется нормами и стереотипами данного языкового сообщества, которые представляют собой культурную информацию, содержащуюся в лексическом значении оценочных лексем [Телия 1986: 39].

Все перечисленные существительные отличаются средней степенью экспрессивности, поскольку выражают антипатию, отвращение к данным характеристикам. Применяя предложенную Телия структурную модель лексического значения экспрессивного выражения, получаем семантическую структуру, напр., имени для нечесаной девушки: *орлуша*: лицо + женское + нечесаное + что, как известно, плохо, нежелательно + поэтому я выражаю антипатию к человеку с такими характеристиками + делаю это, выбирая в названии уничижительное имя, которое открыто выражает свою негативную оценку.

3. Хотя уничижительных имен для младенцев в ПР нет, носители пиротского диалекта также используют уничижительные зоонимы для детей старше одного года. Это логично и потому, что с развитием психомоторных навыков, приобретением прямохождения и речи как необходимых качеств взрослого человека [Требјешанин 1991: 366], действия, совершаемые ребенком, становятся все более осознанными. Отклонение от норм их выполнения (бесконтрольное выполнение физиологических действий, отсутствие самостоятельности), которое у младенца воспринимается с сочувствием, что подтверждается соответствующими хвалебными названиями в ПР, *сисавче* / *сисалче* [Ратковић 2023а: 107], у ребенка с развитыми психомоторными способностями это отклонение воспринимается как нежелательное, и поэтому ребенку, которому свойственно такое поведение, дают уничижительное имя.

Пейорация направлена на незрелость и несамостоятельность (*голиштар*), что касается, в частности, игр с детьми (*кобилача*), бесконтрольного выполнения физиологических действий (*пиља*) и неопрятности (*орлуша*).

Незрелый ребенок, ведущий себя капризно (не слушает старших), и девочка, поведение которой свойственно младшему ребенку (любит общаться с маленькими детьми), – получают уничижительные имена.

С точки зрения гендерной дифференциации, к детям женского и мужского пола обращаются одинаково.

Лексемы *пиља* и *орлуша* отсутствуют во всех словарях, а от *кобилача* остались «следы», в форме фамилии *Кобилачић*, и в призренско-тимокском районе в Тимоке в значении: ‘сильная, мужественная женщина, женщина, которая предпочитает выполнять мужскую работу, а не женскую’. Лексема *голиштар*, с другой стороны, подтверждает ее использование в призренско-

тимокских диалектах на протяжении более столетия, а в современных диалектах используется та же концептуализация ребенка, что и в ПР, и речи соседней Лужницы.

Литература

Вельковић Станковић Д. Како мислимо речи: прилози проучавању когнитивних аспеката српске лексике. Београд: Филолошки факултет Универзитета, 2018. 274 с.

Гура А. Симболика животиња у словенској народној традицији / Перев.: Људмила Јоксимовић, Снежана Ранковић, Вера Лазаревић, Светлана Богојевић, Весна Маричић, Мирјана Грбић. Београд: Бримо – Логос – „Глобосино“ – Александрија, 2005. 640 с.

Ђурић Т. Језичка слика детета у „Речнику косовско-метохишког дијалекта“ Глише Елезовића: мастер работа. Београд: Филолошки факултет, 2020. 79 с.

Јовановић Ј. Лексика погрдног значења у именовању човека у српском језику: докторска дисертација. Београд: Филолошки факултет, 2018. 668 с.

Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Етнографски институт САНУ – Интерпринт, 1998. 485 с.

Новокмет С. Називи животиња у српском језику: семантичка и лингвокултуролошка анализа. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2020. 340 с.

Ратковић Д. Фитонимски пејоративни називи за човека у пиротском говору (лингвокултуролошки аспект) // *Slavistica Vilnensis*. № 66(2). Vilniaus: Vilniaus universiteto leidykla, 2021. S. 109–124. – Ратковић 2021а.

Ратковић Д. Зооними у српском језику: семантичка и лингвокултуролошка анализа // *Јужнословенски филолог*. № 66(2). LXXVII/1. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. С. 262–270. – Ратковић 2021б.

Ратковић Д. Ботаничка лексика и терминологија лаудативног значења у именовању човека у пиротском говору // *Фолклористика*. № 7(1). Београд: Удружење фолклориста Србије, 2022. С. 67–90.

Ратковић Д. Лексика лаудативног значења у именовању човека у пиротском говору (лингвокултуролошки аспект) // *Јазикот како запис на културата во етнолошката и лингвистичка анализа на релација Србија – Македонија*. Т. 2. Језик као запис културе у етнолошкој и лингвистичкој анализи на релацији Србија – Македонија. Т. 2 / ред. Веселинка Лаброска и Станислав Станковић. Скопје: МАНУ – Београд: САНУ, 2023. С. 99–129. – Ратковић 2023а.

Ратковић Д. Зоонимска лаудативна номинација жене с аспекта старосне доби у пиротском говору // *Јужнословенски филолог*. № LXXIX/2.

Београд: Институт за српски језик САНУ, 2023. С. 239–258. – Ратковић 2023б.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. – СД.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма). Увод. Фонетика. Морфологија. 4-е изд. Београд: Научна књига, 1986. 653 с.

Телия В. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 152 с.

Требјешанин Ж. Представа о детету у српској култури. Београд: Српска књижевна задруга, 1991. 423 с.

Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008. 951 с.

Живковић Н. Речник пиротског говора. Пирот: Музеј Понишавља, 1987. 188 с.

Жугић Р. Речник говора јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник. № ЛП. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2005. С. 1–470.

Златановић М. Речник говора јужне Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање: Учитељски факултет, 2014. 811 с.

Златковић Д. Речник пиротског говора. Т. I–II. Београд: Службени гласник, 2014.

Златковић Д. Допуна Речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник. № LXIV. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2017. С. 603–993.

Златковић Д. Друга допуна Речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник. № LXVII. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2020. С. 123–296.

Златковић Д. Трећа допуна Речнику пиротског говора // Српски дијалектолошки зборник. № LXIX. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2022. С. 103–280.

Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. № LI. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2004. С. 313–688.

Клајн И., Шипка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад: Прометеј, 2012. 1680 с.

Митровић Б. Речник лесковачког говора. Лесковац, 1984. 386 с.

Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Обратни асоцијативни речник српскога језика (II део; од реакције ка стимулусу). Београд: Службени гласник – Београдска књига, 2011. 720 с.

Рајковић Кожељац Љ. Речник тимочког говора. Неготин, 2014. 658 с.

Речник српскохрватскога књижевног језика. Т. 1–3. Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967–1969. Т. 4–6. Нови Сад: Матица српска, 1971–1976. – РСМ–(МХ).

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. I–XXII. Београд: Српска академија наука и уметности – Институт за српски језик САНУ, 1959–2023. – РСАНУ.

Речник српскога језика / ред. Мирослав Николић. Нови Сад: Матица српска, 2007. 1561 с. – РСЈ.

Стојановић Р. Црнотравски речник // Српски дијалектолошки зборник. № LVII. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2010. С. 1–1060.

Ђурић Љ. Речник говора Лужнице // Српски дијалектолошки зборник. № LXV (2). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2018. С. 1–1166.

Ђурић Љ. Допуна Речнику говора Лужнице // Српски дијалектолошки зборник. № LXVIII. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. С. 605–771.

Цветановић В. Речник заплањског говора. Гацин Хан: Н. Б. «Бранко Миљковић». 249 с.

Чемериќић Д. Збирка речи из Призрена. Картоотека Института за српски језик САНУ. Београд, 1950–.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Т. I–XXIII. Zagreb: JAZU, 1880–1976. – RJAZU.

Ratković Dragana

Zoonymic pejorative names of child in the Pirot speech

The work presents a multidimensional (linguocultural, lexical-semantic, word-formative and cognitive) analysis of nouns and noun syntagmas of negative expressive tonality, which primarily refers to the realities from the animal world, and secondarily to children in the Pirot dialect. The corpus consists of two dictionaries of the Pirot dialect: Novica Živković [Živković 1987] and Dragoljub Zlatković [Zlatković 2014; 2017; 202; 2022]. The author examines the listed lexical units by comparing them with the corresponding linguistic units in the modern Serbian language and Prizren-Timok dialect in order to answer the questions related to: 1) human characteristics, behaviors and actions in Pirot speech which initiate negative characterization of a person with a zoonymic pejoratives; 2) that reveal evaluation parameters; 3) the relation of the zoonymic pejoration of child in the Pirot dialect with the same names in the modern Serbian language and current Prizren-Timok dialect; 4) word-formative, lexical and cognitive mechanisms that are involved in the implementation of these linguistic units, i.e. their semantic implementations. Such a methodological procedure

enables (1) reconstruction of the conceptualization of *child* as a *animal* outlined by *zoonymic pejoratives in the linguistic picture of the world and in the traditional culture of the Pirot region, as well as (2) consideration of relations and determination of (un)similarity* with the image of the world in the modern Serbian language developed by the same lexical-semantic means.

Keywords: Pirot speech, modern Serbian language, pejorative, zoonym, child, traditional culture, linguistic picture of the world.

Стародубцева Наталья Анатольевна
Тупикова Наталия Алексеевна
Волгоградский государственный университет
Волгоград
na_starodubceva@volsu.ru
na_tupikova@volsu.ru

**Ф.П. Сороколетов об основных подходах к описанию лексики говоров
и «реальные дефиниции» слов в речи диалектоносителей
(по материалам полевых экспедиций в Волгоградской области)¹**

В статье рассматриваются основные подходы к исследованию лексического материала, сформулированные Федором Павловичем Сороколетовым в трудах по проблемам диалектологии, семантике русского языка; определяются приоритеты, значимые для ученого при описании языковых единиц в диалектных словарях и апробированные им в лексикографических изданиях; выделяется ряд актуальных и дискуссионных вопросов, которые требуют дополнительного осмысления в связи с возникающими трудностями изучения диалектных и региональных явлений в современных условиях функционирования русского языка и межъязыкового взаимодействия. С позиций, выдвигаемых в работах Ф.П. Сороколетова, анализируется массив фактов, собранный в полевых условиях на территориях бытования донских говоров Волгоградской области и зафиксировавший специфику лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев (их потомков), представителей хохлацкого населения, осознающего себя частью русского народа. В предложенной Ф.П. Сороколетовым типологии способов толкования лексики особое внимание уделяется «реальным дефинициям», которые можно квалифицировать как способ наиболее полного, концентрированного отражения в живой речи и диалектной среде практического опыта носителей традиционной (материальной и духовной) народной культуры.

Ключевые слова: Ф.П. Сороколетов, речь диалектоносителей, лексические параллели, «реальные дефиниции».

В работах Федора Павловича Сороколетова оставлено научное наследие по многим вопросам лексикологии и лексикографии. Ученый поднимал важнейшие проблемы как методологического, так и частного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>

характера применительно к истории и современному состоянию этих наук. Ключевое внимание в трудах профессора уделено принципам описания лексической системы русских народных говоров и специфике их реализации в отечественной традиции. Придавая большое значение семантической стороне слова, исследователь неоднократно указывал в своих работах на качественное различие в филологических и энциклопедических толкованиях, обосновывал необходимость совмещения данных подходов для описания диалектологических данных.

Диалектная лексическая макросистема рассматривалась Ф.П. Сороколетовым, прежде всего, с позиций историзма. Это, в частности, сформулировано в следующем постулате: «Диалектная макросистема в определенном смысле является более широким образованием, чем литературный язык, поскольку она объединяет всю полноту русских диалектов, содержит значительное количество лексем, являющихся общим восточнославянским наследием. Именно поэтому она оказывается (несмотря на заимствования из местных языков) содержательно наиболее исконной, наиболее русской» [Сороколетов, Кузнецова 2006: 533]. Такого рода рассуждения связаны с проблемой соотношения диалектной лексики и единиц общенародного языка, с вопросами отражения в словарном составе говора слов общеупотребительных. Из признания того, что основу любого диалекта составляют единицы, известные и литературному языку, следует теоретический постулат, утверждающий необходимость рассмотрения сходных процессов в названных подсистемах. Федор Павлович Сороколетов указывал: современная диалектная макросистема в известной степени не лишена тех же явлений и процессов, что и «судьба» литературной семантической системы, где наблюдаются разнообразные взаимодействия, наращение смысла, постоянное движение и перемещение; это объясняется двояко: специфическим характером существования диалектной макросистемы в устной форме; развитием связи с литературной разновидностью, соседними диалектами и местными языками [Сороколетов, Кузнецова 2006: 533].

Названный постулат применительно к нашему исследованию выделим особо, поскольку Волгоградская область, как известно, относится к территориям позднего заселения, для ее лингвистического ландшафта характерна неоднородность, объясняемая с исторической точки зрения: Волго-Донское междуречье, начиная с XV–XVI вв., осваивалось выходцами из губерний, расположенных вблизи юго-восточной границы Руси. «В основу донских говоров, – считают волгоградские диалектологи, – легла речь крестьян, пришедших, прежде всего, из различных южнорусских губерний. В эту речь влились элементы из украинского языка» [Кудряшова, Брысина, Супрун 2003: 282]. Повлияло также адстратное взаимодействие с

различными языками соседних народов, в результате чего в течение длительного периода сложилось бытование донских говоров, лексический состав которых «содержит общенародные, интердиалектные, южнорусские и специфические единицы» [Кудряшова, Брысина, Супрун 2003: 283]. Наряду с ними получил распространение так называемый «хохлячий» говор, элементы которого, как правило, выступают в смешении с русской обиходно-разговорной речью, его носители по большей части осознают себя частью русского народа, а прозвищный этноним «хахлы» (с «аканьем»), закрепившийся за переселенцами, не используется в диалектной среде с пренебрежительным значением [Этнографическая энциклопедия 2017: 334–335, 335–337].

Федор Павлович Сороколетов как диалектолог в сборе материала отдавал приоритет непосредственному наблюдению диалектологических фактов, мечтая о том, чтобы приблизиться к отражению в словаре всего богатства лексических средств, которое потребует «вызвать к жизни все возможные ситуации, проследить и зафиксировать речь носителей диалекта решительно во всех проявлениях их многосторонней жизни и деятельности» [Сороколетов 2011: 49]. Ученый постоянно подчеркивал необходимость создания «надежной эмпирической базы» для осуществления объективного наблюдения фактов [Сороколетов 2011b: 376]. Современные исследователи, нацеленные на кропотливое собирание диалектного материала и его систематизацию, не могут не следовать этому принципу работы. Анализируемые нами факты словоупотреблений раскрывают специфику использования лексикона носителей донских и украинских говоров в местах контактного проживания представителей этих этнических групп населения на территории ряда районов (Киквидзенский, Иловлинский, Михайловский, Урюпинский районы Волгоградской области). Данные, собранные в диалектологических экспедициях и зафиксированные с помощью прямого интервьюирования информантов в живом общении, извлечены из корпуса текстов – расшифрованных записей речи, включающих как воспоминания мемуарного характера, так и фрагменты бесед, которые характеризуют актуальный обиходно-бытовой контекст сегодняшнего дня, реальной действительности. Их интерпретация позволяет показать многообразие функциональной семантики слова, связи, раскрывающие процессы взаимодействия и взаимопроникновения элементов общенародного языка и диалектов.

Системное осмысление материала и глубокий анализ конкретных фактов постоянно возвращали Ф.П. Сороколетова к пограничным, а где-то имеющим и ключевое значение вопросам, в частности, к «рефлексии» самих носителей диалектов, к их языковой компетенции, которая лежит в основе реальных механизмов порождения речи как источника изучаемых

диалектологом явлений. Примеры «рефлексии носителей языка» (см. понятие: [Русаков, Сай 2006: 154]) находят отражение при таком словоупотреблении, которое ученый квалифицирует как эквивалентность, то есть «столкновение» соотносительных элементов, а также как двоякую его особенность: когда слово, пришедшее из другой системы, полностью освоено данным говором и, значит, в практике употребления существует наравне с «исконным» либо когда не вошедшее в словарный состав говора лексика известна носителям языка, но осознается, а значит и используется как «чужая» [Сороколетов 2011а: 196]. Применительно к нашему исследованию «рефлексия» носителей говора и языковая компетенция говорящих проявляется в адекватных пояснениях информантами предметно-понятийных соответствий, характеризующих реалии их жизни в полиэтническом социуме, чаще в диалоге с диалектологом, когда это отвечает целям опроса. Таким образом, в речи монолингвов и билингвов используются разные способы семантизации лексических единиц. Понятие «семантизация» как отображение «кванта знаний» о мире [Плотникова 2013: 47] здесь в определенном смысле условно, если учитывать мнение специалистов-диалектологов о том, что пояснительные (метаязыковые) высказывания носителей говоров имеют, скорее, иллюстративный, а не дефиниционный характер и представляют собой примеры из языковой практики говорящих с опорой на типичную ситуацию употребления поясняемого слова, а не определения с таксономическими чертами [Мызникова 2015: 151]. Тем не менее, имея в виду, что «одной из важнейших функций диалекта как устной формы коммуникации является передача культурно значимой информации от одного поколения к другому» [Волошина, Демешкина 2012: 14], можно рассматривать случаи толкования слов диалектоносителями как маркер фиксации практического опыта человека в семантико-смысловой стороне единиц, которые выступают также и фактической реализацией того соединения филологической и энциклопедической информации, о котором идет речь в одной из фундаментальных работ Ф.П. Сороколетова [Сороколетов, Кузнецова 1987: 211].

Учитывая массив анализируемых нами языковых фактов – лексикона жителей населенных пунктов со смешанным проживанием донских казаков и украинских переселенцев (их потомков), понятие *диалектоноситель* в рамках данного исследования определяется следующим образом: это носитель обиходно-бытовой речи, которая отражает общие особенности функционирования языка в его устно-разговорной, непринужденной, форме, включает региональные языковые черты, формируемые под влиянием местных говоров, а также объективных факторов социально- и культурно-исторического порядка, определяемых ключевой ролью языка титульной

нации, длительным использованием родственных диалектов в полиэтнической среде общения, межъязыковыми (междиалектными) контактами коренных жителей и переселенцев (их потомков), осуществляющих деятельность, связанную с традиционной (материальной и духовной) народной культурой [Тупикова 2024: 158].

Среди основных способов передачи семантики диалектных слов Ф.П. Сороколетов называет: а) приведение литературного эквивалента; б) краткие филологические толкования; в) энциклопедические толкования для ряда слов и значений [Сороколетов, Кузнецова 2011с: 382]. Пояснения слов, отмеченные в имеющихся у нас записях речи диалектоносителей, укладываются в данную классификацию и отражают разную языковую компетенцию опрошенных информантов: тех, которые осознают отдельные отличия от родного языка (говора); тех, которые свободно переключается с русского на украинский (хохлацкий) говор; тех, которые осознает свои этнические корни, предпочитая при этом не говорить на диалекте.

а) Зафиксированы полные и частичные внутриязыковые (литературные – диалектные) эквиваленты: **арбузный мед – нардек, беременная – на тяхостях, ковшик – корец, окунь – чекомас, сарай – котух** и др.; межъязыковые (междиалектные) эквиваленты: **делать – робити; простокваша – гляганка, ставень – віконниця, сундук – скриня, фартук – запона/запонка** и др.

Семантизация на основе эквивалента часто грешит неточностью приводимых соответствий, а иногда и ошибок, от чего особенно диалектологов предостерегал Ф.П. Сороколетов. Например, в записях речи информантов: **дудаки в полях – большие гуси, можем так сказать; дежа, ну кадушка называется; клёцки – по-казацьи галушки; ушнік они делали, молоко, кислое у нас называют молоко**. Диалектным словам в донских говорах **дудак, дежа** соответствуют полные эквиваленты в литературном языке: ‘дрофа; крупная степная птица с длинной шеей и сильными ногами’ [СДГВО: 154]; ‘корыто для теста; квашня’ [СГДВО: 136], **галушки** в донских говорах – ‘вермишель, лапша’ [СДГВО: 104], украинское слово **галушкі** соответствует русскому литературному ‘клёцки’ [УРС: 765], ‘кушанье из кусочков теста, сваренных в воде’ [Авдеева I: 85]; ошибочно толкуется информантом слово **ушнік**, которое в донских говорах означает ‘суп из курицы, утки или гуся с домашней лапшой’, ‘суп из сушеной вишни с лапшой’ [СДГВО: 619].

б) Один из способов семантизации в речи диалектоносителей можно соотнести с филологическими толкованиями [Сороколетов, Кузнецова 2011с: 385–386], то есть определением значения дефинитивно-описательным способом, сочетающим краткую лингвистическую информацию и элементы конкретизации, которые могут указывать на функцию, назначение: *Ну,*

чугунки с печки захватить – **ухваты**. **Цапальник** – это сковороды цеплять. А **рогач** – это чугунки; **Двуколка, сани, телега, рондак** – цэ всё разные называют: на **рондаке** сино возили, на **двуколке** самому доихать, на **сани**, шобы по снугу, **телега** – куда шось перевезти или пириихать; внешние, количественные, качественные параметры: то **копна** стоит, это вот она круглая, и вот так, а это **скирд** большой стоит вытянутый; и **горшки**, и **глэчики**, молоко цедили, **махоточки** – то ж туды масло кладэшь, маленька **махоточка**, а ти **глэчикі** были трёхлитрови и двухлитрови. А **чугун** был такий, як алюминиевые или дюралюминиевые, шоб в печке не згорал; пространственные, временные уточняющие признаки: **Хлив**, ну хлив, там це, где корова живе, а если там, где дрова, то **сарай**; типовые и характерные детали реалий: У мамы была **гейша**, у папы был **кожух** такий, як в талиш так сиштый, а туды расклешенный был. А **гейша**, ну як **фуфайка**, тольки оно само сишито, и так она с щохлами была, як будто **куртка**, но звали **гейша**; материны **гусары**, тогда называли вот эти вот ботинки, как сейчас **сапоги**, на шнурках и немножко на каблучке; содержательно-смысловое наполнение лексемы, раскрывающее признаки, обстоятельства, условия: Муж уехал там куда-то на работу, в армию уиёл, жена осталась, она как бы замужем, а мужа рядом нету – **жалмерка**; тождество, аналогию, соответствие: Ну, утром примерно, скотину выгонят на улицу, ну и на поле, и лягают **зоревать** – спать ложатся; **пасхой** называўся **кулич**; на **провесень** – ну, ближе к весне и др.

в) Рассуждая о принципах определения значений слов, Ф.П. Сороколетов писал о неизбежном сопряжении экстра- и интралингвистического аспектов дефиниций. В первую очередь это важно для лексики с этнокультурным компонентом, этнографизмов в широком смысле слова, фиксирующих общие и особенные черты материальной и духовной жизни народа, его социального уклада, быта. Практической целесообразностью называл ученый то, что пронизывает большинство толкований слов, которые приводят в своих рассказах информанты: такой способ семантической характеристики лексической единицы, при котором осуществляется переход «от определения значения к раскрытию, описанию идей, понятий и реалий внешнего мира (внеязыкового содержания)», Федор Павлович называл «реальные дефиниции» [Сороколетов, Кузнецова 2011с: 387]. Названные толкования обеспечивают закрепление в лексике национальных особенностей членения внеязыковой действительности, отражают факты народной культуры с разных сторон [Сороколетов, Кузнецова 1987: 211]. Данный тип сочетает филологическое и энциклопедическое в определении значения. С таких позиций должен описываться, считал исследователь, прежде всего, массив этнографической промысловой, бытовой, обрядовой, мифологической и т.п. лексики,

называющей отличительные черты жизни русского крестьянства определенного региона, характеризующей специальные занятия, обычаи, приметы, традиции и т.д.

Названный способ является типичным в речи диалектоносителей. К «реальным дефинициям» мы относим те случаи, когда лексика в контексте выступает ключевым средством формирования содержательно-смыслового единства тем, выделяемых при сегментации текстов. В границах тематических областей (сфер: материальная, духовная культура) возможно разграничение тем и микротем, в которых детализированы ситуации и микроситуации, соотношенные с этнокультурной информацией в лексиконе диалектоносителей. Это позволяет уточнить типологию, объем «реальных дефиниций» в практическом плане для включения в словарные статьи лексикографических изданий. Темы выделяются нами на основе отображения тех или иных взаимосвязанных отрезков действительности, которые находят опосредованное выражение в ключевых лексемах тематических и лексико-семантических групп единиц, объединенных благодаря «внеязыковым связям» на базе предметно-логической общности и с учетом языковых показателей (в тематических – при доминировании внелингвистических принципов деления, функциональности, в лексико-семантических – при доминировании внутрilingвистических принципов, инвариантности) [Шмелев 1964: 130; 1973: 103–104]; микротемы, отражая фрагменты тем, дифференцируются по семантико-смысловым признакам в составе выделенных множеств в рамках отдельных тем и включают обозначения одного из звеньев предметного мира, а также соответствующих ему лиц, предметов, явлений, признаков, процессов; ситуации репрезентируют типовые модели употребления лексических единиц при характеристике обстоятельств, условий, обстановки, положения кого-, чего-л.; микроситуации рассматриваются как компоненты ситуаций, которые могут быть вербализованы через ряд моделей в их лексическом наполнении [Тупикова, Стародубцева 2023: 52–53].

В речи диалектоносителей «реальные дефиниции» отражают наиболее значимые для информантов темы. Среди них тема «Труд на земле, в коллективном и личном хозяйстве», в рамках которой в высказываниях выделяется, в частности, микротема ‘орудия для полевых работ в коллективном хозяйстве’. Так, в рассказе информанта отражена, например, ситуация прополки при выполнении специальных работ с использованием ключевого слова, обозначающего орудие для полевых работ: *ходили полоть хлеба. Вот были такие **чистики** у нас. Тоже вот тут деревячка, а тут сделана, это, ну вот как лопаточка заостренная. И вот ими ходили мы по полям, и вот так вот под корень сшибали яво, эти, травы разные, – **чистик***. В приведенном примере *чистик* – ‘металлический треугольник,

прикрепленный к палке, который используется для прополки' [СДГВО: 659]. Толкование дается с помощью выражения объектно-обстоятельных компонентов ситуации разрушительного воздействия и образа действия, пространственного кокретизатора (*сшибать под корень травы разные, по полям*), в микроситуации обозначены отношения аналогии при сравнении объектов (*сделана как лопаточка заостренная*) и др. Примером «реальной» дефиниции является также реализация микротемы 'полевые и огороднические работы, садоводство в личном подсобном хозяйстве, «мужское – женское» в подсобном хозяйстве', которая выражена в ситуации скирдования, развертываемая на основе микроситуаций, представляющих последовательность этапов формирования скирды: *Мать учила нас всех разлаживаешь. Чтоб скирд стоял хороший. Ходишь по этому скирду, разлаживаешь по бокам, потом бегаешь кругом по этому скирду и толочешь, толочешь, а потом середку забиваешь, забиваешь середку, поравняешь с боками, выкладываешь бока. А потом потихонечку начинаешь высоко кидать, начинаешь сужать верх, чтобы он получился, чтобы не затекал.*

По типу «реальных дефиниций», как правило, информанты дают толкования в рамках тем «Исконные трудовые занятия: традиционные промыслы» и «Пища. Напитки. Национальные блюда, их приготовление». Примером может служить микротема 'этапы промысла, способы и приемы промысла, промысловые действия', зафиксированная при описании ситуаций вылова рыбы на Дону: *Зимой катицы рубили из лёда. Катёц – эт такое, когда озеро встанеть, замерзеть, метр, наверное, толщины на озере, начинают рубить катицы, вырубать такую полукругом, туды потом станеть человек и в одной стенке прорубить окно, в одной стенке, в катцах, тута сверху накроют, там палки положат или что такое иль соломой сверху, котлован сделают, там тёмно, а тута, недалеко от катца, костёр жгут. Рыба идеть на свет ночью. И вот она в окно найдеть, суды, в этот самый в котлован, какой сделали (котёц/котицы – 'прорубь особой формы, часто с плетёной загородкой, для ловли рыбы' [СДГВО: 265]).* В микротеме 'блюда казачьей кухни, рецепты их приготовления' при опросе информанта – представителя хохлацкого населения – диалектоноситель описал собственные кулинарные традиции, свойственные, однако, не только украинской, но и казачьей пищевой культуре, что является свидетельством своеобразных скреп, которые сложились в этнокультурном континууме на территориях бытования донских говоров: *затирика – то муки сыпишь примерно чашку и поливаешь ее или молоком, или водичкою. И трэшь ее так, и трэшь. Она такими крупчиками. Потом на газету росстелю ее на стол и потру, потру ее, она трошки присохне. А потом картошку очистю, ну вода настояща, присна вода, як картошка зварится,*

потолчу ее и засыпаю цю затирку. Ложкой мешаю, мешаю, мешаю, ну а потом масличком помастю, и она вкусна, хороша. И розыньцы печу я тоже. Замесю тоже простоквашу, сметанки там положу, яичко разобью, сахарём посыплю. Ну и замесю его, потом раскатываю такой корж, прям большой, и рижу ножом, на такую полоску. Вот так разрижу, вывертаю. Опять же жарю в масле. У вас же хворост, а мы розыньцы называем (затирка – ‘жидкое кушанье из комочков затертой муки, сваренных в муке или молоке; мучной суп’ [СДГВО: 200], затірка – ‘суп с кусочками особым образом затертого теста’ [Авдеева I: 140]; розанцы – ‘род сухого печенья из тонких полосок пресного теста, изжаренных в масле; хворост’ [СДГВО: 318], розанці/розинці – ‘печенье из тонких полосок теста, сваренных в масле; хворост’ [Авдеева II: 176]).

При выделении тем в речи диалектоносителей в составе «реальных дефиниций» встретился материал, который Ф.П. Сороколетов относит к иллюстративному способу отражения семантики слова, когда культурно-исторический (этнокультурный) компонент не входит в состав лексического значения, а выявляется в широком контексте при сопряжении с обозначенными фактами, событиями в какой-л. сфере деятельности, традиции, обрядности и др. [Сороколетов, Кузнецова 2011с: 388]. Ключевое слово толкования при этом занимает второстепенное место, выдвигая в качестве основы иллюстрацию чего-л., цитирование и под. Например, в теме «Традиционные транспортные средства»: *А вот долблёнка, хитрого тоже ничего нет, вот есть ствол дерева, что вы можете выдолбить и уже поплыть на турецкие корабли. Ну такую лодку ещё для чего использовали? Не только для походов, но если два казака ругались между собой, и местные, атаман, не мог их помирить, а мы, если знаете, Волгоградская область относится ко Второму донскому округу, станицей окружной является Нижний Черкас. Где это находится? Ростов. Если два казака ругались, то их отправили на этой лодке как раз-таки к окружному атаману. В Ростове находится как бы главный наш атаман. Поэтому эти два человека должны были проплыть по Иловле речке до Дона, по Дону проплыть до Ростова. В документах описывается, что приплывали они лучшими друзьями, поскольку Дон раньше разливался, то есть фарватер, так скажем, менялся немножко, поэтому они переворачивались, они тонули, спасали друг другу жизнь, поэтому таким способом они мирились.*

Приемы семантизации лексических единиц отражают уникальность языка как саморегулирующейся системы, его способность концентрировать человеческий опыт. «Реальные дефиниции», которые Ф.П. Сороколетов особо выделял в семантической характеристике диалектных слов как способ семантизации, являются своеобразным выражением языкового сознания носителей говоров. Пронализированный материал показывает, что такого

рода толкования, представленные в речи разных этнических групп населения, смешанно проживающего в конкретной местности, требуют дополнительной типологизации в целях совершенствования лексикографической практики. Кроме того, они должны быть осмыслены как факты отражения этнического самосознания и картины мира в системе развивающихся цивилизационных моделей, ориентированных, с одной стороны, на формирование современной толерантной речевой среды, с другой – на сохранение уникальных форм речевого поведения в традиционной (материальной и духовной) народной культуре.

Литература

Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области. В 2 т. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та., 2008–2012. Т. 1. 2008. 228 с.; т. 2. 2012. 307 с.

Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. № 3 (19). 2012. С. 14–20.

Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И. Донской диалект русского языка // Стрежень: Научный ежегодник / под ред. М.М. Загорюлько. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 280–284.

Мызникова Я.В. Лексикографические рефлексии диалектоносителя // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электрон. науч. журн. № 3 (11). 2015. С. 151–154.

Плотникова А.М. Семантизация слова в современных толковых словарях и словарях концептов: новые тенденции // Филологический класс. № 3 (33). 2013. С. 47–50.

Русаков А.Ю., Сай С.С. О металингвистических представлениях и самоидентификации носителя диалекта // Грани русистики: Филологические этюды: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора В.В. Колесова. СПб.: Филологич. факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 154–162.

Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е перераб. и доп. Волгоград: ГУ «Издатель», 2011. 704 с. – СДГВО.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Историзм как определяющий принцип «Словаря русских народных говоров» // Грани русистики: Филологические этюды: Сборник статей, посвященный 70-летию

профессора В.В. Колесова. СПб.: Филологич. факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 532–541.

Сороколетов Ф.П. О теоретических установках одного областного словаря // *Сороколетов Ф.П.* Избранные труды / Сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; Отв. редактор С.А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011. С. 43–55.

Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика как система // *Сороколетов Ф.П.* Избранные труды / Сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; Отв. редактор С.А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011а. С. 191–200.

Сороколетов Ф.П. Словарь современного русского языка и его эмпирическая база // *Сороколетов Ф.П.* Избранные труды / Сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; Отв. редактор С.А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011б. С. 373–378.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Семантическая характеристика слов в диалектном словаре // *Сороколетов Ф.П.* Избранные труды / Сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетова; Отв. редактор С.А. Мызников; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2011с. С. 379–394.

Тушикова Н.А. Этнолингвистические скрепы в речи носителей донских и украинских говоров Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23. № 3. 2024. С. 156–171.

Тушикова Н.А., Стародубцева Н.А. Лексикон диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте: проблемы, задачи, методы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22. № 4. 2023. С. 48–61.

Украинско-русский и русско-украинский словарь. Харьков: ЧП «Див», 2004. 576 с. – УРС.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / редкол.: М.А. Рыблова (гл. ред.) [и др.]; Администрация Волгогр. обл., Волгогр. гос. ун-т, ЮНЦ РАН. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 544 с.

Starodubtseva Natalya A.

Tupikova Nataliya A.

Sorokoletov F.P. on the basic approaches to the description of the vocabulary of dialects and «real definitions» of words in the speech of dialect speakers (based on field expeditions in the Volgograd region)¹

The article discusses the main approaches to the study of lexical material, formulated by Fyodor Pavlovich Sorokoletov in his works on the problems of dialectology, semantics of the Russian language; the priorities that are significant for the scientist in the description of language units in dialect dictionaries and tested by him in lexicographic publications are determined; A number of topical and debatable issues are singled out, which require additional comprehension in connection with the emerging difficulties in the study of dialectal and regional phenomena in the modern conditions of the functioning of the Russian language and interlingual interaction. From the positions put forward in the works of F.P. Sorokoletov, the author analyzes an array of facts collected in the field in the territories of the Don dialects of the Volgograd region and fixed the specifics of the lexicon of dialect speakers in the places of mixed residence of the Don Cossacks and Ukrainian migrants (their descendants), representatives of the Khokhlatsky population, who recognize themselves as part of the Russian people. In the typology of ways of interpreting vocabulary proposed by F.P. Sorokoletov, special attention is paid to «real definitions», which can be qualified as a way of the most complete, concentrated reflection of the practical experience of bearers of traditional (material and spiritual) folk culture in living speech and dialectal environment.

Keywords: F.P. Sorokoletov, speech of dialect speakers, lexical parallels, «real definitions».

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>

Теуш Ольга Анатольевна

Уральский федеральный университет им. Первого Президента
России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург
olga.teush@yandex.ru

Наименования грибов в диалектах Прикамья в ономасиологическом и этимологическом аспектах

Наименования грибов (миконимы) в диалектах Прикамья составляют обширную лексическую группу, нашедшую описание в самостоятельном словаре. Ономасиологические признаки лексем определяются характеристиками прагматического опыта сбора и использования грибов, выработанного диалектоносителями. Этимологическая интерпретация миконимов позволяет выявить различные источники происхождения слов: праславянские, собственно русские, иноязычные.

Ключевые слова: миконим, диалект, лексическая группа, ономасиология, этимология, Прикамье.

Гриб – это ‘низшее споровое растение, не содержащее хлорофилла, часто в виде шляпки, сидящей на ножке’ [БАС 3: 395]. Лексема *гриб* имеет праславянское происхождение: < **gribъ*, образованному от **gribati*, ср. русск. диал. *грибаться* ‘морщиться’, родственное **grebti* (> русск. *грести*) [ТСРЯ: 170].

На территории Прикамья произрастают около 200 видов грибов, для которых известно примерно 270 наименований (миконимов), отраженных в словаре «Грибы Прикамья в народных названиях и описаниях: словарь диалектных названий грибов» [ГрПрик: 5]. Составители указывают: «Грибы, очевидно, больше, чем еда. Это лесная поэзия, особая философия и для многих даже в каком-то смысле образ жизни. Грибы – это праздник, который дарит нам лес. Принесешь корзинку грибов из лесу, почистишь-помоешь, просолишь и потом, когда они дойдут, поставишь их на стол – со сметаной или душистым постным маслом, с лучком и вареной картошечкой!» [ГрПрик: 3].

Родовыми диалектными наименованиями являются *зубá*, *зуба* ‘съедобные грибы всякого рода’ [ГрПрик: 47], восходящие к праславянскому **goba* ‘шишка, желвак, нарост’ [ТСРЯ: 175]. Наименование конкретизируется за счет атрибутивов: *гáврины зúбы* ‘гриб (предположительно разновидность рыжиков – мелкие молодые рыжики)’ [ГрПрик: 48] – производно от имени **Гавря** (народное от Гавриил; наименование связано с календарным *гаври́л* ‘собор архангела Гавриила

(13/26 июля) [РНК: 104]); *навозные (наземные) губы* ‘шампиньоны’ [ГрПрик: 49], *собачьи губы, пустые губы* ‘несъедобные грибы’ (*Собачьи губы, оне толстущие, жёлтого цвету, такие завитни дак, завитни завиваются*) [ГрПрик: 49].

Обычаи приготовления грибов для питания нашли отражение в следующих лексемах. Съедобные грибы именуют *чистые губы* [ГрПрик: 50]. Синонимично *сётина* ‘обобщенное название съедобных грибов’ [ГрПрик: 84], которое следует считать дериватом глагола *сесть* ‘опуститься, углубиться в землю’ [ТСРЯ: 877]. Внутренняя форма лексемы *варушка* ‘условно съедобный гриб, предположительно лисичка ложная’ [ГрПрик: 26] указывает на возможность употребления гриба в пищу только в вареном виде. Производны с отражением мены *ц/ч* от *целый* ‘невредимый, без изъяна, ущерба, нетронутый’ [ТСРЯ: 1077] наименования *челічки* ‘мелкие грибы, используемые в пищу нерезанными (чаще о маленьких подберезовиках, подосиновиках)’ [ГрПрик: 92], *челыш* ‘молодой гриб подосиновик’ [ГрПрик: 93]. С упрощением аффрикаты также *телічки* ‘молодые грибы подберезовики и подосиновики (используются при жарке нерезанными)’ [ГрПрик: 90]. ‘Пластинчатый гриб, идущий на засол’ называют *солёный гриб* [ГрПрик: 39]. Синонимично *солянки* ‘грибы, годные для засолки’ [ГрПрик: 88]. Некоторые грибы, имеющие горький привкус, перед приготовлением или засолкой вымачивают: *мочёник* ‘гриб, используемый после вымачивания’ [ГрПрик: 70]. Составным наименованием стало *чёрные губы* ‘сушеные грибы’ [ГрПрик: 49].

По времени выращивания грибов даны названия *появышек* ‘гриб, первым выходящий из-под земли’ [ГрПрик: 79] (от *появиться* ‘возникнуть перед глазами, показаться’ [ТСРЯ: 713]), *колосовік* ‘гриб, появляющийся в период колошения хлебов (обычно о раннем белом грибе или о подберезовике)’ [ГрПрик: 58], *подсуслонник* ‘поздний гриб, растущий в поле под укладкой снопов, под сулоном; предположительно шампиньон’ [ГрПрик: 78].

В основе лексемы *свинорой* ‘гриб подгруздок белый’ [ГрПрик: 84] содержится указание на потребителя гриба: кабаны (дикие свиньи) клыками разрывают землю, выкапывая грибы для питания. Пояснение составителей словаря – «Название гриба образовано сложением двух слов: *свинарь* и *рыть*; в основе – способность гриба при созревании взрыхлять почву» [ГрПрик: 84] – неверно: лексема *свинорой*, как и *свинярь* ‘гриб груздь черный’ [ГрПрик: 83], служит обозначением вида гриба, рост и вызревание которого не отличается от подобных процессов, свойственных другим пластинчатым грибам.

Иной потребитель гриба – белка-векша, ср. *вёкошник* ‘гриб моховик или масленок, растущий в сосновом лесу’ [ГрПрик: 26]. Наименование

вешка́рь ‘предположительно гриб масленок’ [ГрПрик: 26] следует считать преобразованием из **векша́рь*.

Способность тела гриба дождевика при высыхании превращаться в темную сухую пыль отражается в номинациях *пóроховка*, *пóрховка* ‘гриб дождевик’, *пóрховица* ‘мелкий гриб дождевик, растущий в поле’ [ГрПрик: 78] (ср. *пóрох* ‘взрывчатое вещество, применяемое для изготовления снарядов и патронов’: *чёрный пóрох* [БАС 10: 1391]). Метафорически та же особенность гриба выражена в наименовании *дэдушкин табáк* ‘гриб дождевик’ [ГрПрик: 89]. Указанием на произрастание дождевика в лесной зоне стало использование образа хозяина леса – медведя: *медвёжий табáк* ‘гриб дождевик’ [ГрПрик: 89], *медвёжье кúрево* ‘перезревший засохший гриб дождевик’ [ГрПрик: 64], *медвёжья бáня* ‘гриб дождевик’ [ГрПрик: 16], *медвёжье ўхо* ‘гриб дождевик’ [ГрПрик: 91]. В то же время, можно интерпретировать названия как пейоративные, на что указывают параллельные номинации *вóлчий гриб* [ГрПрик: 37], *вóлчьи кака́шки* [ГрПрик: 57], ср. указание составителей: «Определение *медвежий* указывает на отнесенность гриба к непригодным в пищу» [ГрПрик: 16]. Процессуально по внутренней форме *пúкалка* ‘гриб дождевик’ [ГрПрик: 79], ср. *пúкать* ‘производить глухой звук лопаясь или трескаясь’ [СРНГ 33: 119]. Происхождение лексемы *бáня* ‘гриб дождевик’ [ГрПрик: 16] верно объясняется диалектоносителем: «Да ведь как из бани дым идет» [ГрПрик: 16].

Метафорические наименования грибов чаще всего строятся на анатомической метафоре: *красногóловик* ‘гриб подосиновик’ [ГрПрик: 60], *бáбье ўхо* ‘гриб, род борового рыжика с толстой, неправильной, как бы изуродованной шляпкой (похожей на ухо)’ [ГрПрик: 90], *свинóе ўшко* ‘гриб свинушка’ [ГрПрик: 91], *зáячье ўшко* ‘малоценный гриб; имеет шляпку с закручивающимися внутрь краями, грибное тело книзу сужено в небольшую ножку’ [ГрПрик: 91-92], *слезу́н*, *сопля́к* ‘гриб масленок’ (благодаря слизистой коже удерживает на поверхности капли воды) [ГрПрик: 87, 88].

«Птичья» метафора реализуется в *кúрочки* ‘предположительно гриб рядовка серая’ [ГрПрик: 65], в ряде мест то же, что *нетушкí* ‘название ряда малоценных грибов (гриб рядовка серая, лисичка, гриб-зонтик семейства шампиньоновых)’ [ГрПрик: 76], *курáвик* ‘желтый груздь’ [ГрПрик: 63]. ‘Группа, скопление грибов в одном месте’ обозначается как *ста́я* [ГрПрик: 88].

Цветовыми обозначениями являются *жéлтик*, *желтíк* ‘гриб масленок’, ‘желтый груздь’, ‘гриб моховик’, *желтовíк* ‘гриб моховик’, *желту́шка* ‘гриб желтовато-оранжевого цвета с полой ножкой, переходящей в воронкообразную шляпку; лисичка’, ‘предположительно гриб масленок поздний или поздняя сыроежка желтая (осенний, поздний гриб желтого цвета)’, *желтáвка* ‘гриб масленок’, ‘гриб желтая сыроежка’, *желтáк* ‘гриб желтый груздь’, ‘гриб моховик’ [ГрПрик: 54–55], *лисю́шка* ‘гриб лисичка’

[ГрПрик: 65] (от *лиса́* ‘хищное млекопитающее семейства псовых с длинным пушистым хвостом’ [ТСРЯ: 409]: дано по цвету поверхности), *синя́вка* ‘сыроежка’ [ГрПрик: 84], *синя́вка* ‘съедобный гриб с пластинчатой ярко окрашенной шляпкой, сыроежка’ [ГрПрик: 85], *черну́шка* ‘черный груздь’ [ГрПрик: 93], *шахте́р* ‘черный груздь’ (гриб в процессе роста изменяет цвет от оливково-коричневого до черного) [ГрПрик: 94], *красу́лька* ‘гриб сыроежка, реже волнушка розовая’ [ГрПрик: 61], *огне́вка, огня́вка* ‘грибы со шляпками красного цвета, синявки’ [ГрПрик: 72–73], *дегти́рь* ‘несъедобный гриб, выделяющий при перезревании черную, как деготь, жидкость’ [ГрПрик: 52], *красна́я ша́пка* ‘о грибе подосиновике’ [ГрПрик: 94]. В последнем наименовании также реализовано сравнение с головным убором, ср. однотипное *шля́пка гриба́* [ТСРЯ: 1110].

Из наименований домашней утвари в метафорической номинации грибов задействованы решето и бочонок (*решётник* ‘гриб козляк’: *Решетник как иванушек, ноздринками левая сторона, корень толстой.* [ГрПрик: 81]; *бочо́нок* ‘белый гриб-боровик’ [ГрПрик: 23]).

Оценочные наименования относятся к грибам, не пригодным для употребления в пищу. Старый гриб, не сгнивший и не ставший червивым, рассматривается как кислый: *кисля́к* ‘переросший гриб’ [ГрПрик: 57]. Если гриб при созревании выделяет черную жидкость, его называют *дегти́рь* [ГрПрик: 52], ср. *де́готь* ‘темный смолистый жидкий продукт с резким запахом, получаемый путем сухой перегонки дерева, торфа или каменного угля’ [ТСРЯ: 195]. Несъедобные грибы характеризуются как дикие (*дика́рка* ‘ядовитый гриб’ [ГрПрик: 52]), поганые (*пога́нный гриб* ‘несъедобный гриб’ [ГрПрик: 39], *пога́нка* ‘общее название несъедобных грибов, обычно ядовитых’ [ГрПрик: 77]) или пустые (*пусто́й гриб* ‘несъедобный гриб’ [ГрПрик: 39], *пусты́е губы* ‘не пригодные в пищу грибы’ [ГрПрик: 49]). Поскольку белые грибы растут одиночно, возникает номинация *оше́льник* ‘белый гриб’ [ГрПрик: 74], являющаяся фонетической и семантической трансформацией *отише́льник* ‘человек, чуждающийся других, живущий уединенно’ [ТСРЯ: 602].

К оценочным наименованиям могло быть причислено *моска́ль* ‘белый гриб’, ср. утверждение составителей словаря: *Название гриба, вероятно, связано с идеализирующим соотношением с московским всего, что имеет лучшее качество, признается русскими* [ГрПрик: 69]. При учете отмеченного в диалектах Прикамья *мост* ‘скопление, гнездо грибов’ [ГрПрик: 69], следует восстанавливать **мосткаль* ‘гриб, произрастающий в гнездовой форме’ с упрощением *стк > ск*. Реконструкция подтверждается контекстом (*Москали – их мостками* [ГрПрик: 69]), ср. *мостки́* ‘скопление, гнездо грибов’ [ГрПрик: 70].

Не является оценочным и *чемпион* ‘гриб шампиньон’ [ГрПрик: 93]: произошла контаминативная переработка по созвучию с *чемпион* ‘спортсмен (или спортивная команда) – победитель в соревнованиях по какому-нибудь виду спорта’ [ТСРЯ: 1086]. Синонимичное *шпиён* ‘гриб шампиньон’ [ГрПрик: 95] возникло в результате аттракции к *шпион* ‘тайный агент, занимающийся шпионажем’ [ТСРЯ: 1112].

Заемствованные наименования грибов в диалектах Прикамья имеют преимущественно финно-угорское происхождение.

‘Гриб-трутовик, грибной нарост на деревьях, губчатый гриб-паразит, трутовик настоящий’ именуется заимствованными из языка коми наименованиями *ба́ка*, *ба́га* [ГрПрик: 13], ср. коми *бака* ‘гриб-трутовик’ [Фасмер 1: 108]. Причиной заимствования стало широкое использование в народной практике нароста в качестве легко воспламеняющегося (от искры) источника огня.

Наименование *боржовник* ‘гриб дождевик’ [ГрПрик: 21] следует считать восходящим к сев.-русск. (влг.) *моржовик* ‘то же’ [КСГРС], которое сопоставимо с мар. горн. *мыржа* ‘чахлый’, ‘низкорослый’, *мыржангаи* ‘чахнуть, зачахнуть’ [СМЯ: 128].

Имеющие различное суффиксальное оформление *кульба́к* ‘гриб со шляпкой желтого цвета; валуй’ [ГрПрик: 62], *ку́льбик* ‘то же’ [ГрПрик: 62], *ку́льбыш*, *кульбы́шка* ‘то же’ [ГрПрик: 63], *ку́льник* ‘то же’ [ГрПрик: 63], с ослаблением огубления *ко́льбушка* ‘гриб желтого цвета типа валуя’ [ГрПрик: 58], с отражением мены л’/й *куйбыш* ‘гриб валуй’ [ГрПрик: 62], с устранением *й* *кубы́шка* ‘съедобный гриб валуй, то же что бык, бычок’ [ГрПрик: 61] могут быть соотнесены с фин. *kulppa*, *kulppi*, *kulppo* ‘чаша, ваза’, ‘ковш, черпак’, *kulppa* ‘лужа’, *kulppi* ‘лужа’, ‘вздутие (например, на обуви)’, карел. *kul’ppi* ‘пузырь, волдырь’, водск. *kulppi* ‘ковш’ [SKES II: 235].

Из коми *tšak* ‘гриб, губка’ [Фасмер 4: 310] заимствовано *ча́га* ‘гриб трутовик, вырастающий на стволе дерева (чаще березы)’ [ГрПрик: 92]. Следует предполагать перенос лексем в Прикамье с севера Европейской России.

Коми источник имеет и *минду́ль* ‘гриб валуй’ [ГрПрик: 68], ср. коми *нин* ‘лыко’ [КРС: 461] и *дуль* ‘слюна’ [КРС: 214]: наименование отражает характеристики поверхности шляпки гриба, которая покрыта плотной липкой и влажной пленкой. При освоении названия произошла диссимилиация: *нин* > *мин*.

Через посредство церковнославянского языка, ср. ц.-слав. *Ѡлефантъ* ‘слон’ [Ц-СлавСл: 172] из греческого *ἐλεφας*, *ἐλεφαντος* ‘слон’ [Вейсман: 413], в диалектах реализовалось путем метафоризации *алефан* ‘гриб подберезовик’ [ГрПрик: 12].

В целом, лексика Прикамья, номинирующая грибы, их разновидности и состояния, реализует широкий спектр ономастологических линий и обнаруживает разнообразие этимологических связей от исконных, вплоть до праславянского, до заимствованных (из различных источников).

Литература

Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с. – РНК.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 с.

Грибы Прикамья в народных названиях и описаниях. Словарь диалектных названий грибов / под ред. И.А. Подюкова. Пермь: Издательство Пермского университета, 2012. 96 с. – ГрПрик.

Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина). – КСГРС.

Коми-русский словарь / под ред. проф. В.И. Лыткина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. 923 с. – КРС.

Словарь марийского языка / Гл. ред. И.С. Галкин. Т. 4. М-О. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998. 218 с. – СМЯ.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ. (издание продолжается)

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948–1965. – БАС.

Толковый словарь современного русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с. – ТСРЯ.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1964–1973.

Полный церковно-славянский словарь. Т. 1–2. Сост. священник магистр Г. Дьяченко. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. 608 с. – Ц-СлавСл.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 2. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino Oy, 1976. 480 с. – SKES.

Сокращения

1. Названия языков и диалектов.

влг. – вологодские диалекты русского языка

водск. – водский язык

карел. – карельский язык

мар. горн. – горный диалект марийского языка

русск. – русский язык

сев.-русск. – севернорусские диалекты русского языка

фин. – финский язык

2. Прочие.

диал. – диалектное

ср. – сравни

Teush Olga A.

Names of mushrooms in the dialects of the Kama region in onomasiological and etymological aspects

The names of mushrooms (myconyms) in the dialects of the Kama region make up an extensive lexical group, which has found a description in an independent dictionary. Onomasiological signs of lexemes are determined by the characteristics of the pragmatic experience of collecting and using mushrooms developed by dialect speakers. The etymological interpretation of myconyms allows of the origin of words: proto-Slavic, actually Russian, foreign-language.

Keywords: myconym, dialect, lexical group, onomasiology, etymology, Kama region.

Флягина Марина Валерьевна

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону

flyagina_75@mail.ru

Донская диалектная лексика в динамике ее лексикографического представления

В статье рассматривается эволюция представления диалектных слов в словарях донских говоров. Сравнение лексикографических данных позволяет говорить об интенсивности процесса устаревания диалектной лексики, обусловленного сменой социально-экономических и политических условий проживания донского казачества. Наиболее подверженными процессам устаревания тематическими группами слов являются группы, характеризующие материальную культуру, термины анимальной медицины, некоторые ботанические, зоологические названия, обрядовая лексика. Среди новых диалектных апеллятивов больше всего бытовых наименований, описывающих новые социально-экономические реалии крестьянской жизни. Наименьшим изменениям подвергаются народные географические названия, что обусловлено особой устойчивостью данного пласта лексики.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектные словари, тематическая группа, семантический переход, этимологизация.

Начало собственно лингвистического изучения донских говоров связывают с появлением в 1852 г. статьи В.И. Даля «О наречиях русского языка». Пересматривая существовавшие до него классификации русских наречий и выдвигая свою концепцию, В.И. Даль считает необходимым отдельно выделить среди прочих группировок говоров русского языка особое «донское наречие», которому он и посвящает специальный раздел. По-видимому, серьезных лингвистических оснований для подобного выделения у В.И. Даля не было (это видно из приводимого в статье материала). В.И. Даль скорее угадал, чем доказал необходимость выделения донских говоров в отдельную группу – говоров, сложившихся на территории позднейшей русской колонизации. В делении донских говоров на отдельные группы В.И. Даль высказывает уже сложившуюся к тому времени точку зрения на неоднородность донского диалекта: он отличает низовцев и верховцев, считая первых по происхождению преимущественно малорусами, а вторых – великорусами, у которых «великорусское сильно отзывается югом» [Даль 1852: 55]. Наибольшую ценность для исследования состояния донских говоров в середине XIX века

представляет включенная в «Толковый словарь живого великорусского языка» донская диалектная лексика.

Донские говоры, история которых исчисляется всего лишь пятью веками, являются результатом взаимодействия различных русских говоров, а также контактов с языками степных аборигенов. В.И. Даль, как чуткий диалектолог, уловил эту особенность донского диалекта и отразил неповторимость и пестроту местной лексики. Словарь В.И. Даля включает более двухсот тысяч слов, сопровождаемых толкованием и указанием места их бытования, более двухсот словарных статей содержат помету «донское».

Материалы «Донского словаря» А.В. Миртова и современных словарей донских говоров («Словаря русских донских говоров в трех томах» (далее – СРДГ), «Большого толкового словаря донского казачества» (далее – БТСДК), «Словаря донских говоров Волгоградской области» (далее – СДГВО)) в сопоставлении с данными Словаря В.И. Даля, отразившего лексические особенности донских говоров середины XIX века, дают возможность рассматривать донской диалектный словарь в динамике. Сравнение лексикографических данных позволяет говорить об интенсивности процесса устаревания диалектной лексики: в Словаре В.И. Даля отмечается большой и тематически разнообразный пласт слов, утраченных в современных донских говорах и поэтому не отраженных в новых донских словарях.

Среди устаревшей лексики обнаруживаются различные тематические группы: обрядовая лексика, слова, характеризующие материальную культуру, термины анимальной медицины, некоторые ботанические, зоологические названия.

Самую многочисленную из указанных тематических групп составляет группа наименований реалий материальной культуры, здесь обнаруживается большое количество этнографизмов и историзмов: *горожёлки* ‘огороженное место’, *грынджигры* ‘наделка, накладка на возу (на воловьей телеге) для удобного помещения клади’ (слова нет в БТСДК), *ерандак, ерындак* ‘род пялец на роспуски, для простора при укладке товара’, *кубелёк* ‘верхняя одежда донских казаков, кафтанчик’, *наистопок* ‘чердак, подволока’ (слова нет в БТСДК), *принч* ‘рис, сарацинское пшено’, *саишка* ‘кубилек, часть женской одежды’ (слова нет в БТСДК), *салы* ‘связанные в ряд камышевые пуки, на которые казак, переправляясь вплавь с лошастью, кладет седло, вьюки’ (слова нет в БТСДК), *увóчь* ‘бурлак или кокурка, пшеничный сухарь на масле’ (слова нет в БТСДК), *укрюк* ‘легкий шест, жердь, с веревкой, арканом или петлюю на конце, для поимки пасущихся коней’ (слова нет в БТСДК), *упёры* ‘ластовицы в рубахе’, *чекмён* ‘крестьянский кафтан, более исподний; казачий военный мундир’, *чйберка*

‘швея, мастерица, портниха, белошвейка’, *бешлэйка* ‘снизанные монетки, в коснике девок’ (слова нет в БТСДК), *бизиліки* ‘наручни, запястья, нарукавья, браслеты, выходящие ныне из употребления’ (слова нет в БТСДК), *бóдня* ‘кубель, коробья; кадушка с крышкой и замком, вместо сундука’ (слова нет в БТСДК) и некоторые другие наименования, которые в современных словарях донских говоров либо не фиксируются, либо содержат пометы «арх.» и «устаревш.».

Среди устаревших слов также отмечается некоторое количество ботанических и зоологических наименований: *зетін* ‘оливка, маслина, дерево и плод’, *сáлна* ‘рыба тарань’, *хасім* ‘одуванчик’, *ша́бля*, *шабэль* ‘чехонь’, *шóлка подорожная* ‘растение *Rhamnus catharticus*, крушина’, *юмора* ‘растен. *Medicago falcata*, желтый буркун, бурундук (люцерна)’ и другие (современные донские словари квалифицируют их как старые, неупотребительные). При этом ряд ботанических и зоологических апеллятивов, отмеченных Далем для донских говоров, активно употребляются и сегодня, о чем свидетельствуют и данные словарей, и материалы полевых экспедиций: *жердóла* ‘дикий абрикос’, *чáкан* ‘разновидность камыша’, *судáк* ‘рыба *Lucioperca sandra*’, *чекомáс* ‘рыба окунь, *Perca fluviatilis*’, *тjóтина* ‘тутовое дерево’.

Следующим важным этапом изучения донской диалектной лексики стал «Донской словарь» А.В. Миртова. Материал собирался лексикографом в период с 1919 по 1927 гг., сам же словарь составлялся им в течение 6 лет и был издан в 1929 году. Словарь содержит не только диалектную лексику, но и региональную жаргонную и просторечную. Всего в созданном А.В. Миртовым словаре около 7000 словарных статей. Таким образом, данные «Донского словаря» позволяют более полно представить словарный состав донских говоров на начало XX столетия и также могут быть учтены при исследовании динамики лексической системы диалекта на протяжении последующих периодов. Так, составители «Большого толкового словаря донского казачества» активно привлекали материалы словаря А.В. Миртова для оценки степени активности диалектных слов в речи современных носителей донских говоров, ряд словарных статей содержит указания на редкость употребления наименований, на их устаревание в сравнении с началом XX века. Уже в самом словаре содержатся указания на редкость употребления некоторых старых донских слов, см. словарные статьи «*Азям* – широкий халат из шерсти» [Миртов 1929: 3], «*Аманат* – заложник» [Там же: 5] (здесь Миртов указывает на широкое употребление в современных ему говорах слова в переносном значении ‘обманщик, жулик’, «*Дуванить* – делить добычу» [Там же: 83] и др. Среди указанных наименований, безусловно, большую часть составляют этнографизмы. Факторы экстралингвистического характера (политика рассказывания, смена типа

хозяйствования – переход от индивидуального к коллективному) оказали значительное влияние на традиционный уклад жизни донского крестьянского населения, что привело к устареванию и утрате большого количества наименований элементов традиционной казачьей духовной и материальной культуры.

Сравнительный анализ лексики, представленной в донских диалектных словарях начала XXI века, с диалектизмами, отраженными в словаре А.В. Миртова, позволил выявить состав не только устаревших слов, но и новых региональных наименований, появившихся в говорах в советский и новый период истории. Среди таких слов много лексических единиц, номилирующих предметы быта нового времени, род деятельности сельского населения, тип хозяйствования, названия сельскохозяйственных культур, которые стали активно возделываться в середине и конце прошлого столетия. Приведем примеры: *до́ярня* ‘молочная ферма’, *до́ярница* ‘место доения коров в поле’, *короба́рка* ‘самодельный кузов на мотоцикле для перевозки сена’, *кормачо́к* ‘крючковатая снасть на поплавках для ловли красной рыбы, запрещенная законом’, *бишкэ́т* ‘пиджак’, *будёновка*, *будёновец* ‘сорт помидоров, похожих на шапку-будёновку’, *булга́рка* ‘сладкий перец’, *бурачо́к*, *гарге́н*, *ирге́н* ‘георгин’, *майбо́рик* ‘цветок цинния’, *граммофо́н* ‘вид гладиолуса’, *буты́лочка*, *кубы́шка* ‘сорт сливы’, *бу́хало* ‘контрабас’, *голо́душки* ‘голод в 30-е годы 20 века’, *готово́вьё* ‘изделия фабричного производства’, *гру́зка* ‘погрузочные работы в порту, на пристани’, *джи́мочки* ‘фасон обуви, туфли с «утиными» носами», *дома́чка* ‘колхозница, имеющая малолетних детей и пользующаяся льготами на работе’, *кашева́рка* ‘повариха в полевой бригаде’, *магази́нщица* ‘продащица’, *кула́чить* ‘раскулачивать’, *марафе́тка* ‘карамель в цветной обертке’, *мясорэ́зка* ‘мясорубка’, *надви́жки* ‘туфли-шлепанцы’, большое количество названий сортов донского винограда и др. Отдельные наименования предметов быта со временем проникли и в речь городского населения (особенно в периоды активной урбанизации и оттока молодого населения в города), в связи с чем сегодня статус таких слов представляется спорным (их осторожно именуют регионализмами), поэтому в диалектные словари дифференциального типа не включаются (ср. *балахо́н* ‘широкое домашнее платье’, *безрука́вка* ‘кофта без рукавов, жилет’, *балло́н* ‘трехлитровая стеклянная банка’, *купо́рка* ‘домашние консервы’ и под.).

Наименьшее число устаревших слов при сравнении материала «Толкового словаря живого великорусского языка» и донских диалектных словарей XX и XXI веков обнаруживается среди народных географических терминов. Географическая лексика является одним из самых древних и поэтому наиболее устойчивых лексических пластов и может свидетельствовать о генезисе самих носителей языка, включает в себе не

только информацию о географических условиях проживания отдельно взятого этнического коллектива, но и о его связях (прежде всего языковых) с другими членами социума.

Вот несколько наблюдений над современным употреблением и семантической эволюцией географических терминов в донских говорах.

Туба́. У Даля с пометой “дон.” и неопределенным значением приведено слово **туба**: “Туба, ж. дон. (татрс. верх?) поемный залив? лесистый мыс?” [Даль IV: 861]. Географический апеллятив имеет разрозненные фиксации на территории верхне- и среднедонских говоров и соотносится со значением ‘низменное место, обычно поросшее лесом, заливаемое водой’: “У-тубу заживикай хадили, там верби стаять. Туба возли реки” (Каз.) [БТСДК: 534]. У Миртова **туба**, **тубка** определены как ‘поемный залив’ [Миртов 1929: 328].

Географическая лексема **туба** фиксируется также в воронежских говорах, в которых она употребляется в значении ‘овраг продолговатой формы’ [Дьякова, Хитрова 1985: 44].

Слово **туба** признается исследователями темным в этимологическом отношении. У Фасмера оно сближено с гидронимом Ахтуба, первая часть которого из тюрк. *ak* ‘белый’ [Фасмер IV: 113]. По-видимому, старшим значением донской лексемы могло быть ‘залив’, из которого развилось затем ‘низкое место у реки, заливаемое водой’. Значение, отмеченное у лексемы в воронежских говорах, ‘овраг продолговатой формы’, вероятнее всего, позднего происхождения, возникло вследствие сложного семантического перехода с утратой промежуточных звеньев семантической цепи: ‘низина, залитая водой’ → ‘яма, залитая водой’ → ‘яма’ → ‘овраг’.

Чиганáки. В словаре Даля форма единственного числа *чиганáк* с пометой “дон.” определяется как “озеро, которое в межень почти пересыхает” [Даль IV: 1337].

В современных донских говорах, по данным БТСДК и наших полевых записей, чаще встречается форма множественного числа **чиганáки**, которая спорадически обнаруживается на Верхнем и Среднем Дону и, по нашим наблюдениям, не известна по Северскому Донцу.

В верхнедонских говорах лексема соотносится со значениями ‘болотистое место’ (“Што сеить на-чиганаки, на-забалочинам мести” (Каз.) [БТСДК: 579]) и ‘балка, поросшая лесом’ (“Ниска там, чаганаки, лес там” (Веш.) [ПАА]).

На Среднем Дону название употребляется для обозначения низкого, затопленного места, поросшего камышом: “Щиганаки – ниска затоплиная места, там камышы расли” (Лог) [ПАА].

Эволюция значений могла происходить следующим образом: ‘болотистое место’ → ‘затопленная низина, поросшая камышом’ → ‘балка,

поросшая лесом'. Реализация подобного семантического перехода связана с активизацией признаков 'углубленности' и 'покрытости растительностью'. Наименование обычно этимологизируют как тюркизм, имеющий параллели в разных тюркских языках. Фасмер предлагает связывать его с *чагат. čakanak* 'залив, гавань' [Фасмер IV: 359]. Вероятно, стоит принять эту версию, поскольку семантические переходы 'залив' → 'низменность, залитая водой' нередко отмечались у географических лексем. Однако, представляется, нельзя отрицать и народноэтимологического сближения лексемы с местным ботаническим термином *чигá* 'разновидность камыша', ср.: "*Щига – эта есть музга, каторая зарасла асакой, камышом, щигой, ей крышу кроют*" (Ник.) [ПАА].

Сарма́. У Даля: "Сарма ж. вост., донск. пережат, порог речной; сарма по твердому, плоскому дну, по сланцу и лещади, и под нею обычно омут, бучало, которое нередко также зовут сармой" [Даль IV: 36]. По нашим наблюдениям, географический апеллятив *сарма́* известен в части донских говоров (донецких и среднедонских) и соотносится с семемами 'мелководье', 'протока', 'брод, пережат на реке' и 'глубокое место в реке с быстрым течением': "*На сарме тичения быстрая*" (Апарин.) [ПАА]. За пределами донских говоров *сарма́* известно в белгородских, воронежских, самарских, уральских говорах в семантически близких географических значениях, включая 'глубокое место в болоте' и 'болото' [СРНГ 36: 146]. Интересно отметить, что в украинских говорах, соседних с донскими и воронежско-белгородскими, наименование не отмечено, что, вероятно, исключает иррадиацию лексемы с украинской территории. Поэтому целесообразно предположить, что *сарма́* возникло внутри очерченной диалектной зоны. Фонетический облик названия предположительно свидетельствует о его заимствованной природе, скорее всего из тюркских языков. Возможно, славянское *сорма* / *сарма* генетически родственно казах. *сор* 'озеро с топким дном, солончаковое озеро'. Ср. здесь тобольск., томск. *сор* 'обширные поймы, род залива, более или менее постоянного', 'низменное место, весной заливаемое водой, а летом зарастающее травой или кустами; водоем на таком месте' [Даль IV: 406; СРНГ 40: 11]. Фасмер возводит *сор* в вышеуказанном значении к финно-угорским языкам (ханты **sor*) [Фасмер III: 720]. Однако прямое влияние финно-угорских языков на южнорусские (белгородские, воронежские, донские) диалекты кажется нам менее вероятным, поэтому мы более склонны рассматривать термин *сарма́* как тюркизм, модифицированный при помощи старого славянского суффикса *-м-а*. Значения 'протока', 'отмель', 'болото' и т.д. развились у лексемы в результате следующего семантического перехода: 'солончаковое озеро' → 'озеро с топкими берегами' → 'болото' → 'река, ручей' → 'речная протока' → 'пережат' → 'отмель'.

Шиш. В словаре Даля *шиш* определяется как ‘островерхая куча, ворох, насыпь, постройка’ и далее: ‘островерхий шалаш, балаган или вежка, из составленных сахарной головой и покрытых соломой жердей’ [Даль IV: 1444]. По данным Государственного архива Ростовской области, *шишом* у верхнедонских казаков называлась землянка особого типа: “При базах [стали] устраивать для жилья кухни, землянки и шиши (вроде землянок, вероятно, особого устройства)”. (ГАРО, ф. 353-1). В современных донских говорах лексема *шиш* помимо прочих употребляется в географическом значении ‘небольшая возвышенность, бугор’: “А за станицай бугор был, шышам завуть на-другому” (Баг.) [БТСДК: 593]. В этом значении лексема известна как на верхнем Дону, так и в его низовьях.

Среди устаревших донских диалектизмов, отмеченных Далем и составителями современных донских словарей, как видим, особый интерес представляют заимствования из восточных языков (*гардал, сарма, туба, чиганаки, жерделы, яруга, ерик* и нек. др.), ареал которых зачастую не выходит за пределы бывшей Области Войска Донского. Все эти наименования появились в лексиконе носителей донских говоров в результате их контактирования с кочевыми народами донских степей в разные периоды истории. Исследователи отмечают также слова, которые могли проникнуть в речь восточных славян еще до появления славянского оседлого населения на Дону, то есть еще в древнерусский период, и были унаследованы донскими говорами из материнских (ср. *яруга* ‘большой овраг’) и сохраняются в речи современных диалектоносителей.

Таким образом, донская диалектная лексика, отраженная в диалектных словарях последних полутора веков, позволяет не только определить пути формирования донской лексики и диалекта в целом, но представить языковую картину мира его носителей – донских казаков – в динамике.

Литература

Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнит. языкознания. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.

Даль В.И. О наречиях русского языка: По поводу опыта обл. великорус. слов., изд. Вторым отд-нием Имп. Акад. Наук. Санкт-Петербург, 1852. 72 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. СПб.; М., 1912–1914. Т. 1–4.

Дьякова В.И., Хитрова В.И. Изучение географической лексики Воронежского края // Материалы по русскому-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. С. 42–51.

Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 с.

Словарь донских говоров Волгоградской области / Сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун / под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Словарь русских донских говоров в 3-х томах. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1975–1976.

Словарь русских народных говоров. Выпуск 36 (С–Святковать) / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2002. 344 с.

Словарь русских народных говоров. Выпуск 40 (Сопочка–Ссуворить) / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2006. 316 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. М.: Прогресс, 1986–1987.

Flyagina Marina V.

Don dialect vocabulary in the dynamics of its lexicographic representation

The article examines the evolution of the representation of dialect words in the dictionaries of the Don dialects. Comparison of lexicographic data allows us to speak about the intensity of the process of obsolescence of dialect vocabulary, caused by the change in the socio-economic and political conditions of residence of the Don Cossacks. Thematic groups of words most susceptible to obsolescence are groups characterizing material culture, terms of animal medicine, some botanical, zoological names, ritual vocabulary. Among the new dialectal appellatives, most are everyday names describing the new socio-economic realities of peasant life. Dialect geographical names are subject to the least changes, which is due to the special stability of this layer of vocabulary.

Keywords: dialect vocabulary, dialect dictionaries, thematic group, semantic transition, etymologization.

Ховрина Татьяна Константиновна

Ярославский государственный педагогический университет им.

К.Д. Ушинского

Ярославль

tatyana.hovrina@mail.ru

Лексикографическая фиксация диалектного слова

Статья посвящена семантическому описанию диалектных слов в «Ярославском областном словаре», в котором зафиксирована лексика ярославских говоров XIX–XX вв. Исследуется толкование диалектных наименований, в которых отражаются особенности народной духовной культуры, старинного быта. Анализируется семантическая характеристика однословных номинаций, не имеющих соответствующих литературных эквивалентов, и устойчивых сочетаний, связанных с самовольным, без согласия родителей выходом замуж. Рассматриваются словарные дефиниции лексем, относящихся к отдельным этапам свадебного обряда, в которых присутствуют элементы энциклопедической разработки слов, сведения исторического характера, необходимые при лексикографическом описании наименований обычаев, реалий, явлений прошлого. Проводится сопоставление материалов «Ярославского областного словаря» с данными других региональных и исторических словарей русского языка.

Ключевые слова: диалектная лексика, диалектная лексикография, семантика, Ярославский областной словарь, словарная дефиниция.

Диалектная лексика, как известно, объединяет в себе элементы, относящиеся к истории, глубокой старине, и элементы, характеризующие современный момент развития диалектной системы. В лексическом составе народных говоров сохранились наименования, дающие возможность полнее и достовернее восстановить процесс исторического развития словарного состава русского языка. Областные словари с момента их появления «мыслятся как источники пополнения недостающих в литературном языке наименований предметов и явлений русской действительности..., источник изучения особенностей быта и жизни, материальной и духовной культуры (народной психологии) русского народа» [Сороколетов 2011: 318]. Первый сводный словарь диалектной лексики «Опыт областного великорусского словаря» (1852 г.), по замыслу его составителей, должен был дополнять «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., и основной причиной его составления было усиление внимания русского общества к национальному прошлому, «к народным основам языка» [Там же: 318].

В практике русской диалектной лексикографии сложился тип областного словаря, объединяющего в себе черты словаря переводного, толкового, исторического и энциклопедического. Диалектные слова, не имеющие соответствующих литературных эквивалентов, определяются путем толкования (истолкования), т.е. дефинитивно-описательным способом. Ф.П. Сороколетов подчеркивал: «При семантической разработке таких слов их толкование в диалектном словаре нередко переходит от определения значений к раскрытию идей, понятий, к описанию самих предметов и явлений» [Сороколетов 2011: 331]. Такие объяснения особенно необходимы для тех названий, которые в настоящее время уже вышли из употребления и связаны только с прошлым.

В «Ярославском областном словаре» (ЯОС) и «Дополнениях» к нему представлена диалектная лексика, зафиксированная в ярославских говорах с начала XIX века до современности, т.е. ЯОС, как и «Словарь русских народных говоров», является в определенной мере историческим словарем, отражающим реалии прошлого и настоящего. Обратимся к материалам ЯОС и рассмотрим описание семантики диалектных слов, связанных с обычаями, обрядами, особенностями традиционной духовной культуры русского народа.

Однословные диалектные номинации нередко требуют развернутого толкования при их лексикографическом описании, так как отсутствуют их общенародные корреляты. Так, в ярославских говорах были засвидетельствованы сложные слова *самокрутка*, *самоходка*, *самосватка* – наименования девушки, вышедшей замуж самовольно. Сопоставление данных лексикографических источников разных по времени их создания позволяет проследить историю этих слов в русском языке и его диалектах. Лексема *самокрутка* в значении ‘девица, тайно и без согласия отца и матери вышедшая замуж’ получила лексикографическую фиксацию в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. как слово «пензенское» и «тверское» [Опыт: 197]. В ярославских материалах она, как и слово *самоходка*, впервые была зафиксирована в «Материалах для Словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина (1896 г.) со следующей дефиницией: ‘девушка, вышедшая замуж *убегом*’ [Якушкин 1896: 32]. Ср. в «Словаре областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого (1885 г.), где дано более развернутое толкование этих слов: *самокрутка*, *самоходка* ‘девушка, вышедшая замуж без дозволения родителей, бежав из дому, или, как говорят, *убегом*, *уходом*’ [Подвысоцкий 1885: 152]. Итак, с середины XIX в. эти слова фиксируются в диалектных словарях, и даже в самих определениях, как видим, присутствуют другие диалектные слова. Лексемы *самокрутка* и *самоходка* со ссылкой на

материалы Е. Якушкина включены и в «Краткий ярославский областной словарь» Г.Г. Мельниченко (1961 г.) [КЯОС: 179].

Слово *самоходка* в материалах для Словаря народного языка Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии С.А. Копорского дополнено следующими сведениями, выявленными при обследовании пошехонских говоров: «невеста, которая идет замуж сама, не спрашивая разрешения или даже согласия родителей. Самоходки обыкновенно уходят ночью, чтобы никто не увидел и не мог вернуть. На Мусоре половина девиц уходит самоходкой», т.е. самовольно, тайно. И далее следует частушка: *Хотят дролечку женить, гонят самогоночку. Отпустите поглядеть у дроли самоходочку* [Копорский 1929: 183], в которой обнаруживаем уменьшительно-ласкательный дериват данного наименования.

Лексема *самоходка*, распространенная в ярославских говорах, в ЯОС дана со следующей дефиницией: ‘в дореволюционное время – женщина, вышедшая замуж тайно, против воли родителей’ [ЯОС 9: 9]. Однотипное синонимичное наименование *самосватка* отмечено в Гаврилов-Ямском районе, причем в других русских говорах, по данным СРНГ, оно не засвидетельствовано [СРНГ 36: 101]. В ЯОС представлены и другие сложные слова с первым компонентом *само-*, бытующие в ярославских говорах: *самовольство* ‘своеволие (о выходе замуж без согласия родителей)’, являющееся семантическим диалектизмом, и наречия *самоходкой*, *самоходом*, *самоволкой*, *самовольством*, означающие соответственно ‘самовольно (о выходе замуж без согласия родителей)’, ср.: *Она вышла замуж самовольством* (Г.-Ям.); *Дочка ушла самоходом* (Пош.) [ЯОС 9: 8–9]. Среди них наиболее распространенным является наречие *самоходкой*: *Взяли, да и убежали самоходкой* (Рыб.); ср. в частушке: *Не ругайте, тятя с мамой, всё равно не устеречь. Кирпичи разворочу, а самоходкой укачу* (Брейт.) [ЯОС 9: 9]. Наименования *самоходка* и *самоходкой* с указанной семантикой широко употребительны в народной речи, обычно в рассказах о прошлом, ср. в вологодских говорах: *У нас рядом была одна девушка, самоходка, убежала к жениху* [СВГ 9: 91]; в архангельских: *Я самоходка, уехала к сенокосу и укатила взамуж*; в новгородских: *Самоходка-то пожила, да и ушла к батьке* [СРНГ 36: 110]; в вятских: *Без браку жили и свадьбу не делали: самоходкой вышла; Так и вышла самоходкой без благословения* [ОСВГ 10: 18]. Слово *самоходка* в севернорусских говорах зафиксировано и в значении ‘самовольная свадьба, на которую не было получено согласия родителей; тайный брак’ [СРНГ 36: 110]; ср в вологодских говорах: *В уездном городе случилась самоходка* [СВГ 9: 91].

Отдельные диалектизмы, присутствующие в произведениях художественной литературы, традиционно включаются в нормативные словари русского литературного языка. Толковые словари XVIII–XIX вв.

уже «широко отражали просторечно-простонародную и собственно диалектную лексику, видя в ней потенциальный резерв обогащения общенародного языка», причем «отсутствие общенародного эквивалента было одним из основных критериев отбора диалектизмов в толковые словари» [Балахонова 1983: 88].

Слова *самокрутка* и *самоходка* представлены в академических лексикографических источниках XX–XXI вв. В Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова лексема *самокрутка* дана с пометами «*обл.*», «*устар.*» и определена так: «вышедшая замуж украдкой, без воли родителей»; «брак против воли родителей, совершаемый тайком или увозом» [Ушаков 4: 35]. В толковании этой лексемы в четырехтомном Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой указано: «в дореволюционном быту: брак, совершенный тайком, против воли родителей». Функционирование данного слова в значении наречия «тайно, против воли родителей (выйти замуж)» иллюстрируется примером из повести «Детство» М. Горького, ср.: «Они боялись, что моя мать потребует приданого, назначенного ей, но удержанного дедом, потому что она вышла замуж самокруткой, против его воли» [МАС 4: 19]. Таким образом, слово *самокрутка* представлено как наименование, относящееся к истории, отражающее черты старинного быта. Данное слово отсутствует в ЯОС, вместе с тем оно использовано в толковании семантического диалектизма *отбой* «погоня родителей за самокруткой, чтобы отнять у похитителей дочь» [ЯОС 7: 61].

Лексемы *самокрутка* и *самоходка* включены в 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» с аналогичной формулировкой, их толкование в обеих словарных статьях предваряет указание хронологического характера. Слово *самокрутка* в значениях «в дореволюционное время – брак, совершаемый тайком, против воли родителей» и «женщина, вышедшая замуж тайно, против воли родителей» характеризуется уже как разговорное, здесь приводится и выражение *свадьба-самокрутка* с цитатой из романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах»: «Ведь он маменьку-то уходом свел, сам свадьбу-самокрутку играл». Зафиксировано и его употребление в значении наречия, в частности, в автобиографической трилогии М. Горького: «Отец и мать обвенчались самокруткой, ибо дед, конечно, не мог выдать свою любимую дочь за безродного человека» [БАС 13: 107]. Лексема *самоходка* с пометами «*устар.*» и «*прост.*» подана как просторечный синоним слова *самокрутка* в первом значении, т.е. «тайный брак» [БАС 13: 149].

В современном «Большом академическом словаре русского языка» лексема *самокрутка* приведена в тех же значениях, что и в БАСе, в толковании также присутствует указание «в дореволюционное время».

Лексема *самоходка* с дефиницией ‘брак, совершаемый без согласия родителей; невеста, выходящая замуж без согласия родителей’, объединившей два лексико-семантических варианта, снабжена пометой «устар.» и дана с отсылкой к соответствующим значениям слова *самокрутка* [БАСЗ 24: 311, 379]. Таким образом, в толковых словарях, созданных в течение столетия, меняется нормативно-стилистическая характеристика данных лексем, в настоящее время в литературном языке они расцениваются как устарелые, обозначающие явления прошлого. В народной речи они используются обычно в рассказах о былой жизни, о реалиях старого быта; ср. в вологодских говорах: *Анна на беседке с парнем познакомилась, а потом самокруткой за него вышла; Не захотела она за этого парня замуж выходить, ушла самокруткой к своему любимому в другую деревню* [СВГ 9: 89]; в пермских: *Я самокруткой замуж убежала, отец не отдавал дак* [Подюков 2004: 147]. Приведем и лексему *самокрутки*, которая в говорах Низовой Печоры является наименованием супругов, не венчанных в церкви [СРГНП 2: 247].

Рассматриваемые номинации, свойственные народной речи, присутствуют в произведениях русских писателей XIX–XXI вв. Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.И. Мельникова-Печерского, М. Горького, писателя-вологжанина В.И. Белова и других представителей «деревенской прозы». Так, особенности нижегородских говоров нашли отражение в произведениях М. Горького и П.И. Мельникова-Печерского, ср. в его романе «На горах», действие в котором происходит в нижегородском заволжье: «*И выкрали ее не из кельи, а на гулянке, опять же и всю эту самокрутку сам родитель для дурацкой, прости господи, потехи своей состряпал*»; или: «*Тогда мы с тобой от Чапурина удирали, а теперь он на себя все дело принял – я-де сам наперед знал про ту самокрутку, я-де сам и коней им наймовал...*» [Мельников-Печерский 5: 358, 390].

В русских народных говорах бытуют и другие слова и выражения, связанные с самовольным выходом замуж. В приведенных выше материалах лексикографических источников конца XIX века, в частности Е. Якушкина, присутствует наречие *убегом*. Данное слово в значении ‘тайно, без согласия родителей (выйти замуж, обвенчаться)’ широко распространено в русских диалектах [СРНГ 46: 114]; ср. в ярославских говорах: *И замуж вышла убегом* (Некр.) [ЯОС 10: 5]; в вятских: *Мы ведь незаконно живем, убегом женились. Сошлись, родители не знали, уехали. И вот век живем в любви* [ОСВГ 11: 134]; в сибирских говорах в выражении *уходить убегом*: *Кака посмелее, так убегом уходила* [СРНГ 48: 287], а также *увести бегом* в новгородских: *Каждый день, бывало, предлагали увести бегом* [СРНГ 46: 178]. Лексема *убег* ‘побег, бегство’ засвидетельствована в памятниках старорусской письменности XVI–XVII вв., причем нередко в форме *убегом*, т.е. в значении

наречия, ср. в Псковской летописи XVI в.: «Царь ординскеи... *убегомъ побеже*»; в документах конца XVII в. (показания иноков): «*Ис того монастыря вышель убегомъ с товарищи человекъ з десять*»; в материалах русско-монгольских отношений: «*Дети ушли убегом в дальни места*» [СРЯ XI–XVII вв. 30: 309].

В материалах В. Волоцкого, собранных в Ростовском уезде Ярославской губернии в самом конце XIX века, содержится Словарь ростовского говора, в который включено слово *увод* ‘женитьба на девице без согласия ее родителей’ со следующими иллюстрациями: *Уводом женился, а жену бьет; Родители не соглашались, так она уводом грозилась выйти* [Волоцкий 1902: 95]. Здесь, как видим, представлено выражение *уводом выйти* (замуж). В диалектах русского языка лексема *уводом* ‘без согласия родителей, убежав из дома или будучи увезенной силой (выйти замуж)’ употребляется в определенной ситуации, если речь идет о замужестве [Ховрина 2017: 370], например, в новгородских говорах: *Звал меня замуж уводом*; ср. в архангельских: *Я-то нет, не уводом* (вышла замуж), а также: *Уводом увели меня, а сестра свадьбой* [СРНГ 46: 179], в данном случае в народной речи обнаруживаем другое устойчивое сочетание *уводить (увести) уводом*, ср. в русских говорах Карелии: *Меня уводом уводили* [СРГК 6: 568].

Лексема *увод* зафиксирована в Материалах для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского в значении ‘похищение’ (?), причем оно сопровождается знаком вопроса и проиллюстрировано примером из «Повести временных лет»: «*Брака у них не бываше, но умыкиваху уводы девицы*» [Срезневский 3: 1122]. Подобное толкование слова *увод* с пометой «старин.» представлено в Словаре Академии Российской (1822 г.): «злоумышленное кого откуда уведение», сопровождаемое примером из Никоновской летописи: «*Умыкают бо уводы девицы в жены себе*». Здесь же, в следующей словарной статье дано слово *уводчик* – тот, «которой украдкой уводит» [САР 6: 863]. В обоих случаях в летописном тексте слово *увод* представлено в древнерусской форме тв. пад. мн. ч. *уводы* именного склонения с основой на *ѡ. Таким образом, в русских народных говорах бытует соответствующая ей форма ед. ч. *уводом*.

В Словаре ростовского говора В. Волоцкого включено и общенародное слово *уход*, зафиксированное в значении ‘тайный, без согласия родителей, выход замуж’ [Волоцкий 1902: 96]. Производное от него наречие *уходом* (ср. *уводом*) употребляется в русских говорах обычно в сочетании с глаголом *уходить*, если речь соответственно идет о выходе замуж тайно, без согласия родителей; ср. в русских говорах Низовой Печоры: *Замуж вздумала, уходом пошла, против воли отца; Тогда уходом уходили, увёз он меня на лошадах* [СРГНП 2: 388]; в архангельских: *Замуж, бывало, уходом уходили, прямо с вечеринки так и увезут, уйдёт от родителей и всё* [СРНГ 48: 287].

Выражение *уводить (увести) уходом* (как и *уводить уводом*) имеет и другое значение ‘взять девушку замуж без согласия родителей’, ср. в новгородских говорах: *Я уходом увёл свою, потом пошли прощения просить. Уходом увёл свою хозяйку-то; Сватал, сватал, да уходом меня и увёл* [СРНГ 46: 178, 291]. Приведем и употребление лексемы *уходом* в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах»: *«И одно за другим: Марья Гавриловна без бытности матушки сбежала, потом родная племянница замуж уходом ушла!..»*; *«Третье лето так прошло у нас, каждое лето пуще и пуще он ко мне приставал, бежала бы я с ним и уходом повенчалась, а я каждый раз все злее да злее насмехалась над ним»* [Мельников-Печерский 5: 224, 368]. Выражение *венчаться уходом*, т.е. без ведома родителей, свойственно народной речи. Представленное многообразие диалектных наименований, связанных с самовольным выходом замуж, женитьбой без благословения родителей, отражает отношение общества к определенным поступкам человека, нарушающим существующие традиции, обычаи, обряды русского народа.

Вторжение элементов энциклопедической разработки слов, сведений исторического характера присутствует в «Ярославском областном словаре» при описании лексики, относящейся к отдельным этапам свадебного обряда, при этом семантическая характеристика диалектных слов раскрывается в единстве их толкования и иллюстративного материала. Так, *пропой, пропойки, пропивашки* – это ‘застолье в доме невесты по случаю состоявшегося сватовства’: *Прпой сделали, теперь надо к свадьбе готовиться* (Рыб.); *Прпивашки устраивали богатые, гости на них пили, а невеста плакала* (Люб.) [ЯОС 8: 100]. Соответственно *пропивать невесту* – ‘в ознаменование сватовства устраивать в доме невесты застолье’: *После сговора пропивают невесту, делают пропойки* (Дан.) [ЯОСД 2: 216]. Подробное описание того, как проходили пропойки в Даниловском уезде Ярославской губернии, дано в исследовании А.Д. Титова: «В назначенный день пропоек приезжает к невесте жених со своими родственниками и привозит с собой угощенье, как-то: чай, сахар, пироги, студень, пиво, вино и проч. <...> Родители жениха раскладывают привезенные яства на столы и угощают родных невесты, но ни родные жениха, ни жених с невестой в это время за стол не садятся <...> Когда родные невесты угостятся, все вылезает из-за стола, а на их места садится женихова родня, в том числе и жених с невестой» [Титов 1929: 171].

Ряд дефиниций в ЯОС непосредственно начинается с формулировки «в свадебном обряде» или «часть свадебного обряда», например: *подвезиха* ‘в свадебном обряде – возница, кучер невесты’: *Подвезиха везёт невесту к венцу* (Б.-Сел.); *Жених посылает за невестой подвезиху* (Яр.); *Подвезиха правит лошадьми* (Тут.) [ЯОСД 2: 158]. *Гневить невесту (сговорёнку)* ‘в

свадебном обряде – доводить невесту до слез заунывными песнями и причитаниями, в которых говорится о тяжелой жизни в доме свекрови’: *Бывало, невесту гневили, дак плачѣт, плачѣт, да и полно* (Нек.) [ЯОСД 1: 153]. **Побывашки**: 1. ‘часть свадебного обряда – посещение женихом невесты после сговора’: *Жених приходит на побывашки, так как невесте после сговора никуда нельзя ходить* (Дан.); *Когда девушка просватана, она сидит дома, а жених приходит на побывашки* (Некр.); 2. ‘посещение новобрачными родителей молодой в первую неделю после свадьбы’: *Побывашки – гощение после свадьбы* (Нек.); *Побывашки – поездка молодых в дом невесты для через три-четыре после свадьбы* (Яр.) [ЯОСД 2: 153]. Приведем и описание некоторых фразеологизмов, связанных со свадебным обрядом: **пороть сваху** ‘шуточный свадебный обряд, при котором после символического избиения сваха получает от невесты подарок за сватовство’. Вот как это происходило в Переславском районе: *Потом идут пороть сваху, сосватавшую жениха с невестой, она бежит, кричит, молодая прекращает это – делает подарок свахе за сватовство* [ЯОСД 2: 192]. В приведенных словарных статьях этнокультурный компонент, присутствующий в толковании лексем, раскрывается и в иллюстрациях.

Рассмотренные материалы «Ярославского областного словаря», в которых зафиксирована лексика ярославских говоров XIX–XX вв., показывают, что семантическая характеристика отдельных классов лексики в диалектном словаре действительно требует включения в словарную статью сведений энциклопедического характера, исторической информации, прежде всего, если предметом лексикографического описания является лексика традиционной народной духовной культуры. Развернутое толкование наименований, связанных с прошлым, с обрядами, обычаями и бытом русского народа, является осознанным, необходимым и целесообразным приемом их семантизации. Сопоставление ярославских материалов с данными других региональных, а также исторических словарей русского языка позволяет воссоздать историю развития отдельных звеньев лексической системы русских народных говоров.

Литература

Балахонова Л.И. Лексика диалектного происхождения в современном русском литературном языке как объект лексикографии и лексикологии // Современная русская лексикография 1981. Л.: Наука, 1983. С. 79–90.

Большой академический словарь русского языка. Т. 24. Розница – Сверяться / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Наука, 2017. 670 с. – БАСЗ.

Волоцкий В. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора // Сб. ОРЯС. Т. 72. № 3. СПб., 1902. 115 с.

Копорский С.А. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения) // Труды Ярославского педагогического института. Т. 2, вып. 3. Ярославль: Ярославский пед. ин-т, 1929. 211 с.

Мельников-Печерский П.И. На горах // *Мельников П.И.* (Андрей Печерский). Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5–7. М.: Изд-во «Правда», 1976.

Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. 223 с. – КЯОС.

Областной словарь вятских говоров: в 12 вып. / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров, 2004–2018. – ОСВГ.

Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. 275 с.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. 198 с.

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. 360 с.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822. – САР.

Словарь вологодских говоров: в 12 вып. Вологда: ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007. – СВГ.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005. – СРГК.

Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003–2005. – СРГНП.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л.-СПб.: Наука, 1965–2021. – СРНГ. (издание продолжается)

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. – МАС.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 320 с. – СРЯ XI–XVII вв.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – БАС.

Сороколетов Ф.П. Диалектный словарь в системе словарей национального языка // *Сороколетов Ф.П.* Избранные труды. СПб.: Наука, 2011. С. 315–333.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893–1912.

Титов А.Д. Крестьянская свадьба Даниловского уезда Ярославской губ. (Песни, обычаи и обряды) // Ярославский край. Сб. II. Ярославль, 1929. С. 166–183.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Ховрина Т.К. Слово в диалектном словаре и историческом // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сб. статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2017. С. 365–371.

Якушкин Е. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896. 46 с.

Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1981–1991. – ЯОС.

Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – ЯОСД.

Khovrina Tatiana K.

Lexicographic fixation of a dialect word

The article is devoted to the semantic description of dialect words in the Yaroslavl regional dictionary, which records the vocabulary of Yaroslavl dialects of the XIX-XX centuries. The interpretation of dialect names, which reflect the features of folk spiritual culture, ancient life, is studied. The semantic characteristics of one-word nominations that do not have the corresponding literary equivalents and stable combinations associated with unauthorized marriage without parental consent are analysed. The dictionary definitions of tokens related to certain stages of the wedding ceremony are considered, in which there are elements of encyclopedic word development, historical information necessary for the lexicographic description of names of customs, realities, phenomena of the past. The materials of the Yaroslavl Regional Dictionary are compared with the data of other regional and historical dictionaries of the Russian language.

Keywords: dialect words, dialect lexicography, semantics, Yaroslavl regional dictionary, dictionary definition.

Шаповал Виктор Васильевич

Московский городской педагогический университет

Москва

shapovalvv@mgpu.ru

О военной лексике в севернорусском диалекте цыганского языка

Военная терминология в лексике бесписьменного языка народа, не имеющего своей государственности и бюрократии, оказывается древним и сложным компонентом словаря, сохраняющим сведения о прежних и иногда достаточно древних контактах. Примечательно сохранение в цыганском языке заметного списка слов индийского происхождения, относящихся к военной терминологии. Один из хорошо документированных диалектов цыганского языка дает интереснейшие примеры древних и новых лексических феноменов, относящихся к этой тематической группе. В случае попадания цыганского слова в словарь требуется тщательная проверка возможных источников. Специфика цыганского языка состоит в том, что практически каждый первоисточник имеет уникальный способ передачи цыганской фонетики, так что цитировать их следует с учетом этих особенностей. В противном случае плагиат выявляется довольно надежно. Например, в случае *харо* и *каро* 'меч' выявляются альтернативные прочтения записи латиницей *Charo*, так что ни о какой фонетике бытования в русском языке (жаргоне) здесь речи быть не может.

Ключевые слова: военная термины, цыганский, языковые контакты, древнее и новое в лексике.

Столетие со дня рождения Федора Павловича Сороколетова требует соответствующего контента. Поскольку его известнейшая монография посвящена истории военной лексики [Сороколетов 2009], в данной работе тоже будет рассмотрен именно этот лексический пласт. При этом главное внимание будет уделено собственно двум аспектам: а) исторический анализ военной лексики в бесписьменном языке народа, не имеющего своей государственности и армии; б) взаимодействие с русским и восточнославянским окружением при формировании пласта военной лексики по данным источников. Разумеется, в рамках статьи могут быть рассмотрены только некоторые частные примеры, однако они весьма показательны.

Прежде всего отметим, что отсутствие своей армии ни в коей мере не означает отсутствие контактов конкретного народа с военными структурами. В этом аспекте интересно мнение американского специалиста по цыганскому языку Яна Хэнкока (Jan Hancock, цыганское имя – Янко ле

Реджоско), которые он высказал на конференции в университете Беркли: «There is a remarkable number of words of Indian origin in Romany which are military words. That means they were there from the beginning, they weren't picked up along the way» [Hancock 2012] – ‘В цыганском языке есть примечательное количество слов индийского происхождения, которые являются военными терминами. Это означает, что они были в нем с самого начала, а не были подхвачены по пути’. Речь идет не о том, что в прежнее время цыгане были воинами. Армия сопровождалась огромным штатом поставщиков услуг, следовавших за нею и обеспечивших различные потребности. Кроме того, в прошлом путешествия требовали определенных мер защиты. Так что здесь могут быть разные трактовки, но наличие пласта военных терминов индийского происхождения во многих диалектах цыганского языка несомненно. Здесь мы обратим внимание также и на мобильный образ существования и на вспомогательный характер деятельности этих сопровождавших армию групп, среди которых могли быть и цыгане. Показательно, что в книге Ф.П. Сороколетова цыгане упоминаются только один раз в сходном контексте в связи с историей заимствования в русский язык тюркизма *табор* [Сороколетов 2009: 198].

Одна из старейших известная нам запись цыганской речи – это словарь, приведенный в книге о гетах или готах конца XVI в. Среди наследия потомков загадочных гетов-готов в главе о странствующих нубианах приведен небольшой цыганский словарь (цитируется по: [Kluge 1901: 113–115]). Среди военных терминов индийского происхождения там находим: «27. **Hanro** Ensis [меч обоюдоострый]». Этимология *xanřo* ‘сабля’ представлена в: [ЭСЦЯ 2023: 345]. Там же обобщены данные о распространении слова по диалектам. В севернорусском диалекте цыганского языка ожидалось бы *харо, но такое слово пока не засвидетельствовано. Как нам удалось доказать прежде: «Для пополнения ряда русских жаргонных словарей был использован неустановленный словарь немецкого криминального жаргона (Gaunersprache)» [Шаповал 2001: 26]. В этих словарях конца XX в. среди сомнительных цитат встретились слова *харо* и *каро* с толкованием ‘сабля’ и даже ‘меч’, однако книжный характер и искусственность всех этих фиксаций не вызывает сомнений [Шаповал 2008: 63–64]. Этот пример показателен в том аспекте, что для такого слабо изученного языка со сложным диалектным составом важно учитывать результаты источниковедческого и текстологического анализа, поскольку не всегда корректное цитирование может создавать лексикографические фантомы. При этом весьма важно учитывать то, что «уникальные цыганское слово» как объект лексикографического описания характеризуется прежде всего особенностями написания в первоисточнике, обусловленными авторским выбором системы графической фиксации. Это в

конечном счете зачастую создает ряд признаков, которые позволяют идентифицировать источник цитирования [Шаповал 2007: 59]. Смещение *к* и *х* в русском диалектном материале в принципе может быть фонетически обусловленным, например, у Даля: «Саховня?» ‘жареная говядина’, возм., «соковня?» [Шаповал 2009: 166]. Тот же корень *сок* в результате визуальной нейтрализации трансформировался в *сон* в забайкальском ‘мясо, имеющее сладковатый привкус’ [Аникин 2015: 131]. Однако в случае *харо* и *каро* перед нами альтернативные прочтения записи латиницей, и ни о какой фонетике бытования в русском языке (жаргоне) по этим данным речи быть не может.

Конечно, не все цыганизмы в русских словарях являются фантомами, но очень похоже, что цыганизмы в русских текстах характерны для весьма нестабильных и разнообразных вариантов речи билингвов или их соседей. Теряя подпитку от цыганского языка и образно воспринимаемую двуязычными говорящими внутреннюю форму, они довольно быстро забываются вне этого узкого круга. На концептуально важной оси социального моделирования в лексической системе цыганского языка противопоставление ‘своих’ и ‘чужих’ проявляется в оппозиции, где позитивно маркируются ‘свои’ (в данном случае цыгане) [Шаповал 1995: 164–165]. Этот маркер отделяет группу своих от прочих групп. Соответственно, «наши» всегда маркируются положительно, ср.: [Дьячок, Шаповал 1988: 55]. При этом выстраивается многослойная структура самоидентификации от семьи до этноса в целом, которое Хэнкок, приводя визуальную метафору, как-то сравнил с луковицей. Это внутреннее членение на этногруппы сложно и нестабильно [Шаповал 2020: 327–333]. Однако в целом ‘свои’ противопоставлены ‘чужим’. Производные от индийского самоназвания с корнями *ром-* ‘муж’ и *чхяв-* ‘сын’ этнические и социальные номинации образуют ядро социальной терминологии. Общие наименования чужих *гадже* ‘взрослые чужие’ и *раклэ* ‘потомки чужаков’ относятся к различным сообществам и сословиям, поэтому требуется дополнительная дифференциация, которая осуществляется как за счет исконной, так и заимствованной лексики. Среди обозначений чужих в севернорусском цыганском диалекте, как и в других близких диалектах, важный социальный термин *халадо* ‘может относиться как к ‘солдатам’, так и к ‘русским’ вообще. В данном случае внутренняя семантическая дифференциация прямо выводит нас на историзм *москаль* ‘военный; русский’. В языках бывших западных губерний Российской империи (польском, белорусском), а также в украинском и других местных языках бывшего польско-литовского государства это семантическое расщепление было широко употребительным. Цыганский язык в рассматриваемой территориальной версии, судя как по составу заимствований, так и по полонизованным моделям стандартной

адаптации свежих славянских заимствований, сформировался в зоне распространения польского языка.

Трудный из-за внутренней семантической дифференциации социальный термин *xalado* относится как к ‘солдатам’, так и к ‘русским’, а в поэме «Кровавые слезы» Брониславы Вайс (1908–1987), всемирно известной под именем Папуша, переносится на советских партизан (13 раз), на польских партизан (4 раза). При этом по необходимости и немецкие солдаты однажды именуется так же. Иногда контекст не позволяет развести возможные значения: *lačo xalado* ‘добрый солдат (партизан)’ или ‘добрый русский (советский)’ [Шаповал 2024: 166–167]. Разумеется, в таких случаях определения и более широкий контекст позволяют уточнять значение многозначного слова.

Двуязычие, заключающиеся в свободном владении как родным языком, так и языком окружающего населения, приводит к любопытному эффекту. Многие слова родного языка при переходе в речь на языке большинства трансформируется в результате сближения со сходными словами последнего. Для более детальной характеристики цыганско-русского билингвизма доступна в настоящее время перспективная по замыслу и интересная по содержанию работа. Это составленный К. Кожановым, А. Хадасевич, А. Черных и др. «Корпус русских текстов цыган». Его материал охватывает образцы русской речи носителей кэлдэрарского диалекта [Kozhanov et al. 2020]. Для многих других диалектов имеются пока только разрозненные единичные наблюдения.

В рамках двуязычных сообществ распространены разного рода мнемонические и народноэтимологические сближения. Они нередко становятся предметом для шуточного переосмысления и словесных игр. Например, невозможно доказать или опровергнуть весьма очевидную для билингвов связь между вышерассмотренным *халадо* и жаргонным *колодняк* ‘начальник милиции’ или вероятное семантическое обогащение слова *халдей* в жаргоне за счет сближения с цыганским *халадо* в вышеуказанных кругах говорящих [Шаповал 2001: 23–25]. Это как раз тот случай, когда ярко воспринимаемая языковая игра может поддерживаться в среде билингвов, но не имеет заметных шансов на более широкое бытование. Примечательной особенностью лексики, связанной с обозначениями военных, является семантический синкретизм, основанный на слабом различии людей в униформе внутри группы «служилых» людей. Разница между солдатом, полицейским и официантом, облаченными в униформу, для вольного жителя мира сводится только к уровню потенциальной угрозы, от каждого из них исходящей. В дополнение к выше приведенному примеру вероятной нейтрализации такого рода приведем свидетельство пока не изданного рукописного словаря конца XVIII в. Латинское *Miles* ‘воин’ и венгерское

Katona ‘солдат’ передано лексическими средствами данного диалекта следующим образом: *Singálo* [шинга:ло] ‘конный жандарм’ (назван так по рогатой шапке, от цыганского *мынг* ‘рог’), *Szlugagyis* [слугадис] ‘слуга’ (заимствовано из славянского), *Katanasisz* [катанашис] ‘военный’ (от венгерского наименования солдата) [Farkas (sine anno): 89, 90 (m69)]. Как видим, характерное для цыган первичное объединение всех «служивых», облаченных в униформу, в общую категорию было отражено и в словаре конца XVIII в.

Последний аспект, который будет затронут, это проблемы истории военной лексики в цыганских диалектах. Даже при условии длительной и репрезентативной документации заметная часть терминов оказываются либо трудными для этимологизации, либо трудно объяснимыми с точки зрения лингвистической географии, как, например, латышское цыганское *фандари* ‘пехотинец’, восходящее через греческое посредство к латинизму *инфантерия*. Это почти невероятный маршрут. Однако и более свежие заимствования в области военной терминологии, а не только исконные слова представляют значительную трудность. Проблема верификации словарных данных в данном случае становится критичной, поскольку наблюдается значительная неопределенность как в области известных вариантов словаря-реципиента (цыганского), так и в области возможных языков-источников, поскольку все потенциальные контакты обычно трудно учесть.

Литература

Аникин А.Е. Критико-этимологические этюды: примеры недоразумений, неточностей и фальсификации в русской диалектной этимологии и лексикологии // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 129–137.

Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Русские арготические этимологии // Русская лексика в историческом развитии. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1988. С. 52–60.

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) / Отв. ред. Ф.П. Филин. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.

Шаповал В.В. «Свое» и «чужое» с точки зрения носителя цыганского языка // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции. В.П. Нерознак (отв. ред.). М.: [без изд-ва], 1995. С. 164–165.

Шаповал В.В. Текст источника как объект анализа для филолога и историка. М.: Прометей, 2001. 32 с.

Шаповал В.В. О некоторых ошибках в современных жаргонных словарях // Вопросы филологии. 2007. № 1 (25). С. 55–61.

Шаповал В.В. Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 49–77.

Шаповал В.В. В.И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 158–181.

Шаповал В.В. Внутренняя структура этноса в представлениях советских просветителей 1926–1938 гг.: цыгане-рома // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов. М.: Книгодел, 2020. С. 327–333.

Шаповал В.В. Вербальная модель социума в поэме цыганки середины XX века // Язык – текст – дискурс: функционально-семантический и структурный аспекты. сборник научных статей по материалам международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения профессора Дмитрия Ивановича Алексеева (1918–1988) и 100-летию со дня рождения профессора Елены Сергеевны Скобликовой (1924–2016). Самара, 2024. С. 163–168.

Ослон М.В., Кожанов К.А. Этимологический словарь цыганского языка (общецыганская лексика) Черновик: 10.09.2021. URL: romanes.org/pub/ЭСЦЯ.pdf (дата обращения – 26.08.2024). – ЭСЦЯ.

Farkas, Mihály-Vistai. Vocabularium Zingarico–Latinum et Hungaricum. Quod fieri fecit curiositatis caussa Michael Pap Szatmári. Per Michaellem Farkas, alias Vistai natum Zingarum. Collegii nostri per aliquot annos civem togatum. Cluj, [sine anno], 166 p. (BCUCLUJ_FCS_MS370) [Manuscript].

Hancock Ian. Keynote Address at Romani Studies Conference, UC Berkeley. Jan. 9, 2012. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=NTsqiP196Uw> (дата обращения – 08.08.2024).

Kluge F. Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprache von Friedrich Kluge, Prof. an der Universität Freiburg i. B. I. Rotwelsches Quellenbuch. Strassburg, 1901. [репринт: Berlin – N.Y., 1987]. XVI, 519 S.

Kozhanov K., Khadasevich A., Chernykh A. Corpus of Russian spoken by Roma. 2020. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: <http://lingconlab.ru/romarus/> (дата обращения – 26.08.2024).

Shapoval Viktor V.

On military vocabulary in the North Russian dialect of the Romani language

Military terminology in the vocabulary of an unwritten language spoken by a people having neither their own state nor bureaucracy occurred to be an ancient and complex component of the lexis, preserving information about previous and sometimes quite ancient contacts. It is noteworthy that the Romani language

retains a significant list of words of Indian origin related to military terminology. One of the well-documented dialects of the Romani language provides interesting examples of ancient and new lexical phenomena related to this thematic group. If a Romani word gets into a dictionary, a thorough check of possible sources is absolutely required. The specificity of the Romani language is that almost every primary source or description has a unique system of coding for Romani phonetics, so they should be cited taking these features into account. Otherwise, plagiarism is detected quite reliably. For example, in the case of *xaro* and *karo* 'sword', two alternative readings of the entry in the Latin alphabet *Charo* are detected, so there can be no talk of any real phonetics and use of these words in the Russian language (slang).

Keywords: military terms, Romani, language contacts, ancient and new items in the vocabulary.

Научное издание

Диалектная лексика–2024
К 100-летию со дня рождения Ф.П. Сороколетова

*Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН*

Оригинал-макет: О.Н. Крылова

Подписано в печать 26.12.2024.
Формат 60х90/16. Тираж 300 экз. 16,25 усл.-печ. л.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
iliran@mail.ru
<https://iling.spb.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона» 190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного
канала, д. 199